

2078-8975 (PRINT)
2078-8983 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State
University

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta

TOM 24 № 6
2022

Вестник Кемеровского государственного университета = The Bulletin of Kemerovo State University

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 6 раз в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область –Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 4109; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://vestnik.kemsu.ru>

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Editorial Office Address: off. 4109, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Серый Андрей Викторович, главный редактор (КемГУ)
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
avgrey@yahoo.com

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь (КемГУ)
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary
vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора по направлению «История» (КемГУ)
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History
vasutin2012@list.ru

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению «Филология» (КемГУ)
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary Studies
tatianakuznetsova86@mail.ru

Вестник Кемеровского государственного университета – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии, литературоведения и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Andrey V. Seryu, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.),
Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey A. Vasyutin, Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.
(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Alexander E. Anikin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Member of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladimir V. Bobrov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).
Galina A. Zhilicheva, Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk
State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Vasily P. Zinoviev, Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).
Yuriy V. Kobenko, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk
Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).
Vladimir N. Kolotov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg,
Russia).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Экстер, Великобритания).
Ekaterina Kolpinskaya, PhD in Politics,
Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).
Ilya V. Kuznetsov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk,
Russia).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Oleg V. Lukyanov, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk
State University (Tomsk, Russia).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).
Galina I. Lushnikova, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Humanities and Education Science Academy (branch)
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Yalta, Russia).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalia V. Melnik, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).
Anastasiya V. Miklyaeva, Dr.Sci.(Psychol.), Assoc.
Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск,
Россия).
Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Member of the RAS, Institute of Archeology and
Ethnography of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, literature studies and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalya V. Nalegach, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University
(Czestochowa, Poland).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Институт иностранных
языков (Санкт-Петербург, Россия).
Marina V. Pimenova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Institute
of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Sergey G. Proskurin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Zoya I. Rezanova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).
Svetlana V. Rudakova, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).
Vladimir P. Serkin, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher
School of Economics (Moscow, Russia).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Oleg E. Terekhov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Valeriy I. Tyupa, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State
University for the Humanities (Moscow, Russia).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Elena V. Khakhalkina, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof.
of Department for Continuing Education,
University of Oxford (Oxford, GB).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).
Alexander V. Shunkov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture
(Kemerovo, Russia).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D.(Hist.), Prof.,
Mongolian University of Science and Technology
(Ulan Bator, Mongolia).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).
Andrey V. Yurevich, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Corresponding Member of the RAS, Institute
of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Литературные редакторы – Е. А. Печёнкина, Л. С. Старикова.
Корректор – Л. С. Старикова.
Литературный редактор (английский язык) – Н. В. Рабкина.
Верстка и дизайн – Н. В. Митько.

Literary editors – E. A. Pechenkina, L. S. Starikova.
Proof-reader – L. S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – N. V. Rabkina.
Layout and design – N. V. Mitko.

Уважаемые читатели и авторы!

Лингвистические статьи данного номера в совокупности поднимают важный вопрос национального языкового самосознания.

В разделе **Когнитивная лингвистика** представлены описания базовых концептов ментального мира человека. Авторские публикации отличаются индивидуальным контекстом исследования. Лингвокультурный контекст актуализирован в статьях М. В. Румянцевой, Ю. В. Вайрах, Ю. В. Вайрах и Г. О. Ибраимовой. Представленный исследователями подход к интерпретации концептов отражает национальную специфику видения мира, взаимодействие языка и мышления. Лексико-графический контекст разных хронологических этапов описания концепта демонстрирует его эволюционное содержание (публикация Л. А. Бушуевой). Следовательно, с одной стороны, авторов присланных статей объединяет научный интерес к понятию концепт, рассматриваемый как ключевая и знаковая единица культуры; с другой – их исследования отличаются разноаспектным характером изучения объекта.

Раздел **Междисциплинарные и сравнительные исследования языка** включает обзорную статью Н. Д. Голева. Исследование автора сопряжено с актуальными запросами науки о поиске новых оригинальных методов и идей изучения языка. Таким средством исследования естественного языка, предлагаемым автором, является машинный перевод, выделяемый в рамках транслятивной лингвистики (термин Н. Д. Голева). Апелляция к программам искусственного интеллекта является оригинальным, новаторским способом описания функционирования естественных языков, их особенностей. В этой связи исследование автора открывает возможности и перспективы для дальнейших лингвистических изысканий. Сравнительному и сопоставительному анализу лексики посвящены статьи А. Р. Багдасарова и А. А. Быченко, А. В. Колмогоровой и А. В. Маликовой, А. Г. Смирновой и Г. С. Климовой. Представлены корреляции тождеств и различий в хорватском и сербском языках, объективных и субъективных факторах эмоционального восприятия текста тувинско-русскими билингвами, ассоциациях на слово-стимул русских и немецких респондентов. В результате проведенных экспериментов и наблюдений авторы отмечают некоторые сходства и различия в сопоставляемых языках, восприятии текстового материала, что в свою очередь отражает практическую значимость исследований.

В разделе **Личностные ресурсы жизнеосуществления** представлены статьи, посвященные психологическим феноменам, определяющим потенциал личности человека в различных сферах реализации его жизнедеятельности. Д. Ю. Баланев, П. Р. Тютюнников и Д. А. Кох поднимают актуальную в отечественной психологии тему сенсомоторной активности как одной из форм проявления когнитивного ресурса и фактора, оказывающего положительное влияние на его развитие и применение человеком. В обзорной статье Е. П. Белинской проведен анализ динамики становления и развития проблематики совладания с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков на материале зарубежных и отечественных исследований психологии. В результате теоретического обзора автор определяет основные современные тренды, характеризующие исследовательское поле. В статье В. П. Дзвоник в качестве ресурса осуществления будущей профессиональной деятельности студентов-журналистов исследуется эмоциональная готовность, во многом определяющая качество итогового контента и коммуникацию в профессиональной среде типа человек – человек. Темпоральным характеристикам личности, обуславливающим особенности поведения человека в различных жизненных ситуациях, посвящены статьи Е. Ю. Кольчик «Особенности копинг-стратегий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, с различным восприятием временной перспективы» и М. В. Репина и Д. Н. Долганова «Контролируемое будущее как фактор интенциональности человеческого поведения». Н. В. Коптева рассматривает в своей статье проблему интернет-зависимости как способа развоплощенного бытия, соотнося традиционную симптоматику аддикций со слабостью расколотого Я человека, связанного с развоплощением (виртуализацией и дереализацией Я пользователя, переживанием иллюзорности существования). В статье С. Н. Сорокоумовой и Н. И. Дунаевой в качестве факторов, детерминирующих сопротивляемость личности подростков, старшеклассников и студентов трудным жизненным ситуациям, исследуются ценностные ориентации личности.

Следует отметить, что рассматриваемая авторами публикаций проблематика отражает достаточно широкий спектр жизненных задач человека в текущей социальной ситуации и актуализирует исследование различных характеристик личности как факторов, определяющих психологическое благополучие человека в различных областях психологической науки.

Редакция журнала благодарит авторов за отправленные публикации. Приглашаем к сотрудничеству исследователей, научные интересы которых связаны с актуальными проблемами науки в области филологии, психологии и истории.

Серый Андрей Викторович
главный редактор,
д-р психол. наук, проф., проф. кафедры психологических наук
Кемеровского государственного университета

Сатучина Татьяна Юрьевна
ответственный редактор по направлению «Филология»,
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Кемеровского государственного университета

ЛИНГВИСТИКА**Когнитивная лингвистика**

- Языковая экспликация фрейма поступка *измена в любви* в лексико-семантической системе русского языка
Бушueva А. А. 669

- Образно-метафорический слой макроконцепта *род* (на материале паремий тематической группы *род – племя*)
Вайрах Ю. В. 678

- Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов *Род* и *Макошь*
Вайрах Ю. В., Ибраимова Г. О. 686

- Концепт *мысль* сквозь призму культурных кодов (на материале казахской художественной литературы)
Румянцев М. В. 696

Междисциплинарные и сравнительные исследования языка

- Некоторые аспекты корреляции сходств и различий в хорватском и сербском языках
Багдасаров А. Р., Быченко А. А. 706

- Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода
Голев Н. Д. 717

- Субъективные и объективные факторы билингвизма в эмоциональном восприятии текста (на материале тувинско-русского билингвизма)
Колмогорова А. В., Маликова А. В. 735

- Сравнительный анализ ассоциативных полей *безопасность* и *Sicherheit* в репрезентации носителей русского и немецкого языков
Смирнова А. Г., Климова Г. С. 744

ПСИХОЛОГИЯ**Личностные ресурсы жизнеосуществления**

- Сенсомоторная активность человека как фактор развития когнитивного ресурса
Баланев Д. Ю., Тютюнников П. Р., Кох Д. А. 752

- Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды
Белинская Е. П. 760

- Эмоциональная готовность студентов-журналистов к профессиональной деятельности на разных этапах обучения в вузе
Дзвоник В. П. 772

- Особенности копинг-стратегий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, с различным восприятием временной перспективы
Кольчик Е. Ю. 778

- Интернет-зависимость как способ развоплощенного бытия
Коптева Н. В. 785

- Контролируемое будущее как фактор интенциональности человеческого поведения
Репин М. В., Долганов Д. Н. 793

- Изучение сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов трудным жизненным ситуациям
Сорокоумова С. Н., Дунаева Н. И. 802

- Указатель статей, изданных в 2022 г. в журнале «Вестник КемГУ» 809

LINGUISTICS

Cognitive Linguistics

The Frame of *Love Affair* and Its Representation in the Lexico-Semantic System of the Russian Language

Bushueva L. A. 669

Macro-Concept of *Kin* in Proverbs about *Kin* and *Tribe*: Figurative-Metaphorical Layer

Vayrakh Yu. V. 678

Macro-Concepts of *Rod* and *Makosh*: A Comparative Analysis of Motivating Signs

Vayrakh Yu. V., Ibraimova G. O. 687

The Concept of *Thought* from the Perspective of Cultural Codes in Kazakh Fiction

Rumyantseva M. V. 696

Interdisciplinary and Comparative Linguistics

Correlation of Similarities and Differences in the Croatian and Serbian Languages

Bagdasarov A. R., Bychenko A. A. 706

Translative Linguistics: an Aspectualized Review of Initial Provisions.

Part 1. Gnoseology of Translation

Golev N. D. 717

Subjective and Objective Factors of Bilingualism in the Emotional Text Comprehension in Tuvan-Russian Bilinguals

Kolmogorova A. V., Malikova A. V. 735

Comparative Analysis of Associative Fields *Safety* and *Sicherheit* in the Representation of Russian and German Speakers

Smirnova A. G., Klimova G. S. 744

PSYCHOLOGY

Personal Resources of Life Fulfilment

Human Sensorimotor Activity as a Factor of Cognitive Resource Development

Balaney D. Yu., Tyutyunnikov P. R., Kokh D. A. 752

Coping in Times of Uncertainty and Global Risks: The Main Research Trends

Belinskaya E. P. 760

Professional Emotional Readiness in Future Journalists at Different Stages of University Education

Dzvonik V. P. 772

Copying Strategies in People with Different Time Perspectives

Kolchik E. Yu. 778

Internet Addiction as a Mode of Disembodied Existence

Kopteva N. V. 785

Controlled Future as a Factor of Human Behavior Intentionality

Repin M. V., Dolganov D. N. 793

Resistance to Adversities in Teenagers, High School Students, and University Students

Sorokoumova S. N., Dunaeva N. I. 802

Index of articles published in 2022 in the journal "Bulletin of Kemerovo State University" 813

оригинальная статья

Языковая экспликация фрейма поступка *измена в любви* в лексико-семантической системе русского языка

Бушуева Людмила Александровна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,

Россия, Нижний Новгород

<https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>

sebeleva@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.03.2022. Принята после рецензирования 22.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Представлена языковая экспликация фрейма *измена в любви* в лексико-семантической системе русского языка. Исследование проведено на материале русских этимологических, толковых, словообразовательных словарей, словарей синонимов, антонимов. Определены признаки данного концепта на основе анализа парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей лексем-репрезентантов концепта и их дериватов. В статье показано, что совокупность представлений о ситуации поступка, именуемого *измена в любви*, репрезентирована с помощью ментальных единиц (слотов). Основные составляющие фрейма: мотив поступка, действие как проявление поступка, агент, контрагент, пациент поступка, оценка, результат поступка. Цель – показать, каким образом лексемы, вербализующие поступок *измена в любви*, репрезентируют данную логико-когнитивную модель поступка, его фрейм. Обнаружены характерные признаки всех элементов рассматриваемой ситуации, показано, что данные элементы взаимосвязаны между собой и характеризуют различные аспекты ситуации поступка *измена в любви*. Сделан вывод о смысловом объеме концепта *измена в любви* в русской национальной концептосфере: в основе поступка лежит отказ от прежних убеждений, чувств; поступок заключается в замене прежнего иным; агент нарушает верность в любви; поступок оценивается как нарушающий моральный закон, коварный. Фрейм рассматриваемого концепта вербализован в виде слотов: 1) агент поступка, его свойства (*изменник, изменница, изменщик, изменица, прелюбодей, прелюбодейка*) – коварный человек, состоящий в законной связи с другим человеком; 2) действие как проявление поступка (*изменять, прелюбодействовать*) – обманное, совершаемое тайно, заключается в нарушении верности и перемене партнера; 3) оценка поступка, агента поступка (*изменнический, изменнически, неверный, неверная, прелюбодейный*) – отрицательная. Также выделяется несколько слотов, которые не находят вербального выражения, однако актуализированы в иллюстративных примерах большинства словарей и эксплицированы в стандартных сочетаниях ключевых лексем: 1) пациент поступка – человек, с которым агент поступка состоит в отношениях / браке; 2) контрагент поступка – человек, с которым агент поступка вступает в незаконную (с точки зрения морали, общественных норм) связь; 3) результат поступка – существует всегда, определяется в зависимости от конкретной ситуации.

Ключевые слова: категоризация, концепт, фрейм, слот, когнитивные признаки, *измена в любви*

Цитирование: Бушуева Л. А. Языковая экспликация фрейма поступка *измена в любви* в лексико-семантической системе русского языка. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 669–677. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-669-677>

full article

The Frame of *Love Affair* and Its Representation in the Lexico-Semantic System of the Russian Language

Lyudmila A. Bushueva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod

<https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>

sebeleva@yandex.ru

Received 10 Mar 2022. Accepted after peer review 22 Apr 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The article analyses the means of linguistic explication of the frame *love affair* in the Russian language. The data came from Russian etymological, explanatory, and derivational dictionaries. The concept was described through the paradigmatic, syntagmatic, and derivational peculiarities of the words that represent the concept. The concept was reconstructed as a frame

with the following slots: aim, action, agent, counter-agent, patient, evaluation, and result. The aim of the research was to show how the words that name the act of *love affair* represent this cognitive frame model. The act of *love affair* proved to reject previous beliefs and feelings while replacing the former with the other. The agent violates fidelity in love, which is evaluated as violating the moral law. The frame is verbalized as the following slots: 1) the agent (*traitor, cheater, adulterer/adulteress*) is an insidious person who is in a legal relationship with the patient; 2) the act (*to cheat on somebody, to commit adultery*) is committed in secret and includes marital unfaithfulness and a change of partner; 3) the evaluation of the act and the agent (*treacherous, unfaithful, adulterous*) is negative. Several slots had no verbal expression but could be explicated from idioms and examples: 1) the patient is the spouse of the agent; 2) the counter-agent is the person the agent enters into an illegal relationship; 3) the result depends on the particular situation.

Keywords: categorization, concept, frame, slot, cognitive features, love affair

Citation: Bushueva L. A. The Frame of *Love Affair* and Its Representation in the Lexico-Semantic System of the Russian Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 669–677. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-669-677>

Введение

В процессе познания мира человек получает и фиксирует в сознании информацию в виде различных структур, одной из которых является категория. Категоризация позволяет оформить, систематизировать многообразие явлений окружающего мира и человеческих ощущений, придать действительности упорядоченный характер, свести полученную из внешнего мира информацию в определенные рубрики [1].

По словам Е. С. Кубряковой, категоризация – «это главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, как-то систематизировать и, главное, рассортировать увиденное, услышанное и т. п.» [2, с. 25], чем и определяется ее значимость. Человеческая память устроена так, что хранящиеся в ней языковые элементы упорядочены определенным образом, при этом языковые категории выступают основанием такого упорядочения. Поступающая извне информация, в том числе в языковой форме, должна быть структурирована, чтобы стать частью сознания [3, с. 46]. Одной из задач языкознания является изучение того, каким образом «языковое сознание расчленяет действительность на отдельные» [4, с. 201].

Способами представления знаний служат когнитивные структуры, например, концепты, фреймы, схемы, скрипты и т. д. Одно и то же явление или действие может быть концептуализировано в виде разных структур: как в виде концепта, так и в виде фрейма.

Понятие *фрейм* было введено М. Минским для обозначения структур данных, которые репрезентируют стереотипные ситуации: фрейм – экономный способ передачи информации, который ускоряет процесс ее обработки, т. к. наряду с явными содержит и скрытые, подразумеваемые сведения [5]. Любой вид человеческой деятельности *фреймируется* общепринятыми правилами. Опираясь на эти правила, базовые схемы восприятия, человек осознает последовательность действий в той или иной ситуации. Согласно концепции М. Минского, процесс мышления человека основан на наличии в его памяти большого количества разнообразных фреймов, из которого в зависимости от ситуации отбирается соответствующий [по: 6, с. 14].

Лингвисты также обращают внимание на то, что фрейм как структура опыта и знаний представляет действительность в упорядоченном, стандартизированном, упрощенном виде [7, с. 16; 8, с. 241]. При распознавании объектов и явлений действительности сознание человека опирается на наиболее выделяющиеся элементы, прототипы, вокруг которых группируются все остальные входящие в ту или иную категорию объекты [9; 10].

Данная статья посвящена особенностям категоризации знаний о поступках в терминах теории фреймов. Несомненно, поступок имеет концептуальную природу: поступки обсуждают, им дают оценки, поступок соединяет человека с внешним миром, воплощает его мотивы и потребности. Поступки человека представляют собой концепты, принадлежащие миру человека, поскольку они имеют прямое отношение к его жизни, его духу и разуму (подробнее о поступках см. [11]). Подобные концепты неизбежно являются «культурно обусловленными, поскольку они несут на себе отпечаток мировидения соответствующего социума» [12, с. 33]. В таком случае концепт соотносится с фреймом: фрейм систематизирует знания о фрагменте действительности, с которым связывается данный концепт.

Концепт *измена в любви* впервые исследуется на материале русского языка, реконструируется фреймовая структура данного концепта на основании поаспектного лексико-семантического анализа. Новизна исследования, таким образом, обуславливается включением в исследовательское поле нового предмета и материала для научного анализа, а также применением методики фреймового моделирования к анализу данного концепта. В работе впервые предпринято описание смыслового наполнения концепта *измена в любви* и его языковой репрезентации в аспекте лингвокогнитивного подхода к анализу значимых феноменов национальной культуры.

Концепты, содержание которых составляют нормы поведения, регулятивные концепты [13; 14], значимы для понимания лингвокультурной специфики языкового освоения мира. В этом плане интерес представляет

концепт *измена в любви*, который можно отнести к концептам, в содержании которых зафиксированы нормы и предписания применительно к определенным ситуациям.

В языке поступки представлены именами существительными и глаголами: *предательство, предавать, измена, изменить* и др. Лексика, обозначающая поступок *измена в любви*, исследовалась ранее в следующих аспектах: на материале диалектной лексики [15]; на материале русских народных говоров [16]; как скрипт типичной жизненной ситуации [17]; эвфемистические единицы, актуализирующие измену в любви [18].

Объектом данного исследования являются лексемы русского языка, репрезентирующие концепт *измена в любви*, и совокупность однокоренных с ними слов. Словообразовательное гнездо с именем поступка рассматривается как целостный репрезентант поступка, поскольку наиболее эксплицитно связь близких понятий обнаруживается в составе словообразовательных гнезд. Такой подход позволяет изучить поступок как многослойное образование, мыслимое в «оболочках» разных категорий – сущностей, качеств, процессов. Предмет – фреймовая структура концепта *измена в любви*.

Основная исследовательская гипотеза заключается в том, что лексемы, обозначающие поступки, обнаруживают общие категориальные компоненты в своей семантике (подробнее см. [11]) и имеют фреймовую организацию.

Цель исследования заключается в выявлении характера категоризации знаний о поступке *измена в любви* и построении на этой основе лингвокогнитивной модели поступка. Задачи: 1) выявить когнитивные признаки концепта *измена в любви* на основе анализа лексикографических источников русского языка и установить смысловой объем данного концепта; 2) реконструировать фреймовую структуру рассматриваемого поступка и выявить содержание узлов фрейма по результатам лексико-семантического анализа.

Методы и материалы

Эмпирическую базу образуют лексемы (имена и глаголы) со значением ‘измена в любви’ и деривационно связанные с ними 13 лексических единиц русского языка: *изменник, изменница, изменщик, изменщица, изменять, изменнический, изменнически, прелюбодей, прелюбодейка, прелюбодействовать, прелюбодейный, неверный, неверная*.

Источниками материала для данного исследования послужили данные этимологических, толковых, синонимических, антонимических, словообразовательных словарей русского языка.

Обращение к толковым словарям разных периодов развития русского языка объясняется природой концепта: являясь инвариантно-вариантным образованием, концепт требует изучения возможной эволюции его концептуального содержания. Бесспорным является факт, что даже за очень короткий промежуток времени на всех уровнях языка происходят определенные изменения. Материалом

для диахронического анализа стали словари, хронологический период которых варьируется от XVII–XVIII до начала XXI в. Данные словарей синонимов и антонимов призваны уточнить когнитивные признаки, выявленные посредством анализа толковых словарей. Использование материала этимологических словарей необходимо для описания концептуального содержания того или иного концепта. Словообразовательный словарь русского языка А. Н. Тихонова использовался в исследовании для выявления словообразовательных гнезд, в которые входят имена рассматриваемого поступка.

Как основополагающие работы в области лингвистики рассматриваются труды А. Н. Баранова, Е. Г. Беляевской, Н. Н. Болдырева, Е. И. Головановой, М. Джонсона, В. Доброшевского, В. И. Карасика, Е. В. Кашкина, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, О. Н. Ляшевской, М. Минского, Н. С. Молчановой, Е. А. Селивановой и др.

Отбор языкового материала, составившего эмпирическую базу исследования, проведен методом дефиниционного анализа лексикографических толкований. Для решения задачи моделирования фрейма рассматриваемого поступка (единицы ментального уровня) применяются такие методические процедуры, как анализ языковой (словарной) семантики слов; анализ парадигматических сближений (синонимия); анализ деривационных (словообразовательных) связей; анализ синтагматических свойств (непосредственной сочетаемости). Выбор данных методических процедур объясняется тем, что системно-языковые данные (лексические значения слов, их синонимические и словообразовательные связи) позволяют выявить основные, закрепленные общественной конвенцией элементы фреймовой структуры изучаемого понятия, воссоздать каркас соответствующего фрейма. Семантический анализ, направленный на выявление элементов значения знака, является необходимым преддверием к концептуальному анализу.

Результаты

Языковая (словарная) семантика слов концепта *измена в любви*

В русском языке поступок *измена в любви* репрезентирован лексемами *измена, изменник, изменница, изменять, изменнический, изменнически, прелюбодеяние, прелюбодей, прелюбодействовать, неверность, неверный*.

Концепт *измена в любви* в русском национальном сознании является одним из значимых этических концептов. Верность и преданность как категории морали трудно поддаются описанию и традиционно соотносятся с категориями достоинства и благородства. Особенности русского культурно-исторического отношения к измене (прелюбодеянию) как нарушению верности определяются в контексте замысла Божьего, который в христианской культуре выражен в Десяти заповедях. Согласно Библии, эти заповеди были открыты Моисею на горе Синай на двух скрижалях. В одной из заповедей сказано – *Не прелюбодействуй*.

Измена называется грехом в Ветхом и Новом заветах. В Ветхом Завете виновной в прелюбодеянии считается любая замужняя женщина, вступившая в связь с другим человеком. То же самое относится к любому женатому мужчине, имевшему интимные отношения с женой другого мужчины. Прелюбодеяние осуждается: наиболее наглядно это выражено в Притчах 5:1–23 и 6:20–7:27, где для демонстрации опасностей и полнейшего безрассудства прелюбодеяния используются образы физических страданий, ловушек и смерти¹.

Таким образом, возможность измены зарождается в человеке тогда, когда он позволяет себе переступить черту Божьего закона, совершить грех. В русской лексикографии, отражающей состояние русского языка XVII и XIX вв., на первом месте для слова *неверный* стоит религиозное значение. Ср.: «исповедующий иную веру; не признающий христианского вероучения»²; «непросвещенный божественным учением, христианским благочестием; не исповедующий христианской веры»³. В Толковом словаре русского языка В. И. Даля это значение еще сохраняется: «не исповедующий истинной, чистой веры, непросвещенной словом Божиим, не христианин»⁴, хотя приводится не в первую очередь. В современных толковых словарях это значение не встречается вовсе или приводится как устаревшее: «8. тот, кто исповедует чужую (по сравнению с чьей-либо) веру, иную религию»⁵.

Описание концептуального содержания того или иного концепта требует обращения к данным, извлеченным из анализа его этимологии. В словаре М. Фасмера *прелюбодеяние* связывается с глаголами *прелюбодеять*, *прелюбодействовать*, которые заимствованы из ст.-слав. *прѣлюбы дѣяти* (любы – любовь)⁶, где приставка *пре-* в значении ‘через’ обозначает незаконную связь, преступное действие (переступить через закон) под влиянием любовного влечения. В Писании слово *прелюбодеяние* использовалось не только в значении любовной связи, но и относительно пристрастия к идолам.

Г. А. Крылов в этимологическом словаре возводит слово *измена* к старославянскому глаголу *измѣнити* (изменять), образованному от *мѣнити* (изменять), восходящему

к существительному *мѣна* (замена)⁷. Мы можем выделить идею замещения одного другим, получение другого, отличного от того, что имел. В отличие от предательства, в измене важен не только отказ от того, чем обладал, но и приобретение нового.

Рассмотрим, отражают ли словарные толкования составляющие, заложенные во внутренней форме данного концепта. Примечательно, что в Словаре Академии Российской 1809 г. первое значение лексемы *измена* выражает именно идею обмена одного на другое: «1. вещь в замену чего служащая»⁸. И в русском языке XVIII в. значение, связанное с изменением, является первостепенным для измены: «измѣна – 1. перемена, изменение; 2. нарушение верности кому-, чему-либо, предательство»; «измѣнить – 1. сделать иным, не таким, как раньше; переменить»⁹. Значение, близкое современному, приводится вторым: «измена – 2. нарушение верности к кому; 3. то же, что перемена, или произведение». Данное значение является единственным для номинаций субъекта измены: «изменник, изменница – нарушитель данной присяги, обещания, или должной к кому верности»¹⁰.

Значимо, что *неверность* в данном словаре толкуется в соотношении с понятием *совесть*: «неверность – 3. неискренность, нечистосердечность, поступки против совести. *Неверность друга. Неверность супружняя*»¹¹. В. И. Даль определяет *совесть* так: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и истине»¹². Совесть – это некий внутренний судья, который наблюдает за человеком и его поступками и грозит расплатой за деяния, противоречащие закону, в первую очередь нравственному.

В начале XIX в. слово *прелюбодеяние* характеризовалось богатыми словообразовательными возможностями. В Словаре Академии Российской 1809 г. представлены лексемы *прелюбоденство*, *прелюбодеяц*, *прелюбодейничать*, которые имеют эквиваленты в современном русском языке

¹ Словарь библейский образов, ред. А. Райкен, Д. Уилхейт, Т. Лонгман. СПб.: Библия для всех, 2005. 1423 с.

² Неверный. Словарь русского языка XVIII века, гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 14: Напролет–Непоцелование. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 20.02.2022).

³ Неверный. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 3: К–Н. СПб.: Императорская Академия наук, 1809. Стлб. 1293–1294.

⁴ Неверный. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2002. С. 411.

⁵ Неверный. Словарь русского языка, гл. ред. А. П. Евгеньев. Т. 2: К–О. М.: Рус. яз., 1986. С. 425.

⁶ Прелюбодеяние. Этимологический словарь Макса Фасмера. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/прелюбодеяние> (дата обращения: 20.02.2022).

⁷ Измена. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. С. 159.

⁸ Измена. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 2: Д–К. Стлб. 1038.

⁹ Измена. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. (Из–Каста).

¹⁰ Изменник. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 2: Д–К. Стлб. 1038.

¹¹ Неверность. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 3: К–Н. Стлб. 1293.

¹² Совесть. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия... С. 607.

в виде лексем *прелюбодеяние*, *прелюбодей*, *прелюбодействовать* (единица *прелюбодейничать* фиксируется словарями, но уже не употребляется в речи), а также единицы *прелюбивый* (склонный к прелюбодеянию¹³), *прелюбодейчищ* (рожденный от прелюбодеяния¹⁴), которые были утрачены.

В современных лексикографических источниках *прелюбодеяние* приводится с пометой *устаревшее*: «прелюбодеяние – устар. нарушение супружеской верности мужем или женой; внебрачная любовная связь»¹⁵.

Поскольку концепт является инвариантно-вариантным образованием, необходимо исследовать возможную эволюцию его концептуального содержания применительно к разным периодам развития русского языка [19; 20]. Для современного русского языка, который условно ведет точку отсчета с пушкинского периода, выделяется несколько этапов его развития. Начальному этапу применительно к XIX в. примерно соответствует лексикографическое описание значений слов в словаре В. И. Даля. Рассмотрим, каким образом лексемы, репрезентирующие поступок *измена в любви*, толкуются в данном словаре. Обратим внимание на то, что в словаре В. И. Даля, наряду с выделенными ранее когнитивными признаками, отражена оценочная составляющая *измены*: «*измена – неверность, предательство, отместительство; коварный переход, присоединение к противнику; перемена в чувствах, мыслях, действиях, в обратную сторону*»¹⁶.

В словаре языка Пушкина, составленном на основе сочинений А. С. Пушкина и отражающем русский язык конца XVIII – начала XIX в., представлены лексемы *измена*, *изменить*, *прелюбодеяние*, *прелюбодей*. В качестве первого значения для лексемы *измена* дается «*нарушение верности кому-, чему-нибудь, предательство. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях к Емельке Пугачева, и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он не слыхивал*». Второе значение связано с любовными отношениями: «*нарушение верности в любви. Мой бедный Ленской! за могилой / В пределах вечности глухой / Смутился ли, певец унылый – Измены вестью роковой*»¹⁷. Глагол *изменить* в первую очередь связывается с идеей изменения, о чем свидетельствует значение «*сделать иным, не таким как раньше*»,

приводимое первым в данном словаре; значение «*нарушить верность*» приводится вторым, при этом в качестве участников ситуации отмечаются друзья, любимые: «*нарушить верность в любви, дружбе. Дружку друг любил; Был ей верен две недели, В третью изменил. В красавиц он уж не влюблялся, А волочил как-нибудь; Откажут – мигом утешался; Изменить – рад бы отдохнуть*»¹⁸. Прелюбодеяние толкуется как близкие отношения, не скрепленные законом: «*прелюбодеяние – внебрачная любовная связь*»¹⁹, «*прелюбодей – совершающий прелюбодеяние*»²⁰.

Словарь современного русского литературного языка в 17 т., издававшийся в период 1950–1965 гг., приводит следующие значения для слова *измена*: «1. предательство, вероломство; 2. нарушение верности в дружбе, любви, супружеской верности; неверность; 3. отказ, отклонение от убеждений, взглядов, разделявшихся прежде, от принятых прежде обязательств»²¹. В издании 2007 г. *измена* получает сходное толкование: «*измена – 1. предательство, вероломство; 2. нарушение верности в дружбе, любви, супружеской верности; неверность; 3. отказ, отклонение от убеждений, взглядов, разделявшихся прежде, от принятых прежде обязательств*»²². На основе этого толкования мы можем сделать вывод, что значение, связанное с поступком, выходит на первый план, по сравнению с толкованиями словарей XVIII–XIX вв., где в фокусе внимания находится идея изменения.

В Большом толковом словаре русских существительных 2004 г. *измена* получает общее описание, без уточнения объекта поступка: «*измена – поступок, характеризующийся нарушением верности, предательством, вероломством*»²³. Лексемы *неверность* и *прелюбодеяние* не представлены.

В словаре русского языка под редакцией В. В. Морковкина 2017 г. значение «*нарушение супружеской верности или верности в любви, а также сам факт такого нарушения*» приводится последним для лексемы *измена*, при этом первые два значения связаны с переходом на сторону противника (предательство, государственная измена) и отказом от сохранения верности тому, что прежде рассматривалось как важное, обязательное (*измена убеждениям*)²⁴. Лексемы *неверность* и *прелюбодеяние* не представлены.

¹³ Прелюбивый. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 5: П–С. Стлб. 221.

¹⁴ Прелюбодейчищ. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 5: П–С. Стлб. 222.

¹⁵ Прелюбодеяние. Словарь русского языка, гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 3: П–Р. М.: Рус. яз., 1987. С. 379.

¹⁶ Измена. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия. С. 292.

¹⁷ Измена. Словарь языка Пушкина, отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. Т. 2: 3–Н. М.: Азбуковник, 2000. С. 212.

¹⁸ Изменить. Словарь языка Пушкина. Т. 2: 3–Н. С. 213.

¹⁹ Прелюбодеяние. Словарь языка Пушкина. Т. 3: О–Р. С. 726.

²⁰ Прелюбодей. Словарь языка Пушкина. Т. 3: О–Р. С. 726.

²¹ Измена. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5: И–К. М.-Л.: АН СССР, 1956. С. 188–189.

²² Измена. Большой академический словарь русского языка, гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 7: И–Каюр. СПб.: Наука, 2007. С. 144.

²³ Измена. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы, под общ. ред. проф. А. Г. Бабенко. М.: АСТ-пресс Книга, 2005. С. 722.

²⁴ Большой универсальный словарь русского языка, гл. ред. В. В. Морковкин. М.: Словари XXI века, 2016. 1452 с.

Сходное толкование лексемы *измена* находим и в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «1. предательство интересов родины, переход на сторону врага; 2. нарушение верности кому-чему-нибудь. *Измена другу. Супружеская измена*»²⁵.

Таким образом, в результате исследования данных отечественных словарей мы можем выявить смысловой объем (набор выявленных когнитивных признаков) концепта *измена в любви* в русской национальной концептосфере:

- 1) отказ от прежних убеждений, чувств;
- 2) замена прежнего иным;
- 3) нарушение верности в любви;
- 4) поступок против совести;
- 5) поступок, нарушающий моральный закон;
- 6) коварный поступок.

Полученные данные могут быть взяты за основу описания ядра концептуального содержания – базовых когнитивных признаков концепта *измена в любви* в национальной концептосфере.

Анализ современных толковых словарей показал, что в русском языке выделяются 3 слота, вербализованные специальными лексическими единицами:

1. Действие как проявление поступка: *изменять, прелюбодействовать*.
2. Агент поступка, его свойства: *изменник, изменница, прелюбодей*.
3. Оценка поступка, агента поступка: *изменнический, изменнически, неверный*.

Языковая экспликация концепта *измена в любви*

Рассмотрим языковую экспликацию концепта *измена в любви* на основе анализа парадигматических особенностей его языковой экспликации, отраженных в синонимических, антонимических связях; синтагматических особенностей его языковой экспликации; в типовой свободной и устойчивой сочетаемости; словообразовательных особенностей, которые отражены в организации его словообразовательного гнезда и в семантике дериватов.

Данные словарей синонимов в целом подтверждают выявленные посредством анализа толковых словарей когнитивные признаки концепта *измена в любви* относительно парадигматических особенностей языковой экспликации концепта. Так, Словарь синонимов русского языка под редакцией

А. П. Евгеньевой включает *измену* в синонимический ряд, доминантой которого является слово *неверность*: «неверность, измена – нарушение верности в супружестве, в любви. Слово *неверность* чаще употребляется в тех случаях, когда говорится о нарушении верности в супружестве»²⁶. Также синонимический ряд актуализирует связь измены с нечестным поведением: «изменять (кому), обманывать (кого) – нарушать супружескую верность или верность в любви. Слово *обманывать* имеет разговорный характер»²⁷. Значимо, что измена отделяется от предательства через элемент *действие как проявление поступка*: «изменник – тот, кто **нарушает верность** кому-, чему-либо; предатель – тот, кто **намеренно раскрывает** что-либо врагу, враждебной стороне или **вероломно выдает** кого-либо»²⁸. В этом смысле *предать* – то же, что *продавать*: «продавать – предавать из корыстных побуждений, или, обманывая чье-либо доверие, руководствуясь корыстными побуждениями, поступать бесчестно по отношению к кому-либо»²⁹.

Важным элементом становится мотив поступка (корыстные побуждения), несвойственный *измене в любви*. Однако в Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова³⁰ в качестве синонимов лексемы *измена*, наряду с *неверностью*, приводятся *вероломство* и *предательство*. Связь данных лексем строится на основе значений ‘нарушение обязательства’ и ‘коварный поступок’. Ср.: «вероломство – нарушение обязательства, клятвы, вероломное поведение»³¹; «предательство – предательское поведение, предательский поступок, вероломство»³².

Анализ русских словарей антонимов показал, что антонимом *измена в любви* можно считать слово *верность*: «измена – верность; верность – неверность»³³ в значении ‘преданность’.

Синтагматические особенности языковой экспликации концепта *измена в любви* выражаются в «его стандартной глагольной, субстантивной и атрибутивной сочетаемости, а также его способности занимать определенные синтаксические позиции, например быть в функции предиката [20]. Анализ синтагматических связей слова *измена* в русском языке в общем также подтверждает выявленные ранее когнитивные признаки. Стандартная атрибутивная сочетаемость слова *измена* реализует в первую очередь его отрицательно-оценочную семантику: *коварная измена, вероломная измена, грязная измена, злая измена, презренная измена, черная измена*

²⁵ Измена. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. М.: Азъ, 1992. URL: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_e_1.txt (дата обращения: 20.02.2022).

²⁶ Неверность, измена. Словарь синонимов русского языка, под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1: А–Н. М.: Астрель, 2003. С. 626.

²⁷ 3. Изменять (кому), обманывать (кого). Словарь синонимов русского языка. Т. 1: А–Н. С. 426.

²⁸ Изменник, предатель, пуда. Словарь синонимов русского языка. Т. 1: А–Н. С. 424.

²⁹ Изменять (кому-чему), предавать (кого-что), продавать (кого-что). Словарь синонимов русского языка. Т. 1: А–Н. С. 425.

³⁰ Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <https://synonym.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.02.2022).

³¹ Вероломство. Словарь русского языка, гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 1: А–Й. М.: Рус. яз., 1985. С. 151.

³² Предательство. Словарь русского языка, гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 3: П–Р. М.: Рус. яз., 1987. С. 362.

³³ Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антон. пар. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1984. С. 61.

(черный в значении 'отрицательный, плохой'). Стандартные контексты: *подлая измена, предательская измена, тайная измена, подозревать в измене* – реализуют характеристику действия в основе рассматриваемого поступка: это действие, совершаемое тайно; скрываемое от других.

На противозаконный характер поступка указывает типичное словосочетание *обвинить в измене*: измена видится как нарушение закона (морального, закона совести).

Модель генитивного словосочетания отражает главных участников ситуации: *измена невесты, измена мужу, измена жене; изменить тебе / ей / ему*. Данные сочетания позволяют выделить, наряду со слотом «Агент поступка, его свойства», слот «Пациент поступка» (участник ситуации, претерпевающий самопроизвольно или под воздействием другого участника изменения [21]): *измена мужу, измена жене* – муж, жена в данном случае рассматриваются как Пациент поступка *измена в любви*.

Типичные контексты: *простить измену, заплатить за измену* – свидетельствуют о том, что в ситуации данного поступка выделяется слот «Результат поступка», который актуализирует последствия совершенного поступка как для агента, так и для других участников ситуации.

С точки зрения принадлежности к лексико-семантическому разряду в системе языка лексема *измена* относится к категории абстрактных существительных в значении 'поступок'. В когнитивной лингвистике уже давно отмечается, что абстрактные понятия в наивной картине мира, которую репрезентирует система естественного языка, всегда подлечит конкретно-чувственному переосмыслению [22; 23]. Данный процесс называется реификацией (овеществление абстракции). В философии и социологии реификация понимается как одно из обозначений процесса, в ходе которого продукты человеческого мышления и деятельности приобретают самостоятельное существование, облекаясь в объективные, материально-вещественные формы [24]. Рассмотрение неодушевленной сущности как одушевленного объекта – другая сторона этого явления. Базой такого одушевления выступает концептуальная метафора [25].

Языковая экспликация концепта *измена в любви* в ряде контекстов демонстрирует примеры метафорической реификации. Так, можно говорить о случаях перехода абстрактного существительного *измена* в лексико-грамматический разряд конкретных существительных по следующим моделям:

- 1) **абстрактное понятие → конкретный предмет**: измена осмысливается как сеть, агент измены – запутавшийся человек: *запутаться в изменах*;
- 2) **абстрактное понятие → среда или вмещалище**: измена представлена в виде среды, в которую погружается, попадает агент поступка: *погрязнуть в изменах, утопать в изменах, дверь в измену закрыта*;

- 3) **абстрактное понятие → вещество, субстанция**: *вкус измены, попробовать измену на вкус, горький привкус измены*;

- 4) **абстрактное понятие → физическое состояние**: *боль измены, симптомы измены*.

Частотны контексты, в которых измена выступает как одушевленный агент – активный субъект действия: *измена рождает боль, измена породила у меня много вопросов, измена нанесла мне сокрушительный удар*; или как одушевленный объект действия: *измена рождается в голове*.

Словообразовательные особенности языковой экспликации концепта *измена в любви* выражаются в структуре словообразовательного гнезда с вершиной *изменить*, которое в современном русском языке включает 9 производных слов разной степени производности по отношению к исходному: *изменить, изменять, измена, изменник, изменница, изменничество, изменнический, изменнически, изменщик, изменщица*³⁴. В структуре широко представлены глагольная и субстантивная области. Глаголы передают идею об однократном поступке (*изменить*) и повторяющемся поведении (*изменять*). Субстантивные дериваты представляют собой два ряда: 1) ряд неодушевленных существительных (*измена, изменничество*), которые обозначают поступок и поведение агента, при этом изменничество имеет отчетливо книжный характер; 2) ряд одушевленных существительных (*изменник, изменница, изменщик, изменщица*), которые обозначают представления о людях, совершающих измену, и различаются по стилистической принадлежности. Примечательно, что лексемы *изменщик, изменщица* относятся к просторечной сфере, т. е. отражают народные представления о концепте. Несмотря на помету *устаревшее*, данные единицы по-прежнему употребляются в современном дискурсе: *То есть она уверена, что этот мерзавец сбежал, но, услышав в аэропорту неприятный рассказ одного туриста об утопленнике, которого прибило к берегу, хочет теперь удостовериться и определиться: проклинать ей **изменщика** или оплакивать безвременно ушедшего* (Рубина Д. Русская канарейка, 2014)³⁵.

Семантика дериватов на базе исходного слова *изменить* в основном актуализирует большинство из отмеченных ранее когнитивных признаков концепта *измена в любви*.

Единица *неверность* входит в словообразовательное гнездо с вершиной *верный*, в структуру которого входят лишь 3 единицы, актуализирующие рассматриваемый поступок: *неверный, неверная, неверность*. Адъективная область представлена двумя дериватами (*неверный, неверная*), которые характеризуют свойства агента измены.

Гнездо с вершиной *прелюбодей* включает в себя 7 производных: *прелюбодейка, прелюбодейство, прелюбодейственный, прелюбодействовать, прелюбодейный, прелюбодейничать*³⁶.

³⁴ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 68.

³⁵ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.2022).

³⁶ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. С. 1145.

Синонимичные глаголы *прелюбодействовать*, *прелюбодейничать* обозначают действие как проявление поступка; неодушевленное существительное *прелюбодейство* вербализует сам поступок; одушевленные существительные *прелюбодей*, *прелюбодейка* обозначают представления об агентах поступка; оценка поступка и его агента выражена с помощью прилагательных *прелюбодейственный*, *прелюбодейный*. Из восьми представленных дериватов 3 являются устаревшими: *прелюбодейственный*, *прелюбодейный*, *прелюбодейничать*.

Заключение

На основе анализа толковых, этимологических, словообразовательных словарей можно, во-первых, сделать выводы о смысловом объеме концепта *измена в любви* в русской национальной концептосфере: в основе поступка лежит отказ от прежних убеждений, чувств; поступок заключается в замене прежнего иным; агент нарушает верность в любви; поступок оценивается как нарушающий моральный закон, коварный; во-вторых, построить фрейм рассматриваемого концепта, вербализованный в виде слотов: 1) агент поступка, его свойства (*изменник*, *изменница*, *изменичик*, *изменилица*, *прелюбодей*, *прелюбодейка*): коварный человек, состоящий в законной связи с другим человеком; 2) действие как проявление поступка (*изменять*, *прелюбодействовать*): обманное, совершаемое тайно, заключается в нарушении верности и перемене партнера; 3) оценка поступка, агента поступка (*изменический*, *изменически*, *неверный*, *неверная*, *прелюбодейный*): отрицательная. Измена, изначально осмысляемая как поступок, нарушающий закон Божий, в современном языковом сознании видится как нарушение закона морального.

Также выделяется несколько слотов, которые не находят вербального выражения, однако актуализированы в иллюстративных примерах большинства словарей

и эксплицированы в стандартных сочетаниях ключевых лексем: 1) пациенс поступка: человек, с которым агент поступка состоит в отношениях / браке; 2) контрагент поступка: человек, с которым агент поступка вступает в незаконную (с точки зрения морали, общественных норм) связь; 3) результат поступка: существует всегда, определяется в зависимости от конкретной ситуации.

В процессах контекстуальной метафоризации сама измена может осмысляться в качестве конкретного предмета, вещи, в качестве среды или вместилища, физического состояния, в качестве вещества или субстанции и в качестве одушевленного существа.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие актуальных лингвокогнитивных исследований. Основным вкладом является то, что в работе соотнесены когнитивный и лингвистический подходы к анализу лексик, обозначающей поступки, и детализирована роль фреймов в обработке знаний. Теоретическим результатом работы можно считать фрейм поступка *измена в любви*, смоделированный на основе анализа языковых данных. Данный фрейм является структурным выражением знаний о рассматриваемом поступке. Реконструированные фреймы могут внести вклад в разработку проектов типа FrameNet, FrameBank, целью которых является описать семантику различных типов ситуаций через фреймы, что позволяет, в частности, увидеть, какие участники / элементы ситуации выражены, а какие нет.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2014. 224 с. [Golovanova E. I. *Introduction into cognitive terminology*. 2nd ed. Moscow: Flinta, 2014, 224. (In Russ.)] EDN: UZQJEP
2. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯз РАН, 1997. 331 с. [Kubryakova E. S. *Parts of Speech from the cognitive point of view*. Moscow: IL RAS, 1997, 331. (In Russ.)]
3. Болдырев Н. Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации. *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 36. С. 43–53. [Boldyrev N. N. Dominant cognitive structures in linguistic interpretation. *Cognitive studies of language*, 2019, (36): 43–53. (In Russ.)] EDN: YZZTKP
4. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. 286 с. [Doroszewski W. *Elements of lexicology and semiotics*. Moscow: Progress, 1973, 286. (In Russ.)]
5. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с. [Minsky M. *A framework for representing knowledge*. Moscow: Energiia, 1979, 151. (In Russ.)]
6. Некрасов С. И., Молчанова Н. С. Значение теории фреймов в современной науке. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Филология. Социология. Право*. 2009. № 16. С. 13–17. [Nekrasov S. I., Molchanova N. S. Role of the frame theory in contemporary science. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Sotsiologiya. Pravo*, 2009, (16): 13–17. (In Russ.)] EDN: MVMCTN
7. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 1997. Т. 56. № 1. С. 11–21. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. The postulates of cognitive semantics. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 1997, 56(1): 11–21. (In Russ.)] EDN: PVNQRH

8. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. Киев: Брама, 2004. 336 с. [Selivanova E. A. *The basics of the linguistic theory of the text and communication*. Kyev: Brama, 2004, 336. (In Russ.)]
9. Smith E. E., Medin D. L. *Categories and concepts*. Cambridge: Harvard University Press, 1981, 203.
10. Geeraerts D. *Theories of lexical semantics*. Oxford: Oxford University Press, 2010, 363.
11. Бушуева Л. А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование. Н. Новгород: ННГУ, 2019. 306 с. [Bushueva L. A. *The categories of an act and the linguacognitive modeling*. Nizhny Novgorod: UNN, 2019, 306. (In Russ.)]
12. Беляевская Е. Г. Концепт vs понятие в аспекте сопоставительного изучения языков. *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 36. С. 28–35. [Belyaevskaya E. G. Concept vs notion: evidence of comparative study of different language systems. *Cognitive studies of language*, 2019, (36): 28–35. (In Russ.)] EDN: VWTTHFM
13. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Парадигма, 2012. 448 с. [Karasik V. I. *Language matrix of culture*. Moscow: Paradigma, 2013, 448. (In Russ.)] EDN: TVEMNZ
14. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 422 с. [Karasik V. I. *Language spiral: values, signs, and motives*. Moscow: Gnozis, 2019, 422. (In Russ.)] EDN: SBJJWJ
15. Малькова Я. В. Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера). *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2019. Т. 11. № 3. С. 47–56. [Malkova Ya. V. Reflection of love rivalry in dialect lexis (based on examples from the russian north dialects). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2019, 11(3): 47–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-3-47-56>
16. Кучко В. С. Русская диалектная лексика со значением измены в любви: семантико-мотивационный аспект. *Славянский альманах*. 2017. № 3-4. С. 479–498. [Kuchko V. S. Russian dialectal lexis for adultery: a commentary on semantic motivations. *Slavic Almanac*, 2017, (3-4): 479–498. (In Russ.)] EDN: WDGPPW
17. Осетрова Е. В., Челушкина М. В. «Роман» и «конфликт» как типы медийных скриптов: интенсификация оценки (на материале журнала «Караван историй»). *Экология языка и коммуникативная практика*. 2016. № 2. С. 293–301. [Osetrova E. V., Chelushkina M. V. "Love story" and "conflict" as types of media-scripts: assessment intensification (on the material of the magazine "Caravan of stories"). *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*, 2016, (2): 293–301. (In Russ.)] EDN: XIIVNL
18. Бушуева Л. А. Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах. *Научный диалог*. 2021. № 7. С. 45–59. [Bushueva L. A. Frame of act of "infidelity in love" and its euphemistic representations in Russian and English linguocultures. *Nauchnyi dialog*, 2021, (7): 45–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-45-59>
19. Сайгин В. В. Смысловое наполнение и семантическая структура концепта «грех» в современном русском языке (по данным толковых и этимологических словарей). *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 3-1. С. 421–426. [Saigin V. V. The language explication of the concept "grekh" ("sin") in the modern Russian language. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, (3-1): 421–426. (In Russ.)] EDN: RAPXKT
20. Сайгин В. В. Языковая экспликация концепта ГРЕХ в современном русском языке. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 2. С. 112–115. [Saigin V. V. Linguistic explication of the concept "sin" in modern Russian language. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2013, (2): 112–115. (In Russ.)] EDN: RBOGHN
21. Кашкин Е. В., Ляшевская О. Н. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: мат-лы ежегодной Междунар. конф. «Диалог-2013»*. (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.) М.: РГГУ, 2013. Т. 1. Вып. 12. С. 325–344. [Kashkin E. V., Lyashevskaya O. N. The semantic roles and the set of constructions in the system of FrameBank. *Computer linguistics and intellectual technologies: Proc. annual Intern. Conf. "Dialogue-2013"*, Bekasovo, 29 May – 2 Jun 2013. Moscow: RSUH, 2013, vol. 1, iss. 12, 325–344. (In Russ.)] EDN: SCGOOP
22. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Moscow: URSS, 2004, 256. (In Russ.)] EDN: QRAADX
23. Кубрякова Е. С. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 560 с. [Kubryakova E. S. *Language and knowledge: towards the acquisition of knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Iaz. slav. kultury, 2004, 560. (In Russ.)] EDN: SUQHPI
24. Сайгин В. В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта ГРЕХ в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 197 с. [Saigin V. V. *Cognitive features and language representation of the concept of sin in the modern Russian language*: Cand. Philol. Sci. Diss. Kirov, 2013, 197. (In Russ.)] EDN: SUWLNZ
25. Bailer-Jones D. M. Models, metaphors, and analogies. *The Blackwell Guide to the Philosophy of Science*, eds. Machamer P., Silberstein M. Malden: Blackwell, 2002, 108–127.

оригинальная статья

Образно-метафорический слой макроконцепта *род* (на материале паремий тематической группы *род – племя*)

Вайрах Юлия Викторовна

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

vayrakh@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.08.2022. Принята после рецензирования 12.10.2022. Принята в печать 30.11.2022.

Аннотация: Макроконцепт *род* встраивается во многие концепты русской культуры, прямо или косвенно указывая на общие ментальные семы. Признаки, положенные в основу мотивации макроконцепта, рассмотрены на материале пословично-поговорочного комплекса, содержащего национально-культурный слой образной трансформации макроконцепта. Цель – описать символические признаки образности макроконцепта *род*. Задачи: 1) выделить корпус паремийных единиц для анализа структур макроконцепта *род*; 2) определить его символические признаки. Методы: метод анализа словарных дефиниций, дескриптивный, интерпретативный. Актуальность исследования заключается в том, что символический макроконцепт *род* не подвергался всестороннему анализу и требует детального описания символических признаков. Научная новизна – в привлечении ранее не исследованного материала пословиц и поговорок, представленных в словаре В. И. Даля, репрезентирующих когнитивные структуры макроконцепта *род* посредством выделения признаков происхождения, наследственности, принадлежности к роду как к общности людей постоянными отличительными признаками. Макроконцепт *род* проанализирован через образное сопоставление образов-субъектов: человека (отец, мать, дети), религиозных символов (бог), животных, символических природных объектов, сказочных персонажей (дурак), обозначений частей тела человека (ладонь, кулак). Доказательная база исследования позволила выделить группу *род – племя* с тремя мотивирующими признаками: наследственность, природа человека и социальная характеристика. Осмысление народным коллективным сознанием значения макроконцепта *род* обнаруживает связь мотивирующих признаков, актуализирующих смыслы родного места, родного пространства, принадлежности к роду, семье, племени, народу, поколению; внутрисемейные, внутриродовые взаимоотношения; правила, обычаи, традиции рода; отношение к родине, отчизне; отношение к вере, богу, силам рода; воинской общности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, макроконцепт, род, паремии, образность, племя

Цитирование: Вайрах Ю. В. Образно-метафорический слой макроконцепта *род* (на материале паремий тематической группы *род – племя*). Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 678–685. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-678-685>

full article

Macro-Concept of *Kin* in Proverbs about *Kin* and *Tribe*: Figurative-Metaphorical Layer

Yuliya V. Vayrakh

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

vayrakh@yandex.ru

Received 10 Aug 2022. Accepted after peer review 12 Oct 2022. Accepted for publication 30 Nov 2022.

Abstract: The article features the macro-concept of *kin* and its symbolic signs. The idea of *kin* is embedded in many concepts of Russian culture, directly or indirectly indicating the mental schemes they have in common. However, the macro-concept of *kin* has received no comprehensive analysis of its associative-figurative layer. The author described the signs behind the motivation of the macro-concept *kin* using the proverbs from V. I. Dahl's dictionary that contain the national-cultural layer of its figurative transformation. The methodology involved an analysis of dictionary definitions, as well as descriptive and interpretive methods. The proverbs described the idea of *kin* by highlighting such signs as origin, heredity, and kinship as belonging to a community of people with some permanent and distinctive features. The analysis revealed a group of proverbs about *kin* and *tribe* with three motivating features: heredity, human nature, and social characteristics. The macro-concept

of *kin* was described through a figurative comparison of images: a person (father, mother, children), religious symbols (god), animals, symbols of nature, fairy-tale characters (fool), parts of body (palm, fist). In the national collective consciousness, the macro-concept obtained various motivating signs that actualize the following schemes: native place, native environment, kinship, family, tribe, people, generation; intra-family or intra-tribal relationships; rules, customs, traditions of the kin; attitude to the motherland; attitude to faith, God, the power of kin; military community.

Keywords: cognitive linguistics, linguistic culturology, macro-concept, kin, proverbs, figurativeness, tribe

Citation: Vayrakh Yu. V. Macro-Concept of *Kin* in Proverbs about *Kin* and *Tribe*: Figurative-Metaphorical Layer. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 678–685. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-678-685>

Введение

В русской культуре макроконцепт *род* конструирует смыслы и устанавливает связи внутри концептов родства, а вне этого коррелирует со значениями других концептов: родины, бога, человека, семьи, судьбы. Его происхождение имеет давнюю историю, потому что с течением времени произошло национально-культурное отождествление человека и своего рода, племени, человека и родного пространства, человека и Бога, человека и судьбы, пути. Макроконцепт *род* связан с традиционными представлениями о прошлом, предках, поколении, семье и в целом с концептами родства, имеющими сложную систему родственных связей в лингвокультурном пространстве.

К интерпретации понятия *род* в разное время обращались В. О. Ключевский, В. Соловьев, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, А. Вежицкая, М. В. Пименова и др. Работа В. В. Колесова «Человек в культуре Древней Руси» 1986 г. и в ее переиздании «Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека» 2000 г. наиболее близки целям нашего исследования, т.к. рассматривают понятие *род* в контексте приращения смыслов с течением времени, с изменением восприятия человека и его социальных условий. Ценным для целей нашего исследования является понимание В. В. Колесова: род как племя, свое, близкое, кровное. На материале древнерусских текстов ученый проследил изменения в восприятии понятия *род*: сначала оно трактовалось как родичи, кровные родственники, племя, затем значение расширилось до понимания рода как воинского единства, позднее появилось приращение смысла – родина, родное пространство, природа. Род именует людей, близких по крови. В русской культуре сохранились сведения, что славянского бога называли именем *Род*. Племя россов проживало в городе Родень (Родня). В. В. Колесов утверждает мысль о неравноценности значений понятия *род* в древности и сейчас: «Момент, когда понятие *род* воспринимается как движение во времени (возрождение рода), является важной точкой отсчета в новой славянской культуре» [1, с. 28]. Ученый считает, что род соотносится с источником жизни (родник), местом происхождения (родина), родственными связями (родные) и приметами родства (родинка); совокупность живущих на одной территории (народ) в определенной

природной среде (природа) может отвергнуть уroda (не в состоянии продолжить род) и отродье (нарушает его принципы). Древнеславянское представление о Роде сводится к пониманию общности предков и потомков (*моего роду племени*), поскольку предки порождают потомков (в значении *потом*) – *род в род идет*; в языческой культуре подробно описаны символы рода и их основа – род [2, с. 12].

Основным термином в нашем исследовании является макроконцепт. «Под макроконцептом понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [3, с. 38]. К существенным отличиям макроконцепта относятся: 1) набор и количество признаков, характеризующих структуры; 2) акцентированность внимания на отдельных когнитивных признаках и / или их группах; 3) отображение комплекса когнитивных признаков в структурах концептов, относящихся к сфере определенного макроконцепта [4, с. 92]. Символические концепты и макроконцепты описаны М. В. Пименовой: «есть концепты, в мотивирующих признаках репрезентантов которых уже заложен символ. Т.е. символ в структурах таких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка» [5, с. 131]. Под символическим макроконцептом понимается «ментальное образование, у которого первопризнак (*conceptum*) в виде одного или нескольких мотивирующих признаков выражает определенный символ лингвокультуры» [6, с. 93].

Глубинность ментальных смыслов, символичности макроконцепта *род* в русской лингвокультуре во многом определяет обращение к паремийному фонду как хранилищу народной мудрости, в которой воплощается мифологическая, символическая образность макроконцепта *род*. Пословицы и поговорки отражают народное сознание и сохраняют ментальные смыслы. В исследовании используется термин *паремии*, под которыми понимаются «особые единицы и знаки языка, необходимые элементы общения людей. Эти знаки передают информацию, мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами» [7, с. 79]. Основным источником паремий для анализа макроконцепта *род* послужил сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа»¹.

¹ Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862. [4]+XL+1096+6 с. URL: <https://dslov.ru/txt/t81.htm> (дата обращения: 02.07.2022).

Образное сопоставление субъектов в структуре макроконцепта *род*

Паремии указывают на значение принадлежности к роду как общности людей, имеющих общие отличительные природные свойства. В паремиях *род* – племя раскрываются различные значения: человек обладает отличительными чертами мамы, папы, бабушки, дедушки, либо в нем проявились редкие качества представителей предыдущих поколений, которые передаются по наследству, генетическая память рода, либо гениальные творческие способности, дар от Бога.

Являясь многослойными национально-культурными текстами, паремии содержат метафорические отсылки к онтологическим представлениям о мироустройстве. Паремийные тексты метафорически дополняют значение макроконцепта *род* через сопоставление образов-субъектов: человека (отец, мать, дети), религиозных символов (бог), птиц и животных (орел, сокол, сокола, гусь, сова, курица, медведь, осел, овца, козел, корова, свинья, волк, лиса, бобр, жеребенок, лошак и др.), символических природных объектов (яблоко, озеро, река), сказочных персонажей, традиционных для русской культурной традиции (дурак), обозначений частей тела человека (ладонь, кулак). Образные признаки актуализируются посредством метафор. По мнению Н. Д. Арутюновой, метафора – это «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо для наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [8, с. 29].

Признак наследственности в паремийных текстах описывается через образы родителей и актуализируется ситуацией *от подобного подобное*. Паремии в словаре В. И. Даля выражают когнитивный признак, например: *Кто от кого, тот и в того. Что род, то и племя. Каков род, таков и приплод. Род в род идет*. В. В. Виноградов приводит определение племени (через отсылку к словарю И. С. Срезневского²): «Племя в древнерусском языке обозначало и "потомство" (без плема – "бездетный"), и "род", и "семью", и "родню, родственников", и "совокупность родов, народ"»³. Многозначность слова и воссоздаваемый в языковой картине мира образ племени связан с этничностью, самоопределением народа как общности. Современный словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает определение слова *племя*: «1. Этническая и социальная общность людей, связанных родовыми отношениями, территорией, культурой, языком и самоназванием. Первобытные племена. Союз племен. Кочевые племена. 2. перен. Народ, народность. 3. Люди, поколение людей. племя: на ~ (спец. и обл.) для получения приплода, потомства»⁴.

Сохраняются значения общности, племени, следовательно, образность паремии включает и образы народа, народности, кочевника, поколения, семьи, приплода в животном мире.

Образ отца в паремиях, отражающих значения макроконцепта *род*, наиболее репрезентативен: *Родила молодца, такого, как отца. Дети похожи на отца. Каков отец, таков и сын. Каков отец, таковы и дети. По отцу и дитяtko. Какой отец, такой и молодец. Один отец один и норовец (характер, совокупность душевных качеств). Отец рыбак – и дети в воду смотрят. Какое дерево, таков и клин; каков батько, таков и сын. Одного завода, такова и порода. Клеймо мастера скажет*. В паремиях отражены пары: отец – сын; отец – дети; отец – мать. В древнерусском языке слово *отец* употребляется с XI в., фактически являясь одним из самых древних слов в русской лингвокультуре. Отец – создатель семьи. В словаре В. И. Даля «отец – м. у кого есть дети; родитель, тятя, тятенька, батюшка, батя, батька, папа, папаша, папенька, папочка, атя»⁵.

Т. Г. Бочина отмечает, что «названия частей тела и внутренних органов формируют в народных изречениях соматический код культуры, в котором тело человека является не только пространственным ориентиром, но и мерилom "всех вещей": объектов, качеств, явлений, ситуаций и т. д.» [9, с. 43]. Соматический (телесный) код культуры – один из основных в классификации кодов по своей значимости в любой культурно-национальной картине мира. Образ кулака реализуется в паремии *Кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь*. Этот образ характеризует сильного представителя рода, и его рука двигается, действует, держит и контролирует, реагирует на психоэмоциональные состояния, ее можно обездвигать, лишит свободы [10, с. 72]. В эзотерическом плане рука олицетворяет божественный акт творения, связь с прошлым, защиту, верность, борьбу, опору, помощь, дружбу. Кулак символически выражает значение защиты рода от врагов, от внешних угроз, от вымирания.

Образ матери символизирует жизнь, рождение, продолжение рода, плодородие. Слово *мать* произошло от древнерусского слова *мати*. В праславянском языке было слово *матка*, которое впоследствии получило значение *самка* (ср. пчелиная матка). Матушкой называли жену священника, слово использовалось и в имени Божьей Матери. В паремиях сохраняются культурные смыслы, в том числе мотив деторождения: *Если плод на правой стороне, если мать сидит, протягивает правую ногу, коли ест хорошо всякую пищу – родится мальчик; если же охотно слушает песни, выставляет левую ногу, плод о левом боку и причуд много – девочка*. Ребенок с момента рождения получал знание о роде, родовом этикете,

² Племя. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II: Л–П. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1902. С. 959–960.

³ Племянник. Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istoriya-slov/171> (дата обращения: 02.07.2022).

⁴ Племя. Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/п/племя> (дата обращения: 02.07.2022).

⁵ Отец. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. СПб.-М.: Т-во М. О. Вольф, 1905. Стб. 1878.

истории рода из колыбельных матери, пожеланий родственников, семейного фольклора: *Счастливая дочь – в отца, а сын – в мать. Кто девушку хвалит? Отец да мать. Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка*. Культ богини Матери представлен мифами многих народов. В древней истории сохранились имена богинь, что суть единой Богини Матери: «шумеро-аккадская Тиамат, египетская Исида, греческая Гея, каппадокийская Ма, хеттская Хебат, хананская Анат, каркемишская Кубаба и др. – во множестве культур» [11, с. 277]. Для многих символическое изображение богини связано с архетипичными представлениями о трех мирах: верхнем, среднем и нижнем (это представление есть во многих мифах у славян). Богиня Мать олицетворяла циклы природы, плодородие, вечную жизнь, возрождение. Символ луны и фаз луны воплощался в понимании временных циклов жизни богини Матери: девушка – женщина – старуха (прародительница рода). В паремии *Мать праведна – ограда каменна* отображается понимание безусловной материнской любви, которая дает ребенку чувство защищенности от внешних угроз. В общении с родителями появляется доверие к людям и окружающему миру. Мать воспитывает в ребенке чувство уважения к роду, знакомит с представителями рода, историей. Женщина-мать олицетворяет собой нравственность и культуру рода, традиции, обычаи и ценную информацию рода, историческую основу. Женское начало метафорично представлено как космос.

В почитании бога Отца и богини Матери заключена трансформация знаний о роде, прародителях, их месте в сложной системе взаимоотношений человека и рода, взаимодействующего с миром, космосом. Образы матери и отца символически связаны и с образом дома, т.е. «пространства, противопоставленного чужому миру и доступного только своим. Дом является исходной точкой семейной общности и основой человеческого благополучия» [12, с. 106].

Слово *мачеха* образовано от слова *мать*, вероятно, исходной формой было слово *mātrīesī (сестра матери, дословно – подобие матери). Паремия *Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет* представляет образ мачехи, равнодушной к ребенку. Формирование мотива *мачеха – падчерица* «связано с периодом разложения патриархальной общины и образованием моногамной семьи» [13, с. 84]. Возникновение взаимоотношений между мачехой и осиротевшими детьми зависело от материального положения и отношений с отцом.

У В. И. Даля в паремиях встречается указание на социальное происхождение человека: *Неродословному с родословным не местничать* (не считаться). *Миряне – родом дворяне: луковки во щах нет, а пуговка светленькая. Род службе не помеха* (о местничестве). Принадлежность к роду определяла статус человека. Из поколения в поколение передавалось знание об истории рода, славных делах предков. Знатный род относился с почтением к родословной, тогда

как неродословному было труднее изменить отношение к себе. Паремия *Неродословному с родословным не местничать* носит предписывающе-утвердительный характер, потому что происхождение неродословного никогда не позволит влиять на решения представителей знатного рода.

Понятие наследственности членов рода могло быть связано и с тем, что в роду есть человек, которого стыдятся: *Дурак не дурак, а с роду так. Не дурак, а родом так. Сын дураков уж с роду таков. Родился неумным, и умрешь дураком. И такой родится, что ни дома, ни в людях не годится. Дураки да нищие не родом ведутся, а кому бог даст*. В словаре В. И. Даля *дурак* – «глупый человек, тупица, непонятливый, безрассудный; малоумный, безумный, юродивый; шут, промышлявший дурью, шутовством»⁶. Дурак действует вопреки законам рода, а его поведение разрушает социальную систему. Образ появляется в сказочных сюжетах. Дурак обладает недюжинной силой и с легкостью воплощает замыслы, при этом остается собой, чем раздражает представителей рода: старших братьев или отца семейства, которые видят в его поступках проявление глупости. Неожиданное счастье находит дурака, т.к. человеческому, доброму и отзывчивому герою в сказочной реальности помогают темные силы. Его оберегает природа (среда обитания рода), наделяя положительными качествами и помогая преодолеть жизненные препятствия. Народ любит ироничный образ дурака, который побеждает сильных, хитрых, коварных, злых людей благодаря смекалке и простоте. Живой сказочный образ существует благодаря тому, что каждый человек искренне жалеет дурака, сострадает ему, в чем проявляется духовность рода, мудрость, нравственность.

Орнитологические символы макроконцепта *род*

Человек переносит антропоморфные, биоморфные и объектные характеристики на окружающий мир, находя общее, частное, отличительное, схожее, что воплощается в различных метафорических и метонимических переносах, которые и порождают культурные смыслы. В. В. Колесов пишет, что «природа – то, что обеспечивает существование рода и является естественной средой его обитания» [2, с. 22]. С одной стороны, природа – первопричина и порождающая сила, с другой – замкнутая система, которая сама по себе и скрывает свои ресурсы. В современной когнитивной науке метафору определяют как «ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [14, с. 66]. Метафоричность символа обладает лингвокультурологической ценностью и фиксирует скрепы языкового сознания русского этноса. Символ как знак этничности передает информацию, значимую для прародителя и потомка. Символ не менее значим и для современника, потому что позволяет передать информацию, касающуюся вопросов бытия, смысла жизни.

⁶ Дурак. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: А–З. СПб.-М.: Т-во М. О. Вольф, 1880. С. 516.

Орнитологическая образность макроконцепта *род* воплощается в образах диких и домашних птиц, противопоставленных друг другу: первые ассоциативно связывались с образом свободных, сильных, смелых молодых людей, не обремененных семейными узами, а вторые – с несвободными, семейными людьми, ответственными за род, за предков и потомков. Как часть мифологической картины мира в обрядовой традиции русского этноса птицы связаны с небом, небесными силами рода, природными силами рода как первоосновы, первопричины. Изображение рода в языческих представлениях встречалось в образе летящей птицы, расправленные крылья которой были его олицетворением. Клин птиц символически изображал связи рода: деда, прадеда, прапрадеда, клана, которому нет конца, т.к. он уходит в глубокую древность.

Образ сокола в оппозиции *свое – чужое* символизирует чужое: *Свинья не родит сокола. У свиньи и поросята рыла-сты.* Он преодолевает огромные расстояния, появляется неожиданно, ведет себя агрессивно, воинственно. В сказках образ связан с образом молодого мужчины, воина, сильного представителя рода и продолжателя рода, способного дать роду здоровое потомство. Синонимичны образу сокола образы орла, ястреба, коршуна. В нашем материале образ орла используется в паремии *Орел орла плодит, а сова сову родит. Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла.* Архаичный женский родо-семейный символ сороки представлен в паремии *Сорока от сороки в одно перо рождается.* Сорока символизирует зрелую женщину, которой приписывали магические качества (оборотничество, чародейство). Сорокой называли и головной убор женщины, который соответствовал ее возрасту: роды, период после рождения 4–5 детей, период после завершения рекреационного цикла. Убор состоял из 4–5 элементов (кичка, сорока, позатыльник, налобник, платок), которые носили с XII в. женщины разных сословий.

Головной убор *сорока* напоминал образ летящей птицы, но когда головной убор примеряла женщина, то он изображал сидящую птицу со сложенными крыльями. Для родовой принадлежности женщины был важен этот предмет одежды, т.к. он был отличительным знаком, сообщающим другим членам рода знаковую информацию о возрасте женщины. Надо отметить, что в ономастике XVI–XVII вв. были наиболее репрезентативны прозвища и фамилии, образованные от слов *сокол* и *сорока*. Исходя из репрезентативности птичьих образов в паремийном фонде, мы можем предположить, что мужчина рода воплощается в образе сокола, а женщина рода – в образе сороки.

В паремии *Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла* представлен образ совы, сложный по лингвокультурологической характеристике. За этим образом закреплены этические качества, нормы поведения во взаимоотношениях членов рода, одного этноса. Этноязыковое сознание

четко фиксирует любые отклонения в поведении членов рода и маркирует их ироническим контекстом, который представлен в фольклорной картине мира. В словаре В. И. Даля *сова* имеет следующее определение: 1) ночная хищная птица; 2) много видов: белая сова (из канюков, полусов), пороша; малая, сыч; большая, лесная, филин и пугач; 3) ученые делят эту семью на сов, сипух, пугачей, неясытей, филинов, сычей, канюк и сиринов; 4) совиные глаза, большие, круглые⁷. Сова – ночной житель, который летает практически бесшумно и появляется неожиданно. Сове приписывались различные качества характера человека. С одной стороны, сова – свирепый, сильный, могущественный хищник, ночной охотник (в этом ее большое преимущество), мудрый (проницательность, ум), а с другой – сова символизирует зло, несчастье, одиночество, вдовство, нечисть.

Домашние птицы близки быту человека, его родному пространству, поэтому в паремийном фонде присутствуют метафорические модели, передающие символические значения поведения домашних птиц. Гусь, курица представлены в анализируемом материале: *И большому гусю не высидеть теленка.* И гусь, и курица имеют в языке сниженные коннотации, потому что существуют стереотипные представления об особенностях поведения курицы, которая связывается с поведением глупой женщины.

Образы животных в символической структуре макроконцепта *род*

Человек сравнивает себя с представителями животного мира, обнаруживая сходства и различия. Значение отрицания возможности изменить в человеке то, что передается по наследству, от предков рода, раскрывается в паремиях: *Волком родился, лисой (овцой) не бывать. Кто волком родился, тому лисой не бывать.* Архаический сюжет о волке-прародителе народа или о воспитании родоначальника племени волком или волчицей часто встречается у народов мира, в особенности у народов Евразии [15]. Волк – очень древний амбивалентный и мифологизированный символ [16; 17]. Волк живет рядом с человеком, и потому люди воспринимают его как злого, кровожадного, ужасного хищника, которому нельзя диктовать свои условия. Волк несет опасность, о которой в колыбельных песнях мама предупреждает младенца, что нужно его остерегаться.

Волк обладал сверхъестественными способностями, так как его относили к миру богов. В славянской мифологии Хлебный Волк – дух плодородия зерна, а Волчий Бог – хозяин леса, Леший, Лесовик, Полисун. Практически все боги ведут происхождение от зооморфных тотемов. Оборотничество – это существование бога и в антропоморфном (человеческом), и зооморфном (зверином) облике. Интересно отметить происхождение верховного славянского бога дохристианской Руси Волоса – Велеса – от Волчьего бога.

⁷ Сова. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: С–V. СПб.–М.: Т-во М. О. Вольф, 1911. Стлб. 342.

Одни считают, что Волос – имя, восходящее к праиндоевропейскому корнеслову *ulc (в переводе волк). В мифологии балтов, славян «Волчьему богу отводится почетная роль хозяина подземного мира, мира мертвых» [18, с. 97]. Образ Волка тесно связан с мужскими военными братствами многих культур и народов. Волчий вой и появление волка считались воинскими приметами. Г. Б. Бедненко описывает волка как «зверя, связанного с темнотой, подземным миром. В кельтской и германской мифологии встречаются псы преисподней, сопровождающие владыку мертвых. В христианских культурах отображается двойственная природа происхождения волка: создает волка дьявол, а оживляет Бог. Так, похищение и съедание скота волком у славян воспринималось как законная жертва Св. Егорию, лешему или даже Христу. У восточных славян волк был спутником Егория (Георгия Победоносца)» [19].

Амбивалентность образа волка сохраняется и в народных сказках: с одной стороны, дар предвидения, мудрость, свобода, бесстрашие, верность волчице, чистота, гордость, стремительность, а с другой – темная сила. В «Словаре славянской мифологии» Е. А. Грушко, Ю. М. Медведева в статье о волке находим тому подтверждение: «По народным сказаниям, он является олицетворением темной тучи, заслоняющей солнце, и вообще темноты. <...> Волком иногда оборачивался, по слову языческой старины, даже сам Перун, появляясь на земле; колдуны и ведьмы старались подражать богу богов славянских» [20, с. 42]. Этому животному приписываются черты беспощадного, жестокого зверя, на основе чего возникла зоометафора *волчий оскал судьбы*, когда судьба испытывает человека на прочность.

А. И. Мазин считает, что «культ медведя проявляется у народов Сибири с неолита вплоть до средневековья. Он отражен в наскальных рисунках на Ангаре, Токко, Мае. Культ медведя зародился в глубокой древности и дожил в запретах, оберегах, поверьях, преданиях и обрядах до наших дней» [21, с. 44]. В паремиях: *Кошка лапкою, медведь пятернюю; Лих медведь, да своих детей не ест* – образ медведя имеет антропоморфные черты. Согласно А. Ф. Анисимову: «Предания о медведе как звере-прародителе той или иной группы людей были широко распространены по всему Северу и Сибири. В преданиях эвенов медведь изображается младшим братом матери» [22, с. 117]. Медведь считался первопредком человека и наделялся чертами доброго, всемогущего духа, хозяина окружающей природы, выступающего в различных ипостасях [23, с. 228]. О тотемном предке медведе нельзя было загадывать загадки, нельзя было говорить о нем. В паремии *Лих медведь, да своих детей не ест* раскрывается отношение медведя к своему потомству, которое он не тронет, не причинит ему зла.

Образ свиньи раскрывается в паремиях: *Свинья хрю, и поросята хрю. Поросята родом полосаты. От свиньи родится не бобренок, такой же поросёнок. Не дивно, что у свиньи рыло, коли у поросенка свое рыленко. Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла*. В сознании носителей русского языка свинья ассоциируется с нечистоплотностью, неряшливостью, неаккуратностью. Свинья одновременно символизирует нечистое, злое животное, а также удачу, материнство. Содержание домашних свиней формировало у людей стереотипы неопрятности, неаккуратности, обжорства, жадности, лени, которые иносказательно представлены в русских народных сказках. В паремиях образ поросенка ассоциативно связывается с ребенком, который воспринимается как продолжение рода, воплощение черт рода.

Образы осла и козла используются в паремии *Возвысил бог куликов род. Рогом козел, а родом осел*. Божественность осла, мудрость – архаический тип образа. В русской традиции образ осла характеризует человека с отрицательной стороны: глупость, упрямство, ограниченность, твердолобость. Образ козла приобретает отрицательные коннотации из-за того, что обнаруживается связь этого символа с демоническим началом. Образ овцы соотносится с фатальностью и ограниченностью интеллекта.

Образ лошади – символ красоты, силы, мощи, могущества, быстроты, соответственно, эти качества характеризуют и физическую силу человека. По мнению Ф. Ш. Бекмурзаевой, «у некоторых народов в древности лошадь ассоциировалась с источником существования, потому что именно она помогла более всех человеку в добывании пищи, обработке земли, перемещениях» [24, с. 86]. В паремии *С лысиною родился, с лысиною и помрет (жеребёнок)* встречаем образ жеребенка, которому по наследству достанутся отличительные черты рода. Как пишет Р. Н. Анисимов, «жеребенок выступает символическим образом молодости, юности» [25, с. 211].

В паремии *Хвалился лошак родом-племенем* иронически оценивается бесплодность лошака. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера содержит информацию, что конь происходит из *kōpnъ от древнего *kōbnъ⁸. Слово *лошадь* заимствовано из тюркского языка, именно оттуда оно пришло в древнерусский, приобретая форму *лоша, а форма *лошак* возникла в связи со сближением со словом *ишак*⁹. Образ лошака указывает на физический недостаток, который не позволяет животному продолжить род. В сравнении с человеком образ лошака раскрывает образ людей, живущих одним днем, не помнящих родства.

Как видим, приведенный анализ паремий доказывает, что в основе метафоры, построенной на сопоставлении человека и животного, лежит стереотипное представление человека о диких и домашних животных.

⁸ Конь. Фасмера М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. II: Е–Муж. М.: Прогресс, 1986. С. 316.

⁹ Лошадь. Фасмера М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. II: Е–Муж. С. 525.

Заключение

Когнитивные характеристики макроконцепта *род* актуализируются в паремийных структурах, а отражение этих признаков в национально-культурном фонде лексики свидетельствует о древнем происхождении макроконцепта, сформированности его внутренней структуры, объединенной мотивирующими признаками: бог, родина, природа, народ, судьба. В осмыслении макроконцепта *род* всегда намечается противоборство двух начал: возрождение старого уклада, любопытство по отношению к сложившимся системам устройства рода и перерождение системы ценностей. При этом мы наблюдаем, как макроконцепт *род* сохраняет традиционные компоненты: родители, отец, мать, дети, семья, поколение, племя, народ, природа, родное место. Древний макроконцепт *род* значим для культурного сознания человека и в целом для русской лингвокультуры.

Понимание макроконцепта *род* требует осознания духовного знания рода, а ответственность перед родом, память о нем становится мерилом нравственности представителей рода. Зооморфный культурный контекст репрезентирует содержание макроконцепта *род*, т. к. черты характера человека, поведение, физические недостатки на основе метафорического переноса отображаются в паремиях в образах диких зверей и птиц, домашних животных.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература

1. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: СПбГУ, 2001. 304 с. [Kolesov V. V. *Ancient Russia: word heritage. Book 2. Good and evil*. St. Petersburg: SPbSU, 2001, 304. (In Russ.)]
2. Колесов В. В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании. *Политическая лингвистика*. 2019. № 2. С. 12–23. [Kolesov V. V. The concepts of Priroda, Rodina and Narod (Nature, Homeland, and The People) in the Russian linguistic consciousness. *Political Linguistics*, 2019, (2): 12–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl19-02-01>
3. Пименова М. В. Символический макроконцепт «род» в русской лингвокультуре. *Общество, язык и культура XXI века: мат-лы XXXVIII Междунар. науч. онлайн-конф. (Санкт-Петербург-Бишкек, 29–30 апреля 2021 г.)* СПб.: Ин-т иностранных языков; Бишкек: Манас, 2021. С. 37–46. [Pimenova M. V. Symbolic macroconcept of Rod (genus) in Russian linguoculture. *Society, language, and culture in the XXI century: Proc. XXXVIII Intern. Sci. Online Conf. St. Petersburg-Bishkek, 29–30 Apr 2021*. St. Petersburg: Institute of Foreign Languages; Bishkek: Manas, 2021, 37–46. (In Russ.)] EDN: SPQNZT
4. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с. [Pimenova M. V. *Concepts of the inner world (Russian-English correspondences)*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2001, 497. (In Russ.)] EDN: QDQZNV
5. Пименова М. В. Соотношение терминов мифологема и символический макроконцепт. *Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Атырау, 27 апреля 2020 г.)* Атырау: АГУ, 2020. С. 130–133. [Pimenova M. V. Correlation of the terms mythologeme and symbolic macroconcept. *Linguistics and Literary Studies at the Turn of the Millennium: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., 27 Apr 2020*. Atyrau: AGU, 2020, 130–133. (In Russ.)]
6. Пименова М. В., Бакирова А. А. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре. *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16. № 1. С. 92–101. [Pimenova M. V., Bakirova A. A. Symbolic macroconcept of the universe in the aspect of the first feature in Russian linguoculture. *Humanitarian Vector*, 2021, 16(1): 92–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101>
7. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с. [Permyakov G. L. *Fundamentals of structural paremiology*. Moscow: Nauka, 1988, 236. (In Russ.)]
8. Арутюнова Н. Д. Метафора. *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 29. [Aroutiounova N. D. Metaphor. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1990, 29. (In Russ.)] EDN: RXSTYX
9. Бочина Т. Г. Контраст в тувинских пословицах. *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 37–46. [Bochina T. G. Contrast in Tuvan proverbs. *New Research of Tuva*, 2022, (1)Ж: 37–46. (In Russ.)] <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
10. Дашиева Д. Б. Изучение соматической фразеологии в современной русистике. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № С. 70–73. [Dashieva D. B. Studying of somatic phraseology in modern russistics. *Bulletin of Buryat State University*, 2010, (10): 70–73. (In Russ.)] EDN: ZTUDFH
11. Элиаде М. Миф о воссоединении. In: Элиаде М. *Азиатская алхимия*. М.: Янус-К, 1998. С. 273–323. [Eliade M. The myth of reunification. In: Eliade M. *Asian alchemy*. Moscow: Ianus-K, 1998, 273–323. (In Russ.)]

12. Разумкова Н. В. Концепт «дом» как структурная единица поэтической картины мира. *Лингвистика XXI века: традиции и инновации*, отв. ред. М. В. Пименова. (Санкт-Петербург, 21 июня 2019 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2019. Вып. 23. С. 106–111. [Razumkova N. V. Concept "house" as structure element of the poetic picture of the world. *Linguistics of the XXI century: traditions and innovations*, ed. Pimenova M. V., St. Petersburg, 21 Jun 2019. St. Petersburg: SPbSUE, 2019, iss. 23, 106–111. (In Russ.)] EDN: MRWCDW
13. Гюлев А. С., Курбанов М. М. Особенности сюжетов о «невинно гонимых» героинях в сказочной традиции табасаранцев. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2016. Т. 10. № 4. С. 83–88. [Gyulev A. S., Kurbanov M. M. The features of the plots of "Wrongfully persecuted" heroines in the Tabasarans' fairy tradition. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i humanitarnye nauki*, 2016, 10(4): 83–88. (In Russ.)] EDN: YFNFLB
14. Мошина Е. А., Бакирова А. А., Бекмурзаева Ф. Ш. Реализация антропоморфного кода в структуре ландшафтного, анималистического и космического концептов в русской лингвокультуре. *Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований*, отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2018. Вып. 16. С. 64–71. [Moshina E. A., Bakirova A. A., Bekmurzaeva F. Sh. Implementation of anthropomorphic code in the structures of landscape, animalistic and cosmic concepts in Russian linguistic culture. *Linguocultural aspects of conceptual research*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbSUE, 2018, iss. 16, 64–71. (In Russ.)] EDN: KWRUTK
15. Негматов Н. Н., Соколовский В. М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии. *Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник 1974*, ред. Д. С. Лихачев. М.: Наука / Интерпериодика, 1975. С. 438–458. [Negmatov P. N., Sokolovsky V. M. The Capitoline lupa in Tajikistan and legends of Eurasia. *Monuments of culture. New Discoveries: yearbook 1974*, ed. Likhachev D. S. Moscow: Nauka / Interperiodika, 1975, 438–458. (In Russ.)] EDN: VQNHVL
16. Иванов В. В. Древнебалканский и общиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели. *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста*, сост. и отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 181–213. [Ivanov V. V. Old Balkan and common Indo-European text of the myth about the Hero That Killed The Dog and Eurasian parallels. *Slavic and Balkan Linguistics. Carpatho-East Slavic parallels: the structure of the Balkan text*, comps. and eds. Sudnik T. M., Tsivyan T. V. Moscow: Nauka, 1977, 181–213. (In Russ.)] EDN: WFWZER
17. Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1975. Т. 34. № 5. С. 385–422. [Ivanov V. V. Reconstruction of Indo-European words and texts reflecting the cult of the wolf. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 1975, 34(5): 385–422. (In Russ.)]
18. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, 1999. 310 с. [Nikolaeva N. A., Safronov V. A. *The origins of Slavic and Eurasian mythology*. Moscow: Belyi volk, 1999, 310. (In Russ.)]
19. Бедненко Г. Б. Образ Волка у индоевропейцев. [Bednenko G. B. The image of the wolf among the Indo-Europeans. (In Russ.)] URL: <http://ec-dejavu.ru/w/Wolf.html> (дата обращения: 02.07.2022).
20. Грушко Е. А., Медведева Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Рус. купец; Братья славяне, 1995. 367 с. [Grushko E. A., Medvedeva Yu. M. *Dictionary of Slavic mythology*. Nizhny Novgorod: Rus. kupets; Bratia slaviane, 1995, 367. (In Russ.)]
21. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – нач. XX в). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 201 с. [Mazin A. I. *Traditional beliefs and rituals of the Evenks-Orochons in late XIX – early XX centuries*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1984, 201. (In Russ.)]
22. Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л.: АН СССР, 1958. 238 с. [Anisimov A. F. *The religion of the Evenks in the historical and genetic study and the problems of the origin of primitive beliefs*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1958, 238. (In Russ.)]
23. Кузьмина Р. П. Концепт «медведь» в языковой картине мира эвенов. *Филология: научные исследования*. 2019. № 2. С. 223–231. [Kuzmina R. P. The "bear" concept in Evens' world view. *Philology: scientific research*, 2019, (2): 223–231. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.2.29935>
24. Бекмурзаева Ф. Ш. Смысловая наполненность концептов лошадь / конь и horse на примере концептуального признака «военный». *Язык как зеркало культуры*, ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 83–86. [Bekmurzaeva F. Sh. Semantic content of the concepts *loshad'* / *kon'* and *horse* on the example of the conceptual sign "military". *Language as a mirror of culture*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbSUE, 2019, 83–86. (In Russ.)] EDN: DZSJBS
25. Анисимов Р. Н. Зооморфные компоненты в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека. *Сибирский филологический журнал*. 2016. № 4. С. 203–218. [Anisimov R. N. Zoomorphic components in Yakut phraseological units describing a human. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2016, (4): 203–218. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18137083/57/18>

оригинальная статья

Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов *Род* и *Макошь*

Вайрах Юлия Викторовна
Иркутский национальный исследовательский технический
университет, Россия, Иркутск
<https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>
vayrakh@yandex.ru

Гульсара Озгонбаевна Ибраимова
Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева,
Киргизская Республика, Бишкек
<https://orcid.org/0000-0002-9458-2181>

Поступила в редакцию 22.08.2022. Принята после рецензирования 21.09.2022. Принята в печать 26.09.2022.

Аннотация: Актуальность предпринятого исследования заключается в осмыслении когнитивных признаков макроконцептов *Род* и *Макошь* / *Мокошь* в аспекте символов русской лингвокультуры. Научная новизна состоит в первом опыте анализа изучаемых макроконцептов в аспекте понятийных признаков. Цель – описать понятийную часть структур макроконцептов *Род* и *Макошь* в русской лингвокультуре. Задачи: 1) проанализировать лексемы *Род* и *Макошь* / *Мокошь* (основные репрезентанты исследуемых макроконцептов) в Национальном корпусе русского языка; 2) сопоставить выявленные когнитивные признаки макроконцептов. В статье используется набор методов лингвистического анализа: дескриптивный, интерпретативный, концептуальный. В результате анализа материалов из Национального корпуса русского языка было найдено 33 когнитивных признака макроконцепта *Макошь* в русской лингвокультуре, которые можно распределить на 11 блоков: 1. (Божественное) материнство (4 признака): богиня, Богородица / Дева Мария, маковка, макушка. 2. Природные объекты и явления (4 признака): дождь, звезда, земля, рога / рог изобилия. 3. Плодородие (2 признака): изобилие, урожай. 4. Духи природы (1 признак): русалки / вилы. 5. Родство (6 признаков): жена, мать, прародитель, родство, семья, старшая сестра. 6. Функции (4 признака): громовержец, пряха, творец, хозяйка. 7. Взаимоотношения (1 признак): забота. 8. Оценка (1 признак): благо. 9. Человек (2 признака): девушка, женщина. 10. Судьба (4 признака): доля, жребий, судьба, удача. 11. Культ (4 признака): идол, Параскева Пятница, Рожаница, треба / жертвоприношение. В структуре макроконцепта *Род* было определено 35 когнитивных признаков, которые можно распределить на 13 блоков: 1. (Божественное) отцовство (2 признака): бог, Бог-отец. 2. Природные объекты и явления (3 признака): звезда, молния, небо. 3. Плодородие (1 признак): урожай. 4. Родство (4 признака): отец, прародитель, родство, семья. 5. Функции (5 признаков): земледелие, повелитель, правосудие, созидание, творец. 6. Взаимоотношения (2 признака): забота, охрана. 7. Оценка (3 признака): благо, лукавство, прелюбодеяние. 8. Судьба (2 признака): доля, судьба. 9. Культ (5 признаков): идол, пиршество, Стрибог, треба / жертвоприношение, Ярило. 10. Успех (4 признака): макушка, прибыль, процветание, успех. 11. Место рождения (1 признак): Родина. 12. Свойство (1 признак): сила. 13. Люди (2 признака): цивилизация, человечество. Эти признаки отображают особенности русской ментальности, сохранившей в разные периоды истории языка память о культе Рода и Богини-матери – Макоши, который последовательно воспроизводился в почитании матери – земли и отца и матери людей – Рода и Макоши. Христианские аспекты проявляются в структурах изучаемых макроконцептов в виде образа Богоматери – Девы Марии и Бога-отца, прообразом которого можно назвать Рода. В структурах макроконцептов *Род* и *Макошь* совпадают следующие когнитивные признаки: благо, божественность (бог, богиня), доля, забота, звезда, идол, прародитель, родство, семья, судьба, творец, треба / жертвоприношение, урожай. В структуре макроконцепта *Род* отсутствуют признаки природных духов и человека (многие ученые подчеркивали персонифицированность Рода в славянском пантеоне). В связи с заимствованиями слов в русский язык понятие рода расширяется до человечества и цивилизации в целом. Появление негативной оценки в структуре макроконцепта *Род* обусловлено сменой религии. Большое количество выделенных признаков указывает на древнюю природу сравниваемых макроконцептов. На это же указывает синкретизм найденных признаков.

Ключевые слова: символический макроконцепт, когнитивные признаки, структура макроконцепта, языковая картина мира, русская лингвокультура

Цитирование: Вайрах Ю. В., Ибраимова Г. О. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов *Род* и *Макошь*. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 686–695. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-686-695>

full article

Macro-Concepts of *Rod* and *Makosh*: A Comparative Analysis of Motivating Signs

Yuliya V. Vayrakh

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

vayrakh@yandex.ru

Gulsaira O. Ibraimova

I. Arabaev Kyrgyz State University, Kyrgyzstan, Bishkek

<https://orcid.org/0000-0002-9458-2181>

Received 22 Aug 2022. Accepted after peer review 21 Sep 2022. Accepted for publication 26 Sep 2022.

Abstract: The article describes the macro-concepts *Rod* (a Slavic female deity) and *Makosh* (a Slavic female deity) in the Russian linguistic culture. It is the first attempt to analyze these macro-concepts in terms of conceptual signs. The authors studied the lexemes of *Rod* and *Makosh* / *Mokosh* as the main representatives of the macro-concepts in the National Corpus of the Russian Language, as well as compared their cognitive signs. The methods included descriptive, interpretive, and conceptual linguistic analyses. The macro-concept of *Makosh* revealed 33 cognitive signs, which were divided into 11 groups: 1. (Divine) motherhood (four signs): goddess, Mother of God / Virgin Mary, poppy head, crown. 2. Natural objects and phenomena (four signs): rain, star, earth, horns / cornucopia. 3. Fertility (two signs): abundance, harvest. 4. Spirits of nature (one sign): mermaids / pitchforks. 5. Kinship (six signs): wife, mother, grandparent, relationship, family, elder sister. 6. Functions (four signs): thunder-bearer, spinner, creator, mistress. 7. Relationships (one sign): care. 8. Evaluation (one sign): good. 9. Person (two signs): girl, woman. 10. Fate (four signs): share, lot, fate, luck. 11. Cult (four signs): idol, Paraskeva Pyatnitsa (*Saint Paraskevi of Iconium*), Rozhanitsa (*a Slavic female deity*), treba (*prayer*) / sacrifice. The structure of the macro-concept *Rod* had 35 cognitive features, which were divided into 13 groups: 1. (Divine) fatherhood (two features): god, God-father. 2. Natural objects and phenomena (three features): star, lightning, sky. 3. Fertility (one sign): harvest. 4. Kinship (four signs): father, grandparent, kinship, family. 5. Functions (five signs): agriculture, ruler, justice, creation, creator. 6. Relationships (two signs): care, protection. 7. Evaluation (three signs): good, deceit, adultery. 8. Fate (two signs): share, fate. 9. Cult (five signs): idol, feast, Stribog (*a Slavic male deity*), treba (*prayer*) / sacrifice, Yarilo (*a Slavic male deity*). 10. Success (four signs): crown, profit, prosperity, success. 11. Place of birth (one feature): Motherland. 12. Property (one sign): strength. 13. People (two signs): civilization, humanity. These signs reflected the peculiarities of the Russian linguistic mentality, which preserved the memory of the cult of Rod (literally, *kin*) and Makosh (Mother Goddess). This cult was consistently reproduced in veneration of the Mother Earth and family deities Rod and Makosh, the divine parents of people. Christian aspects manifested themselves as the image of Virgin Mary and God the Father. The macro-concepts of *Rod* and *Makosh* appeared to have a number of overlapping cognitive features: good, deity (god, goddess), destiny, care, star, idol, progenitor, kinship, family, fate, creator, prayer / sacrifice, harvest.

Keywords: symbolic macro-concept, cognitive signs, structure of macro-concept, language picture of the world, Russian linguistic culture

Citation: Vayrakh Yu. V., Ibraimova G. O. Macro-Concepts of *Rod* and *Makosh*: A Comparative Analysis of Motivating Signs. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 686–695. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-686-695>

Введение

Исследование макроконцептов *Род* и *Макошь* / *Мокошь* проведено с конкретной целью – определить когнитивные признаки, формирующие фундамент их структур в русской лингвокультуре: «Богиня-мать, главное женское божество в большинстве мифологий мира. Как правило, соотносится с землей и – более широко – с женским творческим началом в природе»¹; «Бог Род в славянской мифологии – воплощение рода, единства потомков одного предка»². Миф сохраняется в языке в виде разных форм, чаще всего в виде устойчивых сочетаний: «Миф транслирует вечное,

вневременное, то, что присуще всем людям во все времена: нравственные ценности, модели поведения, мотивационные установки, которые были свойственны человеку тысячи лет» [1, с. 238]. Миф – одно из самых консервативных явлений культуры, медленно меняющих свою структуру.

У каждого народа своя мифология, свой путь в познании мира, т. е. своя культура. Эти знания оставляют глубокий след в языковой картине мира: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [2, с. 193–194].

¹ Богиня-мать. *Мифы народов мира*: энциклопедия, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 2008. С. 148.

² Там же. С. 871.

Язык аккумулирует все знания, накопленные народом: «Язык в гумбольдтианской традиции понимается как зеркало культуры, в котором отображаются все имевшие место представления (мифологические, религиозные) народа о мире, в котором он живёт. При помощи языка формируется миропредставление человека, закладываются основы его культуры» [3, с. 34]. Осваивая язык, его носитель впитывает в свое сознание мифы, скрытые в языке: «языковая деятельность в свою очередь включена в структуру мифа. И миф использует язык для своего предметного оформления» [4, с. 253–254]. Обращаясь к языку, исследователь рассматривает растворенные в языковых знаках когнитивные признаки сохранившихся мифологем.

Для определения когнитивных признаков, формирующих структуры макроконцептов *Род* и *Макошь* / *Мокошь*, используется комплекс методов: концептуальный, интерпретативный, дескриптивный. Источником языкового материала послужили работы предшествующих исследователей и Национальный корпус русского языка (НКРЯ)³.

В научной литературе отмечены работы, в которых рассматриваются некоторые аспекты символических макроконцептов в разных лингвокультурах. Особое внимание было обращено на макроконцепт *Великая Богиня-мать* [5]. Макроконцепту *Род* был посвящен ряд работ М. В. Пименовой 2021–2022 гг. [6–8]. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении основных способов реализации макроконцептов *Род* и *Макошь* / *Мокошь* в аспекте теоморфных признаков.

Результаты

В исследованиях славянского фольклора отмечается факт неопределенности имен богов, их функций, ареала их почитания и т. д. В. В. Иванов и В. Н. Топоров пишут, что к X в. «помимо богов, входивших в пантеон, известны и другие мифологические персонажи, о которых обычно сообщают более поздние источники. Одни из них тесно связаны с семейно-родовым культом (Род) или с сезонными обрядами (Ярила, Купала, Кострома)» [9, с. 932]. Почитание Рода обусловлено представлениями о единстве мира, преемственности поколений, объединении человека и окружающей природы: «Для славян характерно представление о трех матерях человека – родной матери, Богородице и матери-сырой земле, отраженное как в устной традиции, так и в письменной («Повесть св. отец о пользе душевной всем православным Христианом», приписываемая Иоанну Златоусту)»⁴. Мифологическое сознание славянских народов сохраняет ассоциативную связь между словами *мать* и *род*. Мать – это женщина, которая продолжила свой род в детях.

На предшествующем этапе исследования в результате изучения 15 этимологических и историко-этимологических словарей в структуре макроконцепта *мать* М. В. Пименовой

были выявлены символические признаки божественного материнства среди мотивирующих: творец, образователь, Богородица, земля [6]. Эти признаки «отображают специфику русской ментальности, сохранившей в концептуальной системе в разные периоды истории языка память о культе Великой Богини-матери – основательнице мира, который последовательно воспроизводился в традициях почитания матери сырой земли и Богородицы – Девы Марии» [5, с. 787]. В славянской мифологии прообразом Великой Богини-матери была Макошь (Мокошь). Это женское божество встречается в двух основных вариантах написания. На Русском Севере в XIX в. были отмечены дополнительные варианты имени: Макешь, Мокуша, Макуша. Исследователи пишут об этом феномене как об одном из этапов трансформации «женского образа основного мифа: от Мокоши до Марины в былинах о Добрыне», упоминая другие имена богини: Мара, Марена, Морена [10, с. 179]. Языковой материал из НКРЯ показывает наличие других имен этого божества: *По его мнению, после принятия христианства русские много веков оставались двоеверами, почитая Макошь под именем Девы Марии (она же Маришка и Маркуша)* (Эрлихман В. Микроскопом по истории). Макошь – богиня, в функции которой находилась вся женская сфера жизнедеятельности человека, в том числе родовая. В современных исследованиях богиня Мокошь сопоставляется с германо-скандинавскими богинями Фригг и Фрейя [11], анализируется единство женских образов языческой и христианской культур [12], интерпретируется миф об именинах земли [13], раскрываются функции оберега богини Мокошь [14, с. 33], изучаются особенности отражения мифологемы *Мокошь* [15].

Существует несколько мнений по поводу прообраза христианской божественной иерархии, которая описывалась терминами родства. В соответствии с первым под именем Богородицы скрывалась Макошь: *Пантеон содержал, как средство противопоставления христианству, три божественных образа, сопоставимых с христианскими: бог-отец – Стрибог, бог-сын – Даждьбог и Макошь – женское божество, аналогичное христианской Богородице* (Еремеева С. А. Лекции по русскому искусству). Согласно второму мнению, как и Богородица, Макошь не входила в дохристианскую Троицу: *Богородица не входила в Троицу, а одна из главных богинь – Макошь – требовала внимания к себе* (Еремеева С. А. Лекции по русскому искусству). Как видим, оба мнения не противоречат друг другу, а дополняют.

В период двоеверия, когда имя Макоши было под запретом, его заменило имя Параскевы-Пятницы: *Прообразом христианской Параскевы-Пятницы была древнеславянская богиня Мокошь (Макошь, Мокуша)* (Шотландия О., Клейн А. Ноябрь). С принятием христианства оно было

³ НКРЯ. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.07.2022).

⁴ Кабакова Г. И. Мать. Славянские древности: этнолингвистический словарь, под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. III. С. 207.

преобразовано в Богородицу – Деву Марию: *По его мнению, после принятия христианства русские много веков оставались двоеверами, почитая Макошь под именем Девы Марии (она же Маришка и Маркуша)* (Эрлихман В. Микроскопом по истории).

В письменных памятниках имя *Макошь* упоминается в начале XII в. в «Повести временных лет». Это божество известно многим славянским народам. *Макошь* прямо называется богиней-матерью: *Согласно ей главным и самым древним славянским божеством была богиня-мать Макошь (она же Мокошь)* (Эрлихман В. Микроскопом по истории). Н. М. Гальковский отмечал, что «чехи почитали Мокошь божеством дождя и сырости, и к нему прибегали с молитвами и жертвоприношениями и во время большой засухи» [16, с. 33]. Влага – необходимое условие плодородия земли.

Б. А. Рыбаков высказал мнение, что «русская Макошь отражала в какой-то мере и среднюю фазу гекатовского культа, являясь благожелательной богиней, связанной с аграрно-магическим комплексом представлений», т. к. русалки и Симаргл, ассоциируемые с нею, «содействовали получению урожая» [17, с. 383]. Макошь связана с русалками, которых называли *вилами* в славянских культурах: *Макошь – почти всегда упоминается в источниках рядом с вилами-русалками* (Еремеева С. А. Лекции по русскому искусству). Древнее земледельческое божество Макошь считалось матерью урожая, богиней жизненных благ и изобилия [18, с. 101]. Эпитеты Макоши – мать урожая, хозяйка: *И на главной лицевой грани – Макошь, «мать урожая», хозяйка символического рога изобилия* (Еремеева С. А. Лекции по русскому искусству).

Среди людей Макошь появлялась в виде юной девушки: *Скитаясь по земле в образе девушки, Макошь внимательно наблюдала, кто как трудится и исполняет свои обязанности* (Епифанцев В. По следам поверженных идолов). Идолы богини были украшены рогами: *Несмотря на то, что Макошь всё же была женщиной, её идолы из осины украшались рогами* (Епифанцев В. По следам поверженных идолов). На самом деле ассоциативная связь Макоши с рогом обусловлена идеей изобилия – в руках у Макоши был этот рог.

Дохристианский пантеон включал разных богов – Рода и Рожаниц: *У Рода были помощницы – Рожаницы, которые впоследствии обрели собственные имена и образы – Дидилия, Зизя, Макошь и др.* (Епифанцев В. По следам поверженных идолов). Макошь находится среди них: «Упоминается Мокошь в одних и тех же источниках, обычно вместе с Рожаницами – богинями... На полотенцах для весенних обрядов Мокошь изображалась с воздетыми к небу руками, как бы молящая верховное небесное божество оросить дождем вспаханные и засеянные поля» [18, с. 101].

В. В. Иванов и В. Н. Топоров указывают на то, что «культ Рода длительное время сохранялся и в мужской среде (в том числе в княжеской), тогда как рожаницы стали относиться

к многочисленным существам, упоминающимся обычно в форме множественного (собирательного) числа женского рода (ср. берегини, лихорадки и т. п.) и связанным с женской средой (в «поучениях» – «бабы богомерзкие», среди которых сохранялись некоторые языческие культы). Для этого позднего периода «двоеверия» можно предполагать и непосредственную связь культа рожаниц с идеей продолжения рода и судьбой новорожденного, которому роженицы (хорв. ројеницы, словен. rojenice) определяют долю (ср. также образы Суда и судениц)» [19, с. 871].

До нас дошли имена некоторых Рожаниц: *У Рода были помощницы – Рожаницы, которые впоследствии обрели собственные имена и образы – Дидилия, Зизя, Макошь и др.* (Епифанцев В. По следам поверженных идолов). Поднятые руки к небу – жест обращения и молебны: *Женщина с руками большими, вверх поднятыми, не барыня, а богиня Макошь* (Колпакова О. В. Большое сочинение про бабушку).

Указывая на несомненную близость слов, обозначающих жребий (кошь, кшь) и имя Макошь, Б. А. Рыбаков делает вывод, что «учитывая глубокую древность слова Ма (мать), можно представить себе «Ма-кошь» как наименование «Матери счастливого жребия», богини удачи, судьбы» [17, с. 384]. По одной версии Макошь – супруга Перуна-громовержца, по другой – Велеса: *Была у Велеса и жена – верная Макошь, богиня судьбы* (Епифанцев В. По следам поверженных идолов). В. В. Иванов и В. Н. Топоров высказывают предположение, что Макошь только по одной версии была женой громовержца, а по другой – она есть женское его соответствие [19].

Макошь – богиня-пряха, в ее руках – судьбы людей. «Типологически Макошь близка греческим мойрам, германским норнам, прядущим нити судьбы, хеттским богиням подземного мира – пряхам, иран. Ардвисуре Анахите и т. п.» [20, с. 684]. О. Н. Трубачев, ссылаясь на А. Брюкнера, отмечал, что «родъ, родити означало сначала «успех», «процветание», «урожай», «прибыль», «забота»» [21, с. 153]. Род и Рожаницы, включая Макошь, заботились о своих потомках. В этом проявляется культ предков, судя по всему, бытовавший у славян. Макошь сохраняет устойчивую языковую связь со словом *макушка*. Если у дерева была пышная крона, макушка, то это указывало на плодородие земли, на хороший урожай: *Развернулся дубовый лист, стало быть, земля вошла в полную силу и принялась за род: «Коли на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой»* (Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила). Традиционно макушкой называли купол церкви, ее верхушку: *В щелях бойниц пылила сухая улица, торчала макушка церкви, клочком неба за крышами и деревьями голубела Волга* (Дедков И. А. Дневник). Макушкой лета всегда обозначается июль: *Вокруг сплошное зелёное море. Июль – макушка лета* (Бирюлин В. Лирические этюды). Человек, рожденный с двумя макушками на голове, считался счастливым человеком, потому что его оберегали силы

природы, ангелы-хранители: Однако недаром у него на голове была не одна **макушка**, как у большинства мальчиков, а две, что, как известно, является вернейшим признаком счастливчика (Катаев В. П. Белеет парус одинокий).

В словаре И. И. Срезневского дается толкование слову **маковица**: «купол, верхъ Бысть туча велика съ востока, и удари громъ вельми сильно в маковицу святого Феодора церковъ и зажже, згоре до вечерни. Лавр. А. 6813 г.»⁵. Маковкой называли купол церкви, символ верха, божественного, связи с высшими силами: Только вспыхивавшая, подобно искре, золотая церковная **маковка** давала знать, что это было людное, большое селенье (Гоголь Н. В. Мертвые души). Маковка обозначает то же, что и макушка. В словаре Н. В. Горяева приводятся родственные слова: мак, макуха, маковица, маковник, макытра, макогон⁶. Все эти слова восходят к древнему корню и связаны с когнитивными признаками Макоши. В словаре Г. П. Цыганенко дается этимология слова **макитра** / **макотра**: «из корня мак-, соединительного гласн. -о- и второго корня тру-, тереть создано сложное слово "макотра" – первонач. "горшок, в котором трут мак", "широкий глиняный горшок"»⁷. В Словаре русских народных говоров **макотра** / **макотёр** имеет обозначение «широкий сужающийся к низу глиняный горшок, в котором топили и хранили молоко, масло, ставили опару, пекли хлеб»⁸: А потому въ крестьянскихъ хозяйствахъ дрожжи делаются редко, а вместо настоящихъ дрожжей употребляется тесто, оставшееся после печенія хлеба на стенкахъ джжки (кадушки) или **макитры**. Впрочем, я рѣдко встречалъ **макитры** въ крестьянскомъ хозяйстве (Гольцев В. А. Внутреннее обозрение. Русская мысль, 1880).

С макитрой связан свадебный обычай «идут с пирогами», когда гости отправлялись в дом невесты. Макитру, наполненную пирогами, украшенную цветками и разноцветными лентами, ставили на видном месте, чтобы гости могли подойти к невесте, а она их угостить. Прослеживается очевидная языковая параллель Макоши и слова **макотра**, которое обозначает мак и тереть. В народном сознании слово **макитра** получило и отрицательную оценочность. У белорусов, украинцев **макотра** (**макитра**) использовалась для приготовления теста, овощей и творога. Позднее макитрой стали называть глупую женщину, у которой вместо головы – пустой горшок. Явная ирония фиксирует смещение ценностной позиции объекта иронии, представление ее в ином свете.

Родовыми эпитетами Макоши стали термины родства: **мать**, **матушка**: И пошел он к Макоши-матушке, и спросил ее о своей судьбе. И сказала ему **Макошь-матушка**: – Ты ступай,

светлый Хорс, к бережочку, укради у Зари ее крылышки (Песни птицы Гамаюн. Наука и религия, 1992); **старшая сестра**: Тем, кто стойко переносил все невзгоды, **Макошь** посылала свою младшую **сестру** Сречу, приносящую удачу и счастье (Епифанцев В. По следам поверженных идолов). С именем Макоши тесно связана идея родства и родственных взаимоотношений с людьми и главой клана – Родом.

Обратимся к макроконцепту Род. В его структуре М. В. Пименова на основе изучения 15 этимологических и историко-этимологических словарей выявила три символических признака среди мотивирующих: название божества древних славян, судьба, родина [6, с. 41].

О месте Рода в иерархии богов было несколько версий. Согласно одной версии Род был богом богов: Если у восточных славян **богом богов** был **Род**, то у западных им являлся **Свентовит** (Епифанцев В. По следам поверженных идолов). По другой версии могущественный славянский бог Род был третьим по значимости славянским богом: Они (славяны и анты) считают, что один только **бог творец молний** является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают... Они почитают реки и нимф и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания⁹. Б. А. Рыбаков считал бога Рода предшественником Перуна: «Под "творцом молний" можно подразумевать и древнего Рода ("родия" – молния), и пришедшего ему на смену Перуна...»; по мнению ученого, «так могло произойти отщепление образа бога грозы как символа войны и сопровождающих ее пожаров от давнего земледельческого божества Рода, повелителя мира, дующего дух жизни во все живое. Однако это отщепление не было повсеместным» [22, с. 34]. Как отмечает М. В. Пименова, символический признак «название божества древних славян» может выражаться косвенным образом в пословицах: **Бог не родит, не возьмешь ни семенем, ни племенем** [7, с. 42]. Б. А. Рыбаков, сопоставляя понятия **род** – **родия** (молния) – **небо** – **свет** – **святость** – **световид** (горизонт) – **Святовит**, установил, что бог Род может быть равен польскому богу Святовиту. Святовит представляют четыре бога, которые стоят спинами друг к другу (север – Макошь, восток – Велес, юг – Род, запад – Перун). Изображение одного бога Святовита приравнивалось к пониманию бога Рода. Для почитания бога Рода возводили храмы Рода, представляющие собой часть славянского святилища: внутри – храм Макоши, снаружи – храм Рода, под землей – храм Мары. Надписи храма (дома) Рода можно встретить в православных церквях [22, с. 34].

⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. С. 102.

⁶ Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896.

⁷ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. К.: Рада, 1989. С. 223.

⁸ Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Леснокаменный–Масленичатый. Л.: Наука, 1981. С. 314.

⁹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М.: АН СССР, 1950. С. 297.

В народных преданиях существует миф о происхождении бога Рода: в тишине разбилось яйцо, а из золотой скорлупы появился Род, который дал жизнь всему живому. Тело Рода впоследствии стало Вселенной, а мысль – жизнью. Утка и щука были символическими образами Рода, поэтому в сказках именно они были всемогущими волшебниками, к которым можно было обратиться за помощью.

Бог как творец всего сущего, созидаящая сила в единстве с природой заботится о роде человеческом, что вербализуется в когнитивном признаке *творец* макроконцепта Род: Второе, как человеку одному никак благополучно быть и **род** свой продолжить невозможно, то ему **бог** сотворил помощницу, сие есть жену, и первым законом утвердил, еже с нею умножить род свой; и дабы любовь между мужем и женою накрепчайше связана была, имяновал супружество единою плотию (Ефесеям, гл. В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах). В когнитивном признаке бог вербализуется значение божьего суда, обусловленного представлением, что бога нельзя ослушаться, разгневать: Сие примечания достойно, какое великое божеское **правосудие** и по делам в род и род воздаяние на сих детях Ярославлих изъяснено (Татищев В. Н. История российская в семи томах).

У бога Рода несколько ипостасей, одна из которых – Стрибог: Другой славянский бог, **Стрибог**, возможно, является одной из более поздних ипостасей **Рода** (Епифанцев В. По следам поверженных идолов), другая – Ярило: **Ярила** был богом весеннего солнца, плотской любви, мужской силы и продолжения рода (Епифанцев В. По следам поверженных идолов). Род выражает мужскую компоненту родства.

Родовой эпитет бога Рода – отец: Всеволод, меньший сын Ярославль, как более для его почтения и покорности **отцем** любим был, более всех завет **отцов** сохранил, справедливость, любовь к братии и кротость изъяснил, так его бог пред всею братиею благословил, что его род, на престоле утвердися, более 500 лет Россию владел, и еще оставшие от того **рода** днесь скромно и кротко в посредстве содержатся и нигде в замешаниях и злых предприятиях не показались, разве за государей и отечество с честью пострадали (Татищев В. Н. История российская в семи томах). В христианстве правопреемником Рода стал Бог-Отец – глава Святой Троицы: Сын Божий «ходатай пред **Отцем**» (1 Ин. 2: 1) за весь человеческий **род** (Митрополит Иларион (Алфеев). Катехизис). Патерналистский характер христианства выражается в разных формах имен: Бог-отец, в Молитве «Отче наш» и под.

Символический признак *судьба* выражает прямое предназначение бога: повелевать судьбами людей, участвовать в их судьбе, направлять, предупреждать. В этом контексте реализуется когнитивный признак *идол*, потому что люди в трудную минуту поклоняются богам, приносят жертвоприношение: Древнее писание предупреждало: «если вы промолчите, то дом ваш разрушится и **род** ваш погибнет!» (Галактионова В. Г. 5/4 накануне тишины).

В НКРЯ встречаются контексты, где Род оценивается негативно: **Род** лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дается ему, кроме знамения Ионы-пророка! (Шляпентох Д. Конец Истории: благословенный Иов). В других контекстах слово род расширяет свое значение до 'все человечество, цивилизация': это характерно для переводных текстов, выражающих иную ментальность: В случае падения они готовы увлечь за собой свою семью, целый **род**, всю цивилизацию (Эстергрен К. Гангстеры).

А. Н. Веселовский, размышляя о вере русского человека в предопределенность, судьбу, пришел к выводу, что это психологическое настроение русского народа, его внутреннее убеждение [23]. Культ предков возникает из веры человека в то, что наследственные черты отца и матери перейдут потомкам, и род определяет их дальнейшую судьбу, долю: И две родственные мне, но не родственные друг другу силы, род матери и род отца, непримиримо сошлись между собой: каким мне быть, в кого пойти, и каждая готова была и ценою смерти не допустить, чтобы верх взяла другая (Лебедев С. Предел забвения). Важным жизненным постулатом в любой семье становится продолжение рода: Ванёк подрастет, пусть и **продолжит род** (Фролова М. Мяч в поднебесье). Доля зависит от самого рождения, от рода, прославленного благими делами предков: Для него ужасно важно, чтобы наш **род пробился как можно выше** (Каллас Т. Традиционный сбор). Вербализация когнитивного признака *доля* в значении 'несчастливая доля', 'незавидная участь', 'предопределенность' происходит посредством слова *отродье* и через выражение что на роду написано: Хвались и болгар **отродие**. Исмаилов **род** (Татищев В. Н. История российская в семи томах). Символический признак *судьба* выражает суть Рода – Род и есть судьба: Думаю, взираю на свод лазоревый, возношусь духом выше, выше – и взор мой проясняется, отираю слёзы – и мирюсь с судьбою, мирюсь с человеческим родом (Карамзин Н. М. Филалет к Мелодору). Род описывается соматической метафорой колен – поколений: Исмаилов же **род** колен 12, от которых сии четыре **рода** (316), а осемь колен заклепаны Александром Великим в горах, которые имеют изыти в кончине мира (Татищев В. Н. История российская в семи томах). Род вершит судьбы, решая, как жить целым поколениям.

Память о предках – нравственная первооснова традиций рода: каждый должен знать происхождение рода, свои корни: Вы знаете, с кого начинается ваш род? (Янькова Т. Социальная сеть вашей семьи «Родня»: сохраняем историю для грядущих поколений). Выражение *из рода в род* означает 'из поколения в поколение', 'из уст в уста': И дотоле его не умрет похвальная память, дондеже не оскудеют истории, последним веком тебе гласящая, сиесть со псаломником глаголя: «Память его пребывает в **род и род**» (архиепископ Феофан Прокопович. Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу). Предки – защитники людей,

их берегини и охранители: В старинных русских памятниках средоточием этого культа является со значением **охранителя** родичей **род** со своими **рожаницами...** (Ключевский В. О. Русская история). Память о предках – важная составляющая культуры народа.

Богу Роду поклонялись, приносили подношения, совершали ритуалы и обряды во славу предков: *Возьми ты, имярек, от меня, имярек, два лебедя белых гостинцы, свяжи [и] Бог тебе на послужи, возьми проч[ь] отца и мать, и род, и племя, и всех родителей, доспей его по старому здрава, а меня, имярек, прости* (Обряды против недруга. 1625–1650). В. В. Иванов и В. Н. Топоров подчеркивают, что Роду и Рожаницам «совершали особые жертвоприношения едой (в том числе кашей, специально для этого варившейся, хлебами, сырами) и питьём (мёдом)» [19, с. 871].

Род и Рожаницы считались прародителями – предками: **Прародительницы** рода назывались **рожаницами** и так же почитались, как и **род** (Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории). В описании ритуала почитания Рода и Рожаниц актуализируются когнитивные признаки **идол, бог, благо, пиришество**: Трапеза **Роду и рожаницам** была частью обычного обеда и либо просто оставалась на столе, либо вносилась в баню (Грузнова Е. Место, где все равны). В честь Бога Рода и Рожаниц пели песни, устраивали трапезы: *Возрадуются (верные) в веселии сердца, вы же, покоровившиеся бесам, молящиеся идолам и устраивающие пиришества в честь Рода и рожаниц, вы закричите в сердечной муке, будете рыдать в судорогах сердец своих!* (Еремеева С. А. Лекции по русскому искусству). Ритуальную часть составляли требы: *Начата требы класти, роду и рожаницам, прежде Перуна бога их, а переже того клали требу упирем и берегиням* (Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия). Треба – это жертва Богам – Роду и Рожаницам: Макошь / Мокошь относится к Рожаницам.

Мнение о том, что Род и Рожаницы суть светила, звезды, планеты, представлено в работе А. Н. Афанасьева. Автор приводит строки из раскольничьей «Истории о отцах и страдальцах Соловецких»: *видеша неции от житель столп огнен от земли до небеси сияющ, и видевше разумна, яко пустыник ко Господу отыде* [24]. В народных поверьях бытовало представление в душе как о звезде (*падающая звезда, гаснущая звезда*). М. В. Пименова пишет: «По народным представлениям душа после смерти в виде звезды появлялась на небе. Душа – это звезда (душа на небе / небесах; яркая душа). Падающая с неба звезда символизирует рождение человека: *Гляди – звезда упала! Это чья-нибудь душевья чистая встосковалась, мать-землю вспомнила!* (М. Горький. Детство). Души-звёзды – это божества» [25, с. 259]. Следы культа предков можно отыскать в сказках: «Самые древние представления о божествах русского народа отражены в сказках. В сказках в роли божеств – охранителей, дарителей благ, помощников и советчиков – выступают предки (зачин практически любой сказки – жили-были дед и баба;

ср.: в белорусском: *дзяды и бабы*). Млечный путь, звёздный путь – это путь к предкам» [25, с. 260].

Полученные результаты анализа статей из словарей и языкового материала с основными вербализаторами изучаемых макроконцептов приводятся в таблице. Большое количество выделенных признаков указывает на древнюю природу сравниваемых макроконцептов. На это же указывает синкретизм найденных признаков.

Заключение

Выделенные 33 когнитивные признака символического макроконцепта *Макошь* можно объединить в виде 11 блоков:

1. (Божественное) материнство (4 признака): богиня, Богородица / Дева Мария, маковка, макушка.
2. Природные объекты и явления (4 признака): дождь, звезда, земля, рога / рог изобилия.
3. Плодородие (2 признака): изобилие, урожай.
4. Духи природы (1 признак): русалки / вилы.
5. Родство (6 признаков): жена, мать, прародитель, родство, семья, старшая сестра.
6. Функции (4 признака): громовержец, пряха, творец, хозяйка.
7. Взаимоотношения (1 признак): забота.
8. Оценка (1 признак): благо.
9. Человек (2 признака): девушка, женщина.
10. Судьба (4 признака): доля, жребий, судьба, удача.
11. Культ (4 признака): идол, Параскева Пятница, Рожаница, треба / жертвоприношение.

Найденные 35 когнитивных признака символического макроконцепта *Род* можно объединить в виде 13 блоков:

1. (Божественное) отцовство (2 признака): бог, Бог-отец.
2. Природные объекты и явления (3 признака): звезда, молния, небо.
3. Плодородие (1 признак): урожай.
4. Родство (4 признака): отец, прародитель, родство, семья.
5. Функции (5 признаков): земледелие, повелитель, правосудие, созидание, творец.
6. Взаимоотношения (2 признака): забота, охрана.
7. Оценка (3 признака): благо, лукавство, прелюбодеяние.
8. Судьба (2 признака): доля, судьба.
9. Культ (5 признаков): идол, пиришество, Стрибог, треба / жертвоприношение, Ярило.
10. Успех (4 признака): макушка, прибыль, процветание, успех.
11. Место рождения (1 признак): Родина.
12. Свойство (1 признак): сила.
13. Люди (2 признака): цивилизация, человечество.

В структуре макроконцепта *Род* отсутствуют признаки природных духов и человека (многие ученые подчеркивали неперсонифицированность Рода в славянском пантеоне). В связи с заимствованиями слов в русский язык понятие рода расширяется до человечества и цивилизации в целом.

В структурах макроконцептов *Род* и *Макошь* совпадают следующие когнитивные признаки: благо, божественность (бог, богиня), доля, забота, звезда, идол, прародитель, родство, семья, судьба, творец, треба / жертвоприношение, урожай. Появление негативной оценки в структуре

макроконцепта *Род* обусловлено сменой религии. Общее количество выделенных когнитивных признаков в изучаемых структурах примерно одинаково: 33 признака в структуре символического макроконцепта *Макошь* и 35 признаков – в структуре макроконцепта *Род*.

Табл. Когнитивные теоморфные признаки в структурах макроконцептов *Род* и *Макошь*

Tab. Cognitive theomorphic features in the structures of macro-concepts *Rod* and *Makosh*

№	Когнитивные признаки	Род	Макошь	№	Когнитивные признаки	Род	Макошь
1	благо	+	+	28	повелитель	+	–
2	бог, богиня	+	+	29	правосудие	+	–
3	Бог-отец	+	–	30	прародитель	+	+
4	Богородица / Дева Мария	–	+	31	прелюбодеяние	+	–
5	громовержец	–	+	32	прибыль	+	–
6	девушка	–	+	33	процветание	+	–
7	дождь	–	+	34	пряжа	–	+
8	доля	+	+	35	рога / рог изобилия	–	+
9	жена	–	+	36	Родина	+	–
10	женщина	–	+	37	родство	+	+
11	жребий	–	+	38	Рожаница	–	+
12	забота	+	+	39	русалки / вилы	–	+
13	звезда	+	+	40	семья	+	+
14	земля	–	+	41	сила	+	–
15	земледелие	+	–	42	созидание	+	–
16	изобилие	–	+	43	старшая сестра	–	+
17	идол	+	+	44	Стрибог	+	–
18	лукавство	+	–	45	судьба	+	+
19	мать	–	+	46	творец	+	+
20	макушка	+	+	47	треба / жертвоприношение	+	+
21	маковка	–	+	48	удача	–	+
22	молния	+	–	49	урожай	+	+
23	небо	+	–	50	успех	+	–
24	отец	+	–	51	хозяйка	–	+
25	охрана	+	–	52	цивилизация	+	–
26	Параскева Пятница	–	+	53	человечество	+	–
27	пиршество	+	–	54	Ярило	+	–

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература

1. Ставицкий А. В. Миф в историческом поле культуры: психологический аспект. *Миф в истории, политике, культуре*: мат-лы II Междунар. науч. междисциплинар. конф. (Севастополь, 27–28 июня 2018 г.). Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 238–240. [Stavitskiy A. V. Myth in the historical field of culture: a psychological aspect. *Myth in history, politics, culture*: Proc. II Intern. Sci. Interdisciplinary Conf., Sevastopol, 27–28 Jun 2018. Sevastopol: Branch of MSU in Sevastopol, 2018, 238–240. (In Russ.)] EDN: OLKBRV
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с. [Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress, 1993, 656. (In Russ.)]

3. Пименова М. В., Капенова Ж. Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике: теория и практика (на примере ландшафтных концептов). СПб.: СПбГЭУ, 2016. 152 с. [Pimenova M. V., Kapenova Zh. Zh. *Conceptual research in modern linguistics: theory and practice (the case of landscape concepts)*. St. Petersburg: SPbSUE, 2016, 152. (In Russ.)]
4. Ставицкий А. В. Миф как язык: о некоторых подходах к изучению мифа лингвистами. *Миф в истории, политике, культуре*: мат-лы V Междунар. науч. междисциплинар. конф. (Севастополь, 22–25 июня 2021 г.) Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2021. С. 253–257. [Stavitskiy A. V. Myth as a language: on some approaches to the study of myth by linguists. *Myth in history, politics, culture*: Proc. V Intern. Sci. Interdisciplinary Conf., Sevastopol, 22–25 Jun 2021. Sevastopol: Branch of MSU in Sevastopol, 2021, 253–257. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35103/SMSU.2021.11.31.035>
5. Ибраимова Г. О. Структурные особенности символического макроконцепта *мать*: от первопризнака до символа. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 3. С. 782–789. [Ibraimova G. O. Structural features of the symbolic macroconcept of mother: from the first sign to the symbol. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 782–789. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-782-789>
6. Пименова М. В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД. *Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия Филологическая*. 2021. № 2. С. 37–44. [Pimenova M. V. Features of the structure of the symbolic macro concept GENUS. *Bulletin of Sh. Ualikhanov Kokshetau University. Philological series*, 2021, (2): 37–44. (In Russ.)] EDN: VSGPPQ
7. Пименова М. В. Символический макроконцепт «род» в русской лингвокультуре. *Общество, язык и культура XXI века: XXXVIII Междунар. науч. онлайн-конф. (Санкт-Петербург-Бишкек, 29–30 апреля 2021 г.)* СПб.: Ин-т иностранных языков; Бишкек: Манас, 2021. С. 37–46. [Pimenova M. V. Symbolic macroconcept of Род (genus) in Russian linguoculture. *Society, language, and culture in the XXI century*: Proc. XXXVIII Intern. Sci. Online Conf. St. Petersburg-Bishkek, 29–30 Apr 2021. St. Petersburg: Institute of Foreign Languages; Bishkek: Manas, 2021, 37–46. (In Russ.)] EDN: SPQNZT
8. Пименова М. В. Мифы России: пернатые образы богов и богинь (Перун-Род и Перыня-Макошь). *Мифологос*. 2022. № 3. С. 24–32. [Pimenova M. V. Myths of Russia: feathered images of gods and goddesses (Perun-Rod and Perynya-Makosh). *Mythologos*, 2022, (3): 24–32. (In Russ.)]
9. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 929–934. [Ivanov V. V., Toporov V. N. Slavic mythology. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1980, 929–934. (In Russ.)]
10. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с. [Ivanov V. V., Toporov V. N. *Research in the field of Slavic antiquities: Lexical and phraseological issues of text reconstruction*. Moscow: Nauka, 1974, 342. (In Russ.)] EDN: UFTQFJ
11. Дедюшина Е. В. Архетип женщины в славянской и германо-скандинавской мифологии: общее и особенное. *Этническая культура в современном мире*: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8 ноября 2019 г.) Чебоксары: ЧГИКИ, 2020. С. 37–40. [Dediushina E. V. Archetype woman in Slavic and German-Scandinavian mythology: general and special. *Ethnic culture in the modern world*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 8 Nov 2019. Cheboksary: ChSICA, 2020, 37–40. (In Russ.)] EDN: HRTAFX
12. Капля О. В. Единство женских образов языческой и христианской культур. *Культура, искусство, образование на перекрёстке времен и цивилизаций*: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Волгоград, 29–30 января 2019 г.) Волгоград: Волгоградская консерватория им. П. А. Серебрякова; ИП Никулина М. Г., 2019. С. 41–49. [Kaplya O. V. Unity women's images of pagan and Christian cultures. *Culture, art, and education at the crossroads of times and civilizations*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Volgograd, 29–30 Jan 2019. Volgograd: Volgograd Conservatory (institute) named after P. A. Serebryakova; IP Nikulina M. G., 2019, 41–49 (In Russ.)] EDN: XYCUJA
13. Мошина Е. А., Умурзакова А. Ж. Миф об именинах земли в русской лингвокультуре. *Миф в истории, политике, культуре*: мат-лы IV Междунар. науч. междисциплинар. конф. (Севастополь, 26–27 июня 2020 г.) Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2020. С. 141–145. [Moshina E. A., Umurzakova A. Zh. Myth about the name-days of the earth in Russian linguoculture. *Myth in history, politics, culture*: Proc. IV Intern. Sci. Interdisciplinary Conf., Sevastopol, 26–27 Jun 2020. Sevastopol: Branch of MSU in Sevastopol, 2020, 141–145. (In Russ.)] EDN: EFQJW
14. Космачёва О. Ю. Репрезентация смыслового элемента 'род' в русской лингвокультуре. *Гуманитарные исследования*. 2019. № 2. С. 31–37. [Kosmacheva O. Yu. The representation of the semantic element of 'kind' in Russian linguistic culture. *Humanitaria Studia*, 2019, (2): 31–37. (In Russ.)] EDN: VTVDLI
15. Суwegeина Е. С., Коробова Ю. С. Особенности отражения мифологемы «Мокошь» по данным отечественной историографии. *Религия и общество – 14: XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 6–11 апреля 2020 г.)* Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. С. 214–216. [Surovegina E. S., Korobova Yu. S. Features of the reflection of the mythologeme Mokosh in domestic historiography. *Religion and Society 14: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., Mogilev, 6–11 Apr 2020*. Mogilev: MSU named after Kuleshov, 2020, 214–216. (In Russ.)] EDN: OOODME

16. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков: Епархиальная тип., 1916. Т. 1. 376 с. [Galkovskiy N. M. *The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia*. Kharkov: Eparkhialnaia tip., 1916, vol. 1, 376. (In Russ.)]
17. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с. [Rybakov B. A. *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka, 1981, 608. (In Russ.)] EDN: RBNDBT
18. Белякова Г. С. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995. 239 с. [Belyakova G. S. *Slavic mythology*. Moscow: Prosveshchenie, 1995, 239. (In Russ.)]
19. Иванов В. В., Топоров В. Н. Род. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 871. [Ivanov V. V., Toporov V. N. Genus. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1980, 871. (In Russ.)]
20. Иванов В. В., Топоров В. Н. Мокошь. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 683–684. [Ivanov V. V., Toporov V. N. Mokosh. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1980, 683–684. (In Russ.)]
21. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: АН СССР, 1959. 212 с. [Trubachev O. N. *The history of Slavic terms of kinship and some ancient terms of the social system*. Moscow: AS USSR, 1959, 212. (In Russ.)] EDN: UFLDIT
22. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с. [Rybakov B. A. *Paganism of ancient Russia*. Moscow: Nauka, 1987, 782. (In Russ.)] EDN: RBNDFP
23. Веселовский А. Н. Разыскания в области духовного стиха. Вып. XIII. Судьба-доля в народных представлениях славян. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 46. С. 460. [Veselovsky A. N. *Research in the field of spiritual verse. Iss. XIII. Fate and Destiny in the folk ideas of the Slavs*. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1890, vol. 46, 460. (In Russ.)]
24. Афанасьев А. Н. О значении Рода и рожаниц. *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*. М., 1855. Кн. 2. Ч. 1. С. 132–134. [Afanasyev A. N. The meaning of Rod and Rozhanitsa. *Archive of historical and legal information relating to Russia*. Moscow, 1855, book 2, pt. 1, 132–134. (In Russ.)]
25. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с. [Pimenova M. V. *Soul and spirit: features of conceptualization*. Kemerovo: Grafika, 2004, 386. (In Russ.)]

оригинальная статья

Концепт *мысль* сквозь призму культурных кодов (на материале казахской художественной литературы)

Румянцева Марина Васильевна
Тюменский государственный медицинский университет, Россия, Тюмень
<https://orcid.org/0000-0002-7949-8360>
m.rumjanzewa@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.04.2022. Принята после рецензирования 18.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: В современной лингвистике философская проблема взаимосвязи действительности, мышления и языка получает новое направление развития, согласно которому окружающий мир должен рассматриваться как единое целое, и постигать его нужно через язык, мифологическое, религиозное и художественное мировосприятие. Актуальность исследования определена возрастанием интереса к изучению ключевых концептов ментального мира человека как представителя определенной лингвокультуры. Цель – проанализировать и описать набор культурных кодов, которыми в образных (метафорических) сравнениях казахской художественной литературы представлен ментальный концепт *мысль*. Лингвокультурологическому анализу подверглись метафоры и метафорические сравнения, найденные методом сплошной выборки в произведениях казахской художественной литературы XX в. Сравнительные конструкции проанализированы на предмет выявления регулярных моделей метафоризации. Исследование показало, что ментальный концепт *мысль*, преломляясь сквозь призму метафорического сравнения, репрезентируется посредством таких культурных кодов, как природный, биоморфный и предметный. Природный культурный код представлен концептуальными метафорами *мысль – ветер*, *мысль – солнечный свет*, *мысль – огонь* и *мысль – вода*. Чаще других в биоморфном культурном коде встречаются зооморфные метафоры *мысль – конь / лошадь*, *мысль – птица* и *мысль – насекомое*. Метафора *мысль – металл* вербализирует предметный культурный код. Сделан вывод, что в языковом сознании казахов бытуют представления о мысли как о божественном даре и о живой сущности, обладающей достаточным количеством энергии, чтобы принимать разные материальные формы и передвигаться по всем трем мирам.

Ключевые слова: лингвокультурология, культура, язык, концепт, культурный код, метафорическое сравнение

Цитирование: Румянцева М. В. Концепт *мысль* сквозь призму культурных кодов (на материале казахской художественной литературы). Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 696–705. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-696-705>

full article

The Concept of *Thought* from the Perspective of Cultural Codes in Kazakh Fiction

Marina V. Rumyantseva
Tyumen State Medical University, Russia, Tyumen
<https://orcid.org/0000-0002-7949-8360>
m.rumjanzewa@rambler.ru

Received 11 Apr 2022. Accepted after peer review 18 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The modern linguistics interprets the old philosophical problem of the relationship between reality, thinking, and language in a completely new way: the world should be considered as a whole and comprehended through linguistic, mythological, religious, and artistic worldviews at once. The abstract concepts of the mental world represent a certain linguistic culture. This article describes a set of cultural codes that represent the mental concept of *thought* as similes in the contemporary Kazakh fiction. This linguaculturological analysis covered metaphors and similes found by continuous sampling in the Kazakh fiction of the XX century. The similes were tested for regular metaphorization models. The mental concept of *thought* in similes was presented through natural, biomorphic, and artefact cultural codes. The natural cultural code was represented by such conceptual metaphors as *thought is wind / sunlight / fire / water*. The zoomorphic metaphors of *thought is horse / bird / insect* were numerous in the biomorphic cultural code. The metaphor of *thought is metal* verbalized the artefact cultural code. In the linguistic consciousness of the Kazakhs, the concept of thought was verbalized as a divine gift or a living entity that has enough energy to take different material forms and move around all three worlds.

Keywords: linguaculturology, culture, language, concept, cultural code, metaphorical comparison

Citation: Rumyantseva M. V. The Concept of *Thought* from the Perspective of Cultural Codes in Kazakh Fiction. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 696–705. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-696-705>

Введение

Философская проблема взаимосвязи языка и мышления в современной лингвистике получает новое направление развития, пока не имеющее своего точного наименования. В рамках этого направления, которое некоторые ученые предлагают назвать новой всеобщей антропологией, весь окружающий мир рассматривается как единое целое, и подходить к его постижению нужно через язык, мифологическое, религиозное и художественное мировосприятие. Особый интерес у исследователей продолжают вызывать глубинные знания и представления народа. Путь к их пониманию лежит через семантику лексических единиц. Язык являет собой некую универсальную энциклопедию, способную фиксировать результаты познания в концептуальной картине мира. Она есть знание не только как результат мыслительного отражения действительности, но и как итог невербального чувственного познания. Сложные многоуровневые концептуальные системы, в свою очередь, являются множественными моделями осмысления и описания мира. Единицы ментальности – концепты определенной культуры – это некие обобщенные образы, с помощью которых человек мыслит.

Актуальными для лингвокультурологической науки сегодня являются исследования ключевых концептов ментального (интеллектуального) мира человека как представителя определенного этноса, т. к. мышление человека имеет национально-культурную специфику, обусловленную не столько языком, сколько окружающей действительностью. Актуальность исследования заключается в необходимости изучения интеллектуального мира казахов через национально-специфичные ментальные концепты. Научных изысканий в этом направлении мало, они разрознены и продолжают оставаться «белым пятном» в казахстанской лингвокультурологии.

Целью нашей статьи стали анализ и описание набора культурных кодов, которыми в образных (метафорических) сравнениях казахской художественной литературы репрезентирован ментальный концепт *мысль*. Научная новизна исследования состоит в новом подходе к трактовке метафорических лексем-экспонентов названного концепта с точки зрения их мифопоэтической семантики. На целесообразность такого подхода указывает Д. Б. Гудков, формулируя

тезис о необходимости описания специфических значений единиц культурных кодов [1, с. 46]. Исследование впервые так широко проводится на материале текстов казахской художественной литературы. Теоретическая значимость статьи определяется тем, что выявлены специфические национально-культурные особенности метафорического выражения концепта *мысль* в казахской лингвокультуре, которые могут способствовать углублению знаний о национальной специфике языковой картины мира казахов. Практическая значимость обусловлена возможностью использования материала статьи в спецкурсах по лингвоаксиологии и лингвокультурологии, а также при разработке семинаров, посвященных национальной специфике языковых картин мира.

Методы и материалы

Лингвокультурологическому анализу подверглись метафоры и метафорические сравнения с референтом *мысль* общим количеством 127 единиц, 50 из которых вошли в статью в качестве иллюстрационного материала. Все метафорические единицы отобраны методом сплошной выборки из 58 произведений казахской художественной литературы XX в. (5 романов, 16 повестей, 37 рассказов), наиболее значимыми из которых являются романы «Путь Абая»¹ и «Племя младое»² М. О. Ауэзова, «Промелькнувший метеор»³ С. М. Муканова, «Шелковый путь»⁴ Д. Д. Досжанова и «Конец легенды»⁵ А. К. Кекильбаева. Проведен анализ метафорических конструкций на предмет выявления регулярных моделей метафоризации, а также частотности выбора лексем-агентов сравнения, вербализующих концепт *мысль*. Анализ выбора агентов для создания образов сравнения позволяет обнаружить разные стороны культурного развития этноса, т. к. через систему метафор, которая может быть обозначена как культурный код, передаются базовые для культуры этноса смыслы.

Литературный обзор

Анализ научной литературы показал, что существует два подхода к определению лингвистами термина *концепт*: когнитивный и лингвокультурологический. При когнитивном подходе концепт понимается как «основная

¹ Ауэзов М. О. Путь Абая. Алма-Ата: Жазушы, 1982. Т. 1. 606 с.; Т. 2. 591 с. Далее по тексту примеры из произведений даны в круглых скобках с указанием автора и названия произведения, например, (Ауэзов М. Путь Абая).

² Ауэзов М. О. Племя младое. Избранные произведения. Алма-Ата: Жазушы, 1979. 520 с.

³ Муканов С. М. Промелькнувший метеор. В 2 т. Алма-Ата: Жазушы, 1984. Т. 1. 334, [2] с.; Т. 2. 333, [2] с.

⁴ Досжанов Д. Д. Шелковый путь. М.: Известия, 1983. 608 с.

⁵ Кекильбаев А. К. Баллады забытых лет. М.: Известия, 1979. 448 с.

единица ментальности» [2, с. 56], как «квант структурированного знания» [3, р. 7], как мировоззренческое понятие, компонент сознания и наших знаний о мире, мыслительная модель идеальных объектов, которые создаются и модифицируются коллективным сознанием [4, с. 31] и пр. Концепт есть также единство ментального акта и его результат. В лингвокультурологическом аспекте концепт представляет собой «семантическое образование, ключевое для понимания национального менталитета» [5, с. 53], «своеобразный фокус знаний о мире» [5, с. 58], «ключевое слово культуры» [5, с. 89], «сгусток культуры в сознании человека» [6, с. 43], «единицу коллективного знания / сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), ... отмеченную этнокультурной спецификой» [7, с. 70], «категорию языкового видения мира и национально-культурной ментальности» [8, с. 184]. Оба указанных подхода к изучению концептов дополняют друг друга, поскольку «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е. в конечном счете на культуру» [9, с. 139].

То, что набор языковых способов и средств – вербализаторов концептов – очень разнообразен, известно давно. В задачи нашего исследования не входит описание всей структуры концепта *мысль* в его языковом выражении. Наиболее полное и обобщающее исследование уже было проведено Е. П. Бондаревой [10]. Детальные научные изыскания в этом направлении представлены в труде Л. П. Гашевой и А. В. Свиридовой, которые на материале русской лингвокультуры описывали репрезентацию концепта *мысль* такими семантическими единицами, как процессуальные фразеологизмы [11].

Лингвистами исследуются также сопряженные концепты. Например, О. Н. Волобуева рассматривает в сопоставительном аспекте фразеологизмы, вербализирующие концепт *думать*, с точки зрения их образного потенциала [12]. М. А. Ахматова и М. Б. Кетенчиев уделяют внимание репрезентации концепта *ум* и выявляют его диахронические и синхронические составляющие с опорой на тексты различной жанровой принадлежности [13]. Нас же интересует, какими концептуальными метафорами, под которыми Дж. Лакофф и М. Джонсон понимали способ думать об одной области через призму другой [14, с. 9–11], концепт *мысль* представлен в языке казахской художественной литературы. Ранее такое исследование было выполнено нами на материале русской художественной литературы [15].

Через метафору человек способен познавать абстрактные или неструктурированные сущности в терминах более конкретных [14, с. 10]. Способность человеческого сознания соотносить явления из разных сфер окружающего мира лежит в основе системы культурных кодов как некой «системы знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [16, с. 9], «системы координат, которая содержит и задает

эталон культуры» [17, с. 19], или «системы нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [18, с. 3]. Ученые подчеркивают, что понятие культурного кода в научной литературе до конца не определено и требует теоретической и научно-методологической доработки.

Результаты

Анализ метафорических сравнительных конструкций в текстах казахской художественной литературы показал, что концепт *мысль* репрезентируется в них посредством трех культурных кодов: природного (50 %), биоморфного (43 %) и предметного (7 %). Природный код и зооморфная группа биоморфного кода представлены одинаковым количеством концептуальных метафор (по 4 метафоры) и насчитывают примерно одинаковое число лексем-репрезентантов (14 и 15 соответственно). Количественные показатели предметного кода существенно ниже (всего 1 метафора, репрезентированная тремя лексемами), но частотность употребления метафоры данного культурного кода в текстах художественной литературы позволила нам обозначить ее как регулярную модель метафоризации.

1. Природный культурный код

1.1. Мысль – ветер

В метафоре присутствует двойственная трактовка мыслительного процесса: во-первых, мысль понимается как космическая стихия, элемент воздуха, во-вторых, как духовная сущность, порождение человеческой души. В казахском языке корень *тын* означает *ветер*, *дуновение* и одновременно *дыхание*, *душа*, *жизнь* (ср. также русские корни слов *дуновение*, *дыхание*, *вдохновение*, *дух*, *душа*). Согласно тенгрианству, древней религии тюрков, Земля дарует человеку при рождении только материальное тело, а чтобы он творил, бог Тенгри вместе с дыханием (*тын*) посылает человеку свою божественную благодать (*қут*) и способность мыслить, тем самым наделив его отличием от других живых существ. Поэтому, с одной стороны, в метафоре закодирована присутствующая многим религиозным традициям идея о том, что вместе с жизнью некая божественная сила вдыхает в человека способность мыслить. Казахи также верили, что, если ветру, который является дыханием всевышнего, нашептать свои мысли и желания, он отнесет их богу. Значит, мысли витают в воздухе, разносятся ветром и, обладая энергией ветра, способны вдохновлять мыслящего человека: *Мысли, дотоле неведомые ему, вихрем охватили поэта* (Ауэзов М. Путь Абая). С другой стороны, весь наш мир, проявленный во множестве его форм, есть порождение чьей-то мысли. Такие представления находим, например, в египетских мифах, согласно которым бог Ра создает формы всего сущего силой собственной мысли [19, с. 33]. Человек своей мыслью тоже способен менять реальность. Мысли, порождаемые сознанием, создают порой настоящие ураганы страстей, жертвой которых становится сам человек: *Мысль металась и рвалась, словно подхваченная*

могучим ураганом (Ауэзов М. Путь Абая). Метеорологи утверждают, что в центре урагана всегда есть точка спокойствия, безветрия. Правда, не каждый умеет погружаться внутрь себя, находить эту точку в глубине своего сознания. Чаще человек предпочитает находиться на периферии, где «порывы ветра» – такой силы, что заставляют страдать. Но если человеку все-таки удастся достичь состояния покоя, просветления, метафорический образ мысли меняется.

1.2. Мысль – свет

Солнце – источник света, огненной энергии, силы жизни для всего сущего на Земле. По представлениям тюрков, Солнце является созданием Вечного Синего Неба Тэнгри, в котором Свет и Огонь – главные атрибуты, определяющие основные сущностные характеристики [20]. Солнечный свет, достигший поверхности земли, является у казахов, прежде всего, символом созидательной энергии, хотя способен и разрушать.

В качестве эталона сравнения для новых, ярких творческих мыслей выступают лучи восходящего солнца: *Просыпаясь от тяжелого сна, встрепенулась его светлая, как первый лучик солнца, мысль* (Муканов С. Промелькнувший метеор). В этот миг Абая, как *лучи солнца*, озарили новые мысли, неожиданные для него самого (Ауэзов М. Путь Абая). С солнечным светом сравниваются только положительные, созидательные мысли: *И новая мысль озарила Абая, его лицо стало светлеть* (Ауэзов М. Путь Абая).

1.3. Мысль – огонь

Тюрки верили, что человек создан из огненного тела Тэнгри. У казахов существовал культ огня. Очагу в центре юрты придавали округлую форму, напоминающую диск солнца. Благодаря огню, человек стал защищаться от хищников, научился готовить пищу, в его дом пришло тепло. Погасший огонь в очаге юрты означал конец жизни семьи. Огонь родного очага грел сердце степняка. Поэтому «теплые» мысли сравнимы с неугасаемым семейным очагом: *Мысль созревала сердце Абая, словно очаг юрты* (Ауэзов М. Путь Абая). Перед началом весенней кочевки в аулах проводился обряд очищения огнем, в процессе которого люди проходили между двумя кострами, проносили свое имущество и проводили скот. Верили, что энергия огня способна очищать от злых духов ментальное тело человека, воспламенять ум, зажигать мысль: *... в умных смелых глазах ярким пламенем горела беспокойная мысль, всегда зажигающая и Абая* (Ауэзов М. Путь Абая).

Но огонь может стать и неуправляемой стихией, сжечь в пожаре все, что попадает на его пути. Так, вырвавшиеся на волю недобрые мысли способны причинить много бед людям, опалить их души: *И мысли их, словно огонь, вспыхнувший на степном ветру, клонились в одном направлении* (Муканов С. Промелькнувший метеор). *Мысли огнем жгли*

ее душу (Ауэзов М. Путь Абая). Но без огня нет жизни. Древние тюрки верили во всемогущее божество огня, которое само зарождается, дышит и постоянно изменяется, а после смерти улетает на небо в виде дыма, чтобы потом снова вернуться на землю.

1.4. Мысль – вода

Метафора отсылает нас к присущему многим культурам (в том числе и тюркской) представлению о воде как изначальной стихии, в которой под воздействием солнечного света зародилась жизнь. Память о мифологическом первоокеане тюркской мифологии (*Дайык*) сохранилась в казахском названии реки Урал – Жайык. Вода также есть форма существования Коркута – земной ипостаси пребывающего в верхнем небесном мире всемогущего бога Тэнгри, который есть сама суть мироздания. В тэнгрианстве бытовало представление, что вода исходит от Коркута, омывает весь мир и, возвращаясь назад, несет все знания, что встретились ей на пути [21, с. 22].

Мифологические представления казахов о воде как о стихии, способной нести информацию, претворяют в жизнь сравнения мысли с рекой, родником или ручейками, течение которых может быть разным по своей интенсивности. Так, умиротворенность и однотонность бытия затормаживают мысли: *Как обмелевшая река, вяло и неповоротливо текли его мысли* (Досжанов Д. Шелковый путь). Мысли о хлебе насущном имеют постоянный ритм бьющего из-под земли родника: *Мысли текли непрерывной вереницей, как эта родниковая вода, сочившаяся из глубины земли* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет).

Суетные мысли растерянного человека сравнимы с растекающимися в разные стороны ручьями: *А мысли Повелителя, едва зародившись в глубине души, неизменно путались, мешались, растекались беспорядочными ручьями во все стороны* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Мысли, способные порождать достойные восхищения философские или поэтические творения, сравнивают с морскими волнами, выносящими на берег жемчужины: *И мечут мысли жемчуг, будто волны* (Ауэзов М. Путь Абая).

В зависимости от содержания мысли могут пробуждать в человеке различные эмоции. Мысли, вызывающие положительные эмоции, сравнимы с мирными волнами в душе человека: *Эта мысль сверкнула мгновенно ликом радости. Сменив ее, о берег его души ударяется новая волна мыслей* (Ауэзов М. Путь Абая). Негативные мысли, заставляющие душу человека страдать и мучиться, сравниваются с морской пучиной, неподвластной воле человека, погружающей его в полную безысходность угрозой гибели: *Невеселые думы настигли его, точно ввергли в пучину сомнений* (Муканов С. Промелькнувший метеор); *Точно в пучину погружались в свои мучительные думы* (Бокеев О. Человек-Олень⁶).

⁶ Бокеев О. Человек-Олень: повести, рассказы. М.: Известия, 1990. 511 с.

Если мысли связаны с негативными, скрывающимися от других эмоциями, то казахские авторы сравнивают их с туманом, застилающим душу человека. Такие мысли особенно тяжелы: *Он погрузился в свои тягостные, неотвязные мысли. Сейчас они были особенно тяжелы, словно глухой туман, навалившийся на горы* (Бокеев О. Человек-Олень). Для мыслящего человека печаль преобладает над радостью, и главное мучение – это мысль, которая не дает спать ночами. Мрачные мысли, изнуряющие человека по ночам, сравнимы с серыми осенними тучами или с тоскливым осенним дождем: *Тяжелые мысли теснились в его голове, подобно нескончаемым серым тучам, которые, нагоняя друг друга, плотно закрывали холодное осеннее небо* (Ауэзов М. Племя младое); *Тягостные мысли, точно нудный осенний дождь, все усугубляли тоску* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Такие мысли способны доводить человека до хандры или болезни.

В казахской языковой картине мира мысль представляется в виде воды в различном ее состоянии (жидком или парообразном). Мысль находится в постоянном движении и останавливается только тогда, когда человек покидает этот мир: *Широкое течение его мысли прервалось* (Ауэзов М. Путь Абая).

2. Биоморфный культурный код

Отражает представления людей о животных и растениях, а также их портативных элементах как об эталонах определенной культуры. Код принято разделять на две группы:

- зооморфная (объекты животного мира);
- фитоморфная (объекты растительного мира).

По результатам нашего исследования ярко выраженной оказалась зооморфная группа, представленная такими субкодами, как териологический (*мысль – животное*), герпетологический (*мысль – пресмыкающееся*), орнитологический (*мысль – птица*) и инсектологический (*мысль – насекомое*).

2.1. Мысль – животное

2.1.1. Мысль – конь / лошадь (жеребенок, кляча)

Поскольку жизнь кочевников была тесно связана с лошадьми, конь – это самая важная составляющая культуры и менталитета казахского народа: он давал пищу, одежду, силу и богатство, спасал жизнь, был олицетворением доблести и мужества, атрибутом власти. В мифологии тюрков, как и во многих других мифологиях, конь является символом верхнего мира, мира богов. Согласно мифологии шаманов, конь есть психопомпное животное, на нем душа шамана отправляется в путешествие в небесный мир [22]. В казахских, татарских, башкирских легендах часто встречаются крылатые кони, например, тулпар – верный друг и помощник воина-батыра, или пірақ – конь, приносящий вдохновение поэту [23; 24]. Как существа божественного мира крылатые кони – символ интеллекта, мудрости, рассудка. Верой и правдой они служат человеку, всячески помогают и выручают его, подсказывают и советуют

в трудных ситуациях. Таковы кони Тарлан Ер-Таргына, Тайбурыл Кобланды батыра, Байчубар Алпамыса [25]. Поэтому вполне понятно присутствие в казахской лингвокультуре метафоры *мысль – конь*. На протяжении многих веков, живя бок о бок с лошадьми, от которых зависела жизнь и судьбаномада, степняки досконально научились понимать характер и повадки лошади. Эти знания человек переносил в сферу своего ментального мира: *Его мысли, прежде часто вступавшие в конфликт с миром, теперь лежали, уgomонившись, вроде набегавшегося за день жеребенка* (Бокеев О. Человек-Олень). У казахских авторов находим сравнение робкой мысли-сомнения со старой неподкованной лошастью, неуверенно бредущей по каменистой почве: *И она, бедняга-мысль, словно кляча с истершимися копытами, робко побрела по каменистой тропе, выщербленной бесконечными вопросами, и окунулась в густой клубящийся туман сомнений* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Мысли, которые никак не могут оторваться от предмета своего осмысления, сравнимы с конем, кружащим около коновязи: *Но почему-то теперь его мысли кружились вокруг этого сна, как конь, привязанный к колышку на аркане* (Ауэзов М. Путь Абая); *Мысли ее кружились вокруг этого, как кружится спутанная лошадь вокруг прикола* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет).

Зачастую казахским авторам нет необходимости применять при сравнении лексему, номинирующую животное. Достаточно употребить портативные элементы, связанные с конем, чтобы стал понятен агент сравнения. В наших примерах были найдены такие элементы, представленные в словосочетаниях *схватить за повод, поймать поводья, бежать рысцой*: *Мысль резвой рысцой выбралась на привыкшую колею, однако неожиданный вопрос встал ей поперек дороги и схватил за повод* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет); *Ханша, казалось, вновь поймала поводья разбежавшихся мыслей и приняла твердое решение* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Итак, сравнение мысли с конем, символизирующим духовный, божественный огонь, к которому нелегко подступить темным силам, снова объясняет божественную сущность человеческого разума.

2.1.2. Мысль – собака

В основу метафоры положены представления казахов о верном друге и помощнике степняка-охотника, обладающем способностью развивать завидную скорость и настигать любую быстро бегающую добычу на открытых степных просторах. Поэтому в качестве агента сравнения мысли употребляется гончая как обладающая такими качествами порода собак: *В молодости мысли его были резвей; они настигали цель мгновенно, точно молодая гончая* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Ценят охотники и такое качество собаки, как послушание. Трудно укротить зверя, но укротить свои мысли, сделать их послушными своей воле еще сложнее: *Она поспешно пресекает преступную мысль, словно гончую собаку, против ее воли*

вырвавшуюся на простор и вот-вот настигнущую вертикальную добычу (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Факт сравнения человеческой мысли с собакой свидетельствует об уважительном отношении человека к животному, которое одно из первых побежало за ним по пути цивилизации.

2.1.3. Мысль – мышшь

2.1.4. Мысль – крыса

Эти метафоры имеют явную пейоративную коннотацию. В их основе лежит отвращение и презрение человека к грызунам за приносимый ими вред. Но признаком для найденных нами сравнений стала склонность грызунов к уединенному существованию, их желание быть подальше от людских глаз, скрываться в своих потайных норах. Обитание под землей делает этих животных хтоническими (существами подземного мира) и ассоциирует их в сознании человека со смертью.

Например, неспособность замерзающего, невольно погружающегося в сон человека сосредоточиться на одном предмете вызывает к жизни сравнение мысли с мышью как символом тихого, бесшумного разрушения: *Каждая мысль, на которой он старался сосредоточиться, убежала, словно мышшь, и Нуржан удивлялся: когда не надо, мысли так и лезут в голову, а теперь, когда ему нужно думать, чтобы не уснуть, не удержишь в голове ни одну* (Бокеев О. Человек-Олень).

В то же время отсутствие грызунов рядом с жилищем человека считается признаком надвигающейся беды, которую крысы, по поверьям, чувствуют загодя (например, покидают тонущий корабль). Именно такое наблюдение за поведением животных является признаком следующего сравнения: *Тревожные мысли, так долго терзавшие душу, словно крысы, покидающие разрушенные жилища города, вдруг разом исчезли* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Здесь крыса – символ печали, скрытой боли, подтачивающей жизненную энергию. Все эти переживания покидают человека перед лицом неотвратимой смерти.

2.2. Мысль – пресмыкающееся

2.2.1. Мысль – змея

Представителями низшего мира, хтоническими животными, функционально сопоставимыми с мышами и крысами, являются змеи. Змея до сих пор занимает значимое место в мировоззрении казахов. Исследования мифологической картины мира тюрков свидетельствуют о том, что к змее существует амбивалентное отношение [26]. С одной стороны, змея – дух-покровитель рода, наделенный тайными знаниями, податель материальных благ, хранитель кладов, символ ежегодного возрождения (*Жылан-Қыдыр*). С другой стороны, змея опасна, яд ее смертелен, вид нападающей змеи подобен молнии, укус ощущается как ожог, что ассоциирует змею с огнем, огнедышащим змеем (умеющим в сказках и легендах летать, а значит проникать в верхний мир).

2.2.2. Мысль – яд

Змея опасна для человека своим ядом. «Ядовитые», разрушительные мысли угнетают человека чувством парализующего страха: *Мысли, словно ядовитые змеи, подкрадывающиеся в траве к твоим ногам, угнетают и вселяют изнуряющий ужас* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Отравлять организм могут мысли других людей: *Как жестоки твои мысли, Базеке! Они жгут, как перебродивший яд* (Ауэзов М. Путь Абая). Не менее опасны собственные негативные мысли: *Отдаваясь своим думам, он словно проглатывал горчайший яд* (Ауэзов М. Путь Абая). Известно, что мысль, хорошая или плохая, воздействует на тело человека, укрепляя или разрушая его. Мысли, отравленные ядом ненависти, зависти, злобы, запускают программу уничтожения как адресата, так и адресанта.

2.3. Мысль – птица

Орнитологический субкод представлен такими вербальными признаками, как *летать, кружиться, биться, трепетать, трепыхаться, гнездиться*. В нашем исследовании среди агентов-репрезентантов сравнений встретились обобщающая лексема *птица* и наименования видов пернатых: *воробей и ласточка*.

2.3.1. Мысль – птица

В мифах и легендах многих народов птицам, которые считаются вестниками богов (благодаря способности подниматься высоко к небесам), отводится важная роль в создании мира. Волшебная птица индусов Гаруда и египетский Феникс олицетворяют собой Солнце. Многие божества в разных мифологиях имели птичьи воплощения (египетский Гор – ястреба, греческий Гермес – ворона, славянский Перун – орла). Главная богиня тюрков Умай, имя которой означает *лебедь*, в образе этой птицы могла летать по небу, плавать по воде и ходить по земле. Тюрки считали, что богиня непосредственно участвовала в сотворении мира: достала со дна Великого океана землю, из которой образовались суша, флора и фауна. Она снесла яйцо, из которого вылупился весь мир. Умай – волшебная птица, супруга бога Тенгри, символ конечного земного существования. Таким образом, древние тюрки считали птиц, равно как и богов, воплощением мудрости, быстроты ума и полета мысли.

В представлении казахов полет мысли-птицы напрямую зависит от состояния физического тела человека. Если человек болен, то это затормаживает мыслительный процесс, болезнь замыкает пространство полета: *Мысль моя, как птица, стремится вперед, но тело придавлено тяжелым недугом* (Ауэзов М. Путь Абая); *Мысли бьются и трепещут, как пойманная в силки птица* (Бокеев О. Человек-Олень). Мысли летают вокруг человека, пока он в здравом сознании, в противном случае они падают и разбиваются: *Мысли, кружащиеся возле него, как птицы, вдруг упали и разбились – Аспан потерял сознание* (Бокеев О. Человек-Олень).

2.3.2. Мысль – воробей

Признаком сравнений с лексемой *воробей* в качестве агента выступает эмоция страха. Воробей, становящийся добычей многих хищников, символизирует в казахской лингвокультуре мысли испуганного человека: *Мысли Повелителя, точно замороженный змеей воробышек, никак не могли распрямить крылья и беспомощно трепыхались на одном и том же месте* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет); *Мысли разлетелись, точно напуганная стайка воробьев* (Муканов С. Промелькнувший метеор).

2.3.3. Мысль – ласточка

Согласно поверьям, ласточка открывает весной небо и несет в дом достаток. Она – символ материнской заботы и домашнего довольства [27, с. 323]. Неугомонные щебетуны часто выют свои гнезда прямо в жилище человека, что является приметой счастливой судьбы, дарованной богами. Поэтому мысли о детстве у О. Бокеева сравнимы с этой маленькой птахой: *Словно маленькие ласточки, мысли и воспоминания о детстве расселись на туго натянутых струнах его души* (Бокеев О. Человек-Олень).

2.4. Мысль – насекомое

2.4.1. Мысль – муха (мошка)

2.4.2. Мысль – комар

Насекомые в мифопоэтическом мировоззрении разных народов воспринимаются как гибридный образ, вобравший в себя свойства животных всех трех частей Мирового Дерева. Объясняется это тем, что насекомые обитают под землей, на земле и в воздухе. Некоторые летающие насекомые в древности считались посланцами богов (божья коровка у славян, жук скарабей у египтян). Казахи издавна верили, что одна из душ человека, именно та, которая управляет его восприятием и покидает тело сразу после смерти, имеет облик мухи (*шыбын-жан – душа-муха*). Образ мухи часто соотносится с персонифицированными мифологическими образами нижнего мира. Например, в древнеперсидской мифологии в виде мушки проникает в мир темное начало Ариман, в иранской мифологии в облике мухи прилетает демон смерти Насу, чтобы завладеть душой человека после смерти. Таким образом, насекомое часто воспринимается как нечисть, бороться с которой можно только с помощью божественной силы (например, древнегреческий Зевс был известен под именем Апомиус – «охраняющий от мух») [27, с. 498–500].

Метафоры *мысли – мухи (мошки)* и *мысли – комары* в казахских сравнениях придают мыслям следующие характеристики: *мельтешишь, роишься, бередишь, сводишь с ума, изъязвлять, жалить, жужжать* и др. Мифологическая роль мухи (мошки) связана с ее малыми размерами, нечистотой, способностью переносить болезни и, главное, с назойливостью: *Ни на один из этих возникающих в его голове вопросов, назойливых, как мошка в предзакатный час, не находил он вразумительного ответа* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет).

Этой назойливостью мысли причиняют человеку как душевные, так и физические страдания: *Его, как рой мух, окружили бередящие душу мысли* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет); *В мозгу Киялхана, уже давно изъязвленном, словно жалами неисчислимых комаров, бесплодными мыслями, возникло ощущение целительной прохлады* (Бокеев О. Человек-Олень). Мысли в представлении казахов не имеют постоянной локализации в теле человека. Они могут как исходить из человека наружу, так и проникать в голову (мозг) или душу человека извне, кружить возле него, преследовать его: *Мысли разные замучили меня. Лезут, словно мухи на сладкое, роются в голове, жужжат* (Муканов С. Промелькнувший метеор). Человек не всегда способен контролировать этот процесс: *Рад был бы Повелитель отмахнуться от этих назойливых, роящихся, как мошка перед ненастьем, мыслей, только сейчас это было выше его сил* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет); *Но беспорядочный рой мыслей, помимо ее воли, словно назойливые мухи, мельтешил перед ее глазами* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Значит, мысли обладают некой энергией, позволяющей им существовать автономно от физического тела человека. Этой энергии хватает для того, чтобы быть активными и днем, и ночью, лишая человека покоя: *Ты, беспокойная мысль, как назойливый комар, не даешь мне отдыха ни днем, ни ночью* (Бокеев О. Человек-Олень). Мало того, мысли способны сводить человека с ума, порождением которого, как принято считать, они сами и являются: *Мысли преследовали ее, сводили с ума, окутывали ее плотной завесой докучливой, прожорливой мошки* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Как видно из примеров, мух, мошек и комаров объединяет характеристика множественности и их маленький размер, поэтому указанные лексемы употребляются чаще во множественном числе для репрезентации большого количества суетных, мелочных, беспорядочных, докучающих человеку мыслей.

3. Предметный культурный код

3.1. Мысль – металл

Самый немногочисленный при метафоризации концепта *мысль* культурный код представлен лексемами *металл* и *сплав* (*чугун*), в которых свернуты древнейшие мифологические представления казахов о кузнецах и кузнечном деле. Культовый кузнец как демиурга, обладающего сакральными знаниями, – тенденция общечеловеческая. Еще в Древнем Египте кузнец сочетал металлургические операции с практикой жреца, т. к. умел подчинять себе небесный огонь. Древние тюрки считали, что кузнец живет в двух мирах: среднем – мире людей и подземном – мире коварного бога Эрлика, где добывается руда. Однако народное сознание связывало умение находить под землей металл и преобразование его с определенной прозорливостью или откровением, дарованной кузнецу богами. Поэтому у тюрков кузнец был могущественной фигурой сродни шаману, обладающему способностью к оборотничеству и умением пребывать сразу в трех мирах. Мифы разных народов приписывают

кузнецу умение чинить не только оружие, но и тела воинов после битвы (например, Курдалагон в осетинском нартском эпосе). Согласно поверьям, кузнец может выковать голос, слово, песню, т. е. стать сказителем, поэтом⁷. Такие мифопоэтические представления вызывают к жизни метафору *мысль – металл*.

Так же как металл в руках умелого кузнеца может превратиться либо в смертельное оружие, либо в мирное орудие труда, мысль человека способна приобрести либо разрушительную, либо созидательную форму: *Мысли его, как расплавленный металл в печи. Бурлит и клокочет, но еще неизвестно, в какую форму выльется сплав* (Муканов С. Промелькнувший метеор). Металл преобразует мир человека, создает новые условия для существования. Но поскольку металл приходит из иного мира, то само его присутствие в человеческой жизни привносит в нее множество неведомых магических сил и энергий (высоких – божественных или низких – демонических). Мысли также подвергаются колебаниям светлых и темных энергий, открывая человеческому разуму разные горизонты: *Может, удастся избавиться от этой темной и тяжелой, как чугун, мысли* (Муканов С. Промелькнувший метеор). В этой связи заметим, что к кузнецу как демиургу в тюркской культуре предъявлялось особое требование физической и духовной чистоты, от чего зависел конечный результат его творения. Такие же требования всегда предъявлялись мыслителям и мастерам слова.

Заключение

Казахская художественная литература, равно как и фольклорные произведения, пронизана архетипическими образами, корни которых глубоко уходят в мифопоэтическое мировосприятие тюрков – тенгрианство. Древнетюркская культура кочевников в меру своей уникальности творит собственный миф, который, по А. Ф. Лосеву, есть «необходимая категория сознания и бытия вообще» [28, с. 37]. Мифы, свернутые до уровня слова-мифемы [1, с. 48], сплетаются в коды культуры, которые на уровне генетической памяти воздействуют на художественное творчество писателей, репрезентируясь в символах и образах метафорических сравнений.

Литература / References

1. Гудков Д. Б. Мифологическая основа кодов культуры. *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2018. Вып. 60. С. 44–50. [Gudkov D. B. The mythological basis of culture codes. *Language – Mind – Communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKSPress, 2018, iss. 60, 44–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29003/M139.LMC2018-60/44-50>
2. Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности. *Мир русского слова*. 2000. № 2. С. 52–59. [Kolesov V. V. About the logic of the logos in the sphere of mentality. *Mir russkogo slova*, 2000, (2): 52–59. (In Russ.)]
3. Антология концептов, под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с. [Anthology of concepts, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 352. (In Russ.)] EDN: RPMLRR
4. Brumfit C. J. Understanding, language, and educational processes. *Language and understanding*, eds. Brown G. D., Malmkjaer K., Pollitt A., Williams J. Oxford: Oxford University Press, 1994, 23–27.

Исследование показало, что в казахском языковом сознании ментальный концепт *мысль* преломляется сквозь призму трех основных культурных кодов: природного, биоморфного и предметного. Природный культурный код представлен метафорами *мысль – ветер*, *мысль – свет*, *мысль – огонь* и *мысль – вода*. Данные метафоры предполагают наличие самопроизвольного движения мысли в пространстве, соотносят мысль с верхним миром богов, передают представление о божественном происхождении разума.

Метафоры биоморфного кода в казахском сознании определяют мысль как живую сущность. Чаще других здесь встречаются зооморфные метафоры *мысль – конь / лошадь*, *мысль – птица* и *мысль – насекомое*. Снова мысль наделяется способностью летать между мирами, теперь уже на крыльях. В результате употребления наименований насекомых во множественном числе образуются пейоративные метафоры, которые отображают способность мыслей досажать человеку своим большим количеством. Метафоры *мысль – мышь*, *мысль – крыса* и *мысль – змея* тоже имеют пейоративную коннотацию, в основе которой лежит восприятие этих животных как хтонических, следовательно, возникает ассоциация их со смертью.

Немногочисленным, но ярким по своей мифопоэтической окраске является предметный культурный код с метафорой *мысль – металл*. Мысль в представлении казахов, имея способность принимать, как и металл, разную форму, обладает разной энергией (темной, разрушительной или светлой, созидательной).

Таким образом, в лингвокультуре казахов мысли как бы сотканы из божественных энергий, сосредоточения которых могут принимать любую (одушевленную или неодушевленную) форму и являть себя человеку в том виде, который он способен воспринять.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

⁷ Иванов В. В. Кузнец. *Мифы народов мира*. Т. 2. К–Я, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. С. 21–22.

5. Пименова М. В., Капенова Ж. Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике: теория и практика (на примере ландшафтных концептов). СПб.: СПбГЭУ, 2016. 151 с. [Pimenova M. V., Kapenova Zh. Zh. *Theory and practice of conceptual studies in modern linguistics: landscape concepts*. St. Petersburg: SPbSUE, 2016, 151. (In Russ.)]
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с. [Stepanov Yu. S. *Constants: dictionary of Russian culture*, 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004, 992. (In Russ.)]
7. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64–72. [Vorkachev S. G. Linguaculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 2001, (1): 64–72. (In Russ.)] EDN: QBANNV
8. Ли В. С. О языковой концептуализации мира и концептуальном анализе. *Язык образования и образование языка: мат-лы Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 11–13 июня 2000 г.)* Великий Новгород: НовГУ, 2000. С. 184–185. [Li V. S. Linguistic conceptualization of the world and conceptual analysis. *Language of education and language of education: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Veliky Novgorod, 11–13 Jun 2000*. Veliky Novgorod: NovSU, 2000, 184–185. (In Russ.)] EDN: RVIREH
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)] EDN: UGQAMP
10. Бондарева Е. П. Актуализация концепта *мысль* в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 164 с. [Bondareva E. P. *Actualization of the concept of thought in the Russian language picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2005, 164. (In Russ.)] EDN: NNPBJD
11. Гашева А. П., Свиридова А. В. Концепт «Мысль», вербализованный процессуальными фразеологизмами русского языка. *Метеор-Сити*. 2016. № 1. С. 32–37. [Gasheva A. P., Sviridova A. V. The concept of "thought" verbalized by procedural phraseology in the Russian language. *Meteor-Siti*, 2016, (1): 32–37. (In Russ.)] EDN: VSZIAR
12. Волобуева О. Н. Концепт «думать» и способы его фразеологизации в русском и английском языках. *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2016. № 1. 129–132. [Volobueva O. N. The concept "to think" and the ways of its phraseologization in the Russian and English languages. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2016, (1): 129–132. (In Russ.)] EDN: VRWUGN
13. Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б. Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018. № 2. С. 57–64. [Akhmatova M. A., Ketenchiev M. B. Representation of the concept "mind" in the Karachay-Balkar language. *Current Issues of Philology and Pedagogical Linguistics*, 2018, (2): 57–64. (In Russ.)] [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2\(30\)-57-64](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64)
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256. (In Russ.)] EDN: QRAADX
15. Румянцева М. В. Концепт «мысль» в зеркале культурных кодов (на материале текстов художественной литературы). *Филология и человек*. 2021. № 2. С. 7–18. [Rumyantseva M. V. The concept of thought in the mirror of cultural codes (based on the texts of fiction). *Filologiya i chelovek*, 2021, (2): 7–18. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)2-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)2-01)
16. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с. [Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Body code of Russian culture: materials to the dictionary*. Moscow: Gnozis, 2007, 288. (In Russ.)] EDN: QTEWFN
17. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19. [Krasnykh V. V. Codes and standards of culture (invitation to talk). *Language, consciousness, communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKS Press, 2001, iss. 19, 5–19. (In Russ.)] EDN: UBLDHH
18. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 180 с. [Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*, 3rd ed. Moscow: Flinta, 2018, 180. (In Russ.)] EDN: COXULF
19. Колум П. Великие мифы народов мира. М.: Центрполиграф, 2007. 351 с. [Kolum P. *Great myths of the world*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007, 351. (In Russ.)]
20. Зуев Ю. А., Агелеуов Г. Е. Буд-Тенгри – божество древнетюркского пантеона. *Известия Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук*. 1998. № 1. С. 47–57. [Zuev Yu. A., Ageleuov G. E. Bud-Tengri: the deity of the ancient Turkic pantheon. *Izvestiia Ministerstva nauki – Akademii nauk Respubliki Kazakhstan*, 1998, (1), 47–57. (In Russ.)]
21. Наурызбаева З. Ж. Вечное небо казахов. Алматы: OTUKEN, 2021. 720 с. [Naurzbaeva Z. Zh. *Eternal heaven of Kazakhs*. Almaty: OTUKEN, 2021, 720. (In Russ.)]

22. Котожеков А. И. Философия «Тенгри» как основа методологии познания. *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2015. № 3. С. 16–22. [Kotozhekov A. I. The philosophy of "Tengri" as the basis of methodology of cognition. *Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia*, 2015, (3): 16–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/2306-753X-2015-3-16-22>
23. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с. [Lipets R. S. *Images of the batyr and his horse in the Turko-Mongol epic*. Moscow: Nauka, 1984, 263. (In Russ.)]
24. Шарьяфетдинов Р. Х. Мифопоэтический образ коня как отражение культуры тюркских народов в современной татарской литературе. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2018. № 4. С. 111–116. [Sharyafetdinov R. Kh. Mythopoetic image of the horse as reflection of culture of Turkic peoples in modern Tatar literature. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2018, (4): 111–116. (In Russ.)] EDN: YTSOSL
25. Джамбаева Ж. А., Толемысова Ж. А. Мифо-фольклорные образы в художественной литературе (на материале казахстанской прозы 60–80-х гг. XX века). *Филология и лингвистика*. 2018. № 2. С. 13–16. [Dzhambaeva Zh. A., Tolemysova Zh. A. Mytho-folklore images in fiction in the Kazakh prose of the 1960s–1980s. *Filologiya i lingvistika*, 2018, (2): 13–16. (In Russ.)]
26. Кондыбай С. Мифология предказахов. Алматы: СаГа, 2008. Кн. 3. 436 с. [Kondybaj S. *Mythology of ancient Kazakhs*. Almaty: Saga, 2008, book 3, 436. (In Russ.)]
27. Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. 592 с. [Orel V. E. *Culture, symbols, and fauna*. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentr, 2013, 592. (In Russ.)]
28. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с. [Losev A. F. *Dialectics of myth*. Moscow: Mysl, 2001, 558. (In Russ.)]

оригинальная статья

Некоторые аспекты корреляции сходств и различий в хорватском и сербском языках

Багдасаров Артур Рафаэлович
Российский государственный социальный университет,
Россия, Москва

Быченко Алина Алексеевна
независимый исследователь, Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0001-9549-1495>
alina.bychenko@mail.ru

Поступила в редакцию 16.03.2022. Принята после рецензирования 22.04.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Представлен сопоставительный анализ некоторых межъязыковых вариантных образований в языковой структуре хорватского и сербского литературных языков. Некоторые общие интеграционные процессы в славянском языковом мире XIX и начала второй половины XX в. не привели отдельные славянские языки или их варианты к объединению и слиянию. Языковая конвергенция сменилась к концу XX в. языковой дивергенцией. После распада Социалистической Федеративной Республики Югославия образование на постюгославском пространстве новых государственных образований конституционно закрепил статус хорватского и сербского языков в качестве официальных. В настоящее время хорватский и сербский литературные языки, обладая собственными кодифицированными нормами, развиваются и функционируют в различных этнокультурах, государственно-территориальных образованиях Хорватии и Сербии автономно и самостоятельно. Процесс их дивергенции на постюгославском пространстве усилился, что привело к увеличению межъязыковой дистанции. Расхождения в элементах языковой структуры между хорватским и сербским литературными языками выявляются на всех уровнях: фонетическом, фонологическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом. Результаты исследования показали, что наиболее ярко различия выявляются на лексическом уровне. Для хорватского языка в ходе лингвистической стандартизации и кодификации в большей мере характерен прескриптивно-дескриптивный подход в языковом нормировании, для сербского – дескриптивно-прескриптивный. В качестве иллюстрации приведены различные межвариантные или эквивалентные языковые единицы из параллельных хорватских и сербских нормативных справочников, а также их функционирование на интернет-порталах.

Ключевые слова: хорваткосербский язык, сербскохорватский язык, хорватский язык, сербский язык, кодификация языка, стандартизация языка, перспективная норма, дескриптивная норма

Цитирование: Багдасаров А. Р., Быченко А. А. Некоторые аспекты корреляции сходств и различий в хорватском и сербском языках. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 706–716. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-706-716>

full article

Correlation of Similarities and Differences in the Croatian and Serbian Languages

Artur R. Bagdasarov
Russian State Social University, Russia, Moscow

Alina A. Bychenko
independent researcher, Russia, Moscow
<https://orcid.org/0000-0001-9549-1495>
alina.bychenko@mail.ru

Received 16 Mar 2022. Accepted after peer review 22 Apr 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The article introduces a comparative analysis of some interlingual variant formations in the linguistic structures of the Croatian and the Serbian literary languages. The general integration processes that occurred in the Slavic linguistic world in the XIX and the early second half of the XX centuries did not unite individual Slavic languages or their variants. By the end of the XX century, linguistic convergence was replaced by linguistic divergence. After the collapse of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, the new states that arose in the post-Yugoslavian space fixed the status of Croatian and Serbian as official languages. At present, Croatian and Serbian have their own codified norms; they develop and function autonomously and independently in different ethnic cultures and states. The widening gap between the post-Yugoslavian states of Serbia and Croatia contributed to the interlingual divergence between these languages. Their linguistic structure has multiple

differences at phonetic, phonological, grammatical, lexical, syntactic, and stylistic levels. This research showed that the most prominent differences occur at the lexical level. As for linguistic standardization and codification, the Croatian language reveals a prescriptive-descriptive approach to language regulation, while Serbian is characterized by a descriptive-prescriptive approach. The authors illustrate this conclusion by various interviant or equivalent language units from parallel reference books and online discourse.

Keywords: Croatian-Serbian language, Serbo-Croatian language, Croatian language, Serbian language, language codification, language standardization, prescriptive norm, descriptive norm

Citation: Bagdasarov A. R., Bychenko A. A. Correlation of Similarities and Differences in the Croatian and Serbian Languages. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 706–716. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-706-716>

Введение

Литературные языки многих этносов (народов) возникают, развиваются и функционируют в определенных социально-исторических условиях под влиянием внутриязыковых и внеязыковых факторов. История формирования и развития каждого этнического или национального литературного языка по-своему индивидуальна и неповторима, хотя и может быть сведена к нескольким типам и подтипам. Национальные литературные языки, как правило, возникают на базе одного более или менее гомогенного диалекта; на основе концентрации диалектов; в результате смены диалектов и параллельной их концентрации [1, с. 326].

При описании языковых ситуаций и языковых состояний лингвисты отмечают, что в ряде случаев типичной формулой сопряженности языка с общественной структурой служит принцип *один язык (идиом) – одна нация, один социум* (например, исландский язык в Исландии). Наряду с этим принципом существует иной, когда два и более этноса или нации (этногосударственные / национально-государственные или этнотерриториальные / национально-территориальные общности) используют в качестве национального и официального тот язык, который в лингвистическом плане, т. е. «с точки зрения сущности своей структуры и субстанции» [2, с. 74], является схожим или единым. К таким языкам относят *английский язык* в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии; *французский язык* во Франции, Бельгии, Люксембурге, Монако, Канаде, Швейцарии; *немецкий язык* в Германии, Австрии, Швейцарии; *испанский язык* в Испании и большинстве стран Латинской Америки; *португальский язык* в Португалии и Бразилии; *нидерландский язык* в Нидерландах и Бельгии; *сербско-хорватский / хорватско-сербский (сербскохорватский / хорватскосербский) язык* до распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) в Сербии, Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговине и т. д.

Характер литературных языков хорватов, сербов, черногорцев и бошняков (босняков) во многом определяется особенностями его формирования, исторического развития и функционирования в неоднородной этнокультурной среде под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Язык названных этносов представлял собой с генетико-лингвистической точки зрения

совокупность территориальных наречий или диалектов, два из которых (кайкавский и чакавский) распространены лишь в Хорватии, а третий (штокавский) – в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине и на большей части Хорватии. На юге и юго-востоке Сербии, на границе с Македонией и Болгарией, распространен также торлакский (торлацкий) диалект с тремя группами говоров. Наименование диалектов было обусловлено различиями в произношении вопросительно-относительного местоимения что: *ča* (чакавское наречие), *kaj* (кайкавское), *što* (штокавское).

Литературный язык названных этносов не был единым, строго нормированным, унифицированным языком на всей территории своего распространения. Он развивался и функционировал на протяжении нескольких столетий в условиях культурно-исторической, геополитической, государственной и политической разобщенности его народов на территории Хорватии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Лишь 1 декабря 1918 г. названные этносы были объединены в составе одного государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев. Литературный язык сформировался в XIX в. на базе штокавского диалекта в виде ряда имеющих тождественную основу этнотерриториальных стандартно-языковых вариантов и переходных реализаций, наиболее распространенными из которых в прошлом до распада единого государства (СФРЮ) являлись западный (хорватский) и восточный (сербский) варианты.

После распада единого государства СФРЮ за хорватским, сербским, бошняцким (боснийским) и черногорским этногосударственными образованиями конституционно или в правовом отношении закреплены статусы различных литературных языков: хорватский язык (Республика Хорватия), сербский язык (Республика Сербия), бошняцкий / боснийский язык (Республика Босния и Герцеговина) и черногорский (Черногория). В бывших федеральных органах власти СФРЮ язык хорватов, сербов, бошняков (босняков) и черногорцев имел различное этническое наименование (этнолингвоним). Сербский лингвист Божо Чорич, характеризуя языковую ситуацию на территории бывшей СФРЮ, отмечает, что стандартно-языковой идиом, который функционировал в многонациональном югославском сообществе, не имел устоявшегося названия.

В разные периоды своего существования он мог именоваться *сербскохорватским*, *хорваткосербским*, *сербско-хорватским*, *хорватско-сербским*, *хорватским* или *сербским*, *хорватским*, *сербским* [3, с. 51]. В настоящее время этнолингвоним *сербскохорватский* / *хорваткосербский* используется в лингвистике в основном в историческом контексте.

Цель данной статьи – описать и проанализировать некоторые аспекты типологических сходств и различий в хорватском и сербском языках на лексическом, (орфо)графическом, фонетико-фонологическом и грамматическом уровнях. Особое внимание уделено корреляции сходств и различий на уровне лексики. Материалом исследования послужили различные современные орфографические и толковые словари сербского и хорватского языков, а также отдельные примеры из средств массовой информации Хорватии и Сербии. В статье впервые предпринята попытка рассмотреть отдельные аспекты стандартизации и кодификации хорватского и сербского языков в постюгославский период самостоятельного развития и функционирования. Межъязыковая типология совпадений, сходств и различий не может не учитываться в процессе изучения и преподавания хорватского и сербского языков как иностранных. Актуальность такого подхода подтверждается и тем, что в нашей стране в системе высших учебных заведений хорватский и сербский литературные языки преподаются в настоящее время раздельно.

В изучении дивергенций, или расхождений, в языке хорватов и сербов, по мнению В. П. Гудкова, должна применяться методика, позволяющая минимизировать роль субъективных оценок и заключений. Перспективным объектом исследования могут быть параллельные сербские и хорватские переводы инолитературных произведений, а также близкие по тематике сочинения хорватских и сербских авторов в одном и том же жанре [4, с. 172]. При исследовании расхождений и сходств необходимо привлекать к анализу также различные параллельные хорватские и сербские нормативные грамматики, справочники по правописанию и словари, включая научные изыскания по данной проблематике. Следует особо подчеркнуть, что некоторые нормативно-теоретические утверждения в сербских и хорватских нормативных справочниках не всегда четко и точно соотносятся и совпадают в литературно-языковой (стандартно-языковой) практике. Другими словами, между кодифицированными языковыми фактами и реальными речевыми реализациями может существовать неидентичность. Следует учесть сознательную или неосознанную позицию коллектива или отдельного авторитетного представителя носителей языка по отношению к родному языку и его статусу и различия в языке между поколениями его носителей. Каждый отдельно взятый вид источника может быть недостаточен для выявления и достоверного представления языковой реальности, лишь в совокупности они могут дать более или менее объективную картину межъязыкового варьирования литературных норм на всех уровнях языковой структуры [5].

Этнолингвокультурные расхождения в элементах языковых структур между хорватским и сербским литературными языками проявляются на всех уровнях: орфографическом, акцентном, фонетико-фонологическом (фонематическом), грамматическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом. Наиболее ярко различия проявляются на лексическом уровне.

С учетом центральноюжнославянского ареала распространения (Хорватия, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина) и этнолингвотерриториальной вариантной или эквивалентной маркированности в составе сравниваемой лексики литературных языков хорватов и сербов, а также черногорцев и бошняков (боснийцев) можно выделить четыре литературно-языковых региона: западно-иекавский (Хорватия), восточно-иекавский и восточно-иекавский (Сербия), южно-иекавский (Черногория) и центрально-иекавский (Босния и Герцеговина) [6, с. 146].

В свою очередь, хорватская и сербская лексика может быть распределена следующим образом:

- лексика литературного языка, получившая распространение как в Хорватии, так и в Сербии. В своем функционировании она не ограничена государственно-территориальными рамками. Это общая лексика хорватов и сербов, а также, как правило, черногорцев и бошняков (босняков) – общая (при сопоставлении хорватского и сербского) хорватская и сербская лексика (ОХС, хорв./серб.);
- лексика, входящая в состав хорватского литературного языка и функционирующая преимущественно лишь в Хорватии – хорватская лексика (Х, хорв.);
- лексика, входящая в состав сербского литературного языка и функционирующая преимущественно лишь в Сербии – сербская лексика (С, серб.).

При противопоставлении элементов сравниваемых языков обнаруживаются различные типы трехчленных отношений:

- противопоставления с двусторонней эквивалентной или вариантной маркированностью;
- противопоставления с односторонней эквивалентной или вариантной маркированностью;
- противопоставления немаркированные (общие хорватские и сербские лексические единицы, различающиеся частотностью или стилем, а также изредка и смысловым содержанием) [7, с. 47–48; 8, с. 39; 9, с. 685; 10].

Результаты

Приведем несколько сводных таблиц наиболее характерных противопоставлений на (орфо)графическом, фонетико-фонологическом (фонетико-фонематическом), грамматическом (родовые, словообразовательные и формообразовательные различия) и лексическом уровнях при сопоставлении двух литературных языков. В некоторых примерах речь может идти лишь о частотности функционирования лексических единиц в том или ином языке.

(Орфо)графические различия

Между хорватским и сербским литературными языками наблюдаются различия в правилах (орфо)графического оформления одних и тех же слов. В хорватской орфографии, как правило, сохраняется оригинальное написание имен и фамилий, географических и некоторых иных наименований из языков, в которых используется латинский алфавит, в отличие от сербской орфографии, где в аналогичных случаях действует преимущественно фонетический принцип записи. В хорватском языке официально используется латиница, а в сербском – кириллица (официально) и латиница.

Примеры (орфо)графических различий представлены в табл. 1¹.

Фонетико-фонематические различия

В звуковой оболочке слов, совпадающих по своему лексическому значению, наличествуют два вида явлений. К первым относятся системные фонетические различия в народных говорах, закрепленных орфоэпией и орфографией. В Хорватии утвердился иекавский произносительный норм (djed, lijep, rijeka, dio, razlijevati), в Сербии – экавский (дед, леп, река, део) и иекавский с преобладанием и предпочтением первой. Различия между ними обусловлены континуантами (рефлексами) старославянского гласного Ъ – [ѣ], а также своеобразием акцентуации. Иекавское и экавское произношение можно отнести к односторонней маркированности, поскольку лишь Хорватия последовательно придерживается иекавского произносительного норм, тогда как Сербия имеет двоякую произносительную норму. Указанные различия охватывают не отдельные, изолированные слова или группу слов, а фонетико-фонологический класс слов.

С другой стороны, выделяются отдельные слова или группа слов с определенными различиями в фонемном составе, в их огласовке, не вытекающими из каких бы то не было различительных признаков фонематических микросистем хорватского и сербского языков. Частичные несовпадения в огласовке отдельных лексем характерны для заимствованных слов, проникших в Хорватию и Серию из различных источников и в разное время, включая слова старославянского языка на [ѣ] – [шт]. В Хорватию иноязычная лексика проникала, как правило, под влиянием древнегреческого, латинского, немецкого и итальянского языков, а в Серию – посредством (ново) греческого, французского и русского² [11, с. 196–197; 12, с. 282–283; 13, с. 96–97; 14, с. 150; 15, с. 161–171, 311–323; 16, с. 150].

Примеры фонетико-фонематических различий представлены в табл. 2.

Табл. 1. Примеры орфографических различий

Tab. 1. Spelling differences: examples

Хорватский	Сербский	Русский
general pukovnik (s. 197) / general-pukovnik	генерал-пуковник (с. 287)	генерал-полковник
džez-orkestar / jazz-orkestar (s. 186)	џез оркестар (с. 502)	джаз-оркестр
Leipzig (s. 50, 242)	Лајпциг (с. 210, 355)	Лейпциг
Ljviv / Lavov	Лавов (с. 177, 355)	Львов
New York (s. 272)	Њујорк (с. 392)	Нью-Йорк
Shakespeare (s. 52, 369)	Шекспир (с. 187, 504)	Шекспир

Табл. 2. Фонетико-фонематические различия

Tab. 2. Phonetic and phonemic differences

Хорватский	Сербский	Русский
[l]	[o]	
sol	со	соль
[h]	[o]	
hrvač	рвач	борец
[(u)h]	[(y)в] / [(u)h]	
gluh	глув / глух	глухой
[h]	[j]	
kihati	кијати	чихать
[š]	[h]	
šutnja	ћутња	молчание
[ć]	[шт]	
opći	општи	общий
[b]	[в]	
Babilon	Вавилон	Вавилон
[к]	[х]	
kemija	хемија	химия
[c]	[к]	
ocean	океан	океан
[u]	[в]	
August	Август	Август
[a]	[е]	
aktualan	актуелан	актуальный
[z]	[с]	
konzultacija	консултација	консультация
[c]	[т]	
diplomacija	дипломатија	дипломатия
[h]	[j]	
heretik	јеретик	еретик
[o]	[а] / [о]	
projekt	пројекат / пројект	проект
[e]	[о] / [е]	
petero	петоро/петеро	пятеро

¹ Примеры приведены по: (хорв.) Babić S., Moguš M. Hrvatski pravopis, 2. Izdanje. Zagreb: Školska knjiga, 2011. 453 s.; (серб.) Пешикан М., Јерковић Ј., Пижурџа М. Правопис српског језика. Измењено и допуњено екавско изд., 3. изд. Нови Сад: Матица српска, 2015. 507 с. (В скобках указаны страницы по данным изданиям.); general-pukovnik, Ljviv / Lavov (хорв.) по: Hrvatski pravopis. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2013. S. 222, 277, 283.

² Багдасаров А. Р. Хорватско-русский словарь. М.: МБА, 2022. 720 с.

Приведем примеры³, взятые из статей Конституций:

- *Njihove se odredbe mogu mijenjati ili ukidati samo... suglasno **općim** pravilima međunarodnog prava*⁴ – Уставни суд одлучује о: 1. сагласности закона и других **општих** аката са Уставом...⁵ (Их положения могут быть изменены или отменены только... в соответствии с **общими** нормами международного права – Конституционный суд определяет: 1. соответствуют ли законы и другие **общие** акты Конституции...).

Несовпадения могут затрагивать одни и те же корни, префиксы и суффиксы: *obuhvaćati* – *обухватати*, *suradnja* – *сарадња*, *protuotrov* – *противотров*, *izvanzemaljski* – *ванземальски*, *kriterij* – *критеријум* и *критериј*, *gitarist* – *гитарист* и *гитариста*, *revolucionar* – *революционер* и *революционар* и др. В то же время в обоих языках: *suglasnik*, *sugrađanin*, *susnježica*, *suvlasnik*, *suvozač*.

Родовые различия

Имена существительные в хорватском и сербском языках могут иметь нетождественную родовую характеристику: относиться к разным грамматическим родам и отличаться друг от друга парадигмой склонения, некоторыми лексико-семантическими особенностями (табл. 3).

- *Teritorij Hrvatske administrativno je podijeljen na 128 gradova i 428 općina*⁶ – *Територија Хрватске заузима приближно 87.700 km²* (*Территория* Хорватии административно разделена на 128 городов и 428 муниципалитетов – *Территория* Хорватии занимает примерно 87700 км).

Табл. 3. Родовые различия

Tab. 3. Generic differences

Хорватский	Сербский	Русский
м. р.	ж. р.	
fonem	фонема	фонема
posjet	пос(ј)ета	визит
teritorij	територија	территория
ж. р.	м. р.	
fronta	фронт	фронт
gripa	грип	грипп
karavana	караван	караван
ж. р. / м. р.	м. р.	
decilitra / decilitar	децилитар	децилитр

³ Во всех парах примеров сначала представлен пример на хорватском языке, затем – на сербском.

⁴ Ustav Republike Hrvatske. 1990. Članak 141. *Narodne novine*, broj 85, od 09.07.2010.

⁵ Ustav Republike Srbije. 2006. Član 167. *Службени гласник РС*, бр. 98/2006, 16/2022.

⁶ Hrvatske općine i gradovi. URL: https://hr.wikipedia.org/wiki/Hrvatske_op%C4%87ine_i_gradovi (accessed 10 Jan 2022).

⁷ Хрватска. URL: <https://sr.wikipedia.org/wiki/Хрватска#Географија> (accessed 10 Jan 2022).

⁸ Lukić S. Savjet za koordinaciju rada tajnih službi treba informirati vrh vlasti o korupciji. *Jutarnji list*. 24.09.2022. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/savjet-za-koordinaciju-rada-tajnih-sluzbi-treba-informirati-vrh-vlasti-o-korupciji-15020807> (accessed 10 Jan 2022).

⁹ Амбасадор Србије у БиХ: Злонамерне тврдње медија да не желим састанак са Комшићем. *РТС*. 13.09.2021. URL: <https://www.rts.rs/page/stories/ci/story/3/region/4510776/ambasador-srbija-bih-mediji-negiranje.html> (accessed 10 Jan 2022).

¹⁰ Када покажеш „Ок“ мислиш на... *РТС*. 28.09.2019. URL: <https://www.rts.rs/page/magazine/ci/story/501/zanimljivosti/3677264/.html> (accessed 10 Jan 2022).

Словообразовательные различия

В словообразовании различают некоторые служебные морфемы, оформленные различными аффиксами. Так, некоторые прилагательные оформляются в Хорватии приставками **не-**: *neizmjeran*, *neopasan*, *neukusan*; **isto-**: *istovrijedan*, *istokrvni*, *istovrstan*, а в Сербии – **без-**: *безм(ј)еран*, *безопасан*, *безукусан*; **једно-** / **једнако-**: *једнаковр(иј)едан*, *једнокрвни*, *једноврстан*, что отнюдь не означает их полного отсутствия в том или ином языке. Глаголы иноязычного происхождения с суффиксом **-ira(ti)** распространены преимущественно в Хорватии, а их эквиваленты со славянскими суффиксами **-ова(ти)**, греческим **-иса(ти)** и с тем же суффиксом **-пра(ти)** – в Сербии. Так, в Сербии некоторые глаголы употребляются лишь с суффиксом **-пра(ти)**: *провоцирати*, *студирати*, *телефонирати*, *финансирати*, *цитирати* и др. В словообразовании существительных обнаруживается противопоставление определенного количества лексических единиц с суффиксами **-telj** (со значением лица), **-ica** (со значением женскости), **-(č)ić** (с уменьшительным значением), **-ist** (со значением лица мужского лица), употребляемыми в Хорватии, и соответственно **-а(а)ц**, **-киња**, **-че**, **-ист(а)** – в Сербии. В словообразовании прилагательных, образованных от существительных, наблюдаются противопоставления группы слов с суффиксами **-ni** и **-ijski** (с относительным значением), преобладающими в Хорватии, и **-ски** и **-иони** – в Сербии. Примеры представлены в табл. 4.

- *Savjet za koordinaciju rada tajnih službi treba informirati vrh vlasti o korupciji*⁸ – *Ђорђевић је... навео да ће о овоме информисати представнике...⁹; Верујемо да полицију и јавност треба упитности информирати*¹⁰ (Совет по координации работы спецслужб должен информировать высшие инстанции о коррупции – Джорджевич... заявил, что сообщит об этом представителям...; Мы считаем, что полиция и общественность должны быть полностью информированы).

Представленные примеры не всегда означают полное отсутствие того или иного словообразовательного аффикса в том или ином языке. В Хорватии и Сербии встречаем лишь *kupovati*, *ronilac*, *ljubitelj*, *snimatelj*, *roditelj*, *učitelj*, *dvorski* и др. Словообразовательные поляризованные, корреляционные суффиксы могут иметь лексико-семантическую или стилистическую дифференциацию. Так, в Сербии прилагательное *језични* и *језички* используется в паронимах: *језични* ‘язычный’, например, в анатомии в значении ‘принадлежащий

языку' и *jezički* 'языковой, язычный', в лингвистике – в значении 'относящийся к речи, к звукам или части сложных слов'. В Хорватии это прилагательное оформляется и используется лишь в форме *jezični* во всех значениях.

Табл. 4. Словообразовательные различия

Tab. 4. Word-building differences

Хорватский	Сербский	Русский
-ira-	-ова- / -ира-	
organizirati	организовати / организирати	организовать
-ira-	-иса- / -ира-	
informirati	информисати / информирати	информировать, проинформировать
-telj	-лац-	
gledatelj	гледалац	зритель
-ica	-киња	
studentica	студенткиња	студентка
-(ć)ić	-че	
prozorčić	прозорче	окошко
-ist	-ист(а)	
aktivist	активист(а)	активист
-ni	-ски	
autobusni	аутобуски	автобусный
-ijski	-иони	
situacijski	ситуациони	ситуационный

Формообразовательные различия

Различия между хорватским и сербским языками в области грамматики не столь очевидны и еще недостаточно исследованы. Обычно формообразовательные различия характеризуются количественными показателями и проявляются в предпочтении или более частом использовании одной из имеющихся эквивалентных или вариантных форм. Приведем несколько характерных примеров:

1. Предпочтительное употребление окончаний **-oga** / **-ega** в род. п. ед. ч.: *zdravoga* / *medega*, **-omu** / **-emu** в дат. п. ед. ч.: *zdravomu* / *medemu*, **-ome** / **-om** в мест. п. ед. ч.: *zdravome* / *zdravom* у полных прилагательных и местоимений-прилагательных в м. р. и ср. р. в Хорватии; словоизменительных аффиксов **-og** / **-eg**: *zdravog* / *medeg*, **-om** / **-em**: *zdravom* / *medem* в Сербии. Лингвисты отмечают стилистическую противопоставленность вышеприведенных падежных форм. Йосип Силич пишет, что падежные формы на **-omu** / **-emu** относят в сербском языке к архаическому стилю, а формы на **-om** / **-em** в хорватском языке – к административному и разговорному стилям [16, s. 152]. В хорватском языке падежные формы **-omu** / **-emu** часто используются в лингвистических статьях и все чаще проникают в публицистику.

2. Наряду с окончанием **-u** предпочтительное употребление окончания **-i** в тв. п. ед. ч. у абстрактных существительных ж. р. с суффиксом **-ost** в Хорватии: *djelatnost* – *djelatnosti* и *djelatnošću*; флексии **-y** – в Сербии: *đ(j)elatnost* – *đ(j)elatnošću*.

3. В хорватском языке чаще используются нейтральное притяжательное местоимение *njezin* и безударные формы личных местоимений *nj*, *te*, *se* в конструкциях с предлогами *za nj*, *preda nj*, *za te*, *za se*, *u za se* и т. п. Притяжательное местоимение *њезин* в сербском языке используется очень редко и обычно воспринимается как архаизм.

4. В хорватском литературном языке личные имена, фамилии и ласкательные существительные м. р. на **-o** и **-e** с долгим восходящим ударением (') склоняются как существительные ж. р. на **-a**: *Pero* / *Pere* – род. п. *Pere*, дат. п. *Peri* и т. д. На юге Хорватии, особенно в Дубровнике и его окрестностях, вышеназванные существительные склоняются обычно по мужскому роду: *Ivo* – *Iva*, *Ivi* и т. п. В сербском литературном языке допускается двойственность парадигматических форм склонения по мужскому (чаще) и женскому склонению: *Перо* – *Пера* и *Пере*, *Перу* и *Пери* и т. д.

5. Количественные числительные *dva*, *tri* и *četiri* в хорватском литературном языке изменяются по падежам, в сербском литературном языке они редко встречаются в косвенных падежах. Числительное *četiri* практически не склоняется, хотя и приводится в сербских грамматиках, например в грамматике М. Тасича и Р. Гачевича¹¹.

6. Наблюдаются определенные различия между использованием в составе форм будущего времени инфинитива и конструкции «*da* + форма настоящего времени глагола»: *Ti ćeš spavati* – *Ti ћеш да спаваш*. Использование инфинитива более характерно для хорватского языка, конструкции с *da* – для сербского.

7. В хорватском языке энклитики в предложениях располагаются чаще, чем в сербском после первого ударного слова: *Postojeći je rječnik dopunjen* – *Постојећи р(ј)ечник је допуњен* (Существующий словарь дополнен).

Грамматические различия по сравнению с лексическими, орфографическими, фонетическими и словообразовательными менее примечательны, поскольку затрагивают основу языковой системы, которая менее подвержена внутриязыковому и внеязыковому влиянию в ходе нормирования¹².

Лексико-семантические различия

На лексико-семантическом и частично морфологическом уровнях выделяются два основных вида эквивалентных или вариантных противопоставлений лексических единиц: лексические единицы, обнаруживающие полные или частичные расхождения в плане содержания при общности в плане выражения (лексико-семантические дивергенты); лексические единицы, обнаруживающие полные

¹¹ Тасић М., Гачевић Р. Граматика српског језика. Београд: Leo Commerce, Београдска књига, 2014. С. 62.

¹² Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013. 582 с.

или частичные расхождения в плане выражения при общности в плане содержания (лексико-семантические аналоги). Различают дивергенты и аналоги с двусторонней и односторонней маркированностью (табл. 5–9). Как правило, расхождения в односторонних дивергентах,

Табл. 5. Двусторонние дивергенты

Tab. 5. Bilateral divergents

Дивергенты	Хорватский	Сербский
naučnik	ученик (в торговле, на производстве); подмастерье	ученый
brijač	парикмахер	бритва
stečaj	банкротство	конкурс
značaj	характер	ценность, вес, значимость
razveden	разветвленный	разведенный (о браке)

Табл. 6. Односторонние дивергенты (хорватский)

Tab. 6. Unilateral divergents (Croatian)

Дивергенты	Хорватский и сербский	Хорватский
ispričati se	выговориться, наговориться (вдоволь)	извиниться, оправдаться
zanimanje	профессия, занятие	интерес
jetra	печень	печенка (блюдо)
zgoditak	выигрыш (в лотерее)	гол (в спорте)

Табл. 7. Односторонние дивергенты (сербский)

Tab. 7. Unilateral divergents (Serbian)

Дивергенты	Хорватский и сербский	Сербский
ned(j)elja	воскресенье	неделя
sipati	сыпать, насыпать	лить, наливать
predstava	представление, спектакль	философское, психологическое представление (о чем-либо)
igra	игра	танец

т. е. в плане содержания, носят частичный характер. В то время как часть присущих им значений более характерна для Хорватии или Сербии, другие значения совпадают в обоих языках (табл. 6, 7). Сходные лексико-семантические различия наблюдаются и в тех случаях, когда наряду с общим для хорватов и сербов значением присутствует значение, характерное лишь для сербского языка.

В состав двусторонних аналогов входят лексические единицы с ярко выраженной этноязыковой окраской. Члены таких противопоставлений, как правило, несовместимы в той или иной лексической структуре литературных языков. К противопоставлениям с двусторонней маркированностью следует отнести и некоторые устойчивые словосочетания, обозначающие международные, государственные, военные организации, наименования должностей и т. п. (табл. 8).

В состав односторонних аналогов входят лексические единицы, которые в одном из языков взаимоисключаются, а в другом могут находиться в свободном варьировании и сосуществуют, обладая известной стилистической или смысловой дифференциацией (табл. 9). В лексико-семантических аналогах с односторонней маркированностью содержание (значение) совпадает, а форма полностью или частично расходится.

К немаркированным аналогам в противопоставлении следует отнести межъязыковые синонимы, которые, функционируя как в хорватском, так и в сербском языках, различаются своей употребительностью, семантической или стилистической дифференциацией (напр., в хорв. чаще *istodoban*, а в серб. – *istovremen*).

Приведем несколько примеров из хорватских и сербских средств массовой информации:

- *Ravnateljstvo Civilne zaštite izvijestilo je u utorak da se pomoć postradalima može dostaviti u prostorije Crvenog križa*¹³ – *Црвени крст је саопштио да је конвој... стигао*¹⁴ (Управление гражданской защиты сообщило во вторник, что помощь пострадавшим может быть доставлена в помещение **Красного Креста** – **Красный крест** сообщил, что конвой прибыл).
- *Većina članica Vijeća sigurnosti Ujedinjenih naroda želi mogućnost virtualnog glasanja tijekom pandemije*¹⁵ – *Савет безбедности Уједињених нација расправљаће 13. априла о Косову и раду Унмика*¹⁶ (Большинство членов **Совета Безопасности ООН** хотят возможности виртуального голосования во время пандемии – 13 апреля **Совет Безопасности ООН** обсудит вопросы Косово и работу МООНК).

¹³ Civilna zaštita: Pomoć postradalima u potresu donijeti u Crveni križ. *Glas Istre*. 29.12.2020. URL: <https://www.glasistre.hr/hrvatska/civilna-zastita-pomoc-postradalima-u-potresu-donijeti-u-crveni-kriz-689867> (accessed 10 Jan 2022).

¹⁴ Црвени крст: Кампиони са лековима стигли у Тиграј први пут од августа. *Politika.rs*. 15.11.2022 URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/525175/crveni-krst-etio-pomoc-lekovi> (accessed 29 Nov 2022).

¹⁵ Članice Vijeća sigurnosti UN-a žele virtualno glasanje, Rusi se ne slažu. *www.index.hr*. 20.02.2020. URL: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/clanice-vijeca-sigurnosti-una-zele-virtualno-glasanje-rusi-se-ne-slažu/2167367.aspx> (accessed 10 Jan 2022).

¹⁶ Савет безбедности УН 13. априла о Косову. *PTC*. 09.04.2021. URL: <https://www.rts.rs/page/stories/ci/story/1/politika/4327498/savet-bezbednosti-un-13-aprila-o-kosovu.html> (accessed 10 Jan 2022).

Табл. 8. Двусторонние аналоги

Tab. 8. Bilateral counterparts

Хорватский	Сербский	Русский
dušik	азот	азот
časnik	офицер	офицер
listopad	октобар	октябрь
nogomet	фудбал	футбол
putovnica	пасош	паспорт
odgojitelj	васпитач	воспитатель
vojarna	касарна	казарма
Vijeće sigurnosti	Сав(ј)ет безб(ј)едности	Совет Безопасности
Ujedinjeni narodi	Уједињене нације	Организация Объединенных Наций
Crveni križ	Црвени крст	Красный Крест
Glavni stožer	Генерелштаб	Генеральный штаб
Vijeće Europe	Совет Европе	Совет Европы

Табл. 9. Односторонние аналоги

Tab. 9. Unilateral counterparts

Хорватский	Сербский	Русский
brzovoj / telegram	телеграм	телеграмма
glazba / muzika	музика	музыка
zrakoplov / avion	авион	самолет
grah	пасуљ / грах	фасоль
mrkva	шаргарепа / мрква	морковь
ulje	зејтин / уље	масло (растительное)
val	талас / вал	волна
sigurnost	безб(ј)едност / сигурност	безопасность

Межъязыковые различия могут иметь нормативно-стилистический характер. Одна и та же лексическая единица может быть стилистически нейтральной в одном языке и стилистически маркированной в другом языке. К примеру, к хорватской литературной норме относят такие лексемы, как *nekađanji*, *rajon*, *Talijan*, *tko*, в то время как в сербском языке названные лексемы некоторые сербские лингвисты относят к устаревшим. Слово *žlica* 'ложка' в хорватском и соответственно *кашика* в сербском литературных языках являются стилистически нейтральными, в то же время *жлица* в сербском и *kašika* в хорватском стилистически маркированы. В Хорватии сербские слова османского

(турецкого) происхождения, например, *kašika* (хорв. *žlica*) 'ложка', *sirće* (хорв. *ocat*), *ćošak* (х/с - *ugao*), как штокавские диалектизмы встречаются в разговорном языке Славонии (область на востоке Хорватии). В литературных языках, диалектах и говорах Хорватии и Сербии можно встретить различные реализации слова *окно*: *prozor*, *barkun*, *brkun*, *ponestra*, *fineštra*, *okno*, *vokno*, *vukno*, *vuokno*, *ukno*, *poneštra*, *balkun*¹⁷, *oblok*, *blok*, *pendžer* (*Slavonija*) (Хорватия) – *prozor*, *pendžer* (Сербия)¹⁸.

В межъязыковых соответствиях значения слова могут частично совпадать при сходстве формы, но различаться в плане выражения при определенном значении. К примеру, слово *porodica* 'семья' в обоих языках семантически совпадает в плане содержания: 'род, поколение'; 'группа животных и растений одного вида'; 'группа родственных языков, объединенных общностью происхождения', но расходятся в плане выражения (хорв. *obitelj*, серб. *породица*) в значении 'группа близких родственников, живущих вместе'. В сербском толковом словаре Матицы сербской отсутствует хорватское заглавное слово *обител*¹⁹. В отдельных случаях наблюдается лексико-семантическая нетождественность при формальном сходстве: слово *slovenski* в хорватском языке означает 'словенский', а в сербском – 'славянский'. При сопоставлении параллельных структур обнаруживается различная степень нормативно-стилистической допустимости языковых единиц в том или ином литературном языке.

Квалификация сходств и различий в хорватском и сербском литературных языках во многом зависит от языковых и внеязыковых позиций сторон по отношению к языку или языкам бывшей Югославии. Если в сербском литературном языке по крайней мере эксплицитно (зафиксированное в правописаниях, грамматиках и словарях) проявляется допустимость определенных вариантных реализаций (*акваријум* и *аквариј*, *виолиниста* и *виолинист*, *глув* и *глух*, *шаргарепа* и *мрква*), то в хорватском языке стандартизируется и кодифицируется лишь одна из возможных реализаций языковых единиц (лишь *akvarij*, *gluh*, *mrkva*, *violinist*). В сербских орфографических и в некоторых толковых словарях допускается двойственность написания тех или иных нормативно-языковых единиц при рекомендации их использования в сербском литературном языке. В хорватском литературном языке в схожих нормативных справочниках стандартизируют лишь один вариант.

К примеру, в сербском орфографическом словаре Милана Шипки находим: *адвентист(а)*, *Алли* = *Алле*, *класификовати* и *класифицирати*, *посјетитељ* = *посјетилац*, *сув* = *сух*, *сугерисати* и *сугерирати*, *територија* и *териториј*, *упоредан* = *успоредан*. В том же словаре изредка приводятся рекомендации отдельных лексем при

¹⁷ *Istarski rječnik*. URL: http://www.istarski-rjecnik.com/pregled_rijeci/123454/ (accessed 7 Mar 2021).

¹⁸ *Pametni rečnik: rusko-srpski, srpsko-ruski*. 1. izd. Novi Sad: Lingea, 2019. 717 s.

¹⁹ *Речник српског језика*. Нови Сад: Матица српска, 2007. 1561 с.

унификации сербской орфографии, которые используются в хорватском языке в качестве нормативно нейтральных: «*евро* (не *гуро*), *Италијан* (не *Талијан*), *Јерменија* (не *Арменија*), *со* (не *сол*), *точка* не *него тачка* (в.), *убиство* (не *убојство*)»²⁰. В то же время в сербском орфографическом словаре отсутствуют такие хорватские лексемы, как *аутобусни*, *кемија*, *обрана*, *студенткица*, *тањур*, *тисућа*, и некоторые другие, но присутствуют вместо них сербские нормативные эквивалентные варианты: *аутобуски*, *хемија*, *одбрана*, *студенткиња*, *тањир*, *хиљада*²¹ и некоторые другие. В схожих хорватских орфографических словарях в сопоставлении с сербскими стандартизируется и кодифицируется лишь один из приведенных эквивалентных вариантов: *Alpe*, *Armenija*, *euro*, *kemija*, *sol*, *suh*, *Talijan*, *točka*, *usporedan*²².

Аналогичное несходство в подходе и толковании обнаруживаем в сербских и хорватских одноязычных толковых словарях. В сербском толковом словаре Матицы сербской отсутствуют такие хорватские лексемы, как *akvarij*, *čipar*, *dušik*, *obrana*, *posjet* (в м. р.), *šport*, *veleposlanik*, однако приводятся с рекомендательной пометой в. ('см., смотри – види'): *глазба в. музика*, *гледатељ в. гледалац*, *кихати в. кијати*, *конзултација в. консултација*, *муха в. мува*, *ногомет в. фудбал*, *путовница (пасош у Хрватској), торпедирати в. торпедовати*, *шутња в. ћутња*²³. В хорватском толковом словаре Института лексикографии Мирослава Крлежи и Института хорватского языка и языкознания приведены рекомендации по нормативному использованию отдельных слов или лишь хорватские эквиваленты, как *čipar*, *dušik*, *fudbal* → *nogomet*, *konzultacija*, *tuha*, *obrana*, *pasoš* → *putovnica*, *posjeta* → *posjet*, *torpedirati*²⁴.

Заклучение

Сербский язык в процессе стандартизации и кодификации стремится в определенных лексических единицах сохранить варьирование языковых норм в двухчленных или трехчленных противопоставлениях, особенно в период подписания Новисадского договора 1954 г. о едином языке до распада СФРЮ, в то время как хорватский язык тяготеет в нормативных противопоставлениях к переводной эквивалентности и самодостаточности при его описании [17].

В среде хорватских лингвистов считается, что хорватский и сербский языки автономны и независимы в своем развитии и функционировании. В свою очередь, многие сербские лингвисты полагают, что хорватский язык

с лингвистической точки зрения – часть сербского, сербско-хорватского языка. В целом нормативные представления о допустимости или недопустимости той или иной языковой формы или приемлемости или неприемлемости языкового идиома разнятся. Хорватская литературная норма более консервативна или императивна с точки зрения обязательности по отношению к двойственности языковых единиц, сербская – чаще допускает или сохраняет вариантность [18].

Таким образом, внутригосударственная дезинтеграция, распад СФРЮ и образование на постюгославском пространстве новых государств не могли не сказаться на языковой ситуации, дивергентном развитии и функционировании языка хорватов, сербов, бошняков (босняков) и черногорцев. Совместные межэтнические мероприятия и компромиссные решения Новисадского 1954 г. и Загребского 1986 г. соглашений не привели стороны к общему языковому согласию [19–21]. В настоящее время за хорватским и сербским этногосударственными образованиями конституционно закреплены статусы различных языков: хорватский язык (Республика Хорватия) и сербский язык (Республика Сербия).

Этнолингвокультурные расхождения в элементах языковых структур между хорватским и сербским литературными языками выявляются на всех уровнях: фонетическом, фонологическом, грамматическом, лексическом и стилистическом. Наиболее ярко различия проявляются на лексическом уровне. При сопоставлении хорватского и сербского литературных языков обнаруживаются различные виды межъязыковых отношений: противопоставления с двусторонней эквивалентной маркированностью; противопоставления с односторонней эквивалентной маркированностью, общие для обоих языков единицы, различающиеся частотностью и стилем.

При стандартизации и кодификации языка у большинства хорватских и сербских лингвистов выявляются нетождественные подходы к процессу нормирования. В хорватской языковой традиции предпочтение отдается прескриптивно-дескриптивному нормотворчеству, в то время как сербской традиции в большей мере свойствен дескриптивно-прескриптивный подход при описании нормы²⁵. Литературный хорватский и сербский языки в сложившейся языковой ситуации в Хорватии и Сербии приобрели собственный правовой статус и стали развиваться самостоятельно.

²⁰ Шипка М. Правописни речник српског језика: са правописно-граматичким саветником. Нови Сад: Прометеј, 2010. С. 38, 47, 447, 452, 854, 1098, 1099, 1122, 1189; 254, 397, 416, 1064, 1135, 1170.

²¹ Там же. С. 68, 730, 1097, 1115, 1235, 1241.

²² Babić S., Moguš M. Hrvatski pravopis... S. 130, 133, 192, 229, 379, 388, 398, 401, 418; Badurina L., Marković I., Mićanović K. Hrvatski pravopis. Zagreb: Matica hrvatska, 2007. S. 383, 421, 590, 605; Hrvatski pravopis... S. 155, 160, 216, 438, 442.

²³ Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. С. 197, 199, 535, 562, 745, 838, 1097, 1326, 1560.

²⁴ Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža, Školska knjiga, 2000. S. 123, 221, 273, 484, 620, 721, 1263; Školski rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Školska knjiga, 2012. S. 942, 112, 334, 412, 533, 791.

²⁵ Отдельные хорватские лингвисты выступают против чрезмерного прескриптивизма в развитии хорватского литературного языка. См. напр. [22].

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Степанов Г. В. Национальный язык. *Языкознание: большой энциклопедический словарь*, ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. (репр.) М.: БРЭ, 1998. С. 326. [Stepanov G. V. National language. *Linguistics: Big Encyclopedic Dictionary*, ed. Yartseva V. N. 2nd ed. (reprint) Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1998, 326. (In Russ.)]
2. Домашнев А. И. Основные черты полинациональных языков. *Языки мира: проблемы языковой вариантности*, отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1990. С. 74–96. [Domashnev A. I. The main features of polynational languages. *Languages of the world: problems of language variation*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Nauka, 1990, 74–96. (In Russ.)]
3. Чорич Б. Некоторые актуальные проблемы сербского языка. *Изучение и преподавание сербохорватского языка и югославских литератур в инославянской среде: мат-лы Междунар. конф. (Москва, 5–6 апреля 1996 г.)* М.: ГЕО-ТЭК, 1996. С. 51–52. [Coric B. Some actual problems of the Serbian language. *Study and teaching of the Serbo-Croatian language and Yugoslav literature in a non-Slavic environment: Proc. Intern. Conf.*, Moscow, 5–6 Apr 1996. Moscow, 1996, 51–52. (In Russ.)] EDN: VNFNHF
4. Гудков В. П. Славистика. Сербистика. М.: МГУ, 1999. 208 с. [Gudkov V. P. *Slavistics. Serbistika*. Moscow: MSU, 1999, 208. (In Russ.)]
5. Нечаевский В. О. Вариативность единиц лексического уровня языка. *Основы лексической вариологии*. М.: Военная академия МО РФ, 2021. 230 с. [Nechaevskiy V. O. *Variation of units of the lexical level of the language. Fundamentals of lexical variology*. Moscow: Military University, 2021, 230. (In Russ.)]
6. Гудков В. П. О морфологическом своенравии сербохорватского слова вече(р). *Славистический сборник: в честь 70-летия профессора П. А. Дмитриева*, ред. Г. И. Сафронов, Г. А. Лилич. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 144–151. [Gudkov V. P. The morphological willfulness of the Serbo-Croatian word veche(r). *Slavistic collection: in honor of the 70th anniversary of professor P. A. Dmitriev*, eds. Safronov G. I., Lilich G. A. St. Petersburg: SPbSU, 1998, 144–151. (In Russ.)] EDN: UDYSWR
7. Багдасаров А. Р. Хорватский литературный язык второй половины XX века. М.: Внешторгиздат, 2004. 164 с. [Bagdasarov A. R. *Croatian literary language of the second half of the XX century*. Moscow: Vneshtorgizdat, 2004, 164. (In Russ.)]
8. Bagdasarov A. R. *Hrvatski književni jezik i njegova norma*. Rijeka: Maveda i HFDR, 2010, 196.
9. Дуличенко А. Д. Введение в славянскую филологию. 3-е изд. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 720 с. [Dulichenko A. D. *Introduction to Slavic philology*. 3rd ed. Moscow: FLINTA; Nauka, 2016, 720. (In Russ.)]
10. Чекмонас В. Н. Введение в славянскую филологию. Вильнюс: Мокслас, 1988. 292 с. [Chekmonas V. N. *Introduction to Slavic philology*. Vilnius: Mokslas, 1988, 292. (In Russ.)]
11. Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд: Српска књижевна задруга, 1971. 327 с. [Ivic P. *Serbian people and their language*. Beograd: Srpska knjizevna zadruga, 1971, 327. (In Serb.)]
12. Ивић П. Језичке прилике. Историја српског народа. Београд: Српска књижевна задруга, 1983. Књ. 6. Св. 2. С. 257–290. [Ivic P. *Linguistic circumstances. History of the Serbian people*. Beograd: Srpska knjizevna zadruga, 1983, book 6, vol. 2, 257–290. (In Serb.)]
13. Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 200 с. [Dmitriev P. A., Safronov G. I. *From the history of Russian-Yugoslav literary and scientific relations*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1975, 200. (In Russ.)]
14. Samardžija M. *Srpsko-hrvatski objasnidbeni rječnik*. Zagreb: Matica hrvatska, 2015, 599.
15. *Srpski pogledi na odnose između srpskog, hrvatskog i bošnjačkoga jezika*, ur. Tošović B., Wonisch A. Graz-Beograd: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz; Beogradska knjiga, 2010, 1/1, 753.
16. Silić J. *Hrvatski i srpski jezik. Zbornik zagrebačke slavističke škole: Trideset godina rada (1972–2001)*. Zagreb, 2001, 147–155.
17. Ham S. *Po jeziku Hrvati*. Zagreb: Školska knjiga, 2022, 376.
18. Bašić-Kosić N. *Vukovci i hrvatski jezični standard: hrvatski u srpskohrvatskom tijesku*. Zagreb: Fakultet Hrvatskih studija Sveučilišta u Zagrebu, 2021, 885.

19. Багдасаров А. Р. К проблеме этноязыковой конфликтологии в СФРЮ (социолингвистический аспект хорватско-сербских отношений). *Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*, отв. ред. Г. П. Нецименко. М.: Наука, 2006. Кн. 2. С. 119–152. [Bagdasarov A. R. Ethnolinguistic conflictology in the Socialist Federal Republic of Yugoslavia: sociolinguistic aspect of Croatian-Serbian relations. *Globalization – ethnicization: ethnoculture and ethnography processes*. Moscow: Nauka, 2006, book 2, 119–152. (In Russ.)]
20. Мартынова М. Ю. Языковые процессы на Балканах в контексте проблем идентичности. In: Алос и Фонт Э., Диаз А., Зеньяни С., Кучерова И. А., Мартынова М. Ю., Соколовский С. В., Филиппова Е. И., Филон А. *Языковая политика, конфликты и согласие*. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 229–269. [Martynova M. Yu. Language processes in the Balkans in the context of identity problems. In: Alòs i Font H., Diaz A., Zegnani S., Kucheroва I. A., Martynova M. Yu., Sokolovskiy S. V., Filippova E. I., Filbon A. *Language policy, conflicts and Reconciliation*. 2nd ed. Moscow: IEA RAN, 2018, 229–269. (In Russ.)] EDN: MHJMVN
21. Ивич П. Сербский народ и его язык. М.: Индрик, 2017. 384 с. [Ivic P. *Serbian people and their language*. Moscow: Indrik, 2017, 384. (In Russ.)]
22. Starčević A., Kapović M., Sarić D. *Jeziku je svejedno*. Zagreb: Sandorf, 2019, 394.

обзорная статья

Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода

Голев Николай Данилович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

ngolevd@mail.ru

Поступила в редакцию 28.05.2022. Принята после рецензирования 09.08.2022. Принята в печать 26.09.2022.

Аннотация: В статье дается общее представление идеи выделения транслятивной лингвистики как особого научного направления в исследовании естественных языков, приводится очерк предпосылок, обуславливающих формирование идеи. Транслятивная лингвистика находит свое место в парадигме лингвистических дисциплин, выделяемых, во-первых, по особенностям методологии (квантитативная лингвистика, комбинаторная лингвистика, ассоциативная грамматика, лексикография как метод), во-вторых, по различным сторонам и уровням языка, выступающим в роли объекта и / или предмета исследования (историческая грамматика, фонетика, политическая лингвистика). Такое различие, описываемое как гносеологический и онтологический аспекты транслятивной лингвистики, составляет содержание двух первых частей статьи. Перевод трактуется как исследовательский метод, с помощью которого транслятивная лингвистика описывает и выявляет закономерности переводимого языка. Автором предлагается понятийно-терминологический аппарат транслятивной лингвистики; значительное внимание уделяется частным разновидностям перевода как метода: обратному переводу, машинному переводу и – в особенности – обратному машинному переводу. Рассматривается онтологический план транслятивной лингвистики, в котором естественный язык и его единицы выступают в ней как объект исследования. В качестве материала в теоретической части статьи выступают различные лингвистические работы, в которых идея транслятивной лингвистики нашла то или иное проявление. Главный метод анализа – лингвистическая логика, которая понимается автором как включение нового понятия в традиционную систему выработанных лингвистикой теоретических понятий, вошедших в контекст новейших исследований.

Ключевые слова: транслятивная лингвистика, переводимость, язык-транслятум, язык-транслянт, язык-транслят, текст-транслятум, текст-транслянт, текст-транслят, обратный машинный перевод, интерферент

Цитирование: Голев Н. Д. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 717–734. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-717-734>

review article

Translative Linguistics: an Aspectualized Review of Initial Provisions. Part 1. Gnoseology of Translation

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

ngolevd@mail.ru

Received 28 May 2022. Accepted after peer review 9 Aug 2022. Accepted for publication 26 Sep 2022.

Abstract: The article introduces translative linguistics as a special branch in the study of natural languages and describes the history of its development. Translative linguistics uses the methods of quantitative linguistics, combinatorial linguistics, associative grammar, lexicography, etc. It focuses on the same aspects of language as historical grammar, phonetics, political linguistics, etc. The ontology of translational linguistics sees the natural language and its units as its research object. Translation (reserve translation, machine translation, and reverse machine translation) acts as a research method that translational linguistics uses to describe the patterns of the translated language. The author reviews various scientific publications to describe the concepts and terms of translational linguistics. The author uses the method of linguistic logic, which is understood as incorporating a new concept in the traditional system of theoretical linguistic concepts.

Keywords: translational linguistics, translatability, target language, source language, back translation language, translatum language, translating language, translated language, reverse machine translation, interferent

Citation: Golev N. D. Translative Linguistics: an Aspectualized Review of Initial Provisions. Part 1. Gnoseology of Translation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 717–734. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-717-734>

Введение. Постановка проблемы, логика и структура статьи

Цель статьи – обосновать, что среди многих научных дисциплин и направлений, связанных разнообразными отношениями с переводом, целесообразно выделить особое направление, которое предлагаем назвать термином *транслятивная лингвистика* (ТЛ). ТЛ, на наш взгляд, выделяется гносеологически, потому что в ее рамках перевод трактуется как специфический метод исследования естественных¹ языков (ЕЯ), а также онтологически, т. к. имеет особый предмет исследования – транслятивное функционирование ЕЯ. Способ обоснования очерченной методологической идеи, используемый в статье, традиционный:

1) лингвистическая логика, которая понимается нами как включение нового понятия в систему теоретических понятий, выработанных лингвистикой, и в контекст новейших исследований², определила выбор жанра статьи – аспектированный обзор предшествующих работ, в которых проявились идеи транслятивной лингвистики (базовые аспекты обзора – гносеология и онтология перевода (части 1 и 2 настоящей статьи));

2) демонстрация исследовательских возможностей транслятивного изучения ЕЯ на конкретных примерах использования обратного машинного перевода (ОМП) для выявления закономерностей устройства и функционирования русского языка (часть 3 настоящей статьи).

Главный теоретический тезис статьи: перевод является одним из исследовательских подходов при изучении ЕЯ, обратный перевод (ОП) и ОМП – его частные методы. Исследователям языка (прежде всего русского) предлагается идея использования ОМП для изучения различных теоретических проблем и решения прикладных задач лингвистики. В части 1 автор обосновывает теоретико-методологическую базу такого использования, предлагает понятийно-терминологический аппарат транслятивного анализа языкового материала. В части 2 основное внимание уделяется характеристике онтологической стороны перевода и обоснованию тезиса, согласно которому перевод

является элементом естественной речевой деятельности и языкового материала, влияющим через их опосредствование на устройство языковой системы. В части 3 автор иллюстрирует возможности транслятивной методологии на примерах решения с ее помощью различных лингвистических задач.

1. Ретроспективный обзор формирования авторской идеи ТЛ как особого направления в исследовании языка

Представим авторскую эволюцию идеи ТЛ, частью которой является поэтапное формирование текста данной статьи³.

1. Начальный этап замысла статьи связан с несистемными наблюдениями автора за результатами ОМП различных национально-специфических фраз на русском языке, а также фрагментов художественных и юридических текстов. По отсутствию целевых установок в таких наблюдениях этот этап с полным основанием может быть назван игровым.

2. Следующий этап связан с развитием идеи использования ОМП для межкультурного общения и с разработкой проекта Vavilon.net, предполагающего возможность общения с носителем иностранного языка без знания этого языка путем приспособления переводимого текста к транслятивным способностям компьютерных программ [1].

3. Параллельно осуществлялась попытка внедрения электронной переписки с помощью ОМП в практику преподавания русского языка как иностранного. Реализация лингводидактического проекта велась по линии: от теоретической идеи [2] к ее практической реализации [3; 4].

4. Накопление игрового и прикладного материала привело к идее целенаправленного использования ОМП для решения научных задач, т. к. ОМП позволяет получить системно организованный и неограниченно большой исследовательский материал; результатом развития этой идеи явилась статья об источниковом потенциале ОМП [5].

¹ Актуализация признака *естественный* по отношению к языку во многом обусловлена тем обстоятельством, что основным средством изучения языка, предлагаемым в статье, выступает машинный перевод, являющийся проявлением искусственного интеллекта. Отсюда автору важно было подчеркнуть, что использование программ искусственного моделирования языка в прикладных целях является способом изучения ЕЯ.

² Далее для реализации такого включения мы используем подраздел 2.2. *Аналогии и предшествования* и делаем системные отсылки к современным публикациям. Таким образом, раздел *Литература* выполняет в статье 2 функции одновременно: библиографии по теме и списка использованной литературы. Это соответствует формату статьи – одновременно обзорной и исследовательской по отношению к двум проблемам: перевод как метод исследования и перевод как проявление онтологии ЕЯ.

³ Считаю уместным привести авторские варианты названия настоящей статьи, показывающие ее замысел и эволюцию заглавия: Транслятивная лингвистика и обратный машинный перевод; Транслятивное функционирование языка как объект и предмет научного изучения естественного языка и обратный машинный перевод как его экспериментальный метод; Транслятивная лингвистика и обратный машинный перевод: онтология и гносеология; Транслятивная лингвистика – новое научное направление в изучении естественных языков (на примере обратного машинного перевода).

5. Постепенно оформлялась мысль о том, что не только машинный перевод (МП) и ОМП, а любой перевод может быть инструментом исследования ЕЯ. При этом мы пришли к выводу, что перевод может быть не просто источником материала, но и собственно методом – разновидностью лингвистического эксперимента в духе А. В. Щербы [6], предлагавшего обращаться к показаниям языкового сознания и текстовым трансформациям с целью получения языкового материала для моделирования языковой системы⁴.

6. Гносеологический потенциал перевода стал поводом для оформления идеи о наличии у перевода онтологической стороны, т. е. понимания перевода как особого формата функционирования (шире – существования) языка; наличия у языка особого транслингвального плана (пространства) с его специфическими единицами, речевыми актами, языковым материалом – переводными единицами (прежде всего текстами); наличия оснований для признания перевода полноценным собственно языковым явлением, каждое из которых, по А. В. Щербе, имеет 3 стороны и может быть рассмотрено в тройном аспекте: как проявление языковой системы, языкового материала и речевой деятельности. Предваряя дальнейшее развитие сюжета ЕЯ – *объект ТЛ*, отметим, что статья А. В. Щербы во многом выступает методологическим основанием нашей концепции перевода.

7. Теоретическое развитие данной идеи логически привело нас к отделению такой отрасли лингвистики перевода от собственно переводоведения и формирования особого направления науки о языке – ТЛ, имеющей свой объект и предмет – ЕЯ в их транслативном функционировании; методологию (в т. ч. идеи контрастивной лингвистики); совокупность методов, как общих (наблюдение, эксперимент, лингвистическая логика), так и специфических (перевод как особая форма эксперимента).

8. Стали формироваться концептуальные основания ТЛ – базовые постулаты и гипотезы, в частности:

- (1) герменевтическая гипотеза: степень переводимости текста прямо пропорционально коррелирует со степенью его понятности носителям языка, на котором написан переводимый текст;
- (2) когнитивно-коммуникативная гипотеза: понятность переведенного через ОМП текста для адресанта является эквивалентом понятности его для адресата;
- (3) гипотеза транслативной акцентологии (интерферентологии): любые устойчивые проявления воздействия исходного и целевого (а в случае ОМП и промежуточного) языка-транслянта могут рассматриваться как акценты в широком смысле, или интерференты.

9. Одновременно нами и под нашим руководством проводились прикладные исследования частных вопросов языка с использованием ОМП [9–12]. В этом плане, исходя

из сформулированной герменевтической гипотезы (1), мы рассматривали проблему сложности юридического языка и апробировали на практике возможность с помощью ОМП выявлять осложняющие элементы юридического текста, содержащие потенциал его неоднозначного и / или затруднительного понимания [13–16].

2. Результаты

2.1. Методологические принципы выделения ТЛ

Главным теоретическим положением о том, что перевод является одним из исследовательских подходов при изучении ЕЯ, а ОП и ОМП – его частные методы, мы продолжаем линию методологизации прикладных видов лингвистической деятельности. В статье [17] показано, что лексикографическое представление лексического материала правомерно трактовать не просто как особую лингвистическую деятельность по сбору материала и его словарной репрезентации, а как способ моделирования лексического материала по определенным принципам, отражающим его естественное устройство. Такое моделирование может быть квалифицировано как дискретизация лексики: семантическая непрерывность предстает в словаре как совокупность дискретных в смысловом отношении единиц. Дискретное состояние лексики представляет собой онтологическое состояние лексической семантики ЕЯ. Это подчеркивает общность принципов методологизации в представляемом нами смысле.

Продолжая аналогию, заметим, что подобным образом – как моделирование ЕЯ в заданном прикладном аспекте – может быть интерпретировано приспособление языка к учебным целям (например, для изучения русского языка как иностранного или как родного языка в русской школе), приспособление ЕЯ для компьютерного программирования в различных целях, в том числе для переводящих программ. В этом смысле перевод также является такой прикладной деятельностью, которая выступает как специфическая модель естественной речевой деятельности. В такой модели отражаются естественные свойства речи: анализ и синтез, производство (деривация и комбинаторика) и воспроизводство речевых единиц, а также свойства единиц языковой системы – их связей (парадигматика и синтагматика) или, напротив, их изолированность. Мы предлагаем рассматривать любой перевод и ОМП в частности не как объект изучения перевода и переводных текстов (это является объектом переводоведения), а как инструмент лингвистического исследования ЕЯ, как один из частных подходов к этим языкам и как один из конкретно-исследовательских методов. Считаем правомерным утверждение, что переводные текстовые единицы и тексты в целом возможно и целесообразно трактовать не только как объект переводоведения, но также и как собственно метод в рамках науки о языке вообще.

⁴ Подробнее такого рода эксперименты обсуждались нами в статье [7]. О возможности соотнесения результатов переводческого и ассоциативного экспериментов см. [8]. Наш опыт такого соотнесения представлен в разделе *Понятийно-терминологический аппарат и графические формулы ТЛ*.

Такое сочетание онтологического и гносеологического планов находится в рамках диалектической диалектологии. Любая модель представляет собой диалектическое единство онтологии и гносеологии, она одновременно и конструкция, и конструкт. В первом аспекте модель – схема внутреннего устройства изучаемого явления (конструкция); во втором – искусственный (в т. ч. мысленный) аналог устройства явления, воспроизводящий (реконструирующий) его объективное устройство (конструкт). Способы моделирования представляют собой методы исследования.

ТЛ и переводоведение. Транслатология (переводоведение, далее – ПВ) и ТЛ различаются по объекту и предмету. Названные дисциплины характеризуются разным онтологическим и гносеологическим планами. Онтологическую сторону оппозиции ТЛ и ПВ представляют следующие тезисы. Объектом транслатологии (ПВ) является перевод – перекодирование речевых произведений с одного языка на другой. ПВ изучает перевод в разных аспектах (например, процессуальном и результативном), в разных форматах (устном и письменном, человеческом и машинном). Прикладная цель ПВ – совершенствование переводческой деятельности. Объектом ТЛ является ЕЯ: скажем, русский, китайский, арабский, его фрагменты и уровни или конкретные речевые произведения на исследуемом языке: тексты, слова, предложения, рассматриваемые в аспекте их способности влиять на результат их перевода на другие языки вообще и на конкретные языки в частности. Эту способность фиксирует термин *переводимость*. Предметом ТЛ выступает транслятивное функционирование единиц и свойство переводимости в связи с этим. Таким образом, онтологию ТЛ репрезентируют термины *транслятивная функция, транслятивное функционирование, транслятивное пространство*. Предметом изучения в ТЛ выступает функционирование ЕЯ в специфическом транслятивном пространстве, в котором единицы языка выступают как предмет перевода. Любая единица, отношение и свойство ЕЯ могут представлять такой предмет и являются носителями свойства переводимости. Данное свойство хорошо иллюстрируют следующие названия исследований: «Русское деепричастие как единица перевода» [18]; «Антропонимы как атрибут перевода» [19]. В статье Ц. Чжоу рассматривается вопрос перевода русскоязычных терминов с суффиксом *-изм* с русского языка на китайский [20]. На основе статистических данных автор исследует варианты таких терминов. Заметим, что в ТЛ вопрос ставится иначе: например, каковы особенности русских слов с суффиксом *-изм* в аспекте их переводимости на другие языки, в частности на китайский. Этим тезисом еще раз подчеркнем: ТЛ стремится объяснить, какие свойства элементов русского языка, например русского суффикса *-изм* и производных слов

с этим суффиксом, которые обуславливают именно такой, а не иной перевод этих слов на какой-либо иностранный язык, делают перевод легким или трудным. В транслятивном аспекте могут быть рассмотрены любые единицы, категории, отношения единиц. Для иллюстрации тезиса сформулируем названия гипотетических исследований: Разные формы русских причастий в аспекте их переводимости, Совершенный и несовершенный виды русского глагола в аспекте переводимости, Тематическая группа глаголов движения в русском языке в зеркале перевода, Цветовые прилагательные в аспекте переводимости, Синонимические отношения в лексике русского языка в аспекте переводимости и т. п.⁵ Все близко расположенные в семантическом плане единицы, отношения и свойства ЕЯ различаются по степени переводимости, которая может быть использована, если исследователь ставит такую задачу – измерить степень семантического расстояния между изучаемыми единицами ЕЯ. Наличие транслятивной функции у единиц ЕЯ предполагает наличие у них транслятивного потенциала. Любая языковая и речевая единица – от фонемы-буквы до текста (ср. [21]) – объективно существует и функционирует в межязыковом пространстве и так или иначе обладает потенциалом выхода за пределы имманентного (одноязычного) функционирования. Такой потенциал означает готовность единицы быть заимствованной, калькированной, транслитерированной, транскрибированной или переведенной. В последнем случае правомерно утверждать, что она обладает потенциалом перевода (= транслятивного) функционирования и переводимостью в разной степени. Предназначенность ЕЯ для его выхода в межязыковое пространство в переводе⁶ предлагаем назвать транслятивной функцией ЕЯ, а само пространство функционирования – транслятивным. Таким образом, перевод ко всему прочему – особая сфера (формат) бытия ЕЯ, а ТЛ – разновидность лингвистики существования, изучающей онтологию ЕЯ.

2.2. Аналогии и предшествования использования идеи перевод как метод в лингвистической науке

Методологический статус перевода не остается незамеченным лингвистикой, особенно в его гносеологическом плане. Очерченный подход к переводу как методу исследования языка не является абсолютно новым для лингвистической науки. Мнение о том, что стратегии и тактики переводческой деятельности и ее результат являются значимым лингвистическим материалом изучения переводимых слов, текстов (языков в целом), уже неоднократно высказывалось исследователями языка. Достаточно часто такая позиция находила конкретно-исследовательские проявления, когда лингвисты для выяснения тех или иных закономерностей ЕЯ

⁵ Такого рода исследования на материале ОМП будут представлены далее в продолжении статьи (Часть 3, раздел *Стендовые исследования*).

⁶ Например, в статье Е. Б. Борисевич «выявляются основные пути поиска переводчиком наиболее удачного эквивалента древнееврейских лексем *נפש* 'душа' и *בשר* 'плоть' в латинском, старопольском и старобелорусском переводах» [22, с. 59].

прибегали к переводу как деятельности либо как к ее результатам – переводным единицам, используемым в качестве средства (материала) исследования. В некоторых из них в разной степени эксплицитности указывается на теоретическую правомерность и методическую эффективность такого использования перевода (см., например [23–29]). В нашей статье [5] осуществлена попытка методологического обобщения работ данного направления на примерах использования ОМП в исследовательских целях. Представим некоторые из исследований такого рода, выполненные на материале русского языка, распределив их по уровнево-тематическому принципу.

1. Нередко к переводу как особому методу обращаются исследователи семантики слов, использующие его для дифференциации близко расположенных в смысловом поле языка лексических единиц. Чаще всего это единицы, отмеченные национальными особенностями. Для А. Д. Шмелева в ряде статей [30–33] отправной точкой анализа служит гипотеза, согласно которой «переводные эквиваленты и парафразы языковой единицы могут быть использованы в качестве источника информации о ее семантике» [32, с. 238] (*прим.* – выделено нами). Подобным образом лингвисты обращаются к переводу при исследовании синонимических и других видов смысловых полей. Так, исследователи выявляют и описывают с помощью транслативных методик разные фрагменты лексико-семантической системы русского языка [9; 34–37].

2. Исследование фразеологических единиц в транслативном аспекте [38–41].

3. Деривационное взаимодействие лексических единиц и их семантических вариантов с помощью транслативной методики [25–42]. В работах Н. В. Мельник (Сайковой) [43–48] перевод рассматривается как разновидность вторичных текстов и полноценный предмет дериватологии; на этом фоне Н. В. Мельник разрабатывает типологию переводческой деятельности и выявляет деривационные типы переводчиков, склонных к той или иной ее форме.

4. Изучение грамматического уровня русского языка с помощью перевода [18; 49], см. также исследование агентства переводов «ТрансЛинк»⁷.

5. Текст как объект транслативных исследований представлен в работах [11; 50–52]. Особенно часто методологический аспект перевода актуализируется в исследованиях художественных текстов в связи с их сильной этнолингвистической составляющей [23; 53–58].

6. Рассмотрение перевода как метода обучения имеет давнюю традицию в лингводидактике [59–61]. Частные лингводидактические возможности перевода анализируются в статьях [62–67].

7. В заключение обзора работ, маркирующих перевод как инструмент изучения ЕЯ, отметим наши попытки ввести методику ОМП в прикладную область, представленную юрислингвистической экспертизой текста законопроекта [13; 15; 68].

8. В плане взаимоотношений ТЛ и ПВ особого рассмотрения заслуживает вопрос об использовании ОМП для решения важнейшей прикладной задачи ПВ – улучшения качества перевода. В этом плане интересна статья А. А. Колесникова и Р. И. Баженова [69], которые предлагают использовать ОМП для решения специфической проблемы – машинного способа измерения качества переводного текста путем сопоставления его с переводимым текстом и выявления процента их схожести. Постановку вопроса о формальных технологиях измерения качества переводного текста находим также в работе [70], где предлагается оценка качества МП на основе ансамблевых методов машинного обучения, и в [71], где рассматриваются реперные точки как инструмент оценки качества перевода. В таком же ключе выстраивается методика улучшения качества перевода с использованием ОП [72]. Авторы видят научную новизну своего способа «в использовании процедуры получения ОП, его сравнения с оригинальным текстом для численной оценки качества МП, а также поиска несоответствий с применением системы выявления нечетких дубликатов в параллельных корпусах и последующей их корректировки» [72, с. 102]. Вопросы о соотносимости степени семантического расстояния между переводимым и переведенным текстами (в том числе с помощью ОМП) и качества перевода и о поиске несоответствий путем обратного мы более подробно осветим далее.

2.3. Основные тезисы, раскрывающие идею перевода как метода исследования ЕЯ

Представим исходные теоретические положения, обосновывающие предлагаемый метод.

1. Методика ОМП является частной методикой контрастивной лингвистики, предполагающей изучение одного языка сквозь призму другого языка. Возможно, транслативная лингвистика⁸ вполне адекватно представляет данное направление. Ее методологическая презумпция такова: рассмотрение языка в зеркале другого языка⁹ часто позволяет

⁷ Аналитические и синтетические языки. Машинный перевод между ними. *ТрансЛинк*. 26.06.2020. URL: <https://www.t-link.ru/about/news/news-company/2751/> (дата обращения: 08.08.2021).

⁸ Предлагаемый термин естественным образом встает в ряд терминов, обозначающих лингвистические дисциплины по специфическому методу: компаративистика, квантитативная лингвистика, математическая лингвистика, экспериментальная лингвистика, отчасти – компьютерная лингвистика и этнолингвистика.

⁹ Ср. рассмотрение идеи контрастивности в исследовательских целях в [73–76]. Для фиксации этой идеи авторы часто прибегают к метафорам *зеркало, отражение* [77–79]; ср. также название журнала «Русский язык и культура в зеркале перевода». Иной терминологический вариант для обозначения контрастивной лингвистики – конфронтативная лингвистика, конфронтативистика [80–82].

увидеть особенности первого, которые могут быть незамеченными при его прямом рассмотрении. Перевод является зеркалом, которое отражает не только внутренние особенности переводчика (в том числе машинного), его инструмента (в том числе программу перевода, заложенную в компьютере) и особенности языка, на который осуществляется перевод (в машинном переводе к нему относится и язык-посредник, обслуживающий программу), но и особенности переводимого языка (его подсистем, единиц и текстов). Именно последнее обстоятельство актуализируется в предлагаемом нами способе изучения единиц (слов, предложений, текстов и т. п.) русского языка на фоне их ОП.

2. Переводимость, непереводаемость, разные степени переводимости и непереводаемости – **внутренние** потенциальные **объективные** свойства переводимых единиц как единиц транслятивного функционирования языка; их потенции проявляются в переведенном формате, в реальных словах, предложениях и текстах. Данная оппозиция коррелирует с оппозициями системного и функционального, эмического и этического планов языка – транслятем и транслятов. Изучая проявления языка-источника в переводных единицах, мы получаем важный канал для понимания и моделирования языка. Переводы через ОМП – один из таких каналов, имеющий как свои преимущества и перспективы, так и недостатки и ограничения.

3. Переводимость как объективное свойство переводимого языка имеет разные составляющие и проявления. Важнейшее из них, на наш взгляд, – семасиологическое – **способность перевода отражать разложимость единиц (прежде всего лексических) ЕЯ на универсальные элементы, которые далее в процессе МП и ОМП комбинируются в новые комплексы**, находящие соответствие в переводящем и переводимом языках. Таким образом, происходит трансформация неповторимого (национальная комбинация сем) в повторяющееся и обратно. Например, первая строфа гимна СССР: *Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь. Да здравствует созданный волей народов единый, могучий Советский Союз!*, пройдя МП и ОМП (англ.), дает на выходе: *Союз неуничтожимых свободных республик Великая Россия сплотилась навсегда. Да здравствует созданный волей народов один могучий Советский Союз! Изменение нерушимый в неуничтожаемый, навеки – в навсегда, Русь – Россия, единый – в один* хорошо иллюстрирует трансформацию специфических русских семантем (комбинаций сем) в более простые и, следовательно, универсальные комбинации. Говоря об объективности свойств переводимости / непереводаемости единиц языкового и речевого материала, считаем важным подчеркнуть, что мера объективности именно в МП значительно увеличивается, т. к. в случае МП и ОМП ее определение прямо не зависит от субъективного отношения к ней исследователя. Это замечание важно для тех сфер, где объективность выходит за гносеологические рамки

и становится социальной категорией, как, например, в судебной лингвистической экспертизе или экспертизе текста законопроекта [13; 15; 16; 68].

4. Предлагаемая методика получения языкового материала и алгоритмы манипуляции с ним являются особым лингвистическим **экспериментом**, близким к эксперименту в понимании Л. В. Щербы, в котором данные, полученные в результате апелляции к носителям языка и их реакции на различные вопросы и задания, проецируются исследователем на модель внутреннего устройства языка. Такое сближение, на наш взгляд, не противоречит диалектике стихийного и рационального, естественного и искусственного: данные МП и ОМП являются обобщением речевого материала под определенным углом зрения, и такое обобщение и концентрация не противоречат законам ЕЯ, что вытекает из факта успешного обслуживания многими программами МП потребностей рядовых носителей ЕЯ. Важно заметить, что наличие элементов обобщенности в таких программах, их искусственного происхождения, разного рода ограничений и в силу этого часто невысокого качества трансляционного продукта не являются препятствием для получения объективных сведений о ЕЯ и речевой деятельности. В некотором роде наиндивидуальность, надсубъективность дают некоторые преимущества такому лингвистическому источнику, как показания МП (ОМП). Пропуская языковой материал через фильтр многослойного перевода – иностранного языка (одного или нескольких, параллельно и / или последовательно) – и наблюдая за его трансформацией после этих процедур, исследователь имеет возможность увидеть в этом зеркале те факторы (например, внутренние свойства языкового материала), которые приводят к таким, а не иным трансформациям. В сущности, используя ОМП, он проводит языковой эксперимент с черным ящиком, который включает в себя порождающие возможности языковой системы, языковой способности и языкового сознания коллективного носителя языка. Важной особенностью такого черного ящика является то, что исследователь имеет возможность задавать материалу на входе в черный ящик разные варианты содержания и формы, изначально (гипотетически) трактовать оппозиции вариантов как факторы трансформации и, сравнивая вход и выход черного ящика, подтверждать или опровергать гипотезы. О тесной связи перевода с экспериментом как исследовательским методом см. также [71; 83; 84].

5. Перевод является деривационным процессом – образованием переводной единицы от переводимой: переводной текст является вторичным (производным) тестом по отношению к переводимому; в когнитивном аспекте вторичный текст является интерпретацией первичного; перевод так же, как изложение, реферат, пародия, кино-сценарий по роману и др., является вторичным текстом и формой интерпретации текста-первоисточника [85–87]. Частные жанры вторичных устных и письменных текстов представлены в работах [88–93].

6. Перевод является **интерпретационным** процессом. На этом базируется наша гипотеза транслятивной интерпретации: интерпретирующий текст не только онтологизирует субъективный процесс интерпретации и в своих субъективных проявлениях отражает объективные свойства исходного текста; результаты интерпретации заложены в свойствах самого интерпретируемого текста, выступающего в роли носителя потенциала его интерпретации и деривационного развития. Переводный текст является следствием разных причин, в том числе лежащих в самом переводимом тексте. Смысловые несоответствия (смысловая неэквивалентность) переводимого и переведенного текстов, обнаруживаемые в последнем, являются сигналом избыточной сложности, нечеткости выражения мысли или двусмысленности исходного текста. На этом базируется наше предложение использовать для перлокутивной экспертизы текста законопроекта, имеющей целью предотвратить непонятность, недоступность, неоднозначность толкования текста закона для рядового законопослушного гражданина, ОМП и программы сравнения текстов на схожесть.

7. Для решения ряда прикладных задач важно сформулировать гипотезу в когнитивно-коммуникативных терминах: такие категории текста, как смысловая простота / сложность, ясность, неопределенность, являются объективно-субъективными; их объективная сторона обнаруживается в тексте и его единицах, субъективная проявляется в таких свойствах, как доступность, понятность, легкость / трудность, однозначность / неоднозначность понимания. В конкретно-исследовательском плане **транслятивная гипотеза** может быть сформулирована следующим образом: шкалы степеней переводимости, смысловой близости и ясности / доступности / смысловой сложности текста соотносимы и находятся в отношениях прямо пропорциональной зависимости: чем сложнее, неопределеннее исходный текст, тем дальше в смысловом отношении от него будет находиться переводной текст и тем больше трудностей при его восприятии и интерпретации будет испытывать читатель. Превышение степени деформации смысла исходного текста в переводе – сигнал его повышенной смысловой сложности. Из этого следует важный практический тезис: изучая результаты транслатологической интерпретации, воплощенные в переводном тексте (или в других переводных единицах), и трактуя их как неэквивалентные в смысловом плане по отношению к переводимому тексту, мы имеем основания видеть причины эквивалентности не только в деятельности «антропопереводчика» или «технопереводчика», но и в самом тексте – его прагматике, синтактике и семантике.

На важность и сложность проблемы измерения смыслового расстояния между переводимым и переведенным текстами указывает В. Н. Базылев: «Мы распознаем близкий фрагмент такого пространства в исходном тексте и подбираем ему эквивалент, а основную работу человек

как бы уже проделал, мы только подгоняем изменения. Нерешаемую задачу повторения процесса, происходящего в голове человека, мы вообще удаляем и экономим большие силы на разработке. Все это оказывается, к сожалению, верно, пока мы имеем дело с небольшими модификациями. Но **что следует считать большой деформацией, а что малой модификацией?** На самом деле для величины деформации можно ввести метрику на множество слов и как бы взвешивать, близко они находятся друг к другу в обычном языке или нет» [93, с. 89–90] (прим. – выделено нами). Выделенное считаем формулировкой одной из важнейших задач ТА, особенно в тех случаях, когда она использует данные ОМП.

8. ОП, МП и ОМП представляют собой частные методы транслятивной лингвистики, выступают как специфические разновидности экспериментального подхода к языку. Использование МП, ОП и ОМП – по сути лингвистический эксперимент, действующий по типу черного ящика (вход – переводимая единица, выход – переведенная единица).

Переводы через ОМП как один из важных каналов для понимания и моделирования языка, получаемый посредством изучения проявлений языка-источника в переводных единицах, имеет как свои преимущества и перспективы, так и недостатки и ограничения. Преимущество МП и ОМП как исследовательских инструментов – возможность варьирования входа материала в черный ящик в необходимом для исследователя параметре (например, при изучении вида – меняя видовые и / или залоговые формы: *я делал стол, я сделал стол, стол сделан мной*). Многочисленные примеры предисследований такого типа представлены в разделе 3 настоящей статьи.

Транслятивные выходы техноперевода (МП и ОМП) в исследовательском плане по своему качеству принципиально не отличаются от выходов антропоперевода, а в ряде отношений являются более надежными показателями:

- более независимы от субъективности переводчика и исследователя;
- легко соотносятся с формально-количественными характеристиками;
- позволяют выходить за пределы узуса в пространство потенциалов исследуемого ЕЯ;
- позволяют легко верифицировать результаты путем неограниченного повтора и вариатизации входящих данных;
- обладают дополнительными техническими ресурсами, например, возможностью применения различных переводных программ, программ сопоставления текстов на схожесть, поисковых систем Интернета с их статистическими данными;
- характеризуются быстротой получения результата эксперимента, его надежностью и вытекающей из этого высокой степенью повторяемости условий входа и выхода, воспроизводимостью результата, что повышает уровень исследовательской верификации.

3. Понятийно-терминологический аппарат и графические формулы ТЛ

Назовем базовые понятия и термины, предлагаемые для нового научного направления: транслятивная лингвистика¹⁰; транслятивное¹¹ функционирование языка (лексики, слова, текста); функционирование языка и его единиц и фрагментов в пространстве их перевода на другой язык, задающее тем самым особое видение языка; деривационное функционирование языка (слова, лексики, текста и др.) – функционирование единиц языка в расширяющемся пространстве, которое связано с их деривационным развитием – образованием от данной единицы других единиц, представляющим собой реализацию деривационного потенциала исходной единицы. Переводное (транслятивное) функционирование языковых единиц является частным случаем их деривационного функционирования [95]. Для нас принципиально важно, что в транслятивных дериватах переводного текста (слова, морфемы и др.) отражаются свойства исходного текста (слова, морфемы и др.), формирующие его деривационный потенциал. К базовым терминам ТЛ следует отнести также: переводимость / непереводимость (абсолютная и относительная); лингвоэтнический барьер переводимости; акцент в широком понимании.

Отметим частные понятия, касающиеся взаимоотношений переводимых и переведенных единиц. Применительно к тексту-деривату распространено употребление дериватологического термина *вторичный текст*, при этом нередко подчеркивается, что вторичный текст отражает свойства первичного. В транслатологии отмечается использование для обозначения первичного текста терминов *переводимый текст*, *исходный текст*, *текст-оригинал*, для вторичного текста – *переведенный текст*, *переводной текст*.

Считаем целесообразным поставить вопрос об использовании лексикализованных терминов, производных от термина *трансляция*, например: *транслятум*, *транслянт* и *транслят* в значении «переводимый», «переводящий», «переведенный» (например, *текст-транслятум*, *текст-транслянт*, *текст-транслят*, *язык-транслятум*, *язык-транслянт*, *язык-транслят*).

Аналогии и предшествования. Поиски лексикализованных терминов, отражающих отношения первичности / вторичности, имеют структурные аналоги в лингвистике. Так, термины *экспликант* и *экспликандум* встречаем у С. Д. Кацнельсона: ученый обозначил с их помощью уточняемого и уточняющего слов [96]. Термины *инвектор* и *инвектум* (оскорбляющая и оскорбляемая / оскорбившаяся личность) использованы в статье [97]. Подобные терминологические поиски отмечены у других авторов. Например, О. И. Блинова в парадигме единиц мотивологии использует термины *мотиват* (мотивированное слово) и *мотиватор* (мотивирующее слово) [17]. А. А. Баркович применительно к общей дериватологии пишет: «Основой соответствующей научной практики является репрезентация базовых понятий: для деривационных отношений приоритетными будут вопросы метаописания самой деривации как феномена и ее базовых единиц – деривативов, деривантов, дериватов» [98, с. 68]. Ранее мы предложили термин *мотивант* для обозначения средства маркирования мотивационных отношений в лексике, ср. *формант* в словообразовательной парадигме «Русской грамматики». В этом смысле термин *транслянт* (переводящий текст) хорошо коррелирует с инструментальным смыслом текста на языке, через опосредование которого возникает трансляционный вариант (транслянт) исходного (переводимого) текста. Считаем целесообразным и удобным использовать термины *транслянт-1*, *транслянт-2* и т. д. для обозначения звеньев транслятивной цепочки, если их несколько¹², при этом завершающий этап ОП может быть обозначен термином Т-2-И (Транслянт-И), отражающим возврат к исходному переводимому тексту. На наш взгляд, предлагаемая нами система терминов коррелирует с термином *транслатема*, предложенным С. В. Тюленевым; эмический суффикс придает инвариантный смысл термину, который, по С. В. Тюленеву, «отражает константу переводческого соответствия плана содержания, обладающего своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке оригинала (в ИЯ), плану содержания, обладающему своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке в ПЯ»,

¹⁰ Представляет интерес следующий транслатологический момент: словосочетание *транслятивная лингвистика*, проведенное через ОП по цепочке *русский – английский – русский*, дает на выходе словосочетание *переводческая лингвистика*, которое, на наш взгляд, является правомерным русскоязычным эквивалентом предлагаемому нами термину (ср. [94]). Дериватологический нюанс в связи с этим: русское прилагательное *переводческий* соотносится с *переводчик*, что задает субъектно-деятельностный смысл словосочетанию *переводческая лингвистика*. В этом плане для того смысла, который мы предлагаем для термина *транслятивная лингвистика*, казалось бы, «подходит» прилагательное *переводный* (*переводной*), но его коннотация, относящаяся к переводу более соответствует термину *транслатология* (*переводведение*) и не вскрывает онтолого-гносеологического значения термина *транслятивная лингвистика*, дистанцирующей от переводоведения.

¹¹ Термины *транслятивный* и *трансла/ятологический* предлагаем использовать в разных смыслах: *транслятивный* (дериват от *трансляция*) – в онтологическом (транслятивное функционирование, транслятивная единица как языковой и / или речевой феномен), *трансла/ятологический* (дериват от *транслатология* – науки о переводе) – в гносеологическом (трансла/ятологический метод / подход, трансла/ятологическое исследование).

¹² В качестве иллюстрации цепочечной связи используем шутку из Интернета: *Экзаменатор слушает ответ студента, потом останавливает его и говорит: «Однажды я взял свою лекцию и перевел ее в ГУГЛ-переводчике на вьетнамский язык. С него перевел на испанский, потом – на хинди, потом – на польский, с польского – на немецкий, с него – на чешский, а с чешского – обратно на русский. И результат получился все равно более внятным, чем Ваши ответы»*. Замечу, что наша проверка степени внятности многозвеньевового перевода текста данной шутки через 8 указанных языков-транслянтов показала отнюдь не провальный итоговый текст-транслят: *Эксперт выслушал ответ ученика, затем остановился и сказал: «Я однажды взял мою лекцию и перевел ее как переводчика GUGL во Вьетнам, хинди, польский, польский на немецкий, чешский на чешский и чешский в Россию, и результат легче понять, чем ваш ответ»*. Косвенное замечание: этот перевод подтверждает вывод С. В. Бездорожева об относительной приемлемости (с точки зрения качества перевода) машинной трансляции для решения переводческих задач **определенного** типа [99]; ср. также [100].

и является «константой с точки зрения переводоведения», но «варьируется от звука (буквы) до целого текста» с точки зрения лингвистики [101, с. 89].

Завершая терминологический экскурс, рассмотрим термин *интерферент* (или *акцент в широком смысле*), фиксирующий устойчивые отклонения от норм любого уровня и плана языка-транслатума в текстах перевода, которые могут варьироваться от звука (буквы) до целого текста. В близком значении находим термин в работах [102–105]; ср. иллюстрацию явления *акцент в широком смысле* как любых помех, создаваемых языком-транслантом и транслантами в межкультурной коммуникации: «Ведь неслучайно "ложные друзья переводчика" относят к отрицательным интерферентам, – словам, затрудняющим процесс овладения иностранным языком» [106, с. 96]. В рассматриваемом аспекте терминологии важной для нас представляется статья З. Г. Прошиной, в аннотации к которой автор пишет: «Данная работа посвящена рассмотрению дискутируемых ныне явлений транслингвальной¹³ и транскультурности, причин появления данных терминов и их размежеванию с синонимичными номинациями. На основе частотного анализа посредством информационно-поискового механизма Гугл¹⁴ показана употребительность данных терминов и их синонимов и детерминированность их использования определенными типами дискурса» [107, с. 155]. О терминах *транслингвальная ситуация*, *транслансязыковой текст* см. также [108]. Далее в части 2 продолжения настоящей статьи в разделе *Транслативная лингвистика и вариантиология* содержание понятия *интерферент* будет рассмотрено подробнее.

Предлагаемый терминологический аппарат имеет орфографическую проблему, связанную с написанием гласной буквы (звука) после «л»: «а» либо «я»; вариативно также и произношение: [л] или [л']. Орфографический узус показывает сложную картину, в нем отражаются противоречия системы и нормы, транскрипционной и транслитерационной передачи иноязычных слов средствами русского языка. Статистика поисковых систем Интернета отражает эти противоречия и сложности. Проиллюстрируем их количеством страниц, на которых зафиксированы термины в соответствующих написаниях: *транслативный* (2380) / *транслативный* (261), *транслат* (2530) / *транслат* (0), *транслатема* (21700) / *транслатема* (126), *транслатив* (5100) / *транслатив* (573), *транслатор* (481000) / *транслатор* (17200), *транслатология* (2380) / *транслатология* (765), *транслация* (47600000) / *транслация* (23800) (в основном страницы на украинском, сербском и болгарском языках). Можно отметить некоторые тенденции, например: чем более специализирован термин

(транслатив, транслатология), тем более он тяготеет к «а». Тем не менее в настоящей статье, где используется весь спектр дериватов слова транслация, мы решили в соответствии с морфологическим принципом русской орфографии унифицировать их написанием через «я». К этому добавим такой факт (и аргумент): в «Обратном словаре русского языка» только 1 слово заканчивается на *-лация* (*эскалация*) и 50 – на *-лация* (от *ингалация* до *инфляция*).

Представим терминологию и графическую запись деривационной цепочки на примере переводимого и переведенного текста: исходный (переводимый) текст языка (Т-1 рус.) через призму текста на другом языке, в нашем случае – через двойную призму: переводного текста (Т-2) и Т-2-И, или ОМП-транслант, – русский текст в зеркале текста, полученного в результате двойного (прямого и обратного) перевода на иностранный язык. Таким образом, в результате ОМП получается **отражение и преломление** русского текста (или другой единицы на любом другом языке) в двойном транслативном зеркале – программы МП и естественной системы языка-трансланта.

Применительно к МП и ОМП предлагаем такую запись деривационной цепочки на примере исходного и вторичного чешского языков (русский язык – чешский язык – обратно русский язык):

Т-1 рус. → Т-2 рус.-чеш. → Т-3 чеш.-рус.,

где Т-1 рус. – исходный русский текст-транслатум; Т-2 рус.-чеш. – текст-транслант, полученный в результате МП Т-1 рус. на чешский язык; Т-3 чеш.-рус. – вариант русского текста, возникший после перевода Т-1 рус. на чешский язык и обратно на русский. Приведем сокращенную интерпретацию трактовки звеньев: Т-1 = рус.; Т-2 = чеш.; Т-3 = рус.-чеш.-рус. Заметим, что цепочки такого рода могут быть сколько угодно разнообразны по использованным языкам и по своей «длине» (количеству звеньев); они могут быть двуязычными, трехязычными, многоязычными; двузвеньевыми, трехзвеньевыми, многозвеньевыми. Пример многозвеньевой и многоязычной цепочки приведен выше в сноске 12.

Заключение

В статье в формате аспектализированного обзора описаны предпосылки выделения и институционализации ТЛ как специфического направления в изучении ЕЯ. В рамках этой задачи рассмотрены гносеологические и онтологические основания такого выделения, и в этом ключе охарактеризовано содержание предполагаемой отрасли знания, как гносеологическое, так и онтологическое. Логика осуществленного обзора – от констатации существования

¹³ В связи с этим – о терминах-адъективах: лингвальный, транслингвальный – онтологический план; лингвистический, транслатологический – гносеологический план.

¹⁴ Употребительность, частотность – онтологический (квантитативный) план языка – выступают как объект лингвистического изучения, поисковые механизмы Интернета – как средство изучения данного объекта.

особой отрасли знания – ТЛ – к ее генетическим предпосылкам, понимаемым не в диахронно-хронологическом смысле, а в смысле детерминистском, т. е. с точки зрения причин и фактов научной жизни, обуславливающих формирование идеи ТЛ как особого научного направления. В статье доказаны, во-первых, особенность объекта и предмета ТЛ, отличающая ее от ПВ, которая формирует специфический подход к рассматриваемым явлениям языка (рассмотрение языка сквозь призму перевода); во-вторых, наличие у ТЛ совокупности специфических методов. Использование перевода для исследования закономерностей языка не является целенаправленным или специально направленным экспериментом с изучаемым явлением (по Л. В. Щербе, языковым материалом, речевой деятельностью, элементом языковой системы).

Предложенные в статье термины являются вероятностными с точки зрения их узуализации и легитимизации. Дальнейшая лингвистическая практика призвана показать научную востребованность в них, а также приемлемость для практики предложенного для дефиниций содержания и формы его выражения. В перспективе исследования – раскрыть сущность изучаемого вопроса в двух последующих частях статьи. В части 2 обосновываются понятия транслятивного функционирования языка, транслятивного пространства как его особого функционального образования, перевода как единицы такого функционирования и пространства, переводимости как внутреннего содержательного свойства единиц переводимого языка, степени переводимости его единиц. Свойство переводимости

единиц исследуемого языка трактуется в статье как главный предмет и результат транслятивного исследования. Значительное внимание в части 2 уделяется обоснованию тезиса, согласно которому перевод является элементом естественной речевой деятельности и языкового материала и через их опосредствование влияет на устройство языковой системы. В части 3 автор иллюстрирует возможности транслятивного метода на примерах решения с его помощью различных лингвистических задач. В частности, осуществляется стендовая демонстрация исследовательских возможностей транслятивного исследования языка на базе использования ОМП для выявления закономерности устройства и функционирования русского языка.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-420004 p_a «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе».

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of scientific project No. 20-412-420004 p_a: "Linguistic monitoring of social tension in Kuzbass".

Литература / References

1. Голев Н. Д. Интернет-проект «Vavilon.net (МП + ОМП)» как способ межъязыковой коммуникации, обучающая программа и источник для лингвистических исследований естественного языка. *Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике*: Междунар. науч. конф. (Барнаул, 18–20 октября 2018 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 17–20. [Golev N. D. Web project "Vavilon.net (MT + RMT)" as a method of interlanguage communication, a learning program and a source for linguistic studies of natural language. *Innovative technologies and approaches in intercultural communication, linguistics and linguodidactics*: Proc. Intern. Sci. Conf., Barnaul, 18–20 Oct 2018. Barnaul: AltSPU, 2018, 17–20. (In Russ.)] EDN: YVIBTF
2. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Лингводидактическая программа «Обучение иностранному языку в ходе онлайн-переписки» как форма учебной коммуникативной практики: методологические аспекты. *Язык и культура*. 2018. № 44. С. 152–166. [Golev N. D., Sologub O. P. Linguo-didactic program "Teaching foreign language through online-correspondence" as a form of educational and communication practice: methodological aspects. *Language and Culture*, 2018, (44): 152–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/44/10>
3. Сологуб О. П. Онлайн-переписка как самообучение. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 3. С. 180–186. [Sologub O. P. On-line correspondence as self-teaching. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 180–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-180-186>
4. Сологуб О. П. Общение в сетях в учебных целях (на примере онлайн-переписки). *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*, под науч. ред. Н. Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 2. С. 203–222. [Sologub O. P. Communication in networks for educational purposes (using the example of online correspondence). *Social networks: a complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Kemerovo: KemSU, 2021, vol. 2, 203–222. (In Russ.)] EDN: AUEURG
5. Голев Н. Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода. *Вестник КРСУ*. 2018. Т. 18. № 1. С. 36–45. [Golev N. D. Source potential of the back machine translation. *Vestnik KRSU*, 2018, 18(1), 36–45. (In Russ.)] EDN: YSPBUD

6. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. *Языковая система и речевая деятельность*. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 24–39. [Shcherba L. V. The threefold aspect of linguistic phenomena and experimental linguistics. *Language system and speech activity*, 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2004, 24–39. (In Russ.)]
7. Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 2. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 3. С. 172–179. [Golev N. D. Experimental research of the Russian vocabulary and texts within one linguistic school: experience of summary and methodological reflection in hindsight. Paper 2. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 172–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-172-179>
8. Шестерина Е. А. Экспериментальное изучение содержания образов языкового сознания на основе метафорических контекстов с помощью результатов переводческого и ассоциативного эксперимента. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 8. С. 176–181. [Shesterina E. A. Experimental study of the content of images of language consciousness on the basis of metaphorical contexts using the results of translation and associative experiment. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2017, (8): 176–181. (In Russ.)] EDN: ZFDHPJ
9. Константинова Н. А., Лебедева Н. Б. Обратный машинный перевод как инструмент описания глагольной семантики (на материале конструктивных глаголов русского языка). *Актуальные проблемы и перспективы русистики: мат-лы Междунар. конф. русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018*. (Барселона, 20–22 июня 2018 г.) Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. С. 1255–1264. [Konstantinova N. A., Lebedeva N. B. Reverse machine translation as a tool for describing verbal semantics (based on the material of constructive verbs of the Russian language). *Current trends and future perspectives in Russian studies: Proc. Intern. Conf. on Russian Studies at the University of Barcelona, MKR-Barcelona 2018*, Barcelona, 20–22 Jun 2018. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018, 1255–1264. (In Russ.)] EDN: BFDZDR
10. Башкатова Ю. А. Обратный машинный перевод как способ измерения смыслового тождества / различия вариантов текста. *Современная парадигма анализа языка и межкультурной коммуникации и ее аппликативный потенциал в обучении родному и иностранным языкам: мат-лы национ. науч. конф.* (Барнаул, 18–19 сентября 2019 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 18–23. [Bashkatova Yu. A. Reverse machine translation as a method of measuring semantic identity / difference of text versions. *The modern paradigm of language analysis and intercultural communication and its applicative potential in teaching native and foreign languages: Proc. Nation. Sci. Conf.*, Barnaul, 18–19 Sep 2019. Barnaul: AltSPU, 2020, 18–23. (In Russ.)] EDN: DENNGT
11. Антонов В. Е., Башкатова Ю. А. Разработка формально-количественных алгоритмов на основе ОМП. *Актуальные вопросы филологии и методики преподавания филологических дисциплин (к 125-летию со дня рождения М. М. Бахтина): сб. ст. национ. науч. конф.* (Кемерово, 18 декабря 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2021. С. 85–88. [Antonov V. E., Bashkatova Yu. A. Development of formal quantitative algorithms based on reverse machine translation. *Topical issues of philology and methods of teaching philological disciplines (to the 125th anniversary of M. M. Bakhtin: Proc. Nation. Sci. Conf.*, Kemerovo, 18 Dec 2020. Kemerovo: KemSU, 2021, 85–88. (In Russ.)] EDN: MFMHYV
12. Голев Н. Д. Статистические данные поисковых систем Рунета как лексикографический источник. *Лексикография цифровой эпохи: сб. мат-лов Междунар. симпозиума*. (Томск, 24–25 сентября 2021 г.) Томск: ТГУ, 2021. С. 36–38. [Golev N. D. Runet search engine statistics as a lexicographic source. *Lexicography of the digital age: Proc. Intern. Symposium*, Tomsk, 24–25 Sep 2021. Tomsk: TSU, 2021, 36–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-19-1-2021-10>
13. Голев Н. Д. Компьютерное измерение сложности юридического текста. *Проблемы и перспективы современной научной мысли в России и за рубежом: сб. тез. II Междунар. конф.* (20 апреля 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 8–13. [Golev N. D. Computer measurement of the complexity of a legal text. *Problems and prospects of modern scientific thought in Russia and abroad: Proc. II Intern. Conf.*, Kemerovo, 20 Apr 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 8–13. (In Russ.)] EDN: YEAIOK
14. Голев Н. Д. Выявление и описание сигналов напряженности плана содержания и плана выражения текстов законопроекта: экспериментальный проект (к постановке проблемы). *Актуальные вопросы науки и техники: проблемы, прогнозы, перспективы: сб. тез. национ. конф.* (Кемерово, 15 октября 2019 г.) Кемерово: КемГУ, 2019. С. 8–14. [Golev N. D. Identification and description of signals of tension of the plan of content and the plan of expression of the texts of the bill: an experimental project (to the formulation of the problem). *Topical issues of science and technology: problems, forecasts, prospects: Proc. Nation. Conf.*, Kemerovo, 15 Oct 2019. Kemerovo: KemSU, 2019, 8–14. (In Russ.)] EDN: QKFXKF
15. Голев Н. Д. Перлокутивная экспертиза текста законопроекта с использованием компьютерных технологий (на материале статьи 32 «Лесного кодекса РФ» от 04.12.2006 № 200-ФЗ). *Современные тенденции развития науки: сб. тез. III национ. конф.* (Кемерово, 25 декабря 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 11–13. [Golev N. D. Perlocative examination of the text of the bill using computer technology (based on Article 32 of the "Forest Code of the Russian Federation" dated

- 04.12.2006 No. 200-FZ). *Modern trends in the development of science*: Proc. III Nation. Conf., Kemerovo, 25 Dec 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 11–13. (In Russ.)] EDN: AIDSDI
16. Голев Н. Д., Мельникова В. С. Обратный машинный перевод на службе юридической лингвистики. *Инновационные, информационные и коммуникационные технологии*: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 1–10 октября 2020 г.) М.: Ассоциация выпускников и сотрудников ВВИА им. проф. Жуковского, 2020. С. 8–11. [Golev N. D., Melnikova V. S. Reverse engineering translation at the service of legal linguistics. *Innovative, information, and communication technologies*: Proc. XVII Intern. Sci.-Prac. Conf., Sochi, 1–10 Oct 2020. Moscow: Association of graduates and employees of AFEA named after prof. Zhukovsky, 2020, 8–11. (In Russ.)] EDN: VPMLG
 17. Голев Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики: теоретическое наследие О. И. Блиновой. *Актуальные вопросы науки и техники: проблемы, прогнозы, перспективы*: сб. тез. II национ. конф. (Кемерово, 15 октября 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 10–15. [Golev N. D. Lexicography as a method of describing vocabulary: the theoretical legacy of O. I. Blinova. *Topical issues of science and technology: problems, forecasts, prospects*: Proc. II Nation. Conf., Kemerovo, 15 Oct 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 10–15. (In Russ.)] EDN: PTCRGK
 18. Лю Д. Русское деепричастие как единица перевода: грамматические, семантические и прагматические аспекты перевода на китайский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 25 с. [Liu D. *Russian adverbial participle as a unit of translation: grammatical, semantic, and pragmatic aspects of translation into Chinese*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2014, 25. (In Russ.)] EDN: ZPINKN
 19. Хуснулина Р. Р., Хоу М. Антропонимы как атрибут перевода (на примере перевода «Кроткой» Ф. М. Достоевского на английский и китайский языки). *Казанская наука*. 2019. № 3. С. 7–10. [Khusnulina R. R., Hou M. Anthronyms as an attribute of the transfer (the translation "The gentle spirit" by F. M. Dostoevsky in English and Chinese as an example). *Kazan Science*, 2019, (3): 7–10. (In Russ.)] EDN: AKJOSR
 20. Чжоу Ц. Перевод терминов с суффиксом -изм с русского языка на китайский. *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2015. № 3. С. 101–116. [Zhou J.-hui. Russian-to-Chinese translation of terms with the -ism suffix. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 22. Teoriia perevoda*, 2015, (3): 101–116. (In Russ.)] EDN: VFZKCV
 21. Обидина Е. Ю. Марина Цветаева и Мадонна: транслятивный текст. *Семиозис и культура: философия и феноменология текста*, под общ. ред. В. А. Сулимова, И. Е. Фадеевой. Сыктывкар: КГПИ, 2009. Вып. 5. С. 101–106. [Obidina E. Yu. Marina Tsvetaeva and Madonna: a translational text. *Semiosis and culture: philosophy and text phenomenology*, eds. Sulimov V. A., Fadeeva I. E. Syktyvkar: KSPI, 2009, iss. 5, 101–106. (In Russ.)] EDN: YWSADW
 22. Борисевич Е. В. Некоторые особенности перевода древнееврейских лексем נֶפֶשׁ [nefeš] «душа» и בָּשָׂר [basar] «плоть» (на материале латинского, старопольского и старобелорусского переводов Книги Бытия. *Вестник БДУ. Сер. 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 2006. № 1. С. 59–63. [Borisevich E. V. Some features of the translation of the Hebrew words נֶפֶשׁ [nefeš] "soul" and בָּשָׂר [basar] "flesh" (based on the material of the Latin, Old Polish and Old Belarusian Versions of Genesis. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2006, (1): 59–63. (In Russ.)] EDN: TFKWKD
 23. Бабков В. О. Художественный перевод как метод и профессия. *Мосты. Журнал переводчиков*. 2010. № 1. С. 17–22. [Babkov V. O. Literary translation as a method and profession. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2010, (1): 17–22. (In Russ.)] EDN: RILDAF
 24. Белый А. С., Саланина О. С. Сопоставительный анализ перевода как метод лингвистического исследования. *Межкультурная коммуникация и СМИ*, под ред. О. С. Саланиной. Барнаул: АлтГУ, 2020. С. 4–6. [Belyi A. S., Salanina O. S. Comparative analysis of translation as a method of linguistic research. *Intercultural communication and mass media*, ed. Salanina O. S. Barnaul: AltSU, 2020, 4–6. (In Russ.)] EDN: DZPXZP
 25. Морозов А. В. Обратный лексикографический перевод как метод исследования деривационного потенциала русского слова в межкультурном пространстве. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2004. № 1. С. 71–74. [Morozov A. V. Lexicographic backtranslation as a method of investigation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2004, (1): 71–74. (In Russ.)] EDN: PIJKWZ
 26. Овсянникова Е. В. Эквивалентность и тест на обратный перевод. *Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства*: Междунар. науч. конф. (Омск, 23–25 октября 2015 г.) Омск: ОГИС, 2015. Ч. 2. С. 135–140. [Ovsyannikova E. V. Equivalence and back translation test. *The role of Siberia in the multicultural and multilingual world of the modern Eurasian space*: Proc. Intern. Sci. Conf., Omsk, 23–25 Oct 2015. Omsk: OSIS, 2015, pt. 2, 135–140. (In Russ.)] EDN: VIQBRL
 27. Фетисов А. Ю. Объем понятия «проблема перевода» в аспекте категории переводимости. *Studia Linguistica XIX. Человек. Язык. Познание*, отв. ред. И. А. Щирова. СПб.: Политехника-сервис, 2010. С. 144–149. [Fetisov A. Yu. The scope of the concept of "translation problem" in the aspect of the category of translatability. *Studia Linguistica (Saint Petersburg)*, 2010, (XIX): 144–149. (In Russ.)] EDN: RVBBYP

28. Чарычанская И. В. Обратный перевод как инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2003. № 2. С. 50–58. [Charychanskaya I. V. Reverse translation as a tool for comparing and analyzing the texts of the original and translation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2003, (2): 50–58. (In Russ.)] EDN: PKIJVL
29. Шимановская Л. А. Переводческие исследования и их специфика. *Вестник Казанского технологического университета*. 2010. № 3. С. 450–456. [Shimanovskaya L. A. Translation researches and their specific character. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2010, (3): 450–456. (In Russ.)] EDN: LKXXUH
30. Шмелев А. Д. Лингвоспецифичные слова в переводах (с русского языка и на русский язык). *Русский язык и культура в зеркале перевода*. 2016. № 1. С. 658–665. [Shmelev A. D. Language-specific words in translation (from Russian and into Russian). *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*, 2016, (1): 658–665. (In Russ.)] EDN: VZCLWN
31. Шмелев А. Д., Зализняк А. А. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог»* (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). М.: РГГУ, 2017. Т. 2. Вып. 16. С. 394–406. [Shmelev A. D., Zalizniak A. A. Reverse translation as a tool for analysis of discourse words. *Computational linguistics and intellectual technologies: Proc. Annual Intern. Conf. "Dialogue"*. Moscow, 31 May – 3 Jun 2017. Moscow: RSUH, 2017, vol. 2, iss. 16, 394–406. (In Russ.)] EDN: XNFZZF
32. Шмелев А. Д. Перевод как инструмент анализа семантики лингвоспецифичных слов: страх и трепет в русском языке в свете данных параллельных корпусов. *Русский язык и культура в зеркале перевода*. 2020. № 1. С. 238–250. [Shmelev A. D. Translation as a tool for analysis of language-specific words: 'fear' and 'trembling' in Russian in the light of the data of parallel corpora. *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*, 2020, (1): 238–250. (In Russ.)] EDN: MVVHCX
33. Шмелев А. Д. Лексикографическое описание лингвоспецифичной лексики в зеркале перевода. *Лексикография цифровой эпохи: сб. мат-лов Междунар. симпозиума*. (Томск, 24–25 сентября 2021 г.) Томск: ТГУ, 2021. С. 17–19. [Shmelev A. D. Lexicographic description of language specific words in the light of translation. *Lexicography of the digital age: Proc. Intern. Symposium*, Tomsk, 24–25 Sep 2021. Tomsk: TSU, 2021, 17–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-19-1-2021-4>
34. Власенко С. В. Отраслевой перевод: синонимизация терминологии как метод компенсации системного диссонанса англо-русских терминосистем. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2007. № 532. С. 171–183. [Vlasenko S. V. Branch translation: synonymization of terminology as a method of compensation of the systemic dissonance of English-Russian terminosystems. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2007, (532): 171–183. (In Russ.)] EDN: LEUQJ
35. Красковский Н. И. «Челночный» перевод как метод формирования функционально-семантических классов и синонимических рядов русского и белорусского языков. *Часоп. Белар. дзярж. ун-та. Філалогія*. 2017. № 1. С. 84–90. [Krasouski M. I. "Shuttle" translation as a method of formation of functional semantic groups and synonymous series in Russian and Belarusian languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.*, 2017, (1): 84–90. (In Russ.)] EDN: VPQXBH
36. Питталуга Р. Особые случаи перевода глаголов движения с русского на итальянский язык (стилистика и переводческая эквивалентность). *Университетский научный журнал*. 2016. № 20. С. 147–156. [Pittaluga R. Special issues of translating verbs of motion from the Russian into Italian language (stylistics and equivalent translation). *Humanities & Science University Journal*, 2016, (20): 147–156. (In Russ.)] EDN: WIDJNJ
37. Рунтова Т. А. Перевод как метод экспликации семантического поля. *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. 2006. № 3. С. 265–267. [Runtova T. A. Translation as a method of explication of the semantic field. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (3): 265–267. (In Russ.)] EDN: SYFLQD
38. Копыленко М. М. О межязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях. *Филологические науки*. 1964. № 1. С. 162–168. [Kopylenko M. M. On interlanguage idiomaticity and related phenomena. *Filologicheskie nauki*, 1964, (1): 162–168. (In Russ.)]
39. Рябцева Н. К. «Грамматикализованные фразеологизмы» как когнитивно-коммуникативные доминанты в научной речи на русском языке и их межязыковая идиоматичность. *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 2. С. 171–181. [Riabtseva N. K. "Grammatical phraseological units": their dominating patterns in Russian academic style and their cross-linguistic idiomaticity. *Cognitive studies of language*, 2021, (2): 171–181. (In Russ.)] EDN: VJQNTT
40. Нуртдинова Л. Р. Межязыковая идиоматичность в ономаσιологическом аспекте. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2020. № 2. С. 230–240. [Nurtdinova L. R. Interlinguistic idiomaticity in the onomasiological aspect. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafyeva*, 2020, (2): 230–240. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-52-2-215>
41. Алексеева М. Л. К проблеме не/переводимости фразеологизмов. *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2019. № 3. С. 8–13. [Alekseeva M. L. To the problem of un/translatibility of idioms. *Aktualnye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 2019, (3): 8–13. (In Russ.)] EDN: CYAIAK

42. Пишкова Е. Ю., Мирная Д. А. Неологизмы как важная составляющая современного русского языка: лингвистический и транслатологический аспекты. *Заметки ученого*. 2018. № 2. С. 34–37. [Pishkova E. Yu., Mirnaya D. A. Neologisms as the important component of modern Russian language: linguistic and extra-linguistic aspects. *Zametki uchenogo*, 2018, (2): 34–37. (In Russ.)] EDN: YWSEET
43. Сайкова Н. В. К постановке проблемы деривационной интерпретации вторичных текстов. *Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мат-лы Первых Филологических чтений, посв. 65-летию НГПУ (Новосибирск, 24–25 ноября 2000 г.)* Новосибирск: НГПУ, 2001. С. 94–96. [Saikova N. V. The problem of derivational interpretation of secondary texts. *Interpretation in linguistics and literary studies: Proc. of the First Philological readings dedicated to the 65th anniversary of NSPU, Novosibirsk, 24–25 Nov 2000*. Novosibirsk: NSPU, 2001, 94–96. (In Russ.)] EDN: VSOKKB
44. Сайкова Н. В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 163 с. [Saikova N. V. *Interaction of word and text in the derivational aspect: secondary texts of different types*. Cand. Philol. Sci. Diss. Barnaul, 2002, 163. (In Russ.)] EDN: RDOBPT
45. Мельник Н. В. Лингводидактический потенциал вторичного текста: лингвоперсонологический аспект. *Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение*, под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул-Кемерово: БГПУ, 2006. С. 375–382. [Melnik N. V. Linguodidactic potential of the secondary text: linguistic-personological aspect. *Linguistic personology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning*, eds. Golev N. D., Lebedeva N. B., Saikova N. V., Khomich E. P. Barnaul-Kemerovo: BSPU, 2006, 375–382. (In Russ.)] EDN: TARUXZ
46. Мельник Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты. Кемерово: КемГУ, 2010. 211 с. [Melnik N. V. *Derivational functioning of the text: linguacentric and personocentric aspects*. Kemerovo: KemSU, 2010, 211. (In Russ.)] EDN: QWDXIR
47. Мельник Н. В. Лингвоцентрические факторы деривационного функционирования текста. *Актуальные проблемы современного словообразования*, под общ. ред. Л. А. Араевой. Кемерово: КемГУ, 2011. Вып. 4. С. 85–90. [Melnik N. V. Linguocentric factors of the derivational operation of the text. *Relevant issues of modern word formation*, ed. Araeva L. A. Kemerovo: KemSU, 2011, 85–90. (In Russ.)] EDN: SWQOKT
48. Мельник Н. В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2011. 403 с. [Melnik N. V. *Derivational functioning of the Russian text: linguacentric and personocentric aspects*. Dr. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2011, 403. (In Russ.)] EDN: QFLGFL
49. Козлова Л. Н. Особенности передачи синтаксической разговорности при переводе (на материале немецкоязычных переводов произведений Л. Улицкой). *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2012. № 14. С. 205–209. [Kozlova L. N. Transfer of syntactic colloquialism in German translations of L. Ulitskaya's works. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2012, (14): 205–209. (In Russ.)] EDN: PBYCDJ
50. Кудря С. В. Транслатологическая характеристика медицинского опросного инструмента как типа текста. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2009. № 1-2. С. 90–96. [Kudrya S. V. Translatological characteristics of clinical research questionnaire as a text type. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2009, (1-2): 90–96. (In Russ.)] EDN: KVDGIL
51. Мельник Н. В. Дериватологическая и лингвоперсонологическая интерпретация вторичного текста. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2010. № 4. С. 148–153. [Melnik N. V. Derivatological and lingvopersonological interpretation of secondary texts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (4): 148–153. (In Russ.)] EDN: NCNOIT
52. Шимановская Л. А. Анализ типичных ошибок в аннотациях на английском языке к научным статьям по проблемам инженерной экологии. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013. Т. 16. № 13. С. 287–292. [Shimanovskaya L. A. Analysis of typical errors in English annotations to research articles on ecological problems. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2013, 16(13): 287–292. (In Russ.)] EDN: QLQCUT
53. Абдрахманова О. Р. Проблемы переводимости стилистически сниженной лексики в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 228 с. [Abdrakhmanova O. R. *Problems of translatability of stylistically reduced vocabulary in a literary text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2006, 228. (In Russ.)] EDN: NNXDBL
54. Парижева М. А. Еще раз о непереводаемости поэзии (лингвопоэтическое исследование одного стихотворения Рильке). *Lingua-universum*. 2011. № 6. С. 13–14. [Parizheva M. A. Once again about the untranslatability of poetry: a linguopoetic study of one of Rilke's poems. *Lingua-universum*, 2011, (6): 13–14. (In Russ.)] EDN: WHXOOT
55. Ковачичова О. «Песнь о вещем Олеге» в словацких переводах: версологические аспекты перевода. *Мир романтизма*. 2006. № 11. С. 153–161. [Kovachichova O. "The Song of the Prophetic Oleg" in Slovak translations: virological aspects of translation. *Mir romantizma*, 2006, (11): 153–161. (In Russ.)] EDN: QZGXSL

56. Модестов В. С. Перевод пьес – занятие специфическое (к проблеме художественного перевода). *Вопросы филологии*. 2009. № 3. С. 91–104. [Modestov V. S. The hidden reef of play translation (on the problem of literary translation). *Voprosy filologii*, 2009, (3): 91–104. (In Russ.)] EDN: NFQOZV
57. Мао Ч. Исследование о степени переводимости и непереводимости в поэзиях – на примерах перевода с китайского языка на русский. *Научная перспектива*. 2015. № 3. С. 88–91. [Mao Ch. A study on the degree of translatability and non-translatability in poetry: translation from Chinese into Russian. *Nauchnaia perspectiva*, 2015, (3): 88–91. (In Russ.)] EDN: TMNLIL
58. Аверкина С. Н. Художественный перевод как фактор рецепции (образы одежды в русских переводах Т. Манна и Ф. Кафки). *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2007. № 1. С. 192–199. [Averkina S. N. Artistic translation as a reception factor: images of clothes in Russian translations by T. Mann and F. Kafka. *LUNN Bulletin*, 2007, (1): 192–199. (In Russ.)] EDN: MMBXCI
59. Ветчинова М. Н. Перевод как метод обучения иностранному языку (из истории методики перевода XIX в.). *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2018. № 3. С. 104–110. [Vetchinova M. N. Translation as a way of teaching foreign languages: a case study of translation teaching methods used in the 19th century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 22. Teoriia perevoda*, 2018, (3): 104–110. (In Russ.)] EDN: YTAUGT
60. Drutsko N. A. Translation method in multi-level foreign language teaching. *International research journal*, 2019, (1-2): 73–77. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.79.1.042>
61. Масленникова Н. Л. Перевод как метод обучения иностранному языку. *Теория и практика иноязычного обучения в высшей военной школе: сб. тр. конф. (Санкт-Петербург, 27 апреля 2016 г.)* СПб.: СПВИ ВВ МВД России, 2016. С. 85–90. [Maslennikova N. L. Translation as a method of teaching a foreign language. *Theory and practice of foreign language teaching at the Higher Military School: Proc. Conf., St. Petersburg, 27 Apr 2016*. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of Internal Troops Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016, 85–90. (In Russ.)] EDN: TZCBGD
62. Быкова С. А. Обратный перевод как метод обучения языку. *Японский язык в вузе: актуальные проблем преподавания: мат-лы науч.-метод. конф. (Москва, 28–29 октября 2017 г.)* М.: Ключ-С, 2018. Вып. 17. С. 33–37. [Bykova S. A. Reverse translation as a method of language teaching. *Japanese language in higher education: actual problems of teaching: Proc. Sci.-Method. Conf. Moscow, 28–29 Oct 2017*. Moscow: Kliuch-S, 2018, iss. 17, 33–37. (In Russ.)] EDN: YUUTRM
63. Котенко В. В. Перспективы развития нейронного машинного перевода в контексте концепции открытого образования. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2020. № 4. С. 225–231. [Kotenko V. V. Prospects for development of neural machine translation in the context of the concept of open education. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2020, (4): 225–231. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.4.p225-231>
64. Володько С. М., Жмакина Т. В. Обучающий перевод как метод обучения языку для специальных целей (на примере терминологического языка государственного управления). *Современные вопросы лингвистики, переводоведения, педагогики и психологии: традиции и инновации: Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 28 июня 2019 г.)* Брянск: БГТУ, 2019. С. 180–183. [Volodko S. M., Zhmakina T. V. Educational translation as a method of teaching a language for special purposes (on the example of the terminological language of public administration). *Modern issues of linguistics, translation studies, pedagogy and psychology: traditions and innovations: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Bryansk, 28 Jun 2019*. Bryansk: BSTU, 2019, 180–183. (In Russ.)] EDN: NNBZRU
65. Исаева А. А. Новые тенденции в обучении письменному переводу: revising и post-editing machine translation (PEMT). *Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: сб. тез. IV Общерос. науч. онлайн-конф. с междунар. участием. (Нижний Новгород, 10–11 октября 2020 г.)* Н. Новгород: НГЛУ, 2020. С. 88–90. [Isaeva A. A. New trends in teaching written translation: revising and post-editing machine translation (PEMT). *Translation and culture: interaction and mutual influence: Proc. IV All-Russian Sci. Online Conf. with Intern. Participation, Nizhny Novgorod, 10–11 Oct 2020*. Nizhny Novgorod: NSLU, 2020, 88–90. (In Russ.)] EDN: OZVPJT
66. Баранникова Т. Б., Магамдаров Р. Ш. Обратный перевод как средство обучения стилистически маркированной лексике английского языка. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2013. № 3. С. 54–57. [Barannikova T. B., Magamdarov R. Sh. The back translation as a means of teaching stylistically marked vocabulary of the English language. *Izvestiya Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 2013, (3): 54–57. (In Russ.)] EDN: SEDLQR
67. Эркаев Э. Т. Особенности метода переводов при обучения иностранным языкам. *Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сб. мат-лов IV Междунар. науч.-метод. онлайн-конф. (Курск, 14 мая 2019 г.)* Курск: КГМУ, 2019. С. 414–419. [Erkaev E. T. Features of the translation method in teaching foreign languages. *Methods of teaching foreign languages and RCT: traditions and innovations: Proc. IV Intern. Sci.-Method. Online Conf., Kursk, 14 May 2019*. Kursk: KSMU, 2019, 414–419. (In Russ.)] EDN: PALKNB

68. Голев Н. Д., Иркова А. В. Синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава статьи 152 ГК РФ. *Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: Междунар. науч. конф. (Москва, 1–2 октября 2019 г.)*. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 421–430. [Golev N. D., Irkova A. V. Synchronous-diachronic semasiological analysis of the lexical composition of Article 152 of the Russian Civil Code. *Modern theoretical Linguistics and problems of forensic examination: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 1–2 Oct 2019*. Moscow: Pushkin Institute, 2019, 421–430. (In Russ.)] EDN: FTJYBM
69. Колесников А. А., Баженов Р. И. Исследование систем онлайн перевода. *Постулат*. 2017. № 1. [Kolesnikov A. A., Bazhenov R. I. Research online translation systems. *Postulat*, 2017, (1). (In Russ.)] URL: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/328> (accessed 8 Aug 2021). EDN: XXBKZR
70. Козина А. В., Белов Ю. С. Оценка качества машинного перевода на основе ансамблевых методов машинного обучения. *Наукоемкие технологии*. 2021. Т. 22. № 2. С. 52–58. [Kozina A. V., Belov Yu. S. Development of a method for assessing the quality of machine translation based on ensemble methods in machine learning. *Science Intensive Technologies*, 2021, 22(2): 52–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18127/j19998465-202102-06>
71. Волкова Т. А. Реперные точки как инструмент экспериментального исследования и оценки качества перевода. *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 34. С. 850–853. [Volkova T. A. Markers in empirical translation research and translation quality assessment. *Cognitive studies of language*, 2018, (34): 850–853. (In Russ.)] EDN: YNQXWP
72. Корнилов В. С., Глушань В. М., Лозовой А. Ю. Оценка качества машинного перевода текста с использованием метода анализа нечетких дубликатов. *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2017. № 7. С. 102–111. [Kornilov V. S., Glushan V. M., Lozovoy A. Yu. Assessment of the quality of machine translation text with use a method of analysis of fuzzy duplicates. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*, 2017, (7): 102–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/2311-3103-2017-7-102-111>
73. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 189 с. [Sternin I. A. *Contrastive linguistics*. Voronezh: Istoki, 2004, 189. (In Russ.)] EDN: QRROTБ
74. Маклакова Е. А. О понятии лингвокультурологической специфики значения слова. *Текст – дискурс – картина мира*, науч. ред. О. Н. Чарыкова. Воронеж: Истоки, 2011. Вып. 7. С. 3–9. [Maklakova E. A. The concept of linguaculturological specificity. *Text – discourse – picture of the world*, ed. Charykova O. N. Voronezh: Istoki, 2011, iss. 7, 3–9. (In Russ.)] EDN: VWCCTX
75. Цинь П. Деловое письмо-поздравление в русском языке на фоне китайского: комплексная характеристика речевого жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2022. 24 с. [Qin P. *Business letter of congratulations in Russian against the background of Chinese: a complex characteristic of the speech genre*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2022, 24. (In Russ.)]
76. Тараканова И. В. Сопоставительное и контрастивное изучение языков, или «контрастивная лингвистика» сегодня. *Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики*, ред. М. Я. Блох, Е. А. Фрейдина, Е. А. Никулина. М.: Национальный книжный центр, 2018. Вып. 16. С. 186–191. [Tarakanova I. V. Comparative and contrastive language learning, or "contrastive linguistics" today. *Actual problems of English linguistics and linguadidactics*, eds. Blokh M. Ya., Freydina E. L., Nikulina E. A. Moscow: Natsionalnyi knizhnyi tsentr, 2018, iss. 16, 186–191. (In Russ.)] EDN: UTOTBQ
77. Воронцова Ю. А. Отражение эмоциональной лексики в переводе. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015. № 8-2. С. 11–14. [Vorontsova Yu. A. Reflection of emotional vocabulary in translation. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, (8-2): 11–14. (In Russ.)] EDN: UGRHLN
78. Гонсалес Г. Х. М., Гарипова А. Б. Отражение особенностей языковой личности при переводе (на примере дискурса лидера партии «Вокс» Сантьяго Абаскаля). *Интернаука*. 2021. № 36. С. 18–20. [González G. J. M., Garipova A. B. The reflection of peculiarities of a linguistic personality in translation (using the example of the discourse of the Vox party's Santiago Abascal). *Internauka*, 2021, (36): 18–20. (In Russ.)] EDN: BEGTQP
79. Николенкова Н. В., Преснова Н. В. Отражение грамматических структур латинского оригинала в церковнославянском переводе Атласа Блау. *Stephanos*. 2019. № 2. С. 111–117. [Nikolenkova N. V., Presnova N. V. The reflection of Latin grammatical structures in Old Slavonic translation of Blaeu's cosmography. *Stephanos*, 2019, (2): 111–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2019-34-2-111-117>
80. Фефилов А. И. Конфронтативная лингвистика. *Симбирский научный вестник*. 2015. № 2. С. 180–194. [Fefilov A. I. Confrontative linguistics. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*, 2015, (2): 180–194. (In Russ.)] EDN: VUCQTV
81. Эржигитова Ш. Ж. Некоторые вопросы конфронтативного изучения лексических единиц кыргызского и русского языков (на материале терминов родства). *Наука и новые технологии*. 2014. № 7. С. 143–145. [Erzhigitova Sh. Zh. Some problems of confrontational study of lexical units of the Kyrgyz and Russian languages (on the basis of kinship terms). *Nauka i novye tekhnologii*, 2014, (7): 143–145. (In Russ.)] EDN: YRDTSN
82. Кульпина В. Г., Татаринцов В. А. 2008.01.021. Бартвицка Х. Польско-русские конфронтативно-переводческие исследования. Bartwicka H. Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim. – W-wa: Takt,

2006. – 125 s. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2008. № 1. С. 128–138. [Kulpina V. G., Tatarinov V. A. 2008.01.021. Bartwicka H. Polish-Russian confrontational and translation studies. Bartwicka H. Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim. W-wa: Takt, 2006. 125 s. Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 6: Iazykoznanie. Referativnyi zhurnal, 2008, (1): 128–138. (In Russ.)] EDN: IBXPMP
83. Рецкер Я. И. О переводческом эксперименте. *Тетради переводчика*, под ред. А. С. Бархударова. М.: Междунар. отношения, 1974. Вып. 11. С. 31–40. [Retsker Ia. I. A translation experiment. *Translator's notebooks*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1974, iss. 11, 31–40. (In Russ.)]
84. Волкова Т. А. Переводческий эксперимент и развитие экспериментального переводоведения в российской науке о переводе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2018. Т. 17. № 4. С. 102–116. [Volkova T. A. Translation experiment and the development of empirical translation research in Russian translation studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2018, 17(4): 102–116. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9>
85. Первухина С. В. Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2012. Т. 1. № 2. С. 116–124. [Pervukhina S. V. Cognitive-semantic relations between secondary texts and their texts-sources. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2012, 1(2): 116–124. (In Russ.)] EDN: PJBQJT
86. Серова Т. С., Коваленко М. П., Кушова И. В. Типы и функции контекстов при переводческом чтении исходного текста и порождении вторичного текста перевода. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2020. № 2. С. 20–38. [Serova T. S., Kovalenko M. P., Kusheva I. V. Types and functions of contexts in the process of reading source text and generating target text in translation. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2020, (2): 20–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2020.2.2>
87. Бузаджи Д. М., Псурцев Д. В. Пересказ как мера переводимости: о результатах одного эксперимента. *Мосты. Журнал переводчиков*. 2019. № 1. С. 36–56. [Buzadzhi D. M., Psurtsev D. V. Retelling as a measure of translatability: on the results of one experiment. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2019, (1): 36–56. (In Russ.)] EDN: PIXPLI
88. Петрова А. А., Солнышкина М. И. Неподготовленный устный пересказ как вторичный текст: референциально прагматические и пропозициональные характеристики. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 221–249. [Petrova A. A., Solnyshkina M. I. Immediate recall as a secondary text: referential parameters, pragmatics and propositions. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, 25(1): 221–249. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249>
89. Широких И. А. Переводной текст как разновидность вторичного текста. *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2010. № 10. С. 250–253. [Shirokikh I. A. Translated text as a kind of secondary text. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2010, (10): 250–253. (In Russ.)] EDN: RMWKMB
90. Каблуков Е. В. Рассмотрение законопроекта как вторичный текст. *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2006. № 45. С. 74–84. [Kablukov E. V. Consideration of the draft law as a secondary text. *Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kultury*, 2006, (45): 74–84. (In Russ.)] EDN: JTXMKL
91. Люнгрин В. А. Студенческий конспект как вторичный текст естественной письменной речи. *Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: мат-лы симпозиума XIII (XLV) Междунар. науч.-практ. конф. «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей»*. (Кемерово, 19 апреля 2018 г.) Кемерово: КемГУ, 2018. Вып. 19. Т. 5. С. 308–309. [Liungrin V. A. Student's abstract as a secondary text of natural written speech. *Philology, foreign languages, and media communications: Proc. Symposium XIII (XLV) Intern. Sci.-Prac. Conf. "Education, science, and innovation: contribution of young researchers"*, Kemerovo, 19 Apr 2018. Kemerovo: KemSU, 2018, iss. 19, vol. 5, 308–309. (In Russ.)] EDN: SMCJGH
92. Шимановская Л. А. Аналитико-синтетическая деятельность переводчика как основа выполнения качественного перевода научной статьи. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2015. № 2. С. 43–49. [Shimanovskaya L. A. Analysis and synthesis procedures as the basis of a highly professional translation of a research paper. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2015, (2): 43–49. (In Russ.)] EDN: VBJTEZ
93. Базылев В. Н. «Философия» машинного перевода. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2005. № 2. С. 88–96. [Bazylev V. N. The philosophy of computer translation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2005, (2): 88–96. (In Russ.)] EDN: JWWTKR
94. Георгиева Н. Ю. Переводческий хронотоп как отражение переводческой картины мира. *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 6. [Georgieva N. Yu. Translation chronotope as a reflection of the interpreter's worldview. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012, (6). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7449> (accessed 8 Aug 2021). EDN: TODRIX

95. Мельник Н. В. Лингвоперсонологические аспекты исследования вторичных текстов. *Актуальные проблемы современного словообразования*: мат-лы Междунар. науч. конф. (Кемерово, 3–5 июля 2008 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. Вып. 2. С. 304–308. [Melnik N. V. Linguapersonological aspects of the study of secondary texts. *Relevant issues of modern word formation*: Proc. Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 3–5 Jul 2008. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, iss. 2, 304–308. (In Russ.)] EDN: TQFNPB
96. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с. [Katsnelson S. D. *Typology of language and speech thinking*. Leningrad: Nauka, 1972, 216. (In Russ.)]
97. Голев Н. Д., Лебедева Н. Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В. М. Шукшина). *Юрислингвистика*. 2000. № 2. С. 158–171. [Golev N. D., Lebedeva N. B. The speech genre of quarrels and conflict scenarios in V. M. Shukshin's stories. *Legal Linguistics*, 2000, (2): 158–171. (In Russ.)] EDN: WDLKGH
98. Баркович А. А. Метаязыковая специфика моделирования: деривационный аспект. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2017. № 7. С. 68–72. [Barkovich A. A. Metalanguage specificity of modeling: derivational aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2017, (7): 68–72. (In Russ.)] EDN: ZTPHPX
99. Бездорожев С. В. Новый взгляд на роль переводчика: проблема использования машинного перевода. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2013. № 2. [Bezdorozhev S. V. A new look at the translator's role: the problem of using a machine translation. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2013, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2013-2-749>
100. Дулов С. Ю., Шмелева А. Г., Боронкинова Н. Т. Практика машинного перевода и искусственного интеллекта в области перевода. *Успехи в химии и химической технологии*. 2017. Т. 31. № 14. С. 62–64. [Dulov S. Yu., Shmeleva A. G., Boronkinova N. T. Practice of machine translation and man-made languages in translation. *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii*, 2017, 31(14): 62–64. (In Russ.)] EDN: ZUGELD
101. Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 336 с. [Tiulenev S. V. *Theory of translation*. Moscow: Gardariki, 2004, 336. (In Russ.)]
102. Душинина Е. В. Интерференция при обучении переводу в техническом вузе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12-2. С. 197–199. [Dushinina E. V. Interference in translation training in technical institutions of higher education. *Philology. Theory & Practice*, 2016, (12-2): 197–199. (In Russ.)] EDN: XAHGZN
103. Рогозная Н. Н., Чэнь И. Интерференты в речи китайских студентов. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2013. № 10-2. С. 120–121. [Rogoznaya N. N., Chen Y. Interferenty in the speech of Chinese students. *International Research Journal*, 2013, (10-2): 120–121. (In Russ.)] EDN: RJZCAL
104. Грецкая Т. В., Зябкина Е. Л. Особенности лексической интерференции при контакте английского и немецкого языков. *Проблемы современных социокультурных исследований*: Всерос. науч.-практ. конф. (Астрахань, 28 ноября 2019 г.) Астрахань: Астраханский ун-т, 2019. С. 135–138. [Gretskaya T. V., Ziabkina E. L. Features of lexical interference in the contact of English and German languages. *Problems of modern socio-cultural research*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Astrakhan, 28 Nov 2019. Astrakhan: ASU, 2019, 135–138. (In Russ.)] EDN: SZJNPH
105. Инькова О. Ю. Лексическая интерференция в итальянском и французском языках (проблемы «ложных друзей переводчика»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 24 с. [Inkova O. Yu. *Lexical interference in Italian and French: translator's "false friends"*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1992, 24. (In Russ.)] EDN: ZKVZZH
106. Стрельцов А. А. «Двуликий янус» перевода, или «о "ложных друзьях" замолвите слово». *Иностранные языки в высшей школе*. 2010. № 1. С. 92–97. [Streltsov A. A. The two-faced Janus of translation, or translator's false friends. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2010, (1): 92–97. (In Russ.)] EDN: OFNDPJ
107. Прошина З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170. [Proshina Z. G. Translingualism and its application. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 2017, 14(2): 155–170. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170>
108. Хансен Дж. Как понимать трансыязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. № 2. С. 62–73. [Hansen Ju. Making sense of the translingual text: Russian wordplay, names, and cultural allusions in Olga Grushin's the Dream life of Sukhanov. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, 2016, (2): 62–73. (In Russ.)] EDN: WFRLHH

оригинальная статья

Субъективные и объективные факторы билингвизма в эмоциональном восприятии текста (на материале тувинско-русского билингвизма)

Колмогорова Анастасия Владимировна
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>
nastiakol@mail.ru

Маликова Алина Вячеславовна
Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск
<https://orcid.org/0000-0002-3438-1839>

Поступила в редакцию 10.04.2022. Принята после рецензирования 18.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Анализируются результаты психолингвистического эксперимента, цель которого – эмоциональное аннотирование датасета интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами. За основу эксперимента взят опросник Bilingual Language Profile, а также ранее разработанный авторский интерфейс для недискретного аннотирования текстов по эмоциональной тональности. В исследовании приняли участие 65 тувинско-русских билингвов, которым для аннотирования было предоставлено 5 текстов, оцененных в предыдущих экспериментах монолингвами как «гневные». Перед тем как перейти к аннотированию все информанты ответили на вопросы опросника по билингвизму. Цель данной публикации – рассмотреть специфику влияния субъективных и объективных факторов билингвизма на восприятие эмоции гнева в трех группах информантов, сформированных по критерию доминирующего языка, согласно результатам опросника: с доминирующим тувинским языком, с доминирующим русским языком, имеющих сбалансированный тувинско-русский билингвизм. Методы: психолингвистический эксперимент, методы статистической оценки данных (параметрический критерий Стьюдента и непараметрический критерий Манна-Уитни). В ходе исследования была опровергнута гипотеза о влиянии объективных (возраст и контекст, коммуникативная активность) или субъективных (компетенция, характер взаимодействия языков в сознании субъекта) факторов формирования тувинско-русского билингвизма на эмоциональное восприятие текстов на русском языке. С другой стороны, подтвердилась гипотеза о значимости доминирующего языка билингва для восприятия эмоции в тексте.

Ключевые слова: билингвизм, гнев, интернет-тексты, психолингвистический эксперимент, тувинский язык, эмоциональный анализ текстов

Цитирование: Колмогорова А. В., Маликова А. В. Субъективные и объективные факторы билингвизма в эмоциональном восприятии текста (на материале тувинско-русского билингвизма). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 735–743. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-735-743>

full article

Subjective and Objective Factors of Bilingualism in the Emotional Text Comprehension in Tuvan-Russian Bilinguals

Anastasia V. Kolmogorova
Higher School of Economics – St. Petersburg,
Russia, St. Petersburg
<https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>
nastiakol@mail.ru

Alina V. Malikova
Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk
<https://orcid.org/0000-0002-3438-1839>

Received 10 Apr 2022. Accepted after peer review 18 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: This psycholinguistic experiment included emotional rendering of Russian Internet texts by Tuvan-Russian bilinguals. It was based on the Bilingual Language Profile questionnaire and an authentic interface for non-discrete emotional text rendering. The research involved 65 Tuvan-Russian bilinguals and five texts previously classified by Russian monolinguals as "angry texts". All the participants fulfilled a bilingualism questionnaire prior to the test and were divided into three groups: 1) bilinguals with the dominant Tuvan language, 2) bilinguals with the dominant Russian language, and 3) balanced Tuvan-Russian bilinguals. The research examined the effect of subjective and objective factors of bilingualism on the comprehension of anger in these three groups of informants. The methodology included the method of psycholinguistic experiment and various

methods of statistical analysis, e.g., Student's t-test, Mann-Whitney U-test, etc. The research refuted the hypothesis about the effect of objective (age, context, communicative activity) or subjective (competence, language ratio) factors in Tuvan-Russian bilinguals on the emotional comprehension of Russian texts. The emotional text comprehension appeared to depend on the dominant language.

Keywords: bilingualism, anger, internet texts, psycholinguistic experiment, Tuvan language, emotional text analysis

Citation: Kolmogorova A. V., Malikova A. V. Subjective and Objective Factors of Bilingualism in the Emotional Text Comprehension in Tuvan-Russian Bilinguals. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 735–743. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-735-743>

Введение

В рамках направлений психо- и нейролингвистики в последние десятилетия сформировался исследовательский интерес к вопросам организации билингвального мозга и сознания. Исследуются латерализация языков у билингва [1], особенности сбалансированного билингвизма и «унаследованного языка» [2], когнитивные особенности детского билингвизма [3] и другие вопросы.

В рамках проекта, направленного на создание компьютерного классификатора интернет-текстов на русском языке по критерию их эмоциональной тональности [4], сформулирована гипотеза о различиях в восприятии эмоций в русскоязычном интернет-тексте русскими монолингвами и национально-русскими билингвами в силу наличия специфических черт у нейронной реальности билингвального мозга по сравнению с монолингвальным [5–7], а также о специфике этого восприятия в зависимости от типа билингвизма и характера доминирующего языка билингва. В фокусе нашего исследования – тувинско-русский билингвизм.

В данной публикации мы анализируем один из частных аспектов данной гипотезы: можно ли установить какие-либо корреляции между объективными (например, время говорения на первом и втором языке в неделю) и субъективными (например, личностное приятие второго языка как родного) факторами билингвизма на эмоциональную обработку текста?

Методологическая рамка исследования

В последнее десятилетие в компьютерной лингвистике активно формируется новая парадигма, получившая название *аффективные вычисления* [8]. Задача исследований, выполняемых в ее рамках, состоит в том, чтобы «научить» технологии искусственного интеллекта узнавать эмоции, выражаемые человеком в поведении в целом и в речи в частности, реагировать на них в соответствии с ситуацией и генерировать речевые (устные или письменные) произведения с определенной эмоциональной тональностью.

Под эмоциональной тональностью текста в широком смысле понимают степень эмоциональной окраски текстового сообщения [9, с. 245]. С развитием технологий эмоционального анализа важной характеристикой тональности стало ее качество: какая / какие конкретно эмоции выражены в тексте его автором? Для решения такой задачи

используются различные модели машинного обучения, для эффективной работы которых требуется наличие коллекции текстов, размеченной по критерию эмоции, выраженной в тексте, – т. н. датасета.

В исследованиях такого рода сложилась практика, когда разметку или эмоциональное аннотирование осуществляют от одного до 9–10 информантов, которым предлагается указать одну или несколько эмоций, которые, по их мнению, хотел выразить автор каждого подаваемого для разметки текста [10]. В одном из проектов нашей исследовательской группы было проведено масштабное аннотирование почти 4000 интернет-текстов на русском языке с участием 2000 информантов, русских монолингвов (интерфейс, который мы использовали для аннотирования, представлен далее по тексту). На основе данного датасета с использованием различных моделей машинного обучения были обучены и классификатор, и анализатор текстов по критерию эмоциональной тональности. Последний показывает неплохие результаты [11]: на вход программе подается интернет-текст на русском языке, машина обрабатывает его и выдает ответ относительно того, к какому эмоциональному классу текстов принадлежит анализируемый текст (в случае классификатора), либо какие эмоции и в каком объеме выражены в данном тексте (в случае анализатора) (на рис. 1 представлен интерфейс такого анализатора).

Последние исследования показывают, что эмоция, «заложенная» его автором, отнюдь не имманентна тексту, а во многом зависит от характеристик реципиента текста [12]. Но в исследовательской практике все-таки принято формулировать вопрос, обращенный к аннотаторам (или ассессорам), именно так: какие эмоции выразил автор данного текста? Такая методологическая установка обусловлена технологической задачей: несмотря на индивидуальную рецептивную вариативность, компьютер должен научиться узнавать эмоцию производителя текста, чтобы вести с ним аффективный диалог.

Билингвальный контекст исследования

Одним из видов национально-русского билингвизма выступает двуязычие в Республике Тыва, жители которой ежедневно встречаются с русскоязычными текстами, однако «демографическая и коммуникативная мощность тувинского языка» на территории данного субъекта по-прежнему

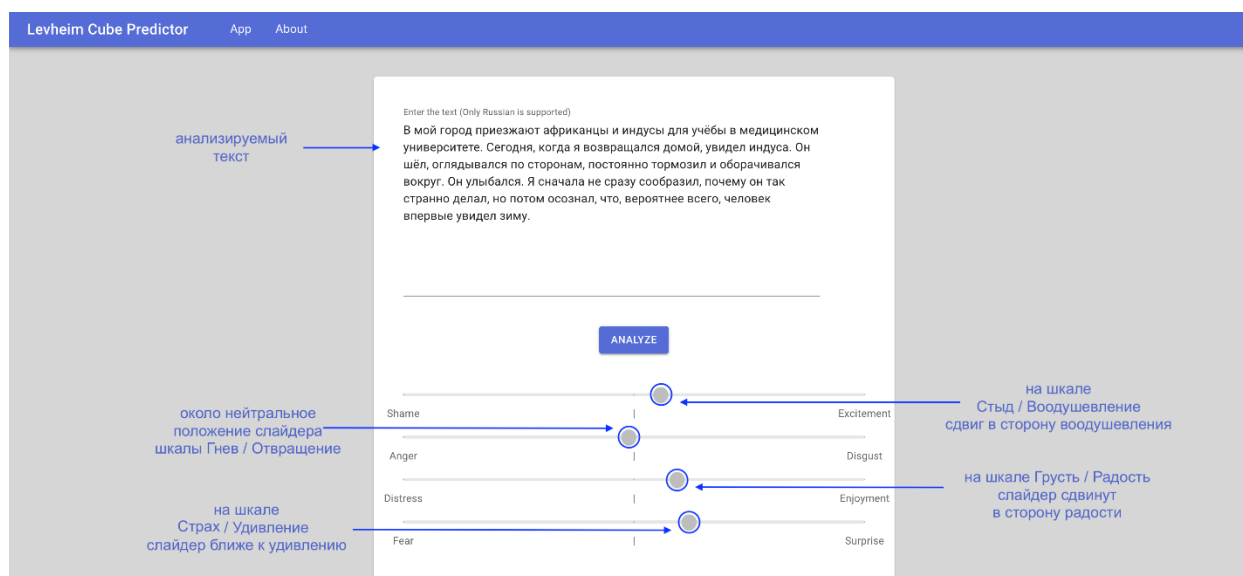

Рис. 1. Интерфейс компьютерного анализатора эмоций в интернет-текстах на русском языке, обученного на основе датасета, аннотированного русскими монолингвами
Fig. 1. Computer analyzer of emotions in the Russian internet texts trained on the dataset rendered by Russian monolinguals

остаётся достаточно высокой по сравнению со многими другими государственными языками РФ [13, с. 52]. Исследователи отмечают ряд особенностей языковой ситуации Республики Тыва: законодательно первым языком данного субъекта федерации является тувинский, а русский – вторым, однако тувинский язык «не может быть приравнен к русскому по всей функциональной значимости» [14, с. 62]. Витальность тувинского языка в системе образования республики в последние годы оказалась под вопросом, его функция в этой системе все более сужается [15]: тувинцы проявляют наибольшую компетентность во владении устными формами тувинского языка и письменными формами русского языка [16]. По данным 2012 г., тувинский считают родным языком 65,5 % опрошенных, русский – 8,1 %, оба языка – 13,9 % [17]. Большинство изучающих тувинский язык как родной – учащиеся сельских школ [18], хотя после 2018 г. он фактически перестал преподаваться в таком статусе. Кроме того, нельзя забывать и о роли языковой аттриции – разрушения системы родного языка в языковом сознании билингва под воздействием неродного, но функционально сильного языка [19; 20].

Иными словами, языковая ситуация в Тыве характеризуется неравновесностью, поэтому цель статьи – экспериментально проверить влияние 3 факторов на эмоциональную оценку текстов билингвами: 1) объективных (возраст усвоения языков и их коммуникативная функциональность); 2) субъективных (языковые компетенции и характер взаимодействия языков в языковом сознании билингва) факторов билингвизма; 3) фактора общего доминирования одного из языков в языковом сознании билингва.

Методы и материалы

В качестве текстового материала, ставшего объектом эмоциональной оценки русско-тувинскими билингвами, мы использовали тексты из наиболее популярных в социальной сети ВКонтакте публичных групп «Подслушано», «Палата № 6» и «Карамель». Наше предварительное анкетирование групп тувинских студентов Сибирского федерального университета (N = 30) и Тувинского государственного университета (N = 30) показало, что ВКонтакте является самым популярным источником текстов на русском языке, которые читают билингвы из опрошенных двух групп. Действительно, большая часть информационного потока (и институционального, и личного) проходит сегодня для жителей городов именно через социальные сети: свои странички в социальных сетях имеют большинство общественных организаций и объединений, где публикуется информация, посты на русском языке, предназначенные для граждан всего многонационального сообщества жителей России, в том числе жителей Республики Тыва. Знание специфики эмоционального восприятия текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами поможет специалистам по общественной коммуникации в создании медиатекстов, эмоционально релевантных для данной целевой аудитории. Ещё одной причиной выбора социальных сетей в качестве стимульного материала стала *новая эмоциональность* этого коммуникативного пространства – тенденция к гипертрофированному выражению эмоций в социальных сетях, к социальной одобряемости сильного и публично переживаемого эмоционального состояния [21–23].

Для эксперимента, которому посвящена данная статья, мы использовали три типа данных:

1. Текстовые данные на русском языке из паблика «Подслушано» в социальной сети ВКонтакте, размещенные под тематическими эмоциональным хештегами, например: Грусть – #Подслушано_одиночество; Воодушевление – #Подслушано_успех; Радость – #Подслушано_счастье; Страх – #Подслушано_страшное; Отвращение – #Подслушано_фууу; Гнев – #Подслушано_БЕСИТ; Стыд – #Подслушано_стыдно; Удивление – #Подслушано_странное и др. (был использован список из восьми базовых эмоций по Г. Лёвхейму [24]).

2. Результаты эмоционального аннотирования шестидесятью пятью информантами-билингвами данных текстовых фрагментов из «Подслушано» в количестве 48 единиц;

3. Данные о факторах билингвизма, влияющих на степень владения неродным языком наших 65 информантов, полученные на базе опросника Bilingual Language Profile [25], ответить на вопросы которого информантам нужно было до начала эмоциональной разметки текстов. Отметим, что использование данного опросника продолжает уже сложившуюся в отечественной психо- и социалингвистике традицию изучения русско-национального билингвизма с помощью апробированных европейских анкет, опросников, тестов (см., например, опыт использования словарного теста Пибоди для изучения русско-якутского билингвизма [26]).

Мы придерживались следующего **алгоритма работы**:

1. Опубликовали в популярных среди тувинских пользователей группах в социальной сети ВКонтакте, а также в мессенджерах приглашение волонтеров для участия в эксперименте.
2. Волонтеры из числа тувинско-русских билингвов ответили онлайн на вопросы опросника по билингвизму.
3. Затем они были перенаправлены нашим интерфейсом на страничку, где происходило эмоциональное аннотирование: перед информантом поочередно появлялись тексты на русском языке и инструкция: *Внимательно прочитайте текст. Какие эмоции автор выражает в тексте? На каждой из шкал поставьте отметку ближе к той эмоции, которая сильнее выражена в тексте. Поставьте отметку настолько близко, насколько очевидна и сильна эта эмоция в тексте. Например, 1 шаг от центра – если оттенок эмоции присутствует, но выражен слабо; 3 шага – если эмоция явно присутствует; 5 шагов – если эмоция, без сомнения, доминирует. Если в тексте нет эмоций, обозначенных на шкале, оставьте отметку в среднем положении.*
4. После проведения процедуры эмоционального аннотирования мы посчитали средние значения оценок по четырем шкалам, с которыми работали аннотаторы, для каждого оцененного текста и для каждой группы текстов, согласно ведущей эмоции (гневные, грустные и т. д.).

На втором этапе информанты ответили на опросник по билингвизму. Помимо общей биографической информации (*Модуль I*) – о возрасте, поле, месте рождения и проживания, уровне образования респондента – предложенный нами опросник включает четыре модуля, которые соотносятся с двумя *объективными факторами билингвизма* (модули II–III: возраст и контекст формирования билингвизма, коммуникативная активность в ее темпоральном и функциональном аспектах) и двумя *субъективными факторами билингвизма* (модули IV–V: языковая компетенция, характер взаимодействия языков в сознании субъекта [27]).

Модуль II. Языковая история (Language history) – Возраст и контекст формирования билингвизма – включает вопросы: 1) в каком возрасте вы начали учиться языку X?; 2) в каком возрасте вы стали участвовать в общении на языке X?; 3) сколько лет вы учились на языке X?

Модуль III. Использование языка (Language use) – Коммуникативная активность в ее темпоральном и функциональном аспектах – включает три вариации для каждого вопроса (о тувинском, о русском и о других языках, однако при расчете результатов учитываются только проценты двух фокусных языков): 1) какой процент времени в неделю вы говорите на языке X с друзьями?; 2) какой процент времени в неделю вы говорите на языке X с семьей?; 3) какой процент времени в неделю вы говорите на языке X в школе / в университете?; 4) когда вы говорите с самим собой, как часто вы говорите на языке X?; 5) когда вы считаете, как часто вы считаете на языке X?

Модуль IV. Языковая компетентность (Language proficiency) включает четыре вопроса, направленных на субъективную оценку уровня владения четырьмя видами речевой деятельности на каждом из фокусных языков: 1) как хорошо вы говорите на языке X?; 2) как хорошо вы понимаете язык X?; 3) как хорошо вы читаете на языке X?; 4) как хорошо вы пишете на языке X?

Модуль V. Отношение к языкам (Language attitudes) – Характер взаимодействия языков в сознании субъекта: респондент выставляет отметку на шкале от «не согласен» (0 баллов) до «согласен» (6 баллов) после прочтения следующих утверждений: 1) я чувствую себя собой, когда я говорю на языке X; 2) я чувствую себя частью X-язычной культуры; 3) для меня важно, что я использую (или буду использовать) язык X как родной; 4) я хочу, чтобы другие думали, что мой родной язык – язык X.

Следующий этап заключался в оценке респондентами-билингвами интернет-текстов на русском языке. Хотя в целом стимульным материалом стала выборка, насчитывающая 48 эмоциональных текстовых фрагментов из паблика «Подслушано» социальной сети ВКонтакте, для проверки нашей гипотезы о влиянии факторов формирования билингвизма на характер эмоциональной оценки текстов мы остановились на одном эмоциональном классе – Гнев, поскольку именно 5 текстов данного класса были оценены всеми информантами без исключения.

Тексты имеют небольшой объем:

(1) *Устроилась в фирму, где директором работала моя мать. Решила не афишировать, что являюсь её дочерью, хотя постепенно все узнали. Директор она строгий и требовательный, что многим работникам не нравится. Работу свою выполняю хорошо, на уровне. И как же меня выводит, что люди, выше меня должностью, срываются на мне, если у них с моей мамой произошёл конфликт. Торкают, принимают, пытаются как-то задеть¹.*

Для осуществления аннотирования информантам предлагалось воспользоваться специальным интерфейсом (рис. 2), состоящим из четырех шкал, полюса которых представлены противоположными по версии Г. Лёвхейма эмоциями: Стыд – Воодушевление, Отвращение – Гнев, Страх – Удивление, Удовольствие – Грусть. Шкалы являются своего рода эмоциональным континуумом: на их полюсах расположено наиболее сильное выражение названных эмоциональных классов, а середина является нейтральным эмоциональным положением. Задача ассессора – поставить ползунок в ту позицию, которая соответствует степени выраженности той или иной эмоции (в интервале от 0 до –5 / 5).

На следующем этапе исследования мы обработали результаты опроса и объединили информантов в три группы (доминирующий русский язык, доминирующий тувинский язык, оба языка в паритетных отношениях) в зависимости от полученной суммы баллов за выбранные ответы (т. е. индекса доминантности) по каждому отдельному модулю (II–IV) и во всем опроснике целиком. Иными словами, мы сформировали три подгруппы респондентов по модулю **Языковая история** (II-T, II-B, II-R), три подгруппы – по модулю **Использование языка** (III-T, III-B, III-R), три подгруппы – по модулю **Языковая компетентность** (IV-T, IV-B, IV-R), три подгруппы – по модулю **Отношение к языкам** (V-T, V-B, V-R) и три группы – по общему билингвальному профилю (T, B, R, где T – тувинский, B – сбалансированный, R – русский). Респонденты были распределены в подгруппы и группы вместе с данными об их оценках текстов из «гневно-го» подкорпуса.

Вычислив среднее значение среди оценок респондентов по четырем эмоциональным шкалам в каждой подгруппе и группе, мы сравнили ряд этих значений как в модулях для оценки объективных факторов билингвизма и модулях для оценки субъективных факторов билингвизма, так и между группами по совокупному результату опроса с применением статистических метрик.

Результаты

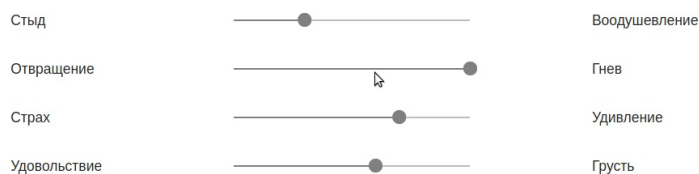
Среди респондентов превалирует возрастная группа от 18 до 25 лет (69 %), 20 % составили респонденты в возрасте старше 35 лет, 8 % – 26–35 лет, 3 % – меньше 18 лет. По половой принадлежности 69 % информантов – женщины, 31 % – мужчины. Местом рождения и проживания, за исключением одного респондента, на данный момент проживающего в г. Москва, ассессоры (информанты) обозначили Республику Тыва. Большинство участников эксперимента получили или продолжают получать высшее образование: неоконченное высшее образование (49 %), диплом бакалавра (17 %) или специалиста (17 %), среднее образование (14 %), диплом аспирантуры (3 %).

В рамках эксперимента было принято решение о необходимости определения доминирующего языка респондентов [29, с. 21–22] по результатам всего опроса, а также по каждому отдельному модулю.

Для этой цели мы воспользовались системой анализа результатов, предложенной авторами опросника. Согласно [30], вопросам каждого модуля присвоен различный максимальный балл, а каждому варианту ответа – своя ценность по шкале от 0 до 20 (модуль Языковая история), от 0 до 10 (модуль Использование языка), от 0 до 6 (модули Языковая компетентность и Отношение к языкам). Сумма ответов на все вопросы модуля о тувинском и русском языках в отдельности, помноженная на коэффициент данного модуля, дает общий балл за данный модуль.

Разница между суммой баллов для тувинского и русского языков показывает индекс превалирования одного из языков в сознании билингва. В нашем случае разница

Мои друзья повадились убирать свои даты рождения со всех социальных сетей. И ждут, ждут, что их все поздравят! А потом обижаются. Вот не получается у меня запоминать даты, не получается! Что теперь только из-за этого из меня друг плохой...

Продолжить

Рис. 2. Недискретный интерфейс для эмоциональной оценки текстов [28]
Fig. 2. Non-discrete interface for emotional analysis of texts [28]

¹ В примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

со знаком плюс говорит о доминировании тувинского языка (Т), тогда как отрицательная – о доминировании русского языка (R). Поскольку в результатах были обнаружены равные 0 баллы, мы выделили паритетную (сбалансированную) (В) группу респондентов. В эту группу попадают нейтральные значения с диапазоном в 5 %: числовой диапазон от –1,36 до 1,36 для модуля II и диапазон от –2,72 до 2,72 для модулей III, IV, V.

Таким образом, по результатам ответов в каждом модуле мы распределили 65 респондентов-билингвов по трем группам по признаку доминирующего языка. В зависимости от ответов в каждом конкретном модуле один и тот же респондент мог оказаться частью одной или различных групп.

Дальнейшим этапом работы стал сравнительный анализ средних оценок пяти эмоциональных текстов по четырем шкалам в каждой группе. Следовательно, оценка одного текста одним респондентом включает четыре показателя по количеству шкал оценки. Мы вычислили среднее значение по каждому показателю в трех группах информантов в рамках каждого модуля. Для анализа статистической значимости различий между этими показателями в различных группах использовался двухвыборочный t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты демонстрируют отсутствие значимости различий средних значений между группой с доминирующим тувинским языком (группа Т) по отношению к двум другим группам по всем модулям, т. е. показатель p-value имеет значение более 0,05 (табл. 1). Различия значений в группе с доминирующим русским языком (группа R), как и в группе со сбалансированным билингвизмом (группа В),

по отношению к оставшимся двум группам также превысили показатель 0,05 как по объективным факторам билингвизма, так и по субъективным.

В результате сравнения средних значений по группам информантов, выделенным на основе сведений о языковом доминировании по всему опроснику целиком, были обнаружены и незначимые отличия (между группой Т и группой В, между группой Т и группой R), и значимые (между группой В и группой R) (табл. 1).

Предполагая, что данные нашего исследования не подчиняются нормальному распределению в силу небольшого объема выборки, мы дополнительно применили непараметрический тест Манна-Уитни [31]. Критическое значение U-критерия при сравнении двадцати оценок (по четыре на один текст выборки) составляет 127. Значения критерия менее 127 свидетельствуют о p-value менее 0,05, а значит о статистически значимых различиях уровня признака.

Результаты статистического анализа показали тот же результат, что и t-критерий Стьюдента: среди всех значений существенную разницу продемонстрировали только значения по всему опроснику билингвального профиля между группой с доминирующим русским языком и группой, поддерживающей русский и тувинский языки в паритетных отношениях (табл. 2).

Статистически была доказана значимость отличий только по совокупному результату объективных и субъективных факторов билингвизма. По-разному «гневные» тексты воспринимают билингвы со сбалансированным языковым сознанием и с доминирующим русским языком. Так, текст (2) был оценен 50 % респондентов группы В как «гневный»

Табл. 1. Значения t-критерия Стьюдента для средних оценок в группе

Tab. 1. Student's t-test mean values

Группы факторов	Модули опросника	Группа Т / Группа В	Группа В / Группа R	Группа Т / Группа R
Объективные факторы	Модуль II	0,50	0,37	0,10
	Модуль III	0,18	0,36	0,71
Субъективные факторы	Модуль IV	0,49	0,17	0,48
	Модуль V	0,42	0,11	0,26
По всему опроснику		0,32	0,02	0,10

Прим.: Полужирным шрифтом выделены значимые отличия.

Табл. 2. Значения U-критерия Манна-Уитни для средних оценок в группе

Tab. 2. Mann-Whitney U-test mean values

Группы факторов	Модули опросника	Группа Т / Группа В	Группа В / Группа R	Группа Т / Группа R
Объективные факторы	Модуль II	172	163	136
	Модуль III	147	175	182
Субъективные факторы	Модуль IV	171	145	183
	Модуль V	181	141,5	157
По всему опроснику		162	113	129

Прим.: Полужирным шрифтом выделены значимые отличия.

(оценка с наибольшей эмоциональной интенсивностью), однако среди индивидуальных оценок встречаются также преобладающие классы Грусть и Воодушевление.

(2) *Нахожусь в поиске работы. И меня просто поражает и убивает упёртость либо непонимание вопроса многих работодателей, когда спрашиваешь их про непосредственно оклад. Будто они такого слова не знают. Начинают вновь по кругу втирать по общей зарплату, бонусы, премии и т. д. Да, знаю я из чего состоит з/п! Тем более, что только что мне рассказали. Только эти премии ещё не факт что получишь, мне нужно знать основу, которую я точно получу! А некоторые вообще умудряются спрашивать: "А зачем вам знать оклад?" Да, блин, действительно!*

Примерно 50 % респондентов группы с доминирующим русским языком этот текст также оценили как *гневный*, однако среди других классов эмоций, названных как интенсивные (оценка 4 / 5), встречается не только Грусть, но и Удивление, Отвращение и Страх.

В качестве дальнейших перспектив работы отметим следующую: сопоставление данных эмоциональной разметки, проведенной русскими монолингвами и тувинско-русскими билингвами, демонстрирует наличие значительных расхождений в данных двух группах в эмоциональной обработке одних и тех же текстов на русском языке (рис. 3). На рис. 3 показаны средние значения на каждой из четырех шкал для оценки, полученные группой из 5 «гневных» текстов в группе аннотаторов-монолингвов (Mono) и тувинско-русских билингвов (Bi). Диаграммы размаха показывают, что при общем согласии монолингвов и билингвов в том, что представленные 5 текстов – «гневные», билингвы видят в них в качестве вторичной эмоции Удивление, а монолингвы ее не различают в данных текстах.

Заключение

Результаты эксперимента с тувинско-русскими билингвами и статистический анализ полученных данных по оценке текстов на примере эмоции Гнев указывают на отсутствие статистически значимого влияния объективных vs субъективных факторов формирования данного типа билингвизма на характер эмоционального восприятия текстов на русском языке – статистическая значимость отличий в эмоциональной оценке была выявлена между группами билингвов с доминирующим русским языком и с паритетным принципом организации языкового сознания только по совокупности всех модулей опросника.

Опровергнута гипотеза о влиянии отдельно объективных или субъективных факторов формирования тувинско-русского билингвизма на восприятие эмоции в тексте на русском языке. Тем не менее подтверждена значимость роли доминирующего языка билингва в процессе эмоционального восприятия текстов. Данный аспект билингвизма будет учтен на последующих этапах работы над проектом по изучению специфики эмоционального восприятия тувинско-русскими билингвами интернет-текстов на русском языке.

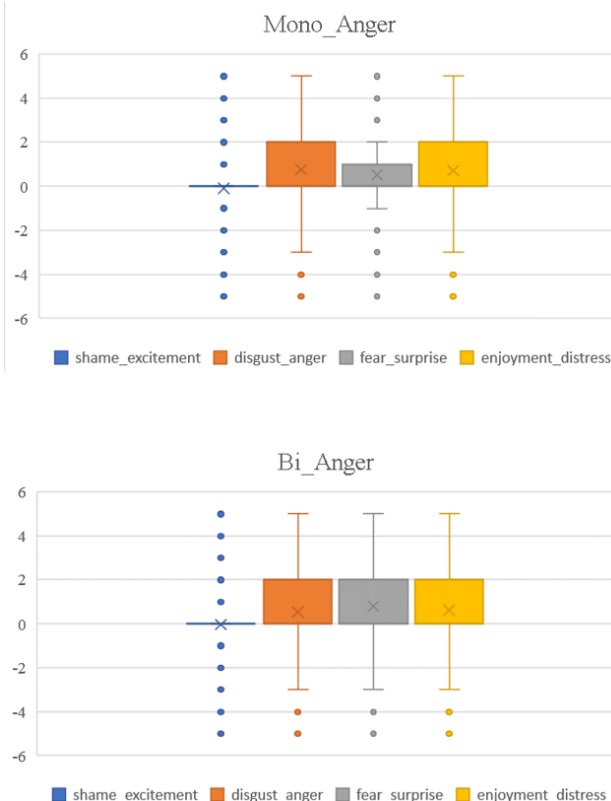

Рис. 3. Диаграммы размаха средних значений оценки группы «гневных» текстов монолингвами и тувинско-русскими билингвами
Fig. 3. Mean values for "anger texts" assessed by monolinguals and bilinguals

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Краевого фонда науки Красноярского края, проект № 629 «Компьютерное моделирование эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами».

Funding: The study was supported by the Krasnoyarsk Regional Fund of Support of Scientific and Scientific-Technical Activities as part of scientific project No. 629 "Computer modeling of emotional comprehension of Internet texts in Russian by Tuvan-Russian bilinguals".

Литература / References

1. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Яз. слав. культуры, 2013. 448 с. [Chernigovskaya T. V. *Cheshire smile of Schrödinger's cat: language and mind*. Moscow: Iaz. slav. kultury, 2017, 448. (In Russ.)] EDN: VDRVKH
2. Polinsky M. Bilingual children and adult heritage speakers: The range of comparison. *International Journal of Bilingualism*, 2018, 22(5): 547–563. <https://doi.org/10.1177/1367006916656048>
3. Bialystok E., Martin M. M. Attention and inhibition in bilingual children: Evidence from the dimensional change card sort task. *Developmental Science*, 2004, 7(3): 325–339. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2004.00351.x>
4. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Маликова А. В., Кушко Л. А. Методы компьютерной и корпусной лингвистики для решения задач эмоционального анализа интернет-текстов. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 215 с. [Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Malikova A. V., Kushko L. A. *Methods of computer and corpus linguistics for solving problems of emotional analysis of Internet texts*. Moscow: IPR Media, 2022, 215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23682/119107>
5. Kałamała P., Drożdżowicz A., Szewczyk J., Marzecová A., Wodniecka Z. Task strategy may contribute to performance differences between monolinguals and bilinguals in cognitive control tasks: ERP evidence. *Journal of Neurolinguistics*, 2018, (46): 78–92. <https://doi.org/10.1016/j.jneuroling.2017.12.013>
6. Lorenzen B., Murray L. Bilingual aphasia: a theoretical and clinical review. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 2008, 17(3): 299–317. [https://doi.org/10.1044/1058-0360\(2008/026\)](https://doi.org/10.1044/1058-0360(2008/026))
7. Mechelli A., Crinion J. T., Noppeney U., O'Doherty J., Ashburner J., Frackowiak R. S., Price C. J. Structural plasticity in the bilingual brain: Proficiency in a second language and age at acquisition affect grey-matter density. *Nature*, 2004, 431(7010): 457. <https://doi.org/10.1038/431757a>
8. Picard R. W. *Affective computing*. Cambridge: The MIT Press, 1997, 306.
9. Прикладная и компьютерная лингвистика, ред. И. С. Николаев, О. В. Митренина, Т. М. Ландо. М.: ЛЕНАНД, 2016. 320 с. [Applied and computational linguistics, eds. Nikolaev I. S., Mitrenina O. V., Lando T. M. Moscow: LENAND, 2016, 320. (In Russ.)]
10. Alm C. O., Roth D., Sproat R. Emotions from text: Machine learning for text-based emotion prediction. *HLT/EMNLP 2005 – Human Language Technology Conference and Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Vancouver, 6–8 Oct 2005. Vancouver: Association for Computational Linguistics, 2005, 579–586.
11. Kolmogorova A., Kalinin A., Malikova A. Lövhelm Cube-backed emotion analysis: From classification to regression. *Communications in Computer and Information Science*, 2022, 1503: 97–107. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93715-7_7
12. Kolmogorova A., Kalinin A., Malikova A. Semiotic function of empathy in text emotion assessment. *Biosemitotics*, 2021, 14(2): 329–344. <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09434-y>
13. Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении. *Новые исследования Тувы*. 2020. № 1. С. 50–61. [Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N. Tuva language in legal and functional aspect. *New Research of Tuva*, 2020, (1): 50–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>
14. Мартан-оол М. Б. Языки и языковая ситуация в Республике Тыва. *Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы развития*: науч.-практ. конф. (Кызыл, 13–14 октября 2005 г.) Кызыл: Аныяк, 2005. С. 60–64. [Martan-ool M. B. Languages and linguistic situation in the Republic of Tuva. *Humanities in Tuva at the turn of the century: history, problems, and development prospects*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Kyzyl, 13–14 Oct 2005. Kyzyl: Anyiak, 2005, 60–64. (In Russ.)]
15. Донгак Ч. Б. Языковая политика и проблема контактного билингвизма в национальных республиках России (на примерах республик Татарстан, Тыва и Саха (Якутия)). *Вестник Тувинского государственного университета*. № 1 Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 63–73. [Dongak Ch. B. Problem of bilingualism in Turkic-speaking regions of Russia (based on the samples of the republics of Tatarstan, Tuva and Sakha). *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social sciences and humanities*, 2020, 4(68): 63–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2221-0458-2020-10043>
16. Цыбеннова Ч. С. О языковой компетенции тувинцев (результаты социологического анкетирования). *Ученые записки ЗабГГПУ*. 2013. № 2. С. 148–155. [Tsybenova Ch. S. On language competence of the Tuvans (results of sociolinguistic survey). *Uchenye zapiski ZabGGPU*, 2013, (2): 148–155. (In Russ.)] EDN: QATPWR
17. Антонова Н. С. Социальные аспекты функционирования форм языкового общения в многонациональной России. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 5. С. 74–78. [Antonova N. S. Social aspects of functioning of forms of language communication in multinational Russia. *Bulletin of Buryat State University*, 2014, (5): 74–78. (In Russ.)] EDN: SBGNNN
18. Арефьев А. Л., Бахтикиреева У. М., Синячкин В. П. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва. *Новые исследования Тувы*. 2021. № 1. С. 255–272. [Arefiev A. L., Bakhtikireeva U. M.,

- Sinyachkin V. P. Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2021, (1): 255–272. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>
19. Александрова Н. Ш. Билингвизм и другие проявления функционирования языковой системы в свете пластичности мозга. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2020. № 6-2. С. 170–176. [Alexandrova N. Sh. Bilingualism and other manifestations of the functioning of the language system in light of brain plasticity. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2020, (6-2): 170–176. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.170>
20. Александрова Н. Ш. Зрительные агнозии и двойственность зрительного опознания. *Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2019*: VI Всерос. науч. конф. (Нижний Новгород, 23–27 сентября 2019 г.) Н. Новгород: ИПФ РАН, 2019. С. 22–26. [Alexandrova N. Sh. Visual agnosia and visual duality of the identification. *Nonlinear dynamics in cognitive research 2019*: Proc. VI All-Russian Sci. Conf., Nizhny Novgorod, 23–27 Sep 2019. Nizhny Novgorod: IAP RAS, 2019, 22–26. (In Russ.)] EDN: YKHXPX
21. Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 304 с. [Lovink G. *Critical theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem Press, 2019, 304. (In Russ.)]
22. Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с. [Manovich L. *The language of new media*. Moscow: Ad Marginem Press, 2018, 400. (In Russ.)]
23. Кошкарлова Н. Н., Яковлева Е. М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности. *Политическая лингвистика*. 2019. № 5. С. 147–152. [Koshkarova N. N., Yakovleva E. M. Discourse of new emotionality: communicative practices of digital reality. *Political Linguistics*, 2019, (5): 147–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl19-05-15>
24. Lövhheim H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters. *Medical Hypotheses*, 2012, 78(2): 341–348. <https://doi.org/10.1016/j.mehy.2011.11.016>
25. Gertken L. M., Amengual M., Birdsong D. Assessing language dominance with the Bilingual Language Profile. *Measuring L2 proficiency: Perspectives from SLA*, eds. Leclercq P., Edmonds A., Hilton H. Bristol: Multilingual Matters, 2014, 208–225. EDN: VADFYB
26. Ощепкова Е. С., Гаврилова М. Н., Ковязина М. С. Как билингвизм влияет на объем словарного запаса у старших дошкольников? *Cognitive Neuroscience – 2021*: мат.-лы Междунар. форума. (Екатеринбург, 2–3 декабря 2021 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2022. С. 71–74. [Oshchepkova E. S., Gavrilova M. N., Kovyazina M. S. How does bilingualism affect the volume of vocabulary of senior preschoolers? *Cognitive Neuroscience – 2021*: Proc. Intern. Forum, Ekaterinburg, 2–3 Dec 2021. Ekaterinburg: UrFU, 2022, 71–74. (In Russ.)] EDN: QZISAR
27. Кошель Т. В. Проблема формирования и функционирования билингвизма в семье и обществе. *Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур*: Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16 ноября 2019 г.) Чебоксары: Среда, 2020. С. 386–390. [Koshel T. V. Formation and functioning of bilingualism in the family and society. *Topical issues of research and teaching of native languages and literatures*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 16 Nov 2019. Cheboksary: Sreda, 2020, 386–390. (In Russ.)] EDN: BZRRBQ
28. Kolmogorova A., Kalinin A., Malikova A. Non-discrete sentiment dataset annotation: Case study for Lövhheim Cube emotional model. *Communications in Computer and Information Science*, 2020, 1242: 154–164. https://doi.org/10.1007/978-3-030-65218-0_12
29. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 126 с. [Bagana J., Khapilina E. V. *Contact linguistics: Interaction of languages and bilingualism*, 2nd ed. Moscow: Flinta, 2016, 126. (In Russ.)]
30. Birdsong D., Gertken L. M., Amengual M. *Bilingual Language Profile: an easy-to-use instrument to assess bilingualism*, COERLL, University of Texas at Austin, Web, 20 Jan 2012. URL: <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/> (accessed 9 Apr 2022).
31. Lemesko B. Yu., Lemesko S. B. Power and robustness of criteria used to verify the homogeneity of means. *Measurement Techniques*, 2008, 51(9): 950–959. <https://doi.org/10.1007/s11018-008-9157-3>

оригинальная статья

Сравнительный анализ ассоциативных полей *безопасность* и *Sicherheit* в репрезентации носителей русского и немецкого языков

Смирнова Анна Геннадьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-4234-1319>

amica_anna@mail.ru

Климова Галина Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Поступила в редакцию 03.10.2022. Принята после рецензирования 29.11.2022. Принята в печать 30.11.2022.

Аннотация: Безопасность – неотъемлемая составляющая жизни каждого человека и одно из наиболее важных понятий для современного человечества. Его рассмотрение в настоящее время представляется актуальным и необходимым для понимания процессов, происходящих в современном обществе, которые находят отражения в языке. Цель – выявить специфику ассоциативных значений слов-стимулов *безопасность* и *Sicherheit* в репрезентации носителей русского и немецкого языков. Применен метод свободного ассоциативного эксперимента. Русским и немецким респондентам были предложены слова-стимулы *безопасность* и *Sicherheit*, на которые они давали вербальные реакции, содержание и тематика реакций не были ограничены. В работе представлены наиболее частотные и типичные вербальные реакции у русских и немецких участников, проведен сравнительный анализ собранных данных по исследуемым языкам, а также составлены группы вербальных реакций, объединенные общим семантическим признаком. Исследование выявило, что для немецких и русских респондентов есть как общие значения, существенные для исследуемых понятий (защита / средства защиты, дом / жилье, внутренние качества / ощущения безопасности), так и отличные, типичные только для русских (спокойствие / покой, комфорт) или только для немецких респондентов (власть / государственные институты, деньги / финансы).

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, слово-стимул, ассоциаты, безопасность, ассоциативное поле, ассоциативное значение

Цитирование: Смирнова А. Г., Климова Г. С. Сравнительный анализ ассоциативных полей *безопасность* и *Sicherheit* в репрезентации носителей русского и немецкого языков. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 744–751. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-744-751>

full article

Comparative Analysis of Associative Fields *Safety* and *Sicherheit* in the Representation of Russian and German Speakers

Anna G. Smirnova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-4234-1319>

amica_anna@mail.ru

Galina S. Klimova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 3 Oct 2022. Accepted after peer review 29 Nov 2022. Accepted for publication 30 Nov 2022.

Abstract: Safety is an integral component of everyone's life. However, this concept remains elusive to comprehensive linguistic research. The present article focuses on the concept of safety as one of the most important ideas for modern humanity. The authors believe that this research helps to cast light upon some social processes that are reflected in language. During an uncontrolled associative experiment, Russian and German respondents gave verbal reactions to words *besopasnost* (safety) and *Sicherheit*. The content and subject of reactions were not limited. The purpose of the research was to identify the associative meanings of these concepts in each of the languages. The article presents the most frequent and typical verbal reactions, as well as their comparative analysis and semantic classification. Both German and Russian respondents shared such meanings as *protection / means of protection, home / housing, internal qualities / feelings of security*. Only Russians respondents gave such reactions as *calmness / peace, comfort*; only German respondents mentioned *power / public institutions and money / finance*.

Keywords: associative experiment, stimulus word, associates, safety, associative field, associative meaning

Citation: Smirnova A. G., Klimova G. S. Comparative Analysis of Associative Fields *Safety* and *Sicherheit* in the Representation of Russian and German Speakers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 744–751. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-744-751>

Введение

Исследования, выполненные с помощью методики ассоциативного эксперимента, продолжают оставаться привлекательными для многих ученых современной гуманитарной науки [1–6], поскольку с помощью этого метода можно не только собрать практический материал исследования, но и сделать когнитивные выводы, связанные с тем или иным понятием. Следует отметить, что ассоциативный эксперимент широко применяется во многих гуманитарных науках, а именно в психологии [7], культурологии [8], а также в различных направлениях филологической науки [9–15]. Тема настоящего исследования связана с актуальным сегодня понятием *безопасность*. В настоящем турбулентном мире безопасность представляет собой часто недостижимый конструкт, желаемый в любом развита обществе. Несмотря на такую высокую значимость этого понятия, в гуманитарных исследованиях (особенно филологических) оно недостаточно изучено. Безопасность изучается скорее как философская категория [16] или понятие в психологии, важное для становления и развития личности [17; 18]. Существует лишь ограниченное количество лингвистических работ, в которых безопасность рассматривается как концепт языкового сознания [19–22]. В исследовании В. Г. Тылец и Т. М. Краснянской утверждается, что концепт безопасности должен быть включен в «состав базовых для человека» [20, с. 84] ввиду его особой важности для современного общества. Понятию *безопасность* русского языка соответствует понятие *Sicherheit* в немецком языке. В филологических исследованиях последнего десятилетия это понятие обсуждалось как концепт, важный для немецкой лингвокультуры, в работах Н. Г. Коршуновой и М. Т. Касымовой [23], а также в исследовании Т. С. Медведевой [24]. Кроме того, в немецкой лингвокультуре концепт *Sicherheit* изучался в динамике его развития [25], рассматривался его аксиологический аспект [26].

В настоящей работе мы ставили своей целью рассмотреть стереотипные ассоциативные представления о данных понятиях, которые репрезентируют носители русского и немецкого языков в современном мире, и сравнить, насколько ассоциативные поля близких по значению лексем *безопасность* и *Sicherheit* отличаются либо являются схожими в русском и немецком языках. Новизна исследования состоит в попытке выявить особенные, отличные значения исследуемых семантически близких понятий

в немецком и русском языках. Рассмотрим определения данных понятий в словарях каждого из исследуемых языков. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова «безопасность – состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности»¹. Немецкоязычный толковый словарь Duden (самый популярный и авторитетный в немецкоязычной среде) дает следующее определение безопасности: *Zustand des Sicherseins, Geschütztseins vor Gefahr oder Schaden; höchstmögliches Freisein von Gefährdungen*² (состояние безопасности, защищенности от опасности или вреда; максимально возможная свобода от опасности)³. Сравнение данных определений демонстрирует, что понимание безопасности трактуется в русской и немецкой языковой культуре почти одинаково, в немецком языке добавляется еще значение *höchstmögliches Freisein von Gefährdungen* (максимально возможная свобода от опасности), тем самым более детально раскрывается отсутствие опасности как таковой (насколько это возможно). Однако, на наш взгляд, из-за сложности данного понятия и различия культур представления носителей русского и немецкого языков могут отличаться. Наша гипотеза состояла в том, что помимо общих и очевидных для обоих исследуемых языков и культур есть еще и различные, особенные значения, типичные для одной культуры и нетипичные для другой.

Методы и материалы

Теоретические и практические изыскания, связанные с методами ассоциативного эксперимента, разрабатывали и продолжают разрабатывать многие российские и зарубежные исследователи [9–15; 27]. Ассоциативный эксперимент может быть подходящим способом для выявления представлений о каком-либо понятии у носителей того или иного языкового сознания. Т. М. Рогожникова считает, что с помощью метода ассоциативного эксперимента можно опосредованно понять механизмы формирования и функционирования индивидуального и группового языкового сознания [14]. Таким образом, слова ассоциации помогают исследователю глубже понять природу того или иного понятия, широко применяются в филологических изысканиях. Например, в исследованиях концепта метод ассоциативного эксперимента применяется для выявления когнитивных признаков того или иного концепта в сознании участников эксперимента, носителей определенного языка и культуры [5], особенностей национального

¹ Безопасность. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=1346> (дата обращения: 10.04.2022).

² Sicherheit. Duden-Bedeutungswörterbuch. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Sicherheit> (accessed 10 Apr 2022).

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

языкового сознания при сравнении стимул-реакций участников из разных языков и культур [28], а также для анализа восприятия носителями определенного языка того или иного понятия [1; 6].

В методологии проведения ассоциативного эксперимента в традиционных филологических изысканиях выделяют свободный ассоциативный эксперимент и направленный, при котором вводится некое ограничение при ответе респондента. Важными понятиями данной методики являются понятия *ассоциативное поле* и *ассоциативное значение*. Исследователи связывают ассоциативное значение слова с экстралингвистическим фактором: «Ассоциативное значение слова обусловлено сознанием носителя языка, поскольку это значение имеет и системно-языковую основу, и экстралингвистическую составляющую» [7, с. 269]. Вербальные реакции на то или иное слово позволяют анализировать содержание языкового сознания у носителей изучаемых языков.

Вокруг каждого из слов-стимулов можно выстроить из вербальных реакций ассоциативное поле, позволяющее анализировать как сознание носителей того или иного языка, так и экстралингвистическую составляющую. Ю. Н. Караулов особо подчеркивает нечеткость, размытость этого поля, но пишет о том, что ассоциативное поле «обладает вполне определенной структурой и ядром, которое в противоположность периферии поля всегда сохраняется и повторяется вне зависимости от условий эксперимента» [12, с. 16]. Далее в своей работе исследователь рассматривает различные типы ассоциативных структур, он утверждает, что «когнитивная структура ассоциативного поля, суммируя единицы хранения знаний и оперирования ими и отражая языковую картину мира, как бы воссоздает структуру мысли и репрезентирует тем самым отношение "язык и человек"», тогда как прагматическая структура ассоциативного поля репрезентирует отношение *человек – действительность* [12, с. 17]. На наш взгляд, данный подход ученого к исследованию ассоциатов по каждому из слов-стимулов является четко структурированным, позволяет более комплексно описать исследуемые понятия, поэтому его можно применить и по отношению к настоящему исследованию.

В настоящей статье выявлена специфика языкового сознания русских и немцев на базе слов-стимулов *безопасность* и *Sicherheit*, определено ядро и периферия ассоциативных полей *безопасность* и *Sicherheit* у современных носителей русского и немецкого языков. Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Участниками стали 40 респондентов из Германии и 50 – из России, всего 90 респондентов, возраст которых варьировался в пределах от 20 до 45 лет. Для сбора данных нами был использован сервис *Survio.com*. Участникам эксперимента предлагалось заполнить короткую анкету, а именно поля Возраст и Вербальные реакции на слово-стимул *безопасность* или *Sicherheit*. Количество реакций было ограничено пятью, содержание и тематика вербальных реакций не были ограничены.

Результаты

Приведем полученные вербальные реакции на слово-стимулы с указанием их количества.

Вербальные реакции носителей русского языка на слово-стимул *безопасность*: спокойствие / покой (23), дом (19), защита (15), мир (12), охрана (10), надежность (9), уверенность (8), семья (7), комфорт (6), жизнь (4), замок (4), свобода (4), сила (4), тишина (3), уют (3), бункер (2), дверь (2), день (2), доверие (2), камера (2), крыша (2), машина (2), муж (2), пароль (2), право (2), стабильность (2), стена (2), счастье (2), тепло (2), безнадежность, бетон, близкий человек, ворота, гавань, гарантированность, доброта, должное, друзья, зелёный, знание, качество, ключ, конфиденциальность, коты, крепость, кровать, любимый человек, люди, мнение, музыка, ОБЖ, обязательность, органы, осторожность, ПДД, превыше всего, предусмотрительность, приёмное отделение, радость, разочарование, расслабленность, решётка, самолёт, секретность, секьюрити, спасатели, средство защиты, страж, труд, убежище, уважение, удобство, умиротворение, успех, хижина, шлем.

Вербальные реакции носителей немецкого языка на слово-стимул *Sicherheit*: *Familie* (семья) (15), *Zuhause* (дома) / *Haus* / *Wohnung* (дом / жилье) (9), *Macht* (власть) (7), *Polizei* (полиция) (7), *Geld* (деньги) (6), *Schutz* (защита) (6), *Freiheit* (свобода) (5), *Freunde* (друзья) (5), *Geborgenheit* (защищенность, чувство безопасности) (4), *Frieden* (мир) (3), *Gesetz* (закон) (3), *Hell* (светлый) (3), *Eltern* (родители) (2), *Finanze* / *Finanzielle Sicherheit* (финансы / финансовая независимость) (2), *Nacht* (ночь) (2), *Ruhe* (отдых) (2), *Staat* (государство) (2), *Vertrauen* (доверие) (2), *Akzeptanz* (принятие), *Alleine* (наедине с собой), *Anstand* (порядочность), *Arbeit* (работа), *Asset* (актив), *Auffangen* (подстраховка), *Ausweg* (способ, выход из положения), *Basis* (основа), *Bett* (кровать), *Beziehung* (отношения), *Ehrlichkeit* (честность), *Eigentum* (собственность), *Essen* (еда), *Feuerlöscher* (огнетушитель), *Feuerwehr* (пожарный), *Fluchtweg* (запасный выход), *Gefahr* (опасность), *Gefühl* (чувство), *Gemeinsam* (вместе), *Gesundheit* (здоровье), *Glück* (счастье), *Grün* (зеленый), *Hilfe* (помощь), *keine Angst* (нет страха), *Kraft* (сила), *Lebenswert* (ценность жизни), *Liebe* (любовь), *Meinungsfreiheit* (свобода мнений), *NATO* (НАТО), *Heimat* (родина), *Netz* (сеть), *persönliche Grenzen* (личные границы), *Pflicht* (долг), *Physische Unversehrtheit* (физическая неприкосновенность), *Planung* (планирование), *Prävent* (профилактика), *soziales Umfeld* (социальная среда), *Spießigkeit* (верткость), *Verhütung* (контрацепция), *Verteidigung* (защита / оборона), *Waffen* (оружие), *Wahl* (выбор), *Wichtig* (важный), *Wissen* (знания), *Zukunft* (будущее), *Zuverlässigkeit* (надёжность).

На основании вербальных реакций респондентов нами были составлены ассоциативные поля данных понятий у русских и немецких респондентов. В ядре ассоциативного поля понятия *безопасность* русских респондентов – *спокойствие / покой, дом*; близко к центру расположены: *защита,*

мир, охрана, надежность, уверенность, семья. На периферии поля – вербальные реакции, репрезентирующие средства, обеспечивающие безопасность (ремень, замок, ключ), и качества и эмоции, связанные с безопасностью (доверие, тепло, счастье, осторожность). Особняком стоят реакции-эмоции на отсутствие безопасности, выражающие тревожность (беснадежность, разочарование).

Ассоциативное поле вербальных реакций немецких респондентов на понятие *Sicherheit* выглядит иным образом. В ядре находится семья и полиция, т. е. два института, обеспечивающие безопасность, по мнению немецких респондентов. Не менее важны жилье, дом и власть. На периферии ассоциативного поля – средства, устройства, обеспечивающие безопасность (*Fluchtweg, Feuerwehr, Feuerlöscher, Auffangen, Netz*), причем в отличие от русских реакций они более разнообразные и подробные, а также понятия, эмоции, чувства, олицетворяющие безопасность.

Очевидно, что многие ассоциаты, входящие в ассоциативные поля *безопасность* и *Sicherheit* сходятся (рис. 1): *Familie* – семья, *Frieden* – мир, *Haus* – дом, *Schutz* – защита.

Помимо анализа сходных и различных вербальных реакций и составления ассоциативных полей, мы провели классификацию вербальных реакций по группам, поскольку очевидно, что есть вербальные реакции, близкие по значению. Поэтому мы объединили вербальные реакции в группу слов со сходным, близким значением. Например, тишина, стабильность связаны со спокойствием, *Geborgenheit, Vertrauen, Akzeptanz, Gemeinsam Lebenswert, keine Angst, persönliche Grenzen, Glück* олицетворяют внутренние качества / ощущения и т. д. При обобщении вербальных реакций русских респондентов получились следующие группы слов, объединенные сходным / близким семантическим признаком:

- защита, средства защиты (защита, замок, камера, шлем, сила и т. п.) (35);

- дом / жилье, его составляющие (дом, крепость, хижина, дверь, стена, кровать и т. п.) (32);
- спокойствие / покой (спокойствие, покой, тишина и т. п.) (28);
- внутренние качества / ощущения безопасности (надежность, уверенность, счастье и т. п.) (24);
- люди, обеспечивающие безопасность (охрана, ПДД, страж, спасатели и т. п.) (18);
- комфорт и то, что его создает (комфорт, уют, коты, тепло и т. п.) (16);
- мир (12);
- семья, близкие люди (семья, муж, друзья, близкий человек, любимый человек) (12);
- жизнь и то, что ее олицетворяет (жизнь, зелёный, день) (7);
- свобода (5);
- долг (долг, должное, конфиденциальность, превыше всего) (6);
- беснадежность, разочарование (2).

Анализируя полученные группы со сходными / близкими семантическими признаками, можно отметить группы вербальных реакций, которые для русских респондентов являются наиболее существенными в определении понятия *безопасность*. Наиболее частотной группой оказалась группа вербальных реакций с семантическими компонентами *защита, средства защиты*, не менее важным является наличие дома, ощущение спокойствия / покоя. Помимо этого отметим, что отдельная вербальная реакция *спокойствие* или *покой* доминирует среди отдельных ассоциатов. Внутренние качества, ощущения безопасности также важны и составляют четвертую по частотности группу вербальных реакций. Далее следует группа вербальных реакций со значением *люди, обеспечивающие безопасность*.

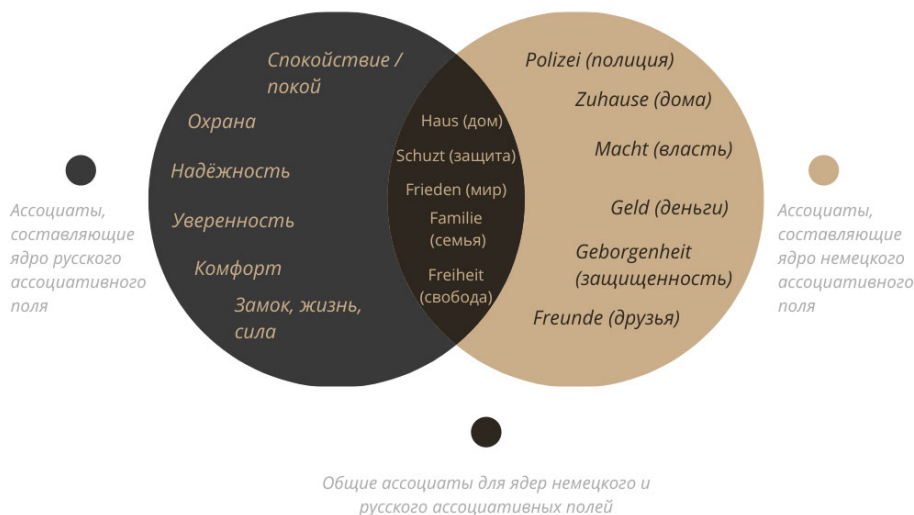

Рис. 1. Пересечение ассоциативных полей на слова-стимулы *безопасность* и *Sicherheit* у русских и немецких респондентов
Fig. 1. Intersection of the associative fields of *safety* and *Sicherheit*

Обобщение вербальных реакций у немецких респондентов выявило несколько иную картину:

- семья, близкие люди (*Familie, Freunde, Eltern Beziehung, Heimat*) (25);
- защита, средства защиты (*Schutz, Gesetz, Feuerlöscher, Verhütung Kraft* и т. п.) (25);
- власть, государственные институты (*Macht, Polizei, Staat, NATO*) (23);
- внутренние качества / ощущения безопасности (*Geborgenheit, Vertrauen, Akzeptanz gemeinsam Lebenswert, keine Angst, persönliche Grenzen, Glück* и т. п.) (19);
- дом / жилье, его составляющие (*Zuhause, Haus, Wohnung, Bett*) (19);
- деньги / финансы (*Geld, Finanze / Finanzielle Sicherheit, Asset* и т. п.) (12);
- жизнь и то, что ее олицетворяет (*hell, Basis, Nacht Zukunft Grün Gesundheit* и т. п.) (10);
- свобода, выбор (*Freiheit, Meinungsfreiheit, Wahl*) (7);
- мир (*Frieden*) (3);
- долг (*wichtig, Pflicht*) (2);
- люди, обеспечивающие безопасность (*Feuerwehr, Hilfe*) (2);
- опасность (*Gefahr*) (1).

Наиболее распространенной группой вербальных реакций для немецких респондентов стала группа *семья, близкие люди*, которая преобладает и среди отдельных вербальных реакций. Также на первом месте по частотности группа вербальных реакций со значением *защита, средства защиты*. На втором месте – вербальные реакции с обобщенным значением *власть, государственные институты*. Третье место по количеству вербальных реакций разделили две группы: *внутренние качества / ощущения безопасности*; *дом / жилье, его составляющие*.

Заметным является то, что частотные группы вербальных реакций со сходным / близким семантическим признаком не совсем совпадают с таковыми у немецких и русских респондентов (рис. 2). Группы реакций *защита, средства защита* и *дом / жилье* практически одинаково важны для русских и немецких респондентов. Видны существенные различия: группа объединенных вербальных реакций со значением *семья* у немецких респондентов составляет 19 % и только 6 % – у русских; группа реакций со значением *жизнь и то, что ее олицетворяет* – 8 % у немецких и 3 % у русских респондентов.

При обобщении полученных данных ассоциативного эксперимента может быть выделено девять групп реакций, сходных для представителей обеих лингвокультур. Таким образом, русские и немецкие респонденты связывают со сходным в обеих культурах (согласно значению толковых словарей) понятием *безопасность* и *Sicherheit* наличие защиты / средств защиты, дома как помещения или части помещения, в котором можно укрыться, семьи / близких, а также людей, готовых прийти на помощь и обеспечить безопасность, не менее важным являются внутренние качества / ощущения безопасности, наличие мира, т. е. отсутствие войны, ощущение жизни и то, что ее олицетворяет, наличие свободы, исполнение долга. Наиболее важными для определения обоих понятий являются защита / средства, обеспечивающие защиту, а также дом и внутренние качества / ощущения безопасности, поскольку вербальные реакции по данным значениям представлены наиболее часто.

На наш взгляд, интерес для исследования представляет тот факт, что группа вербальных реакций, связанная с упоминанием дома как помещения и связанных с ним понятий, существенна для обоих исследуемых понятий. Русские респонденты упоминают *дом, убежище*, называют части и предметы дома (крыша, стена, дверь, ворота, бункер,

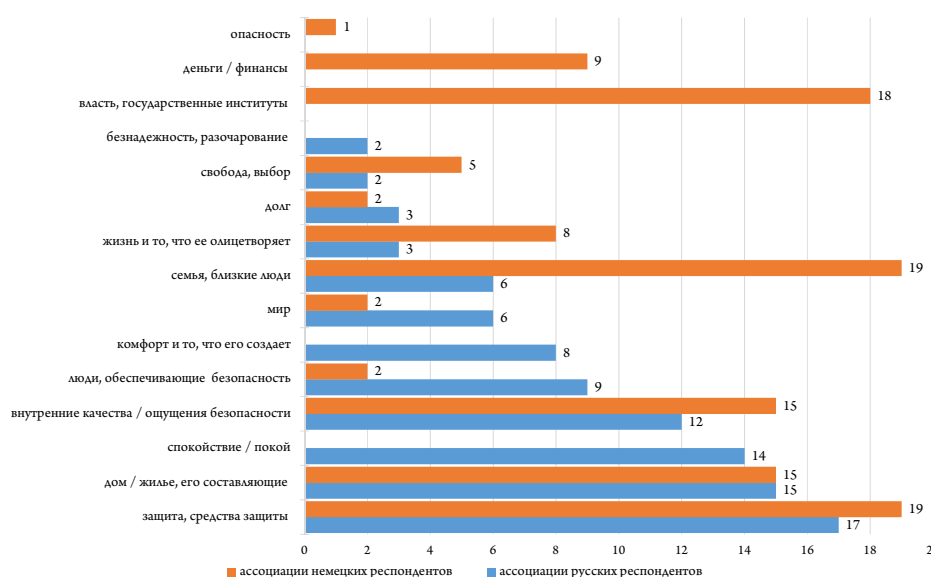

Рис. 2. Соотношение объединенных групп вербальных реакций русских и немецких респондентов, %
Fig. 2. Combined groups of verbal reactions: Russian vs. German respondents, %

кровать и т. д.), у немецких респондентов реакций меньше почти в два раза, однако эта группа реакций тоже частотна (*Haus, Wohnung, Fluchtweg, Bett*). Такие результаты дают нам все основания полагать, что большинство представителей обеих наций не могут себе представить безопасности без крыши над головой, т. е. находясь вне своего дома. Но отношение к закрытому помещению как к безопасному месту отличает русских участников ассоциативного эксперимента от немецких, т. к. ими были даны многочисленные ассоциаты, связанные именно с ограниченным стенами, пространством, которые не встретились у другой стороны: *крыша, стена, дверь, крепость, ворота, ключ* и т. п. При этом единственным аналогичным ассоциатом, данным немцами в этой категории, стал *Fluchtweg* (запасный выход). Это говорит о принципиальной разнице в восприятии безопасности: русские респонденты ассоциируют ее с местом, где можно спрятаться за высокими и толстыми стенами, закрыться от опасности на ключ, тогда как для немцев важно просто наличие дома, квартиры.

Лексические единицы, отражающие психоэмоциональное состояние человека, его психические качества, составляют важную культурологическую информацию и поэтому ценны для изучения. Слова-стимулы *безопасность* и *Sicherheit* ассоциируются у носителей русского и немецкого языков со схожими качествами, которые присущи человеку для гарантии безопасности окружающим людям: надежность, уважение, доброта, *Ehrlichkeit* (честность), *Anstand* (порядочность), *Zuverlässigkeit* (надежность) и т. п.

Рассмотрим принципиальное различие в определениях исследуемых понятий у немецких и русских респондентов. Количество реакций, связанных с семьей или близкими людьми, есть как у носителей русского, так и немецкого языка. Среди вербальных реакций немецких респондентов – *Familie, Freunde, Eltern, Beziehung*, русские респонденты называют такие слова, как *семья, муж, любимый человек, близкий человек, друзья*. Для обеих культур близкие люди представляют собой гарант безопасности, однако важность семьи / близких людей для определения исследуемых понятий различна. Немецкие респонденты считают наличие семьи / близких людей одинаково важным, как и защиту / средства защиты, эти ассоциативные значения оказываются в вершине списка, тогда как у русских респондентов семья в интерпретации понятия *безопасность* не так существенна.

Для русских респондентов чрезвычайно важны для безопасности спокойствие / покой как некая внутренняя характеристика изучаемого нами понятия. Кроме того, спокойствие / покой является самой распространенной вербальной реакцией на данное понятие, занимает третье место среди обобщенных групп вербальных реакций.

По мнению немецких респондентов, государственные институты играют важную роль в создании безопасности: второе место среди упомянутых вербальных реакций и третье место среди обобщенных групп ассоциатов

(*Polizei, Macht, Staat*). Кроме того, только среди немецких реакций были представлены ассоциаты, связанные с финансовой обеспеченностью: *Geld, Asset, Finanz* / *Finanzielle Sicherheit* и т. п.

Таким образом, общие значения понятия *безопасность* и *Sicherheit* в русской и в немецкой лингвокультуре состоят в том, что участники ассоциативного эксперимента чувствуют себя в безопасности, когда имеют защиту / средства защиты, дом / жилье, у них есть внутренние качества / ощущения безопасности, семья / близкие люди. Но есть и особенные значения, типичные только для русского или только для немецкого языков.

Заключение

Очевидно, что безопасность – не только базовая потребность человека, но и очень сложное и многогранное понятие, закрепленное в каждом из изучаемых в рамках данной работы языке. Это понятие, которое отражает внеязыковую действительность, демонстрирует некоторые фрагменты языкового сознания.

Несмотря на пересечение ядер ассоциативных полей русских и немецких участников эксперимента, было выявлено множество существенных различий в их восприятии безопасности. Исследование выявило, что для немецких и русских респондентов есть как общие значения, существенные для исследуемых понятий (защита / средства защиты, дом / жилье, внутренние качества / ощущения безопасности), так и отличные, типичные только для русских (спокойствие / покой, комфорт) или только для немецких респондентов (власть / государственные институты, деньги / финансы). Различие также выражалось в частотности упоминаемых ассоциативных значений. Очевидно, что реакции немцев и русских отражают социально-политический фон, который и влияет на их восприятие безопасности.

Исследования, связанные с понятиями *безопасность* и *Sicherheit* могут быть продолжены в дальнейших лингвистических изысканиях. Интерес представляет сопоставление концептов данных понятий, изучение структуры и способов вербальной репрезентации данных понятий в немецком и русском языках.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Васильева С. П., Ильина А. Г. Семантическое поле «религия», по данным ассоциативного эксперимента. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2013. № 3. С. 162–166. [Vasilyeva S. P., Ilyina A. G. Semantic field "religion" according to the data of associative experiment. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2013, (3): 162–166. (In Russ.)] EDN: RBWNBF
2. Климова Г. С., Смирнова А. Г. Ассоциативное поле лексемы Инстаграм в репрезентации носителей русского и немецкого языков. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 486–493. [Klimova G. S., Smirnova A. G. The associative field of the lexeme Instagram in the representation of Russian and German native speakers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 486–493. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-486-493>
3. Кузнецова Л. Б., Морель Д. А. Динамика стереотипных представлений о безопасности (на материале ассоциативного эксперимента). *Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии*. 2014. № 16. [Kuznetsova L. B., Morel D. A. Dynamics of stereotypical ideas about security: an associative experiment. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi Otkrytoi Akademii*, 2014, (16). (In Russ.)] URL: <http://vsoa.esrae.ru/182-877> (дата обращения: 15.08.2022). EDN: TKHVHP
4. Маховиков Д. В. Сопоставительный анализ русского и английского языкового сознания (на материале ассоциативного поля «счастье»). *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2008. № 2. С. 78–80. [Makhovikov D. V. Contrastive analysis of Russian and English language consciousness (on the material of the associative field "happiness"). *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2008, (2): 78–80. (In Russ.)] EDN: KAMJDF
5. Чжан Я. Концепт КИТАЙ в сознании носителей русского языка (на материале ассоциативного эксперимента). *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. Т. 20. № 1. С. 73–82. [Zhang Y. The concept CHINA in the minds of native Russian speakers (based on the material of an associative experiment). *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, 20(1), 73–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-73-82>
6. Naimanova Ch., Baizhigitova A. The interpretation of the concept of "time" in Kyrgyz language view of the world: associative experiment. *Bulletin of Science and Practice*, 2020, 6(12): 501–508. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/61/64>
7. Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 1-1. С. 265–275. [Borisova Yu. A. Association experiment in the modern psycholinguistic research. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2019, 8(1-1): 265–275. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25799/AR.2019.43.1.074>
8. Городецкая Л. А. Использование ассоциативного эксперимента в культурологии: результаты сопоставительного исследования. *Вопросы культурологии*. 2009. № 6. С. 22–25. [Gorodetskaya L. A. The use of associative experiment in cultural studies: results of a comparative study. *Voprosy kulturologii*, 2009, (6): 22–25. (In Russ.)] EDN: KZFTGJ
9. Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 11. С. 6–9. [Arkhipova S. V. Associative experiment in psycholinguistics. *Bulletin of Buryat State University*, 2011, (11): 6–9. (In Russ.)] EDN: OFNIRR
10. Залевская А. А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с. [Zalevskaya A. A. *What's behind the word? Issues of the interface theory of lexical meaning*. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2014, 328. (In Russ.)]
11. Ильина В. А. Ассоциативный эксперимент как способ образования семантического поля. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2010. № 5. С. 7–10. [Ilyina V. A. Associative experiment as a way of semantic field formation. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Linguistics*, 2010, (5): 7–10. (In Russ.)] EDN: NCTQVN
12. Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 25. С. 14–35. [Karaulov Yu. N. Association analysis: the new approach to the literary text interpretation. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (25): 14–35. (In Russ.)] EDN: UDLHCB
13. Trachenko O. P., Gritsyshina M. A., Afanas'ev S. V., Ovchinnikova I. G. Functional brain asymmetry and strategy for producing associations. *Doklady Biological Sciences*, 2000, 372(1-6): 270–272. EDN: LFULOX
14. Рогожникова Т. М. Стратегии ассоциирования и соматические корни семантики. *Слово и текст: психолингвистический подход*. 2004. № 3. С. 102–111. [Rogozhnikova T. M. Association strategies and somatic roots of semantics. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskii podkhod*, 2004, (3): 102–111. (In Russ.)]
15. Тимошина Т. В. Выявление новых значений слова путем ассоциативного эксперимента. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2015. № 3. С. 112–114. [Timoshina T. V. Identification of new word meanings by association experiment. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (3): 112–114. (In Russ.)] EDN: VKCALP
16. Умрихина Е. И. Безопасность как философско-правовая категория. *Философия права*. 2010. № 4. С. 53–56. [Umrikhina E. I. Security as philosophic-legal category. *Philosophy of Law*, 2010, (4): 53–56. (In Russ.)] EDN: MTZFLH

17. Колесникова Т. И. Психологический мир личности и его безопасность. М.: Владос-Пресс, 2001. 176 с. [Kolesnikova T. I. *Psychological world of personality and its security*. Moscow: Vados-Press, 2001, 176. (In Russ.)]
18. Писарь О. В. Безопасность личности как целостное интегральное качество. *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2008. № 12. С. 21–27. [Pisar O. V. Personal safety as a holistic integral quality. *Izvestiia Iuzhnogo federalnogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, 2008, (12): 21–27. (In Russ.)] EDN: JVKEKF
19. Варданян Л. В., Щукина Е. С. Концепт «безопасность» как средство знакомства учащихся с культурологическими особенностями английского языка. *Приоритетные направления развития науки и образования*. 2015. № 2. С. 310–312. [Vardanyan L. V., Shchukina E. S. The concept of "safety" as a means of introducing students to the cultural features of the English language. *Prioritetnye napravleniia razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2015, (2): 310–312. (In Russ.)] EDN: UCVVWD
20. Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов. *Вопросы психолингвистики*. 2020. № 1. С. 84–97. [Tylets V. G., Krasnianskaya T. M. Psycholinguistic meaning of the concepts "danger" and "safety" in the language consciousness of students. *Journal of Psycholinguistics*, 2020, 84–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97>
21. Выговская Д. Г. Отражение общечеловеческой ценности безопасность в сознании различных поколений россиян. *Вопросы психолингвистики*. 2013. № 18. С. 196–201. [Vygovskaya D. G. Reflection of the universal value "security" in consciousness of various generations of Russians. *Journal of Psycholinguistics*, 2013, (18): 196–201. (In Russ.)] EDN: RGTDLN
22. Иванова Т. В. Особенности формирования интегративных концептуальных структур на примере концепта security. *Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях*, отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. Вып. 11. С. 115–122. [Ivanova T. V. Integrative conceptual structures: concept security. *Changing Russia and the Slavic world: new in conceptual studies*, ed. Pimenova M. V. Sevastopol: Ribest, 2009, iss. 11, 115–122. (In Russ.)] EDN: TZVBEJ
23. Коршунова Н. Г., Касимова М. Т. Функционирование концепта Sicherheit в немецкой лингвокультуре. *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*. 2014. № 10. С. 55–61. [Korshunova N. G., Kasymova M. T. Functioning of concept "Sicherheit" in German linguoculture. *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov*, 2014, (10): 55–61. (In Russ.)] EDN: TQOQJF
24. Медведева Т. С. Концепт Sicherheit в немецкой лингвокультуре. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2011. № 2. С. 46–52. [Medvedeva T. S. The concept Sicherheit in German linguistic culture. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2011, (2): 46–52. (In Russ.)] EDN: NUXNAF
25. Буренкова С. В. Содержательная динамика немецкого концепта Sicherheit в современном социокультурном контексте. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015. № 1. С. 30–32. [Burenkova S. V. Dynamics in the concept Sicherheit in the modern sociocultural context. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2015, (1): 30–32. (In Russ.)] EDN: TVRXSL
26. Скачёва Н. В. Аксиологический концепт "Sicherheit" во фразеологизмах немецкой культуры. *21 век: фундаментальная наука и технологии: XIII Междунар. науч.-практ. конф.* (North Charleston, 8–9 августа 2017 г.) North Charleston: CreateSpace, 2017. С. 21–23. [Skacheva N. V. Axiological concept of "Sicherheit" in phraseological units of German culture. *21 century: fundamental science and technology XIII: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, North Charleston, 8–9 Aug 2017. North Charleston: CreateSpace, 2017, 21–23. (In Russ.)] EDN: ZEAI0X
27. Яковлева Р. В. Исследование ассоциативной цветности поэтических текстов на немецком языке. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2017. № 4. С. 246–253. [Iakovleva R. V. The study of associative color perception of German poetic texts. *Vestnik TvGU Series: Philology*, 2017, (4): 246–253. (In Russ.)] EDN: ZURPJN
28. Хатхе А. А., Читао И. А., Аутлева Ф. А., Хуажева Н. Х., Шхалахова Р. А. Сравнительный анализ концепта «деньги» в языковом сознании русских и американцев (на материале ассоциативного эксперимента). *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2020. № 49-3. С. 26–28. [Khatkhe A. A., Chitao I. A., Autleva F. A., Khuazheva N. Kh., Shkhalakhova R. A. Comparative analysis of the concept "money" in the languageconsciousness of Russians and Americans (based on the associative experiment). *Norwegian Journal of Development of International Science*, 2020, (49-3): 26–28. (In Russ.)] EDN: KYRZII

оригинальная статья

Сенсомоторная активность человека как фактор развития когнитивного ресурса

Баланев Дмитрий Юрьевич
Томский государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0001-9461-7973>

Кох Дмитрий Александрович
Томский государственный университет, Россия, Томск

Тютюнников Пётр Романович
Томский государственный университет, Россия, Томск
tyutyunnikovpiere@gmail.com

Поступила в редакцию 23.09.2022. Принята после рецензирования 17.10.2022. Принята в печать 31.10.2022.

Аннотация: Феномен когнитивного ресурса и факторы, которые оказывают влияние на его развитие и эффективность применения человеком, на данный момент становятся все более и более актуальной темой в отечественной психологии. Об этом свидетельствует появление все большего количества статей, где авторы рассматривают как само психологическое содержание понятия *когнитивный ресурс*, так и различные явления как формы проявления когнитивного ресурса. Сенсомоторная активность как одна из форм его проявления и как фактор, который оказывает положительное влияние на его развитие и применение человеком, в отечественной психологии практически не изучается. В статье осуществлено рассмотрение сенсомоторной активности человека как проявления когнитивного ресурса. Представлены результаты проведенного транспективного анализа различных подходов к изучению и интерпретации когнитивного ресурса. Обосновано представление о когнитивном ресурсе как сложном многоуровневом конструкте. На основе рассмотренных моделей когнитивного ресурса предлагается понимание сенсомоторной активности как проявления когнитивного ресурса и неотъемлемой его части, а также фактора его развития. Проведенный транспективный анализ указывает на необходимость проведения дальнейших исследований, посвященных сенсомоторной активности в структуре когнитивного ресурса.

Ключевые слова: когнитивный ресурс, сенсомоторная активность, сенсомоторная деятельность, когнитивный потенциал, интеллектуальный ресурс, интеллектуальный диапазон

Цитирование: Баланев Д. Ю., Тютюнников П. Р., Кох Д. А. Сенсомоторная активность человека как фактор развития когнитивного ресурса. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 752–759. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-752-759>

full article

Human Sensorimotor Activity as a Factor of Cognitive Resource Development

Dmitry Yu. Balaney
Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0001-9461-7973>

Dmitry A. Kokh
Tomsk State University, Russia, Tomsk

Petr R. Tyutyunnikov
Tomsk State University, Russia, Tomsk
tyutyunnikovpiere@gmail.com

Received 23 Sep 2022. Accepted after peer review 17 Oct 2022. Accepted for publication 31 Oct 2022.

Abstract: The cognitive resource phenomenon, its factors, and performance are a relevant topic of Russian psychology. Numerous publications feature the psychological content of the cognitive resource concept and various phenomena as forms of its manifestation. However, domestic psychology sees no cognitive resource potential in sensorimotor activity, nor does it see sensorimotor activity as a factor that facilitates human cognitive resources. The article considers sensorimotor activity as a cognitive resource and describes a transpective analysis of various approaches to the phenomenon of cognitive resource. The authors defined the latter as a complex multi-level construct. Various cognitive resource models proved that sensorimotor activity is a manifestation of the cognitive resource and its integral part. However, the transpective analysis requires further research on sensorimotor activity in the cognitive resource structure.

Keywords: cognitive resource, sensorimotor activity, sensorimotor activity, cognitive potential, cognitive resource, cognitive range

Citation: Balanev D. Yu., Tyutyunnikov P. R., Kokh D. A. Human Sensorimotor Activity as a Factor of Cognitive Resource Development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 752–759. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-752-759>

Введение

До начала XXI в. практически отсутствовала проблема постановки определения понятия *когнитивный ресурс*. Впервые этот конструкт появился в прикладных исследованиях управленческой деятельности Ф. Фидлера [1], где когнитивный ресурс отождествлялся с интеллектуальными способностями, которые оценивались с помощью традиционных тестов интеллекта. В концептуальных построениях отсутствовало собственно психологическое содержание данного понятия, и на тот момент оно активно использовалось в работах различных авторов, каждый из которых предлагал собственную версию толкования когнитивного ресурса. Несмотря на появление новых концептуальных подходов, проблема понимания когнитивного ресурса для дальнейшего его изучения остается актуальной [2].

Изначально когнитивный ресурс был введен в ресурсном подходе как объяснительная концепция. Этот подход основывается на предположении, что человек обладает некоторым ресурсом, которого может быть достаточно или недостаточно для решения задачи. Как следствие, понятие *когнитивный ресурс* отражало пределы реальных и потенциальных интеллектуальных способностей субъекта при решении различных задач [3].

Когнитивный ресурс является сложной многоуровневой системой, на которую оказывают влияние множество как внутренних, так и внешних факторов. Одним из таких факторов является сенсомоторная активность, которая позволяет расширить когнитивные возможности человека. Недостаточная изученность сенсомоторной активности человека как проявления когнитивного ресурса указывает на необходимость более тщательного рассмотрения этого вопроса.

Предпосылкой появления понятия *когнитивный ресурс* в отечественной психологии стали исследования В. Н. Дружинина, который был сторонником измерительной психологии, формулирующей свои выводы на основе полученных при помощи стандартизированных методов и процедур количественных результатов. В. Н. Дружинин исходил из идеи, что все имеющиеся инструменты тестирования и диагностики интеллекта требуют серьезного научного обоснования, и единственным сугубо психологическим понятием он рассматривал *психометрический интеллект*, который измеряется тестами IQ. Когнитивный ресурс используется как метафора g-фактора общей умственной энергии или общего интеллекта Ч. Спирмена. В своих работах В. Н. Дружинин предпринял попытку дать общепсихологическое определение понятию *когнитивный ресурс* – это количественная характеристика когнитивной системы, которая отвечает за активное создание

многомерных моделей реальности в процессе решения задач разного уровня сложности. Когнитивный элемент выступает в качестве минимальной единицы когнитивной структуры человека. Совокупность «активных» и «свободных» когнитивных элементов определяет мощность когнитивного ресурса и проявляется в показателе интеллектуальной продуктивности [4].

Когнитивный ресурс является ключевым понятием, через которое в его теории интеллекта объясняется эффективность и продуктивность деятельности человека [5]. Исходя из подхода В. Н. Дружинина, рассматривающего интеллект, с одной стороны, в качестве верхнего ограничителя, а с другой – в качестве когнитивного ресурса, можно сделать вывод о том, что когнитивным ресурсом является любой психологический инструмент индивида, способный помочь ему «познать ситуацию».

А. Н. Воронин и Н. Б. Горюнова рассматривают понятие *когнитивный ресурс* в контексте когнитивных способностей и природы интеллекта при исследовании общих закономерностей влияния факторов ситуации и межличностного взаимодействия на проявление и развитие когнитивных способностей [6]. Под когнитивным ресурсом понимается множество когнитивных элементов, которые симультанно используются человеком в процессе переработки сложной информации. Несмотря на то что вышеупомянутые авторы являются последователями идей В. Н. Дружинина, под когнитивным ресурсом они понимают количественную характеристику когнитивной системы, определяющую мощность множества связанных когнитивных элементов. Это множество отвечает за активное создание многомерных моделей реальности в процессе решения задач разного уровня сложности. Следовательно, отличие подходов В. Н. Дружинина, А. Н. Воронина и Н. Б. Горюновой состоит в том, что в первом подходе когнитивный ресурс отвечает за создание многомерной модели реальности, а во втором подходе эту функцию отводят когнитивным элементам, а когнитивный ресурс отражает мощность множества когнитивных элементов.

А. Н. Воронин и Н. Б. Горюнова понимают под когнитивным элементом функциональную минимальную единицу и констатируют следующее: совокупность активных и свободных когнитивных элементов обуславливает интеллектуальную продуктивность. Можно зафиксировать, что когнитивный ресурс как множество когнитивных единиц отвечает за познавательный аспект при создании многомерных моделей реальности в ходе решения задач разного уровня сложности.

В зарубежной литературе нет однозначного определения понятия *когнитивный ресурс*. Некоторые авторы опираются на теорию когнитивного ресурса Ф. Фидлера [7–9], не раскрывая в своих работах психологическое содержание этого феномена. Тем не менее можно выделить несколько основных видов понимания когнитивного ресурса:

1. Когнитивный ресурс как готовность к обучению, которая раскрывается через потенциальные интеллектуальные возможности индивида [10], а также как потенциальные и актуальные умственные способности индивида. Такой подход согласуется с моделью интеллектуального диапазона В. Н. Дружинина и раскрывает сущность когнитивного ресурса как динамичной переменной, на которую могут оказывать влияние различные факторы.

2. Когнитивный ресурс как феномен, охватывающий психические процессы, включая интеллект и исполнительные функции [11].

3. Ресурсы, связанные с работой памяти и процессами направления, удержания и переключения внимания [12].

4. Ресурс, отвечающий за производительность интеллектуальной деятельности [13].

Нам удалось выделить тенденцию в использовании понятия *когнитивный ресурс* в различных областях психологии: в большинстве случаев авторы статей не фиксируют, в каком именно значении используют понятие, но о нем можно догадаться исходя из контекста и основываясь на общей идее автора. На наш взгляд, это делает необходимым внести определенность в определение того, каково психологическое содержание феномена *когнитивный ресурс*.

Методы исследования. Для выявления тенденций становления понятий *когнитивный ресурс* и *сенсомоторная активность* был использован транспективный метод, активно используемый в современных теоретических исследованиях [14].

Результаты и обсуждение

Применение транспективного анализа позволило выделить следующие виды понимания понятия *когнитивный ресурс* в соответствии с тенденциями развития современной психологии:

1. Представления о когнитивном ресурсе как некой границе интеллектуальных способностей человека [15] в контексте понимания ограниченности интеллектуальных способностей человека как пороговой величины, которую человек потенциально может увеличить, но за которую не способен выйти в актуальный момент. Например, когда речь идет в целом о природе человеческих способностей к решению тех или иных интеллектуальных задач.

2. Понимание когнитивных составляющих ресурса человека, которые используются им при решении тех или иных интеллектуальных задач, как динамических переменных, которые расходуются и восстанавливаются, как проявление познавательного потенциала индивида по отношению к поставленной задаче [16].

3. Представления о когнитивном ресурсе как определенной способности построения индивидом ментальной модели проблемной ситуации [17].

4. Представления о когнитивном ресурсе как процессе построения индивидом ментальной модели проблемной ситуации [18].

Первый выделенный нами подход к пониманию когнитивного ресурса в большей степени представляет собой попытку выделить некую фиксированную величину, порог, за который человек в конкретный момент времени не может выйти. Второй подход сосредотачивается на динамическом когнитивном ресурсе, который может как расходоваться человеком в процессе решения интеллектуальных задач, так и восстанавливаться с течением времени. В третьем случае речь идет о непосредственном восприятии индивидом проблемной ситуации. Четвертый подход к пониманию когнитивного ресурса подразумевает акцент на том, каким образом индивид строит ментальную модель проблемной ситуации, насколько индивид способен адекватно реальности смоделировать проблемную ситуацию и на основе смоделированного найти решение задачи.

Все четыре указанные подхода, на наш взгляд, взаимосвязаны между собой, являясь разными сторонами одного и того же явления, поскольку не противоречат друг другу, но находятся на разных уровнях. Следовательно, эти четыре подхода – разные уровни рассмотрения когнитивного ресурса. С одной стороны, есть пороговая величина, с другой – расходуемый ресурс, с третьей стороны – сама способность индивида к построению модели проблемной ситуации, с четвертой – сам процесс построения ментальной модели проблемной ситуации. Разносторонняя природа когнитивного ресурса ведет к сложности определения конкретных индикаторов, с помощью которых можно было бы исчерпывающе измерить когнитивный ресурс.

Еще один важный, с нашей точки зрения, результат проведенного теоретического исследования заключается в предположении, что поскольку на когнитивный ресурс оказывают влияние как внутренние, так и внешние факторы, важно рассматривать его в первую очередь как динамичную переменную. В этом контексте под внутренними факторами мы подразумеваем собственный прогноз эффективности индивида, который оказывает влияние на когнитивный ресурс.

М. В. Аллаhverдов и А. К. Кулиева, исходя из идеи, что оценка актуальной и потенциальной самооэффективности человека напрямую влияет как на верхний порог его когнитивных способностей, так и на нижний порог при решении той или иной задачи, актуализируют вопрос влияния внутренних переменных на эффективность интеллектуальной деятельности индивида. Рассматривая природу когнитивного ресурса, авторы указывают на важную роль стремления человека к сохранению непротиворечивой системы имплицитных представлений о собственной эффективности, что и обуславливает появление ограничений

и границ когнитивного ресурса. Авторы отмечают, что существующие ограничения связаны не столько с конечным объемом человеческого ресурса, утверждая, что имеющихся у человека ресурсов достаточно для решения всех задач, с которыми сталкивается человек, сколько с механическими процессами когнитивного контроля. Под когнитивным контролем в данном случае подразумевается сохранение образа Я [19].

В качестве внешних факторов можно рассматривать, например, дизайн теста, при помощи которого исследователь пытается определить величину когнитивного ресурса индивида. Н. Б. Горюнова [20], актуализируя проблему исследования обучения и обучаемости, анализирует возможности применения понятия *когнитивный ресурс* в этой области. В данном случае в основе понятия лежат представления о когнитивной архитектуре человека, об отношениях между рабочей памятью и структурой знаний в долговременной памяти. Когнитивная архитектура рассматривается как естественная система обработки информации, работающая на принципах взаимодействия между внешней средой, рабочей памятью и долговременной памятью. Рассматривая когнитивный ресурс через понятия *когнитивная нагрузка* и *усилие*, автор фиксирует два вида нагрузки: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя нагрузка обусловлена самой задачей, которая ставится перед индивидом. Внешняя нагрузка связана с тем, каким образом преподносятся условия задачи индивиду. Автор утверждает, что посредством оптимизации дизайна учебных задач можно снизить внешнюю когнитивную нагрузку, что может положительным образом сказаться на эффективности выполнения поставленных задач и, как следствие, на эффективности обучения, поскольку индивиду требуется расходовать меньше ресурсов для преодоления тех или иных задач [20].

Исследователи в различных областях переносят понятие *когнитивный ресурс* из области психологии общих способностей и теории интеллекта в более узконаправленные темы, которые, на первый взгляд, относятся к совсем другим областям психологии, например, к социальной, личностной и т. д. [21]. Вероятно, это связано с тем, что практически любая область человеческой деятельности связана с обработкой некоей *проблемной ситуации*. Если проблемная ситуация не выходит за рамки привычного для человека опыта, ему нет необходимости привлекать дополнительные ресурсы для работы с этой ситуацией. Если же проблемная ситуация выходит за рамки привычного, для выстраивания эффективной стратегии поведения или эффективного восприятия этой ситуации человеку необходимо привлекать дополнительные когнитивные ресурсы.

Таким образом, задуманное изначально как метафора понятие *когнитивный ресурс* становится самостоятельным конструктом, представляющим собой сложную многоуровневую систему, значение которой для современного образования трудно переоценить [22; 23].

Можно выделить наиболее важные тезисы относительно природы когнитивного ресурса. С одной стороны, когнитивный ресурс представляется некоей фиксированной величиной, порогом, через который индивид не может переступить в актуальный момент решения задачи. С другой – он является динамичной и пластичной переменной, на которую могут оказывать влияние как внешние, так и внутренние факторы. Исходя из этой идеи, мы предполагаем, что на когнитивный ресурс индивида можно оказывать влияние не только в краткосрочной перспективе, например с помощью установок касательно сложности выполнения задачи, но и в долгосрочной перспективе, благодаря установкам относительно образа собственного Я индивида или благодаря приобретаемому индивидом опыту. Рассматривая вопрос развития когнитивного ресурса индивида в этой плоскости, можно предположить, что есть различные ситуации, которые могут благоприятно или, наоборот, негативно сказаться на когнитивном ресурсе индивида. Так, он может выступать в качестве наблюдателя, который пассивно схватывает возможности решения тех или иных задач. Может выступать в качестве активного субъекта решения задачи, причем необязательно в одиночку, если рассматриваются ситуации совместной интеллектуальной или мыслительной деятельности.

Целью еще одного этапа исследования было рассмотрение сенсомоторной активности как фактора, оказывающего положительное влияние на развитие и эффективность использования когнитивного ресурса человеком. Это может быть перспективным с точки зрения смежных когнитивному ресурсу понятий. В частности, речь идет о таких семантически близких понятиях, как интеллектуальный потенциал [24] и интеллектуальный ресурс [25].

Интеллектуальный потенциал – индивидуально выраженная способность к формированию функциональных систем, ответственных за интеллектуальное поведение. Теоретической основой понятия *интеллектуальный потенциал* является структурно-динамический подход, где важную роль играет идея о том, что индивидуальные различия в структуре интеллекта формируются как под влиянием внешних средовых условий и факторов, так и под влиянием внутренних генетически обусловленных факторов. Такое понимание интеллектуального потенциала согласуется с теоретическими представлениями и моделями интеллекта, предложенными В. Н. Дружининым, который указывал на тот факт, что, несмотря на наличие у индивида потенциала для успешного и эффективного осуществления интеллектуальной деятельности, использование этого потенциала зависит от ряда внутренних и внешних факторов, в частности, от мотивации, имеющихся у индивида знаний касательно конкретного предмета его деятельности и т. д. Констатируя данный тезис, В. Н. Дружинин выдвигал идею о том, что эффективность интеллектуальной деятельности индивида определяется им самим посредством выбора – использовать ли свой потенциал или же нет.

Интеллектуальный ресурс – понятие, отражающее те ресурсы, которые используются индивидом для организации индивидуального ментального опыта в виде наличных ментальных структур, порождаемого ими ментального пространства отражения и строящихся в рамках этого пространства ментальных репрезентаций происходящего. Сама же организация индивидуального ментального опыта в подходе М. А. Холодной и является интеллектом [25].

Проведенный анализ становления представлений о сенсомоторной активности дает основания для понимания, что сенсомоторная активность – это такой вид активности субъекта, который дает возможность при помощи двигательной или моторной активности получить некоторые сведения об объекте, позволяющие построить наиболее адекватную ментальную модель как самого объекта, так и ситуации, в которой используется конкретный объект.

Сенсомоторная активность может играть важную роль при построении ментальной модели проблемной ситуации в случае, если субъекту предоставляется возможность непосредственным образом воздействовать на элементы, составляющие задачу, когда решение задачи либо предполагает воздействие на объекты, либо может быть возможным, в том числе при помощи этого воздействия, например, посредством перемещения объектов в пространстве, их рассмотрения с разных ракурсов и т. д. Будучи представленными изначально в реальном пространстве, объекты могут быть перенесены в ментальное пространство субъекта, тем самым лишаясь абстрактности, что в перспективе положительным образом сказывается на успешности построения ментальной модели проблемной ситуации и, как следствие, на эффективности решения поставленной задачи. Мы исходим из идеи, что наличие физически реальных объектов или наличие опыта взаимодействия с физически реальными объектами позволяет индивиду расширить границы понимания проблемных ситуаций, которые предполагают наличие абстрактных переменных, например в тех ситуациях, когда они описываются в условиях задачи.

Важно отметить, что наряду с понятием *сенсомоторная активность* используется целый ряд смежных понятий.

Сенсомоторная деятельность. А. Н. Нехорошкова, А. В. Грибанов и И. С. Депутат вкладывают следующее значение в это определение – типичная и многообразная форма целенаправленной активности человека, предполагающая взаимодействие сенсорных и двигательных компонентов психической деятельности [26].

Сенсомоторная интеграция [27], которая лежит в основе многих психических процессов и отображает интегративную деятельность мозга при реализации познавательных процессов. Под сенсомоторной интеграцией понимается метод развития и построения смысловой структуры в потоке информации от органов чувств и в согласовании с двигательной активностью. А. В. Добрин, актуализируя тему изучения сенсомоторной интеграции и двигательной активности, констатирует, что снижение двигательной

активности приводит к снижению как физической, так и умственной работоспособности человека, что сказывается и на способностях к обучению [28].

В системе когнитивных функций существенная роль в успешности осуществления сенсомоторной деятельности отводится процессам селективного внимания [29]. Н. В. Вожилова фиксирует, что селективное внимание рассматривается в современной психологии в качестве одной из важнейших характеристик, поскольку ограниченность объема внимания требует от субъекта определения наиболее важных и значимых объектов [29]. Следовательно, мы можем предположить, что от успешности выбора *правильных* объектов зависит успешность как построения субъектом ментальной модели проблемной ситуации, так и его эффективность при решении конкретной задачи. Сенсомоторная активность в данном случае может рассматриваться как один из факторов успешного выбора *правильных* объектов.

Т. М. Мамина рассматривает сенсомоторную активность как сложный многофункциональный процесс, тесно связанный с психологическими процессами [30]. Так, в процесс сенсомоторной активности включается не только физиологический аспект, связанный с конкретными движениями, направленными на внешний объект, но и психологический, который включает в себя смыслообразование, категоризацию и т. д. Автор констатирует, что в зависимости от целей и задач, а также смысла, который вкладывается субъектом в объект, по отношению к которому производится воздействие, движение может меняться [30].

Обобщая результаты проведенного трассективного исследования, можно зафиксировать назревшую необходимость введения универсального определения сенсомоторной активности, соответствующего тенденциям развития современной когнитивной психологии, в рамках которой в настоящее время разрабатывается исследовательский инструментарий нового поколения.

Заключение

Мы можем предположить, что сенсомоторная активность человека является фактором, оказывающим благотворное влияние на когнитивный ресурс индивида и эффективность его использования за счет того, что включает в себя взаимодействие двигательной и психической деятельности индивида. Исходя из идеи, что положительный опыт использования селективного внимания при решении различных интеллектуальных задач имеет накопительный эффект, мы фиксируем возможность субъекта на основе полученного опыта с большей долей вероятности успешно решать и другие подобные задачи, благодаря более эффективному и успешному построению адекватных ментальных моделей проблемных ситуаций.

Ярким примером проявления сенсомоторной активности как когнитивного ресурса может послужить игра в шахматы, в которой, помимо теоретических знаний

о возможных дебютах, ходах, субъект обладает возможностью познавать игру посредством сенсомоторной активности, в силу того что игра представляется не в двумерном, а в трехмерном пространстве. Возможность физически воздействовать на фигуры делает для субъекта более очевидными возможные исходы игры, позволяет более тщательно продумывать решения и повышает шанс сделать наиболее верный для ситуации ход.

Физическое воздействие на объекты, возможность перемещать объекты в пространстве позволяет индивиду приобрести дополнительный физический опыт восприятия той или иной задачи, а следовательно задействовать большее количество ресурсов для принятия верного решения, особенно в тех ситуациях, где важна скорость реакции субъекта на предъявленный стимул.

Использование сенсомоторной активности при работе с проблемной ситуацией расширяет границы восприятия и понимания индивидом этой ситуации. Одновременно это расширяет как актуальные когнитивные ресурсы, т. е. предоставляет возможность индивиду в актуальный момент найти наиболее верное решение, так и потенциальные, когда за счет накопленного опыта индивид с большей скоростью и наиболее точно способен решить схожие по своему типу задачи.

В рамках разрабатываемого нами подхода к пониманию сенсомоторной активности человека как фактору развития когнитивного ресурса возможно исследовать развитую способность к категоризации на сенсомоторном уровне

как условие развития структурированности ощущений восприятия окружающего мира, что в свою очередь напрямую может оказывать влияние на успешность интеллектуальной деятельности и проявления когнитивного ресурса.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. Ю. Баланев (50 %) – концептуализация, редактирование, комментарии и исправление. П. Р. Тютюнников (25 %) – написание оригинального черновика. Д. А. Кох (25 %) – написание оригинального черновика.

Contribution: D. Yu. Balanov (50%) developed the research concept, gave scientific advice, and edited the draft. P. R. Tyutyunnikov (25%) and D. A. Kokh (25%) wrote the original draft.

Финансирование: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Funding: The research was part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. FSWM-2020-0040.

Литература / References

1. Fiedler F. E. Cognitive resources and leadership performance. *Applied Psychology: an international review*, 1995, 44(1): 5–28. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1995.tb01378.x>
2. Воронин А. Н., Горюнова Н. Б. Когнитивные ресурсы совместной интеллектуальной деятельности. *Психология обучения*. 2013. № 8. С. 5–19. [Voronin A. N., Goryunova N. B. Cognitive resources of mutual intelligent activity. *Psychology of education*, 2013, (8): 5–19. (In Russ.)] EDN: QJGEIB
3. Трифонова А. В. Ресурсный подход к проблеме интеллектуальных способностей. *Современные исследования социальных проблем*. 2015. № 4. С. 114–123. [Trifonova A. V. The resource-based approach to intellectual abilities. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2015, (4): 114–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-4-12>
4. Дружинин В. Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: Пер се; СПб.: ИМАТОН-М, 2001. 224 с. [Druzhinin V. N. *Cognitive abilities: structure, diagnostics, and development*. Moscow: Per se; St. Petersburg: IMATON-M, 2001, 224. (In Russ.)] EDN: RXNAWJ
5. Немировская Н. Г. Подход В. Н. Дружинина к проблеме интеллекта: концепция «когнитивного ресурса» и модель «интеллектуального диапазона». *Ярославский педагогический вестник*. 2014. Т. 2. № 3. С. 206–211. [Nemirovskaya N. G. V. N. Druzhinin's approach to the intelligence problem: conception of "cognitive resource" and a model of "intellectual range". *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2014, 2(3): 206–211. (In Russ.)] EDN: STRHJJ
6. Воронин А. Н., Горюнова Н. Б. Когнитивный ресурс: структура, динамика, развитие. М.: ИП РАН, 2016. 275 с. [Voronin A. N., Goryunova N. B. *Cognitive resource: structure, dynamics, and development*. Moscow: IP RAS, 2016, 275. (In Russ.)] EDN: XDAQYN
7. Witt S. T., Drissi N. M., Tapper S., Wretman A., Szakács A., Hallböök T., Landtblom A.-M., Karlsson T., Lundberg P., Engström M. Evidence for cognitive resource imbalance in adolescents with narcolepsy. *Brain Imaging and Behavior*, 2018, 12(2): 411–424. <https://doi.org/10.1007/s11682-017-9706-y>
8. Ho J., Mann D. S., Hickok G., Chubb C. Inadequate pitch-difference sensitivity prevents half of all listeners from discriminating major vs minor tone sequences. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2022, 151(5): 3152–3163. <https://doi.org/10.1121/10.0010161>

9. Dean T., Chubb C. Scale-sensitivity: A cognitive resource basic to music perception. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2017, 142(3): 1432–1440. <https://doi.org/10.1121/1.4998572>
10. Verschelden C. *Bandwidth recovery: helping students reclaim cognitive resources lost to poverty, racism, and social marginalization*. Stylus Publishing, 2017, 170.
11. Hunter J. A., Hollands G. J., Couturier D.-L., Marteau T. M. Effect of snack-food proximity on intake in general population samples with higher and lower cognitive resource. *Appetite*, 2018, 121: 337–347. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2017.11.101>
12. Sturman D., Wiggins M. W. Drivers' cue utilization predicts cognitive resource consumption during a simulated driving scenario. *Human Factors*, 2021, 63(3): 402–414. <https://doi.org/10.1177/0018720819886765>
13. Cheval B., Rebar A. L., Miller M. W., Sieber S., Orsholits D., Baranyi G., Courvoisier D., Cullati S., Sander D., Chalabaev A., Boissongontier M. P. Cognitive resources moderate the adverse impact of poor perceived neighborhood conditions on self-reported physical activity of older adults. *Preventive Medicine*, 2019, 126. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2019.05.029>
14. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Введение в трансспективный анализ. Томск: ТГУ, 2005. 174 с. [Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the individual. Introduction to the trans-perspective analysis*. Tomsk: TSU, 2005, 174. (In Russ.)] EDN: QXPEUV
15. Кашапов М. М., Серафимович И. В. Надситуативное мышление как когнитивный ресурс субъекта в условиях профессионализации. *Психологический журнал*. 2020. Т. 41. № 3. С. 43–52. [Kashapov M. M., Serafimovich I. V. Supra-situational thinking as person's cognitive resource in the context of professionalization. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2020, 41(3): 43–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020595920009326-4>
16. Серафимович И. В. Профессиональное мышление как когнитивный ресурс специалистов социномического типа профессий. *Национальный психологический журнал*. 2021. № 4. С. 75–83. [Serafimovich I. V. Professional thinking as a cognitive resource for the specialists of socionomic professions. *National Psychological Journal*, 2021, (4): 75–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0407>
17. Холодная М. А. Интеллект, креативность, обучаемость: ресурсный подход (о развитии идей В. Н. Дружинина). *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 5. С. 5–14. [Kholodnaya M. A. Intelligence, creativity, learning capability: resource approach (on development of V. N. Druzhinin's ideas). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, 36(5): 5–14. (In Russ.)] EDN: UNLMGH
18. Горюнова Н. Б. Структурно-динамическая модель когнитивного ресурса. *Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований*: мат.-лы Всерос. науч. конф., посв. 60-летию со дня рождения В. Н. Дружинина. (Москва, 25–26 сентября 2015 г.) М.: ИП РАН, 2015. С. 69–71. [Goryunova N. B. Structural-dynamic model of a cognitive resource. *Psychology of abilities: current state and prospects for research*: Proc. All-Russian Sci. Conf. dedicated to the 60th anniversary of the birth of V. N. Druzhinin, Moscow, 25–26 Sept 2015. Moscow: IP RAS, 2015, 69–71. (In Russ.)] EDN: UHTSMD
19. Аллахвердов М. В., Кулиева А. К. Новый взгляд на природу когнитивного ресурса. *Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен*, отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, П. А. Сабадош. М.: ИП РАН, 2020. С. 28–36. [Allakhverdov M. V., Kulieva A. K. A new look on the limitations of the cognitive resource. *Abilities and mental resources of a person in the world of global changes*, eds. Zhuravlev A. L., Kholodnaya M. A., Sabadosh P. A. Moscow: IP RAS, 2020, 28–36. (In Russ.)] EDN: TISSPD
20. Горюнова Н. Б. Принципы функционирования когнитивного ресурса через призму понятий нагрузки и усилия. *Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен*, отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, П. А. Сабадош. М.: ИП РАН, 2020. С. 354–363. [Goryunova N. B. The principles of functioning of a cognitive resource through the prism of the concepts of load and effort. *Abilities and mental resources of a person in the world of global changes*, eds. Zhuravlev A. L., Kholodnaya M. A., Sabadosh P. A. Moscow: IP RAS, 2020, 354–363. (In Russ.)] EDN: DVLDSO
21. Горбачева Е. И. Когнитивные ресурсы практик солидарного поведения. *Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен*, отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, П. А. Сабадош. М.: ИП РАН, 2020. С. 1547–1556. [Gorbacheva E. I. Cognitive resources of solidary behavior practices. *Abilities and mental resources of a person in the world of global changes*, eds. Zhuravlev A. L., Kholodnaya M. A., Sabadosh P. A. Moscow: IP RAS, 2020, 1547–1556. (In Russ.)] EDN: OAUUAE
22. Дружинина С. В. Ресурсная роль интеллекта и креативности в самореализации подростков старшего возраста. *Акмеология*. 2015. № 4. С. 66–71. [Druzhinina S. V. Resource role of intelligence and creativity in self-realization of older adolescents. *Akmeologiya*, 2015, (4): 66–71. (In Russ.)] EDN: VBHOND
23. Дружинина С. В. Соотношение интеллектуальных способностей и креативности в структуре интеллекта. *Акмеология*. 2016. № 1. С. 89–93. [Druzhinina S. V. Correlation of intellectual abilities and creativity in the structure of intelligence. *Akmeologiya*, 2016, (1): 89–93. (In Russ.)] EDN: VTNLTL

24. Ушаков В. Д. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: ИП РАН, 2003. 264 с. [Ushakov V. D. *Intellect: structural-dynamic theory*. Moscow: IP RAS, 2003, 264. (In Russ.)] EDN: SURTAP
25. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 208 с. [Kholodnaya M. A. *The psychology of intelligence: paradoxes of research*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2002, 208. (In Russ.)] EDN: PVNRAD
26. Нехорошкова А. Н., Грибанов А. В., Депутат И. С. Сенсомоторные реакции в психофизиологических исследованиях (обзор). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Медико-биологические науки*. 2015. № 1. С. 38–48. [Nekhoroshkova A. N., Gribanov A. V., Deputat I. S. Sensorimotor reactions in psychophysiological studies (review). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Mediko-biologicheskie nauki*, 2015, (1): 38–48. (In Russ.)] EDN: TPDPCP
27. Ельникова О. Е., Меренкова В. С. Соотношение сенсомоторной интеграции и тормозных процессов с особенностями внутренней позиции личности больного. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2019. № 1. С. 39–54. [Elnikova O. E., Merenkova V. S. Relations of sensorimotor integration and inhibitory processes with internal position of patient's personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019, (1): 39–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-39-54>
28. Добрин А. В. Взаимосвязь сенсомоторной интеграции и двигательной активности студентов с заиканием, без речевых нарушений. *Теория и практика физической культуры*. 2020. № 8. С. 29–31. [Dobrin A. V. Relationship between sensorimotor integration and motor activity of students with stuttering and those without speech disorders. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*, 2020, (8): 29–31. (In Russ.)] EDN: RPODQR
29. Вощилова Н. В. Сенсомоторная интеграция как психофизиологическая база развития интеллекта слабослышащих младших школьников. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 62-3. С. 47–50. [Voshchilova N. V. Sensorimotor integration as a psychophysiological basis for the intellect development of hearing impaired primary school children. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2019, (62-3): 47–50. (In Russ.)] EDN: YYJKDR
30. Мамина Т. М. Формирование сенсомоторной интеграции на основе познавательно-исследовательской активности. *Петербургский психологический журнал*. 2020. № 30. С. 77–105. [Mamina T. M. The formation of sensorimotor integration based on cognitive research activity. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 2020, (30): 77–105. (In Russ.)] EDN: SZQGWE

обзорная статья

Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды

Белинская Елена Павловна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва
<http://orcid.org/0000-0002-3057-5273>
elena_belinskaya@list.ru

Поступила в редакцию 11.09.2022. Принята после рецензирования 17.10.2022. Принята в печать 31.10.2022.

Аннотация: На материале зарубежных и отечественных исследований психологии совладания рассмотрена ее динамика. Показано, что становление и развитие проблематики совладания с трудностями вплоть до начала XXI в. включало в себя три основных исследовательских линии, реализуемых как теоретически, так и эмпирически: 1) выделение характеристик ситуаций, которые воспринимаются человеком как *трудные*; 2) изучение различных стратегий и / или стилей копинга; 3) анализ взаимосвязей последних с личностными и средовыми ресурсами совладания. Постулируется, что мировая ситуация глобальной неопределенности и рисков, характерная для последнего десятилетия, определила изменения в традициях изучения копинга. Их общей смысловой интенцией является все более выраженный переход к комплексному и холистическому видению процесса взаимодействия человека и ситуации, требующей совладания. Последняя реализуется в трех основных исследовательских трендах: 1) переосмыслении проблематики личностных ресурсов совладания, которые понимаются не как конкретные личностные диспозиции или же характеристики когнитивной сферы субъекта, а как комплексные особенности, выявление которых закономерно требует новых методологий; 2) пересмотре проблемы эффективности различных копинг-стратегий в силу накопления достаточного эмпирического материала, доказывающего неоднозначность корреляционных зависимостей между различными копинг-стратегиями человека и психологическим благополучием; 3) все более частом обращении к анализу процессуальных особенностей совладания, что, в частности, выражается во внимании к его антиципационным возможностям.

Ключевые слова: стресс, психологическая адаптация, стратегии совладания, личностные и средовые ресурсы совладания, совладание с неопределенностью, глобальные риски

Цитирование: Белинская Е. П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 760–771. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771>

review article

Coping in Times of Uncertainty and Global Risks: The Main Research Trends

Elena P. Belinskaya
Moscow State Lomonosov University, Russia, Moscow
<http://orcid.org/0000-0002-3057-5273>
e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Received 11 Sep 2022. Accepted after peer review 17 Oct 2022. Accepted for publication 31 Oct 2022.

Abstract: This article reviews foreign and domestic publications on the psychology of coping. Until the early XXI century, coping studies followed three research lines: 1) situations perceived as "difficult", 2) coping strategies and/or styles, 3) their relationships with personal and environmental coping resources. The current global situation of uncertainty and risks has affected the strategy of coping studies. They now demonstrate a more complex and holistic vision of the interaction between the person and the situation that requires coping. The interaction pattern follows three main research trends: 1) Personal coping resources are understood not as specific personal dispositions or cognitive characteristics, but as complex features that require new research methods; 2) New empirical material proves the ambiguity of correlation between various human coping strategies and psychological well-being; 3) Procedural features of coping and its anticipatory capabilities acquire more scientific attention.

Keywords: stress, psychological adaptation, coping strategies, personal and environmental coping resources, coping with uncertainty, global risks

Citation: Belinskaya E. P. Coping in Times of Uncertainty and Global Risks: The Main Research Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 760–771. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771>

Введение

Столкновение человека со сложными ситуациями неотделимо от самого процесса его формирования и развития как личности: ведь именно обдумывая и делая выбор, принимая те или иные решения, переживая связанные с ними сомнения и тревоги, мы реализуем свою субъектность и утверждаем собственное Я. Неудивительно, что проблема преодоления тех или иных трудностей в ходе онтогенетического развития являлась и продолжает быть одной из сквозных тем психологии. Понимание кризисов развития независимо от конкретных теоретических позиций исследователей объединено представлениями о том, что эти периоды затрагивают все стороны жизни субъекта, отражаясь в характеристиках его ведущей деятельности, качественно меняя его представления о мире и о себе, сопровождаясь глубокими эмоциональными переживаниями и, в случае успешного их разрешения, приводя к формированию новых психологических возможностей [1–3]. На этом пути неминуемы временные поражения и «откаты назад», ведь объективные условия онтогенеза личности далеко не всегда благоприятны, и потому вектор формируемого развития во многом модифицируется в силу действия психологических защит, позволяющих на определенное время конструктивно сохранять уже достигнутые психологические новообразования [4; 5]. Очевидно, что нормативные трудности развития неизбежно дополняются и неожиданными стрессорами, угрожающими благополучию человека (физическому, социальному, психологическому), ответ на воздействие которых также требует реагирования – как на уровне автоматических и неосознаваемых ответных реакций, так и посредством сознательных целенаправленных действий, создавая в итоге новые конфигурации процесса психологической адаптации человека к условиям своей жизни. Тем самым адаптирующийся субъект не только сохраняет свою способность к функционированию, приспособляясь к изменяющимся обстоятельствам, но и формирует готовность противостоять ситуации с целью сохранения своей уникальности и целостности [6–8].

Становление в 1970–1980-е гг. проблематики совладания с трудностями (копинга) суммировало достижения психологии развития, клинической психологии и психологии стресса, исходно задав достаточно комплексную оптику ее рассмотрения. Чуть позднее к ней добавился социально-психологический ракурс, появление которого определялось двумя фундаментальными обстоятельствами. Во-первых, онтологически факт наличия трудностей, требующих преодоления, неразрывно связан с другими людьми, действия которых могут препятствовать или же способствовать копинг-ответу, не говоря уже о том, что восприятие и оценка человеком своих отношений с социальным

окружением сами по себе могут выступать источником стресса. Во-вторых, с гносеологической точки зрения включение социально-психологического взгляда на проблему совладания с трудностями подкрепляло две доминирующие на тот момент исследовательские тенденции в ее освоении: отчетливое смещение трактовок процесса совладания от поведенческого к когнитивному полюсу и переход от понимания трудной ситуации как объективного стресса к ее интерпретации как чисто субъективной, как той или иной трудности, имеющей сугубо личностное значение. Одновременное наращивание массива эмпирических исследований закономерностей процесса совладания довольно быстро выявило неоднозначность связи его успешности с личностными и социальными ресурсами копинга, что в итоге привело к пониманию совладания как довольно специфического взаимодействия в системе *личность – ситуация*. Это также было созвучно теоретико-методологическим позициям современной социальной психологии [9; 10], опирающимся на сформулированную еще К. Левиным общую формулу социального поведения как функции текущего состояния субъекта и актуально воспринимаемого им окружения, как результата непрерывного взаимодействия человека и ситуации, для реализации которого в равной степени имеют значение как когнитивные и мотивационные факторы, так и то субъективное значение, которое придает субъект конкретным обстоятельствам [11].

Развитие психологии совладания вплоть до начала XXI в. включало в себя три основных исследовательских линии, реализуемых как теоретически, так и эмпирически: 1) выделение характеристик ситуаций, которые воспринимаются человеком как *трудные*; 2) изучение различных стратегий и / или стилей копинга; 3) анализ взаимосвязей последних с личностными и средовыми ресурсами совладания [12–19]. При этом, однако, возможности транс-психологического анализа, заданные интересом различных психологических дисциплин к проблематике копинга, оказались реализованы далеко не полностью. Несмотря на относительное единство методического инструментария (заметим, что в нем и на сегодняшний день преобладают шкальные опросники), изучение закономерностей совладания сформировало в каждой из них свои традиции. Так, в рамках клинической психологии внимание исследователей в основном оказалось центрировано на специфике копинга при соматических и психических заболеваниях [20–22]; для возрастных психологов доминирующий интерес закономерно стали представлять особенности копинга в тех или иных ситуациях развития (в разных возрастах, в разных институтах социализации и / или при смене самой ситуации развития) [23–27]; а психология стресса в большей степени

центрировалась на определении относительного *вклада* копинг-ответов в общий процесс саморегуляции человеком своих функциональных состояний [28; 29]. Каждая из этих традиций подкреплялись таким массивом эмпирических данных, который, казалось бы, вряд ли уже мог быть обобщен в каких-либо единых концептуальных рамках, особенно если учесть тот факт, что включение в данную проблематику социально-психологических исследований обернулось конкретизацией изучения особенностей совладания у отдельных социальных групп. Таковы, например, исследования, сосредоточенные на социокультурных закономерностях совладания со стрессом [30; 31], на конкретике копинг-процессов в различных профессиональных группах, а также на гендерной специфике копинга [32–35]. За этой усиливающейся дифференциацией проблематики в определенный момент оказалась забыта, как представляется, одна из центральных исходных ее идей – понимание совладания как процесса, внимание к его динамике, согласие в том, что феноменология копинга определяется не только и не столько характеристиками самой трудной ситуации и личностными особенностями субъекта, но их взаимодействием.

Однако в последнее десятилетие происходит, с нашей точки зрения, возврат к этой идее и ее переосмысление, что в свою очередь определяет современные тренды в исследовании совладания. Каковы же возможные причины этого и что именно становится доминирующим?

Современность как эпоха неопределенности и глобальных рисков

Представляется, что в первую очередь актуальные тренды исследований копинга определяются объективными изменениями современного социального пространства. Начавшись как эпоха быстрых социальных изменений (а потому сложно переживаемых, с трудом рефлекслируемых и конструктивно преодолеваемых), которая предъявляет социальным субъектам повышенные требования в ситуациях активного действия, сегодняшняя динамика социального поля все более и более теряет однозначность потенциальных векторов своего развития, а потому все чаще квалифицируется как неопределенная. Последнее десятилетие фактически привело исследователей социогуманитарного профиля к консенсусу относительно ведущих характеристик современности: введенное еще на заре ХХI в. З. Бауманом ее образное определение как «текучей» [36], в отечественной традиции наиболее полно, на наш взгляд, раскрыто А. Г. Асмоловым как сочетание неопределенности, сложности и разнообразия [37]. Подчеркивая перманентную безмерность реалий современной эпохи и, как следствие, понятное исследовательское искушение объять необъятное, он констатирует, что современное развитие социального пространства заставляет признать, прежде всего, факт его нелинейного развития, одновременное наличие в нем динамического и устойчивого, порядка и хаоса, торжества рационального и взрыва иррационального.

Подобная реальность не может быть объяснена старыми (как правило, линейными) моделями развития общества и человека, ее сложность и разнообразие требуют других теоретико-методологических принципов анализа, а также предполагают и новые ответы со стороны личности. Среди последних ведущую роль А. Г. Асмолов отводит т. н. преадаптивным процессам – в противовес традиционным, направленным на восстановление гомеостаза формам активности субъекта. Так, большую распространенность и ценность с точки зрения социальной успешности приобретают рискованные варианты социального поведения, при этом не только для отдельного человека, но и для групповых субъектов [38], которые несколько парадоксальным образом не отменяют и не конкурируют, а сосуществуют в одном пространстве с традиционными адаптивными вариантами жизнедеятельности. По сути, именно это и ставит под сомнение возможность простых объяснений и решений в эпоху неопределенности.

Очевидно, что неопределенность векторов социального развития, задающая фактическую невозможность точных прогнозов, сочетающаяся с одновременным существованием разнообразных по своей феноменологии форм жизнедеятельности субъектов и требованием их когнитивной и поведенческой сложности, приводящая к множественности вариантов социального мира в одном физическом времени и пространстве, может быть рассмотрена в разных ракурсах. Одним из них является оптика культуры. Согласно Т. Д. Марцинковской, динамика современного социального пространства может быть реинтерпретирована через обращение к концепту транзитивности [39]. Понимая транзитивное общество как, прежде всего, совокупность макро- и микромультикультурных пространств, она обращает внимание на такие принципиальные изменения в ходе социализации личности, как неопределенность границ поколений, активизацию процессов ресоциализации, усиление латентных (отсроченных) эффектов социальной адаптации, невозможность однозначной опоры в ходе онтогенетического развития на социальные нормы и ценности, которые не только быстро и непредсказуемо видоизменяются, но и вызывают неоднозначное к ним субъективное отношение. На личностном уровне подобная ситуация существенно меняет само восприятие индивидуального пространства / времени (т. е. индивидуальный хронотоп), следствием чего является усиление его гетерохронности, что в свою очередь вызывает у человека негативные эмоциональные переживания, которые частично могут быть преодолены через идентификацию не с конкретной социальной группой, а с той или иной субкультурой [39]. Собственно, именно последняя, независимо от своего реального или же виртуального характера, может стать основой для формирования и реализации персональной идентичности. И в этом смысле нарастающая объективная неопределенность социального пространства, все более актуализируя необходимость личностного выбора,

становится для человека уже не столько новыми условиями для активного социального действия, сколько основанием для формирования новых представлений о себе и мире [40].

Описанные фундаментальные изменения социального пространства жизнедеятельности современного человека, несомненно, предъявляют новые вызовы к его копинг-процессам, что все чаще определяется как задача совладания с неопределенностью [41–44]. Прежде чем перейти к описанию конкретных исследовательских направлений, в которых копинг рассматривается именно с этой точки зрения, определим кратко возможное психологическое содержание субъективного переживания ситуации неопределенности.

В целом среди выделяемых параметров объективной ситуации неопределенности максимально представлены следующие: новизна, сложность и противоречивость, невозможность контроля со стороны субъекта действия, множественность его потенциальных выборов и решений, а также связанная с ними высокая степень риска. По сути, эти же параметры характеризуют субъективное описание неопределенности. При этом на индивидуальную ее оценку, очевидно, влияют мотивационные (потребности в определенности и, соответственно, толерантность к неопределенности) и когнитивные (гибкость / ригидность и, соответственно, степень принятия риска) особенности личности, сопровождаясь целым спектром эмоциональных реакций и переживаний, в основе которых лежит нарастающая тревожность. Однако вопрос о том, каковы закономерности индивидуального ответа в этой ситуации, насколько видоизменяется репертуар совладания (причем с различных точек зрения – количества используемых стратегий копинга, скорости и последовательности их развертывания, доминирования тех или иных ресурсов, субъективной и объективной оценки эффективности / неэффективности совладания и т. п.), представляется достаточно сложным и требующим эмпирических решений. И в этом смысле по-прежнему остаются актуальными слова В. П. Зинченко, что «самое сложное – понять, как человек в реальной, жизненной ситуации противостоит неопределенности» [45, с. 17], что именно оказывается для него средствами ее минимизации и / или принятия, на каких личностных и средовых ресурсах они базируются.

Добавим, что сегодня на смену категоризации текущей ситуации как неопределенной все чаще приходит более «сильное» ее определение, а именно – как ситуации глобальных рисков¹ [46–49]. Тем самым особенности самого бытия нашего современника явно или неявно мыслятся как постоянная и комплексная угроза его жизнедеятельности и благополучию, в том числе психологическому, а совладание из адаптивной реакции, имеющей ту или иную степень успешности, превращается в жизненную необходимость. Особенно ярко это проявилось в изучении психологических следствий пандемии [50].

Подчеркнем при этом, что в целом при психологическом анализе ситуации глобальных рисков однозначно доминирует социально-психологический ракурс. Так, исследователями преимущественно рассматриваются не сами глобальные угрозы (совокупными характеристиками которых выступают всеобщность, непредсказуемая длительность и малая предсказуемость проявлений), а отношение к ним, особенности их восприятия, переживания и антиципации у различных социальных субъектов (индивидуальных и групповых). Фокус исследовательского внимания сосредоточен на таких психологических характеристиках следствий глобальных рисков, как разрушительность для веры в человека в свою способность влиять на будущее, воспринимаемая амбивалентность способов их предотвращения, включенность социальных представлений о глобальных рисках в оценку межгрупповых отношений и, как финитное следствие, усиление приверженности конспирологическим взглядам в массовом сознании и подверженности манипулятивным воздействиям. Все это позволяет говорить о кумулятивном стрессовом характере глобальных рисков, что закономерно затрудняет для человека возможности совладания в силу необходимости постоянного распределения привычных и поиска новых ресурсов копинга [51], возникновения и распространения сильных аффективных реакций – чувства неопределенности, тревоги и страха [52–54], снижения возможности планирования личной и профессиональной жизни, а также переживания возрастающей зависимости от решений субъектов государственной власти [55].

Актуальные исследовательские тренды проблематики совладания

Представляется, что современное изучение закономерностей совладания с неопределенностью сосредоточены на трех исследовательских направлениях.

Во-первых, это переосмысление проблематики личностных ресурсов совладания, которые все более понимаются не как конкретные личностные характеристики (например, локус контроля, личностная тревожность и пр.) или же характеристики когнитивной сферы субъекта (например, полезависимость / полнезависимость, гибкость / ригидность и пр.), а как комплексные особенности.

Вторым актуальным трендом при изучении совладания с неопределенностью становится пересмотр проблемы эффективности копинга, прежде всего, в силу накопления достаточного эмпирического материала, доказывающего неоднозначность корреляционных зависимостей между различными копинг-стратегиями человека и уровнем его психологической адаптации к ситуации неопределенности и, соответственно, психологическим благополучием.

В-третьих, современный акцент на ситуации неопределенности как «общей рамке» трудностей по-новому

¹ The Global Risks Report 2016. 11th ed. Geneva: World Economic Forum, 2016. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/> (accessed 10 Aug 2022).

обращает исследователей к анализу процессуальных особенностей совладания, что, в частности, выражается во внимании к его антиципационным возможностям, все большем интересе не к реактивному, а к проактивному, обращенному в будущее, совладанию.

Очевидно, что выделенные тренды объединяет общая содержательная интенция: выраженный переход к более комплексному и холистическому видению процесса взаимодействия человека и ситуации, требующей совладания. Это может конкретизироваться исследователями и как требование учета целостных типологических структур деятельности и сознания, которые проявляются не в конкретных копинг-стратегиях, а в паттернах и стилях совладания [56], и как соединение отдельных личностных характеристик в некие комплексные «психологические орудия» для совладания [57], и как необходимость выяснения функциональных взаимозависимостей между различными этапами копинга (в частности, взаимопереходов от реактивного к проактивному копингу [по: 58]), и как доминирующий акцент на субъективном восприятии ситуации, требующей совладания, от личного осмысления которой зависит итоговая степень адаптации к ней (см., например, [59]). Остановимся, однако, на каждом из выделенных трендов более конкретно.

1. Более комплексное понимание личностных и когнитивных ресурсов совладания. Как справедливо отмечает Т. В. Корнилова [60], становление подобного взгляда имело свои гносеологические основания, среди которых центральными выступают два: общая логика развития исследований динамического контроля неопределенности и современные представления об индивидуальных стилях деятельности. Итогом стал переход от традиционного изучения отдельных диспозиционных факторов копинга к выявлению целостной картины психологической регуляции процессов восприятия, принятия и преодоления неопределенности. Очевидно, что для подобного комплексного анализа необходимы множественные показатели, что в свою очередь потребовало значительного изменения методологии исследований: на смену измерениям показателей по отдельным шкалам и определения их взаимосвязей пришли методы анализа латентных профилей, математического моделирования и др. [60–62]. Это привело к включению в перечень оснований совладания с неопределенностью новых переменных.

Что касается когнитивных ресурсов копинга – таково, например, обращение к концепту бдительности (способности находиться в состоянии активного покоя) как продуктивной реакции на неопределенность. Как комплексная характеристика бдительность включает в себя одновременно когнитивную сложность, потребность в познании и толерантность к неопределенности, однако подобное сочетание имеет, как оказалось, культурную специфику и не характерно для российских респондентов, для которых бдительность включала в себя, напротив, интолерантность к неопределенности и неприятие риска [60]. Подобные же внутренние

противоречия выявлены в более локальных исследованиях психофизиологического профиля. Например, показано, что успешности совладания с перцептивной неопределенностью могут способствовать оба полюса известных когнитивно-стилевых особенностей (в частности – полезависимости / полнезависимости), противоречивое сочетание которых нередко формирует такой специфический ресурс совладания, как «потребность в завершении» [63; 64]. Подобное сочетание несочетаемого в копинг-ответе косвенно свидетельствует о нарушении рациональности в оценке ситуации, и потому неудивительно, что по другим отечественным исследованиям констатируется усиление в процессах совладания с неопределенностью защитных механизмов и снижение количества рациональных стратегий [65], ведь пережить неопределенность помогают иррациональная вера в собственную неуязвимость, возможности контроля и справедливость мира.

Более сложное и одновременно целостное понимание оснований совладания имеет свое выражение и в отношении личностных ресурсов копинга. Достаточно характерным, на наш взгляд, здесь является все более частое обращение к концепту осознанности. При всем разнообразии существующих на данный момент конкретных подходов и методик определения осознанности [66–69] содержательно ее феноменология описывается двумя составляющими: 1) произвольной регуляцией внимания для сосредоточения в настоящем (наблюдение за собственным текущим состоянием, внутренним опытом и за внешними событиями, характеристиками самой ситуации), 2) особым отношением к получаемому опыту, основанном на его безоценочном принятии. При том что активное эмпирическое изучение закономерностей осознанности демонстрирует, что она оказывает позитивное влияние на эмоциональную сферу субъекта, снижая уровень тревоги и депрессии, на его когнитивные функции, способствуя внимательности и повышая работоспособность, и на психологическое благополучие в целом, возникает вопрос о механизмах, за счет которых происходит подобное влияние. Согласно ряду исследований, таковым механизмом могут выступать процессы совладания: существуют эмпирические данные о взаимосвязи высокого уровня осознанности и ряда конструктивных стратегий совладания, а также показана отрицательная связь высокой осознанности со стратегиями избегания и ухода при столкновении с трудностями [70], и потому сегодня достаточно распространенной является точка зрения об опосредующей роли копинга между осознанностью и психологическим благополучием. Однако существуют и другие данные, согласно которым сосредоточение на текущих переживаниях, в том числе негативных, свойственное высокой осознанности, может сопровождаться отказом от поведенческой активности, избеганием внешних стимулов и приводить к дезадаптивным стратегиям совладания [по: 71]. Однако здесь наблюдаются и кросс-культурные различия, и внутренние противоречия: так, согласно нашим данным, для российских

респондентов была характерна положительная взаимосвязь высокой осознанности с копинг-стратегией подавления конкурирующей деятельности и отрицательная – со стратегией ухода от проблемы, но и одновременно отсутствие каких-либо взаимосвязей с другими адаптивными стратегиями совладания, а для узбекских респондентов взаимосвязь осознанности с копингом отсутствовала в принципе [72].

2. Проблема эффективности копинга. Собственно, именно наличие внутренне противоречивых эмпирических данных о возможных ресурсах совладания создало основу второго исследовательского тренда, а именно более комплексного подхода к проблеме эффективности копинга.

Ряд зарубежных и отечественных исследований свидетельствует, что в ситуации неопределенности и глобальных рисков не приходится говорить об однозначной адаптивности / неадаптивности копингов – хотя бы в силу большой динамичности и непредсказуемости самой ситуации. Более весомое значение приобретают и конкретные средовые факторы, например характеристики близкого социального окружения субъекта. Так, на примере динамики совладания с трудными ситуациями в рамках школьного обучения показано, что характеристики современной образовательной среды не только могут оказывать влияние на особенности совладающего репертуара подростков (в силу того, что могут поощряться или наказываться разные способы преодоления трудностей), но и парадоксальным образом влиять на его успешность: например, в школах, где такая традиционно считаемая деструктивной стратегия как конфронтация вольно или невольно поддерживается, она становится источником формирования у подростка собственного мнения и дает возможность отстаивать его, развивая в том числе и различные другие социальные навыки и компетенции (см. уже указанную работу [26]). Очевидно также, что в ситуации глобальной неопределенности может меняться и общая картина мира субъекта, система его личностных смыслов. Косвенным доказательством тому являются эмпирические данные, полученные при изучении предикторов успешной адаптации в случае хронического заболевания: так, при изучении его предикторов совладания оказалось, что максимальный вклад в успешность копинга вносят не те или иные непосредственные способы преодоления, а восприятие болезни и приписываемый ей личностный смысл [по: 20].

Ситуация пандемии и периода самоизоляции дала новый импульс переосмыслению проблемы эффективности совладания, акцентировав уже звучавшую до того в исследованиях копинга мысль, что стратегии копинга могут менять свой адаптивный потенциал в силу возможности модерирования влияния эмоций на эффективность деятельности: например, стратегия самоконтроля как способ преодоления трудностей может снижать негативные переживания и, соответственно, влиять на такую стратегию копинга, как переоценка ситуации, но одновременно оказывать негативный эффект на результаты деятельности в силу

снижения концентрации на проблеме, требующей совладания. Рассматривая ситуацию пандемии как глобальный стрессор, имеющий кумулятивный эффект, сегодня исследователи также отмечают неоднозначность адаптивности / неадаптивности копинг-стратегий и их предикторов. Так, высокий уровень тревожности, обычно ведущий к деструктивным копингам, может парадоксальным образом не влиять на уровень толерантности / интолерантности к неопределенности, а сама интолерантность к неопределенности может выступить ресурсом, предупреждающим человека об опасности. Более того – как уже отмечалось выше [56], было показано, что при тревоге, связанной с неизбежным риском, концентрация на негативных эмоциях может не быть дисфункциональным копингом, т. к. не влияет на общее переживание психологического благополучия. Подобные эмпирические данные все более заставляют исследователей сегодня говорить об условности выделения адаптивных / дезадаптивных копинг-стратегий как таковых, переходя к их рассмотрению в общем контексте: характеристик потребностно-мотивационной сферы субъекта, динамики его образа мира и самого себя, особенностей взаимовлияния эмоциональной и когнитивной сфер [по: 73].

3. Процессуальные составляющие копинга. Наконец, обращаясь к третьему из выделяемых нами трендов современных исследований копинга, а именно вниманию к его процессуальным составляющим в виде проактивного совладания, отметим, что на его актуализацию в определенной степени оказали влияние первые два. Так, с одной стороны, все больший акцент на изучении закономерностей и следствий общей когнитивной оценки трудной ситуации как неопределенной привел к необходимости включения в анализ совладания процессов его динамики, в частности внимания к взаимопереходам копингов (от реактивных к проактивным и наоборот). С другой – в силу очевидной уже недостаточности рассмотрения конкретных личностных и когнитивных особенностей в качестве ресурсов совладания возникший акцент на комплексном понимании ресурсов в случае проактивности заставил в определенной степени переосмыслить само их понимание, что усилило т. н. ресурсные модели копинга [по: 74; 75].

Изучение проактивности в совладании как возможности предвосхитить будущие трудности (при этом в ситуациях, которые представляются субъекту принципиально вариативными по своему исходу и непредсказуемыми) опять же поставило перед исследователями вопрос о наличии некоторого ключевого ресурса совладания с трудностями, который может направлять и контролировать использование других ресурсов. При всем разнообразии полученных эмпирических данных в качестве такого ключевого ресурса чаще всего выделяют оптимизм, жизнестойкость и самооффективность [по: 76], т. е. диспозиции, тесно связанные с эмоциональной и мотивационной сферами, а также с целеполаганием. Очевидно, что представления о собственной самооффективности

не только определяют степень усилий, предпринимаемых человеком для решения своих актуальных проблем (т. е. реактивный копинг), но и в силу связанности с процессом целеполагания влияют на проактивное совладание. Однако при этом неоднозначные эмпирические данные были получены при попытках установить связь проактивности в совладании с уровнем субъективного благополучия человека: некоторые исследователи отмечают, что далеко не все аспекты проактивного совладания положительно коррелируют с высоким уровнем субъективного благополучия, а на отечественной выборке отмечается отсутствие такой связи [77]. В чем-то похожие эмпирические данные касаются связи проактивного копинга и субъективной удовлетворенности жизнью: так, некоторые зарубежные исследования не обнаруживают взаимосвязи между этими показателями, а отечественные – показывают ее наличие [78; 79]. Определенным решением для объяснения отмечаемых противоречий может стать включение в исследование такой опосредующей переменной, как текущее эмоциональное состояние субъекта копинга: например, наше недавнее исследование предикторов успешного проактивного совладания показывает, что оно опосредуется переживанием преимущественно положительных эмоций, которые уже в свою очередь являются весомым предиктором высокой удовлетворенности жизнью [58]. Однако последние эмпирические данные показывают, что данное опосредствование может иметь существенные кросс-культурные особенности [80].

Литература / References

1. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса. In: Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436. [Vygotsky L. S. The historical meaning of the psychological crisis. In: Vygotsky L. S. *Collected Works. Vol. 1. Questions of the theory and history of psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 291–436. (In Russ.)]
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с. [Leontyev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1977, 304. (In Russ.)] EDN: YPTEQM
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. 2-е изд. М.: Флинта, 2006. 352 с. [Erikson E. *Identity: youth and crisis*. 2nd ed. Moscow: Flinta, 2006, 352. (In Russ.)] EDN: QXPMCL
4. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Азбука, 2011. 478 с. [Freud Z. *Introduction to psychoanalysis: lectures*. Moscow: Azbuka, 2011, 478. (In Russ.)] EDN: QYBPNF
5. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Айрис-пресс, 2004. 464 с. [Horney K. *The neurotic personality of our time*. Moscow: Airis-press, 2004, 464. (In Russ.)] EDN: QXKGLX
6. Абабков В. А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004. 166 с. [Ababkov V. A., Perre M. *Adaptation to stress. Fundamentals of theory, diagnosis, and therapy*. St. Petersburg: Rech, 2004, 166. (In Russ.)] EDN: RBQNBB
7. Балл Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности. *Вопросы психологии*. 1989. № 1. С. 92–100. [Ball G. A. The concept of adaptation and its significance for personality psychology. *Voprosy Psikhologii*, 1989, (1): 92–100. (In Russ.)]
8. Lazarus R. S. From psychological stress to the emotions: A history of changing outlooks. *Annual Review of Psychology*, 1993, 44(1): 1–21. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.44.1.1>
9. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с. [Ross L., Nisbett R. *The person and the situation: perspectives of social psychology*. Moscow: Aspect Press, 1999, 429 p. (In Russ.)]
10. Гилович Т., Росс Л. Наука мудрости. М.: Individuum, 2019. 368 с. [Gilovich T., Ross L. *The science of wisdom*. Moscow: Individuum, 2019, 368. (In Russ.)]

Заключение

Кратко определим основные исследовательские задачи, которые связаны с указанными тенденциями. С нашей точки зрения, они могут быть обозначены: во-первых, как задача более интенсивного методического поиска (а именно – представляется перспективным обращение к качественным методам для изучения столь сложной феноменологии, каковой является копинг с неопределенностью); во-вторых, как существенный пересмотр моделей социальной адаптации человека в целом (а именно – утверждение в них скорее бифуркационных моментов, нежели линейных).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РНФ, проект № 22-18-00230 «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00230 "Predictors of psychological adaptation of personality in the situation of global risks of the digital world: intergenerational and gender analysis".

11. Белинская Е. П. Совладание как социально-психологическая проблема. *Психологические исследования*. 2009. № 1. [Belinskaya E. P. Coping as social-cultural problem. *Psychological Studies*, 2009, (1). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1001/541> (accessed 10 Aug 2022). EDN: KYTSCB
12. Белинская Е. П. Совладание с трудностями в эпоху новых информационных технологий: возможности и ограничения. *Психологические исследования*. 2014. Т. 7. № 38. [Belinskaya E. P. Coping with challenges in the era of new information technologies: opportunities and limitations. *Psychological Studies*, 2014, 7(38). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/577> (accessed 10 Aug 2022). EDN: TLPMRF
13. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118. [Rasskazova E. I., Gordeeva T. O., Osin E. N. Coping strategies in the structure of activity and selfregulation: psychometric properties and applications of the COPE inventory. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013, 10(1): 82–118. (In Russ.)] EDN: QYZBYT
14. Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы, ред. А. Л. Журавлев, Т. А. Крюкова, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2008. 474 с. [Coping behavior. Current state and prospects, eds. Zhuravlev A. L., Kryukova T. L., Sergienko E. A. Moscow: IP RAS, 2008, 474. (In Russ.)] EDN: PVNXUH
15. Хачатурова М. Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10. № 3. С. 160–169. [Khachaturova M. R. Coping repertoire of personality: a review. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013, 10(3): 160–169. (In Russ.)] EDN: SHBGAN
16. Lazarus R. S. Coping theory and research: Past, present and future. *Psychosomatic Medicine*, 1993, 55(3): 237–247. <https://doi.org/10.1097/00006842-199305000-00002>
17. Folkman S. Personal control and stress and coping processes: A theoretical analysis. *Journal of Personal and Social Psychology*, 1984, 46(4): 839–852. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.4.839>
18. Compas B. E., Connor-Smith J. K., Saltzman H., Thomsen A. H., Wadsworth M. E. Coping with stress during childhood and adolescence: Problems, progress, and potential in theory and research. *Psychological Bulletin*, 2001, 127(1): 87–127. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.1.87>
19. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub K. J. Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, 56(2): 267–283. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.2.267>
20. Абросимов И. Н., Ялтонский В. М. Выбор копинг-стратегии как фактор психологической адаптации пациента к хроническому соматическому заболеванию. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2018. № 4. С. 12–18. [Abrosimov I. N., Yaltonskiy V. M. The choice of coping strategy as a factor of psychological adaptation of the patient to chronic somatic disease. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2018, (4): 12–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25513/2410-6364.2018.4.12-18>
21. Шаргородская О. В. Влияние диспозиционных и социальных факторов на выбор совладающего поведения в ситуации болезни (ВИЧ-инфекции). *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 49. [Shargorodskaya O. V. The impact of dispositional and social factors on coping choice with a disease (HIV-infection). *Psychological Studies*, 2016, 9(49). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/434> (accessed 10 Aug 2022). EDN: YHHOKR
22. Bouchard G., Guillemette A., Landry-Léger N. Situational and dispositional coping: An examination of their personality, cognitive appraisals and psychological distress. *European Journal of Personality*, 2004, 18(3): 221–238. <https://doi.org/10.1002/per.512>
23. Куфтяк Е. В. Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрасте: динамика и детерминанты. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 3. С. 126–134. [Kuftyak E. V. Viability in teenagers and adolescents: dynamics and determinants. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2018, (3): 126–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2018-092-03-126-134>
24. Малышев И. В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации личности и копинг-поведенческих стратегий учащихся и студентов. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12. № 3. С. 69–74. [Malyshev I. V. Interrelation of the social-psychological adaptation of a personality and the coping-behaviour strategies of pupils and students. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology*, 2012, 12(3): 69–74. (In Russ.)] EDN: PDISCD
25. Солдатова Г. У., Зотова Е. Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн-ситуация и способы совладания. *Образовательная политика*. 2011. № 5. С. 11–22. [Soldatova G. U., Zotova E. Yu. Cyberbullying at school: a difficult online situation and ways of coping. *Obrazovatelnaia politika*, 2011, (5): 11–22. (In Russ.)] EDN: JGJBQM
26. Хломов К. Д., Бочавер А. А., Корнеев А. А. Копинг-стратегии и образовательная среда подростков. *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11. № 2. С. 180–199. [Khlomov K. D., Bochaver A. A., Korneev A. A. Coping strategies of adolescents and educational environment. *Social psychology and society*, 2020, 11(2): 180–199. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2020110211>

27. Frydenberg E., Lewis R. Teaching coping to adolescents: When and to whom? *American Educational Research Journal*, 2000, 37(3): 727–745. <https://doi.org/10.3102/00028312037003727>
28. Бодров В. А. Проблема преодоления стресса. Часть 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса. *Психологический журнал*. 2006. Т. 27. № 2. С. 113–123. [Bodrov V. A. Coping stress problem. Part II. Coping stress processes and resources. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2006, 27(2): 113–123. (In Russ.)] EDN: HULNBR
29. Cross S. E. Self-construals, coping, and stress in cross-cultural adaptation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1995, 26(6): 673–697. <https://doi.org/10.1177/002202219502600610>
30. Жданова С. Ю., Федотова В. А. Копинг-стратегии как механизмы адаптации иностранных студентов к условиям российской образовательной среды. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2018. № 4. С. 89–105. [Zhdanova S. Yu., Fedotova V. A. Coping strategies as adaptation mechanisms of foreign students to the new requirements of the Russian educational environment. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2018, (4): 89–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/vsp.2018.04.89>
31. *Handbook of multicultural perspectives on stress and coping*, eds. Wong P. T. P., Wong L. C. J. NY: Springer, 2006, 662.
32. Куфтяк Е. В. Жизнеспособность человека в условиях травматичных и стрессовых событий: теоретический обзор. *Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–27 апреля 2016 г.)*. М.: МГУДнТ, 2016. Ч. 3. С. 205–210. [Kuftyak E. V. The resilience of human in traumatic and stressful events: a theoretical review. *Humanitarian foundations of social progress: Russia and modernity: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 25–27 Apr 2016*. Moscow: MSUDT, 2016, pt. 3, 205–210. (In Russ.)] EDN: WJWPBP
33. Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В. Совладание с ролевой перегрузкой как проявление жизненного стиля современных женщин. *Образование и саморазвитие*. 2015. № 3. С. 150–157. [Kryukova T. L., Saporovskaya M. V. Coping with role overload as a manifestation of the lifestyle of modern women. *Education and Self Development*, 2015, (3): 150–157. (In Russ.)] EDN: UUWPEN
34. Фомина Е. А., Соломонов В. А. Гендерные особенности адаптации субъектов к ситуации смены видов профессиональной деятельности. *Актуальная Психология*. 2021. № 2. С. 159–164. [Fomina E. A., Solomonov V. A. Gender peculiarities of adaptation of subjects to the situation of changing types of professional activity. *Modern Psychology Scientific Bulletin*, 2021, (2): 159–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46991/SBMP/2021.4.2.159>
35. Weber H. Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations. *Anxiety, Stress and Coping*, 2003, 16(2): 133–153. <https://doi.org/10.1080/1061580031000120174>
36. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с. [Bauman Z. *Liquid modernity*. St. Petersburg: Piter, 2008, 240. (In Russ.)] EDN: QOABEJ
37. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. [Asmolov A. G. Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psychological Studies*, 2015, 8(40). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/550> (accessed 10 Aug 2022). EDN: TWHMAT
38. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Парадокс сосуществования адаптации и преадаптации в историко-эволюционном процессе. *Вопросы психологии*. 2021. Т. 67. № 4. С. 3–20. [Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. The paradox of the adaptation and preadaptation coexistence of in the historical and evolutionary process. *Voprosy Psikhologii*, 2021, 67(4): 3–20. (In Russ.)] EDN: VQJMDP
39. Марцинковская Т. Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития. *Консультативная психология и психотерапия*. 2019. Т. 27. № 3. С. 77–96. [Martsinkovskaya T. D. Information space of a transitive society: challenges and prospects. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2019, 27(3): 77–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270306>
40. Белинская Е. П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности. *Психологические исследования*. 2014. Т. 7. № 36. [Belinskaya E. P. Uncertainty as a category of modern social psychology of personality. *Psychological Studies*, 2014, 7(36). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/604> (accessed 10 Aug 2022). EDN: THSVPT
41. Львова Е. Н., Шлягина Е. И., Гусев А. Н. Применение теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга в исследовании особенностей совладания в ситуации неопределенности. *Национальный психологический журнал*. 2016. № 1. С. 19–27. [Lvova E. N., Shlyagina E. I., Gusev A. N. Using the Rosenzweig frustration picture test in the study of coping behaviour in the situation of uncertainty. *National Psychological Journal*, 2016, (1): 19–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0103>
42. Кандыбович С. Л. Стратегии психологической безопасности человека в условиях неопределенности. *Человеческий капитал*. 2018. № 8. С. 63–75. [Kandybovich S. L. Strategies for psychological human security under circumstances of uncertainty. *Human capital*, 2018, (8): 63–75. (In Russ.)] EDN: XUZCLR

43. Tormala Z. L. The role of certainty (and uncertainty) in attitudes and persuasion. *Current Opinion in Psychology*, 2016, 10: 6–11. <https://doi.org/10.1016/J.COPSYC.2015.10.017>
44. Битюцкая Е. В. Проблема циклической динамики копинга: характеристики процесса и методические решения. *Вопросы психологии*. 2022. Т. 68. № 1. С. 57–72. [Bityutskaia E. V. The problem of cyclic dynamics: process characteristics and methodological solutions. *Voprosy Psikhologii*, 2022, 68(1): 57–72. (In Russ.)] EDN: OETXGL
45. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? *Вопросы психологии*. 2007. № 6. С. 3–20. [Zinchenko V. P. Tolerance towards vagueness: is it news or a psychological tradition? *Voprosy Psikhologii*, 2007, (6): 3–20. (In Russ.)] EDN: QCSVTD
46. Емельянова Т. П., Нестик Т. А. Проблема глобальных рисков в социально-психологических исследованиях. *Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности*, отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2018. С. 696–705. [Emelyanova T. P., Nestik T. A. Problem of global risks in socio-psychological studies. *Human psychology as a subject of knowledge, communication, and activity*, eds. Znakov V. V., Zhuravlev A. L. Moscow: IP RAS, 2018, 696–705. (In Russ.)] EDN: YNXNQT
47. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ и перспективы исследований. *Разработка понятий современной психологии*, отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: ИП РАН, 2021. Т. 3. С. 503–537. [Nestik T. A., Zhuravlev A. L. Attitudes to global risks: socio-psychological analysis and research prospects. *Development of concepts of modern psychology*, eds. Zhuravlev A. L., Sergienko E. A., Kharlamenkova N. E., Vilenskaya G. A. Moscow: IP RAS, 2021, vol. 3, 503–537. (In Russ.)] https://doi.org/10.38098/thry_21_0439_15
48. Rönnlund M., Del Missier F., Mäntylä T., Carelli M. G. The fatalistic decision maker: Time perspective, working memory, and older adults' decision-making competence. *Frontiers in Psychology*, 2019, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02038>
49. Clayton S., Manning C. M., Krygman K., Speiser M. *Mental health and our changing climate: Impacts, implications, and guidance*. Washington, D.C.: American Psychological Association, and ecoAmerica, 2017. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf> (accessed 10 Aug 2022).
50. Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2020. Т. 5. № 2. С. 47–83. [Nestik T. A. The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020, 5, (2): 47–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002>
51. Yu H., Li M., Li Z., Xiang W., Yuan Y., Liu Y., Li Z., Xiong Z. Coping style, social support and psychological distress in the general Chinese population in the early stages of the COVID-2019 epidemic. *BMC Psychiatry*, 2020, 20. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3556633>
52. Jacobson N. C., Lekkas D., Price G., Heinz M. V., Song M., James O'Malley A., Barr P. J. Flattening the mental health curve: COVID-19 stay-at-home orders result in alterations in mental health search behavior in the United States. *JMIR Mental Health*, 2020, 7(6). <https://doi.org/10.2196/19347>
53. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: From medical staff to common people. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020, 87: 23–24. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.03.032>
54. Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19. *Психолого-педагогические исследования*. 2020. Т. 12. № 2. С. 108–126. [Enikolopov S. N., Boyko O. M., Medvedeva T. I., Vorontsova O. U., Kazmina O. U. Dynamics of psychological reactions at the start of the pandemic of COVID-19. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 2020, 12(2): 108–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120207>
55. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Малева Т. М., Алдошина Т. Л., Сорокина С. С. Кросскультурный мониторинг образов инфодемии и пандемии. Антропологические последствия пандемии. *Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития*, ред. В. С. Гуревич, С. М. Дробышевский, А. В. Колесников, В. А. Мау, С. Г. Синельников-Мурылев. М.: ИЭП, 2020. Т. 12. С. 40–48. [Asmolov A. G., Soldatova G. U., Chigarkova S. V., Maleva T. M., Aldoshina T. L., Sorokina S. S. Cross-cultural monitoring of pandemic and infodemia images. Anthropological implications. *Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development*, eds. Gurevich V. S., Drobyshevsky S. M., Kolesnikov A. V., Mau V. A., Sinelnikov-Murylev S. G. Moscow: IEP, 2020, vol. 12, 40–48. (In Russ.)] EDN: TDBSPQ
56. Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание. *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. [Rasskazova E. I., Leontiev D. A., Lebedeva A. A. Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020, 28(2): 90–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>

57. Марцинковская Т. Д., Юрченко Н. И. Проблема совладания в транзитивном обществе. *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 49. [Martsinkovskaya T. D., Yurchenko N. I. Coping strategies in transitive society. *Psychological Studies*, 2016, 9(49). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/430> (accessed 10 Aug 2022). EDN: YHHOLL
58. Белинская Е. П., Вечерин А. В., Агадуллина Е. Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности. *Клиническая и специальная психология*. 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211. [Belinskaya E. P., Vecherin A. V., Agadullina E. R. Proactive coping inventory: adaptation to a non-clinical sample and the predictive capability. *Clinical Psychology and Special Education*, 2018, 7(3): 192–211. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070312>
59. Рассказова Е. И. Возможности диспозиционной и ситуативной оценки копинг-стратегий (на примере применения общей и специфичной для пандемии версий методики COPE). *Экспериментальная психология*. 2022. Т. 15. № 1. С. 204–219. [Rasskazova E. I. Possibilities of dispositional and situational variants of coping strategies assessment (on the model of general and pandemic-specific versions of COPE). *Experimental Psychology (Russia)*, 2022, 15(1): 204–219. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150113>
60. Корнилова Т. В. Совладание с неопределенностью: связи с эмоциональным интеллектом, готовностью к риску и рациональностью. *Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие*: IV Междунар. науч. конф. (Кострома, 22–24 сентября 2016 г.) Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. Т. 1. С. 37–39. [Kornilova T. V. Coping with uncertainty: links with emotional intelligence, risk readiness and rationality. *Psychology of stress and coping behavior: resources, health, and development*: IV Intern. Sci. Conf., Kostroma, 22–24 Sep 2016. Kostroma: Kostroma SU, 2016, vol. 1, 37–39. (In Russ.)] EDN: XIOFTP
61. Weinstein N., Brown K. W., Ryan R. M. A multi-method examination of the effects of mindfulness on stress attribution, coping, and emotional well-being. *Journal of Research in Personality*, 2009, 43(3): 374–385. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2008.12.008>
62. Parker J. D. A., Endler N. S. Coping and defence: a historical overview. *Handbook of coping: Theory, research, application*, eds. Zeidner M., Endler N. S. NY: Wiley, 1996, 3–23.
63. Kossowska M., Czarnek G., Wyczesany M., Wronka E., Szwed P., Bukowski M. Electrocortical indices of attention correlate with need for closure. *NeuroReport*, 2015, 26(5): 285–290. <https://doi.org/10.1097/WNR.0000000000000345>
64. Sankaran S., Grzymala-Moszczynska J., Strojny A., Strojny P., Kossowska M. Rising up to the 'challenge'? The role of need for closure and situational appraisals in creative performance. *Personality and Individual Differences*, 2017, 106, 136–145. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2016.10.045>
65. Орестова В. Р., Ткаченко Д. П., Манчхашвили М. А. Иррациональность мышления как способ совладания с неопределенностью современного мира. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2021. № 4. С. 50–64. [Orestova V. R., Tkachenko D. P., Manchhashvili M. A. Irrationality of thinking as a way of cope with the uncertainty of the modern world. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2021, (4): 50–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-50-64>
66. Langer E. Mindfulness isn't much harder than mindlessness. *Harvard Business Review*. 13.01.2016. URL: <https://hbr.org/2016/01/mindfulness-isnt-much-harder-than-mindlessness> (accessed 10 Aug 2022).
67. Lynch S., Gander M.-L., Kohls N., Kudielka B., Walach H. Mindfulness-based coping with university life: A non-randomized wait-list controlled pilot evaluation. *Stress and Health*, 2011, 27(5): 365–375. <https://doi.org/10.1002/smi.1382>
68. Moeller R. W., Seehuus M., Simonds J., Lorton E., Randle T. S., Richter C., Peisch V. The differential role of coping, physical activity, and mindfulness in college student adjustment. *Frontiers in Psychology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01858>
69. Shapiro S. L., Oman D., Thoresen C. E., Plante T. G., Flinders T. Cultivating mindfulness: Effects on well-being. *Journal of Clinical Psychology*, 2008, 64(7): 840–862. <https://doi.org/10.1002/jclp.20491>
70. Keng S.-L., Tong E. M. W. Riding the tide of emotions with mindfulness: Mindfulness, affect dynamics, and the mediating role of coping. *Emotion*, 2016, 16(5): 706–718. <https://doi.org/10.1037/emo0000165>
71. Голубев А. М., Дорошева Е. А. Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 69. С. 46–68. [Golubev A. M., Dorosheva E. A. Psychometrical characteristics and applied features of a Russian version of Five Facet Mindfulness Questionnaire (FFMQ). *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal*, 2018, (69): 46–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/69/3>
72. Белинская Е. П., Джуряева М. Р. Взаимосвязь проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями и уровня осознанности: кросс-культурный анализ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2021. Т. 11. № 1. С. 48–62. [Belinskaya E. P., Dzhueraeva M. R. The relationship between proactive coping with difficult life situations and the level of mindfulness: a cross-cultural analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, 11(1): 48–62. (In Russ.)] EDN: ZGSZPX

73. Битюцкая Е. В. Успешность копинга. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 19. № 2. С. 382–404. [Bityutskaya E. V. Coping success. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, 19(2): 382–404. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-382-404>
74. Greenglass E. R. Proactive coping. *Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges*, ed. Frydenberg E. London: Oxford University Press, 2002, 37–62.
75. Greenglass E., Fiksenbaum L. Proactive coping, positive affect, and well-being. *European Psychologist*, 2009, 14(1): 29–39. <https://doi.org/10.1027/1016-9040.14.1.29>
76. Frydenberg E. Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes. *Australian Journal of Psychology*, 2014, 66(2): 82–92. <https://doi.org/10.1111/ajpy.12051>
77. Старченкова Е. С. Ресурсы проактивного совладающего поведения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2012. № 1. С. 51–61. [Starchenkova E. S. Psychological resource of proactive coping behavior. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2012, (1): 51–61. (In Russ.)] EDN: OVYUBJ
78. Bogdan C., Rioux L., Negovan V. Place attachment, proactive coping and well-being in university environment. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, 33: 865–869. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.01.245>
79. Яременко А. И., Исаева Е. Р., Колегова Т. Е., Ситкина Е. В., Васильева Ю. В. Удовлетворенность качеством жизни пациентов с минимальными рубцовыми деформациями лица и шеи. *Клиническая и специальная психология*. 2018. Т. 7. № 1. С. 75–90. [Iaremenko A. I., Isaeva E. R., Kolegova T. E., Sitkina E. V., Vasilieva J. V. Satisfaction with quality of life in patients with minimum cicatricial damage of the face and neck. *Clinical Psychology and Special Education*, 2018, 7(1): 75–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070106>
80. Агадулина Е. Р., Белинская Е. П., Джураева М. Р. Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия. *Национальный психологический журнал*. 2020. № 3. С. 30–38. [Agadullina E. R., Belinskaya E. P., Dzhuraeva M. R. Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences. *National Psychological Journal*, 2020, (3): 30–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0304>

оригинальная статья

Эмоциональная готовность студентов-журналистов к профессиональной деятельности на разных этапах обучения в вузе

Дзвоник Вероника Петровна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
veronika_dzv0nik@mail.ru

Поступила в редакцию 25.08.2022. Принята после рецензирования 29.11.2022. Принята в печать 30.11.2022.

Аннотация: Рассматривается понятие эмоциональной готовности в структуре психологической готовности к профессиональной деятельности. Теоретически обосновано, что эмоциональная готовность входит в структуру компонентов психологической готовности. Выявлены содержательные характеристики эмоциональной готовности к профессиональной деятельности: эмоциональная осведомленность, управление своими эмоциями, управление чужими эмоциями, эмпатия, самомотивация. Описаны особенности проявления содержательных характеристик эмоционального компонента психологической готовности студентов-журналистов к профессиональной деятельности на разных этапах обучения в вузе. Экспериментально доказано, что участие журналистов в создании учебных и внеучебных медиапроектов и погружение на практике в телевизионную среду позволяют повысить их эмоциональную готовность к профессиональной деятельности. Выпускники отличаются эмоциональной осведомленностью и эмпатией, способностью управлять своими эмоциями, однако испытывают сложности с самомотивацией и воздействием на эмоции других людей, что связано с недостаточным жизненным и профессиональным опытом. Результаты исследования свидетельствуют о том, что эмоциональный компонент психологической готовности будущих журналистов требует внедрения на разных этапах вузовской подготовки комплексной программы психолого-педагогического сопровождения, которая позволит обучающимся определять и контролировать эмоциональное состояние, выстраивать коммуникативные стратегии для межличностного общения.

Ключевые слова: журналистика, готовность, психологическая готовность, студенты, содержательные характеристики эмоциональной готовности, обучение, специально организованные условия

Цитирование: Дзвоник В. П. Эмоциональная готовность студентов-журналистов к профессиональной деятельности на разных этапах обучения в вузе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 772–777. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-772-777>

full article

Professional Emotional Readiness in Future Journalists at Different Stages of University Education

Veronika P. Dzvоник
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
veronika_dzv0nik@mail.ru

Received 25 Aug 2022. Accepted after peer review 29 Nov 2022. Accepted for publication 30 Nov 2022.

Abstract: Emotional readiness plays an important role in the general structure of psychological readiness for professional activity. This article provides a theoretical substantiation of the place that emotional readiness occupies in the structure of psychological readiness. Professional emotional readiness includes emotional awareness, coping with one's own emotions and with those of others, empathy, and self-motivation. The research revealed various emotional manifestations of psychological readiness in university students that majored in journalism at different years of study. The study included an experiment that proved the beneficial impact of student journalism as part of academic and extracurricular media projects, especially those connected with filming. The undergraduates that participated in such activities proved able to cope with emotions and demonstrated a better emotional awareness and empathy. However, they proved unable to cope with other people's emotions and had a low self-motivation. These problems might be associated with insufficient life and professional experience. Therefore, the emotional development of future journalists requires a comprehensive program of psychological and pedagogical support at different stages of university education. Such an approach may help students to interpret and control their own emotional state, as well as to build effective communicative strategies for interpersonal communication.

Keywords: journalism, readiness, psychological readiness, students, meaningful characteristics of emotional readiness, training, specially organized conditions

Citation: Dzvonik V. P. Professional Emotional Readiness in Future Journalists at Different Stages of University Education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 772–777. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-772-777>

Введение

Трудоустройство выпускников является одним из показателей качества высшего образования, его соответствия запросам к потенциальным сотрудникам, предъявляемым работодателями, и их экспертной оценки готовности выпускника университета к профессиональной деятельности за пределами вуза. В числе качеств, которыми в обязательном порядке должен обладать журналист, редакторы СМИ называют стрессоустойчивость. По данным Росстата, в 2021 г. 24 % выпускников вузов пошли работать по профессии: к окончанию обучения старшекурсники осознают, что работа, на которую они могут трудоустроиться, не соответствует их ожиданиям¹. В числе причин отмечаются ненормированный график, повышенная ответственность, постоянный стресс, не отвечающая запросам заработная плата. В то же время не менее 40 % работодателей страны испытывают дефицит кадров, который является индикатором необходимости формирования в рамках вуза психологической готовности студентов к профессиональной деятельности. В настоящее время недостаточно изученной остается эмоциональная готовность как компонент в структуре психологической готовности студентов-журналистов к профессиональной деятельности.

И. А. Зимняя определяет период студенчества как центральный в жизни человека, обращая внимание на закономерность: чем четче представление обучающегося о будущей профессии, тем больше он заинтересован, нацелен на учебный процесс и включен в него [1].

Э. Г. Эриксон одним из основополагающих для студенческого периода называет понятие психосоциального моратория, под которым подразумевается этап, когда учащиеся вузов могут экспериментировать, чтобы найти свое место в социуме. Причем данные поиски и смены интересов оцениваются обществом с пониманием в связи с переходным статусом периода – от зависимого детства к самостоятельной взрослости. По Э. Г. Эриксону, юность, к которой относится период студенчества, характеризуется кризисом идентичности, появлением чувства собственной неповторимости, проявлением самостоятельности и инициативности [2]. В этот период человек поступает в университет, где начинается поэтапная подготовка к дальнейшей профессиональной деятельности. Важное значение на данном жизненном этапе имеет психологическая готовность личности к осуществлению деятельности.

А. В. Качалко определяет психологическую готовность как совокупность стабильных психологических особенностей, под которыми понимаются личностные свойства и ситуативные психологические характеристики [3, с. 98]. С точки зрения Л. В. Лежниной, психологическая готовность к профессиональной деятельности отражает уровень готовности человека к профессии [4].

Концептуальную основу нашего понимания готовности составили исследования [5–7]. В. А. Сластенин и Л. С. Подымова включают в структуру готовности мотивационный, креативный, технологический и рефлексивный (эмоциональный) компоненты [5, с. 44]. По мнению А. А. Деркача, готовность представляет проявление личностных свойств и включает когнитивный, эмоциональный и мотивационный компоненты. В контексте исследований А. А. Деркача развитие готовности – это организация накапливаемой общественной информации в систему, которая впоследствии позволяет индивиду эффективно выполнять различные функции [6]. М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович выделяют мотивационный, операционный, ориентационный, волевой и оценочный компоненты готовности и подразделяют под ней единство устойчивых и ситуативных установок на активные и целесообразные действия [7].

В отличие от А. А. Деркача, определившего три компонента психологической готовности, И. С. Морозова и Е. В. Воронина выделяют сразу пять: ценностно-мотивационный, синергетический, личностный, предметно-функциональный и учебно-компетентностный. Исследователи полагают, что процесс становления и формирования психологической готовности к профессиональной деятельности в вузе целесообразно рассматривать как важный, но не заключительный этап: формирование готовности продолжается в условиях деятельности в трудовом коллективе [8]. В. Ф. Жукова предлагает рассматривать следующие компоненты психологической готовности: мотивационный, эмоционально-волевой, ориентировочно-мобилизационный, познавательно-оценивающий, операционно-деятельный, когнитивный [9, с. 121].

На основе теоретического анализа исследований и последующего обобщения результатов нами предложены следующие структурные компоненты психологической готовности студентов к профессиональной деятельности: мотивационный, личностный, компетентностный и эмоциональный.

¹ Только 24 % выпускников вузов в 2021 году пошли работать по специальности. ТАСС. 19.05.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14669939> (дата обращения: 15.11.2022).

Эмоциональная готовность рассматривается как отношение к деятельности с точки зрения эмоций [10]; готовность к распознаванию эмоций и управлению эмоциями других людей [11, с. 223]. На наш взгляд, эмоциональная готовность представляет собой комплексное образование, связанное с переживанием субъектом процессов, происходящих внутри человека и во внешней среде, включающее способность распознавать личные и чужие эмоции, эмоциональную гибкость, эмпатию. Данный компонент в составе психологической готовности является гибким как по причине социальной детерминированности, так и ввиду самой структуры личности.

Опираясь на точку зрения Е. П. Ильина, к наиболее значимым показателям эмоциональной готовности отнесены эмпатические способности и эмоциональная устойчивость [12]. Н. А. Кряжева понимает под эмоциональной готовностью способность к сопереживанию, умение различать и понимать свои и чужие эмоции [13]. Е. В. Гараева определяет эмоциональную готовность как совокупность высокого уровня контроля импульсивности, умения преодолевать ситуативные эмоции и произвольно управлять чувствами [14]. По мысли А. С. Выготского, эмоции представляют собой субъективные реакции личности на внешние и внутренние стимулы, отражающие их личностный смысл для субъекта и проявляющиеся в различных формах переживаний [15]. Эмоции развиваются по единому для функций психики пути: от социально обусловленных внешних форм к внутренним психическим процессам.

В рамках изучения эмоционального компонента готовности к профессиональной деятельности центральное место занимает понятие эмоционального интеллекта. Данное понятие вошло в научный дискурс благодаря Дж. Д. Майеру и П. Саловею, которые определяют его как способность воспринимать и понимать проявления личности, выражаемые в эмоциях, а также управлять своими эмоциями на основе интеллектуальных процессов [16]. По мнению С. Н. Ковшиловой, эмоциональный интеллект является воплощением системы умений, позволяющей выбрать эффективный способ построения отношений с людьми и дающей студенту возможность выстраивать вектор личностного и профессионального развития: сохранять стойкость в стрессовых ситуациях, развивать гибкость, критическое мышление, коммуникабельность, эмпатию [17, с. 47–48]. В. Н. Гордиенко и Т. И. Гордиенко определяют эмоциональный интеллект как «психологический фактор, обеспечивающий эффективные варианты социально-психологической адаптации к академической и социальной среде высшего учебного заведения» [18]. Д. В. Люсин включает в структуру эмоционального интеллекта внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект. В первом случае речь идет о понимании собственных эмоций и управлении ими, во втором – о понимании и управлении эмоциями окружающих [19, с. 29].

По результатам теоретического анализа сформулирована цель исследования – выявить особенности проявления содержательных характеристик эмоционального компонента психологической готовности студентов-журналистов к профессиональной деятельности на разных этапах обучения в вузе. Гипотеза исследования: участие журналистов в создании учебных и внеучебных медиапроектов и погружение на практике в телевизионную среду позволяют повысить их эмоциональную готовность к профессиональной деятельности.

Методы и материалы

Исследование содержательных характеристик эмоциональной готовности к профессиональной деятельности проводилось на базе Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (КемГУ) в период 2019–2022 гг. Выборку составили 75 студентов первого, второго и третьего курсов направления *Журналистика*. Журналисты на разных этапах обучения вовлекались в проектную деятельность в рамках учебных дисциплин (*Техника и технология телевидения*, *Выпуск учебной телепрограммы*, *Основы тележурналистики*) и внеучебной деятельности (проекты «Прямая линия с ректором», «Слабое звено», «Под вопросом», «Игра в зачетку», «Не жди меня», «Паранормальные»). Проект «Прямая линия с ректором» направлен на знакомство с профессией и социализацию студентов первого курса, которые в первый месяц обучения на добровольной основе принимают участие в проектной деятельности, организованной в рамках внеучебной работы.

По итогам двух месяцев работы журналисты получают опыт реализации крупного проекта в команде, навыки принятия решений в условиях многозадачности, эмоциональной устойчивости в стрессовых ситуациях (прямой эфир, агрессия пользователей социальных сетей, сжатые временные рамки), умение оперативного знакомства с различными службами и структурными подразделениями вуза. Практическая дисциплина *Выпуск учебной телепрограммы* направлена на производство учебного медиапродукта под руководством преподавателя-модератора, в рамках занятий моделируются условия, приближенные к производству видеоконтента в профессиональных редакциях: студенты пробуют себя в роли ведущих, корреспондентов, операторов, главных редакторов [20]. В рамках практической дисциплины *Техника и технология телевидения* студенты принимают участие в съемках учебного проекта «Слабое звено», который в игровой форме позволяет проверить теоретические знания, полученные в течение семестра, а также стать участниками телевизионного шоу и от первого лица познакомиться с принципами создания развлекательных шоу на телевидении. В ходе изучения дисциплины *Основы тележурналистики* студенты ведут работу над созданием командного телевизионного проекта: студентами от идеи до итоговой презентации

экспертам реализуются в форме пародий взятые за основу программы, существующие на российском или зарубежном телевидении. К их числу относятся следующие проекты: «Паранормальные» (пародия на шоу «Битва экстрасенсов»), «Под вопросом» (аналог программы «Что, где, когда»), «Игра в зачетку» (отсылка к сериалу «Игра в кальмара»), «Не жди меня» (пародия на программу «Жди меня»). Формат пародии позволяет студентам в игровой форме получить на съемочной площадке навыки создания телевизионного продукта и научиться работать в команде.

Для диагностики уровня содержательных характеристик эмоционального компонента психологической готовности у студентов-журналистов разных курсов направления *Журналистика* выбрана методика «Эмоциональный интеллект» Н. Холла [21, с. 41–42], шкалы которой позволяют описать содержательные характеристики эмоционального компонента психологической готовности:

- эмоциональная осведомленность – уровень осознания и понимания собственных эмоций;
- управление своими эмоциями – уровень произвольности в процессе управления эмоциями;
- управление чужими эмоциями – уровень сформированности умения воздействовать на эмоциональное состояние других людей;
- эмпатия – уровень понимания эмоций других людей по характерным жестам, мимике, оттенкам речи, сформированности умения сопереживать эмоциональному состоянию другого человека, готовность оказать поддержку;
- самомотивация – уровень управления собственным поведением за счет управления эмоциями и стимулирования интенций.

При проведении исследования использованы следующие методы: анализ психолого-педагогической литературы, наблюдение за студентами в процессе работы над медиапроектами, статистический метод (t-критерий Стьюдента для независимых выборок).

Результаты

Проведенные диагностические процедуры с использованием методики «Эмоциональный интеллект» Н. Холла позволили отследить, как в процессе обучения меняются содержательные характеристики эмоциональной готовности к профессиональной деятельности у студентов-журналистов (табл.).

Анализ данных, полученных в ходе диагностики эмоциональной готовности студентов первого и второго курсов, не выявил статистически значимых отличий между показателями *управление своими эмоциями* ($t = 0,82$; $p = 0,207$), *управление чужими эмоциями* ($t = 0,39$; $p = 0,35$), *эмпатия* ($t = 0,46$; $p = 0,32$), *самомотивация* ($t = 0,14$; $p = 0,45$). Если студентам первого курса свойственен кризис, связанный с адаптацией к новому месту обучения, людям и условиям, то студенты второго курса сталкиваются с кризисом

Табл. Средние значения содержательных характеристик эмоционального компонента психологической готовности студентов-журналистов на различных этапах обучения в вузе
Tab. Mean values of the emotional component of the psychological readiness in students of journalism at various stages of university studies

Содержательные характеристики	1 курс	2 курс	3 курс	Значимые различия
Эмоциональная осведомленность	25,16	27,64	30,48	1–2, 1–3, 2–3
Управление своими эмоциями	20,88	22,80	25,64	1–3
Управление чужими эмоциями	28,92	29,44	30,68	–
Эмпатия	28,36	29,00	30,76	1–3
Самомотивация	30,72	30,56	29,80	–

профессионального развития, обусловленным выбором будущей специализации, страхом перед применением теоретических знаний в рамках практик в пресс-службах и средствах массовой информации.

Статистически значимые различия в степени выраженности параметра *эмоциональная осведомленность* у студентов первого и второго курсов ($t = 1,44$; $p = 0,008$) свидетельствуют о положительной динамике в области осознания и понимания будущими журналистами собственных эмоций. Кроме того, выявлены статистически значимые отличия между студентами первого и третьего курсов на уровне $p \leq 0,05$ по параметрам *эмоциональная осведомленность* ($t = 4,14$; $p = 0,00007$), *управление своими эмоциями* ($t = 2,34$; $p = 0,011$), *эмпатия* ($t = 1,72$; $p = 0,045$). В ходе сравнения показателей *управление чужими эмоциями* ($t = 1,28$; $p = 0,103$) и *самомотивация* ($t = 0,79$; $p = 0,217$) значимых отличий у данной группы не выявлено. Низкие показатели эмоциональной готовности у студентов первого курса обусловлены периодом адаптации к учебной среде. Рост показателей у обучающихся на третьем курсе обусловлен прохождением производственных практик: студенты получают опыт взаимодействия с коллегами, преподавателями, героями журналистских материалов, ими пройден этап социализации в ходе внеучебной проектной деятельности и практикоориентированных учебных дисциплин. С осознанием важности реализации журналистами функции социального контроля у студентов растет уровень эмпатии.

В ходе анализа показателей эмоционального интеллекта студентов второго и третьего курсов выявлены статистически значимые отличия по критерию *эмоциональная осведомленность* ($t = 1,79$; $p = 0,04$), свидетельствующие о формировании к окончанию третьего курса у студентов-журналистов общего представления об устройстве собственного эмоционального интеллекта и интеллекта

респондентов. По показателям *управление своими эмоциями* ($t = 1,20$; $p = 0,12$), *управление чужими эмоциями* ($t = 0,9$; $p = 0,19$), *эмпатия* ($t = 1,22$; $p = 0,12$), *самотивация* ($t = 0,63$; $p = 0,27$) статистически значимые отличия не выявлены. Это позволяет констатировать, что студенты третьего курса отличаются способностью понимать причины возникновения отрицательных эмоций, распознавать эмоции других людей, но в то же время им сложно проявлять эмоциональную отходчивость, гибкость, произвольно управлять своими эмоциями. К заключительному году обучения в вузе старшекурсники отличаются эмоциональной осведомленностью и эмпатией, способны управлять своими эмоциями, однако испытывают сложности с воздействием на эмоции других людей и самотивацией, что может быть связано с недостаточным жизненным и профессиональным опытом. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости внедрения комплексной программы психолого-педагогического сопровождения на разных этапах обучения в вузе.

Заключение

Журналистика относится к профессии типа человек – человек, где эмоциональная составляющая оказывает значительное влияние на качество итогового контента и коммуникацию в профессиональной среде. Эмоциональный компонент психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов-журналистов включает ряд содержательных характеристик: эмоциональную осведомленность, управление своими эмоциями, управление чужими эмоциями, эмпатию и самотивацию.

В ходе исследования эмоционального компонента психологической готовности к профессиональной деятельности студентов направления *Журналистика* выявлено чередование кризисных этапов, возникающих в процессе обучения. Так, студентам первого курса присущ кризис адаптации, второго курса – кризис профессионального развития, обусловленный выбором будущей специализации, необходимостью применения на практике полученных в вузе умений. Рост содержательных характеристик эмоциональной готовности на третьем курсе связан с непосредственной реализацией полученных теоретических знаний на практике. К концу третьего курса студенты способны контролировать эмоции, сопереживать окружающим и интерпретировать эмоциональное состояние других людей.

Участие журналистов в создании учебных и внеучебных медиапроектов и погружение на практике в телевизионную среду содействуют повышению эмоциональной готовности к профессиональной деятельности. Комплексная программа психолого-педагогического сопровождения на разных этапах обучения в вузе позволит обучающимся определять и контролировать эмоциональное состояние, а также выстраивать межличностное общение на основании коммуникативных стратегий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Зимняя И. А. Педагогическая психология. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М.: Логос, 2005. 384 с. [Zimniaia I. A. *Pedagogical psychology*, 2nd ed. Moscow: Logos, 2005, 384. (In Russ.)] EDN: QXLRJ
2. Эриксон Э. Г. Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с. [Erikson E. H. *Childhood and society*, 2nd ed. St. Petersburg: Lenato; AST; Fond "Universitetskaya kniga", 1996, 592. (In Russ.)] EDN: RUUYWV
3. Качалко А. В. Научное обоснование модели формирования психологической готовности к профессиональной деятельности. *Вестник МДПУ им. И. П. Шамякина*. 2009. № 2. С. 97–102. [Kachalko A. V. Scientific substantiation of the model of formation of psychological readiness for professional activity. *Vestnik MDPU imia I. P. Shamiakina*, 2009, (2): 97–102. (In Russ.)]
4. Лежнина Л. В. Результат современного профессионального обучения: компетентность, компетенции или готовность к деятельности. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2015. № 3. С. 30–33. [Lezhnina L. V. Results of modern vocational education: competence, competencies or aptness for activity. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2015, (3): 30–33. (In Russ.)] EDN: VBBQUF
5. Сластенин В. А., Подымова Л. С. Готовность педагога к инновационной деятельности. *Сибирский педагогический журнал*. 2007. № 1. С. 42–49. [Slastenin V. A., Podymova L. S. Teacher's readiness for innovative activity. *Siberian Pedagogical Journal*, 2007, (1): 42–49. (In Russ.)] EDN: JVTMSF
6. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004. 752 с. [Derkach A. A. *Acmeological foundations of professional development*. Moscow: MPSI; Voronezh: SPA MODEK, 2004, 752. (In Russ.)] EDN: QXHJPT
7. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Мн.: БГУ, 1976. 175 с. [Dyachenko M. I., Kandybovich L. A. *Psychological problems of readiness for activity*. Minsk: BSU, 1976, 175. (In Russ.)]

8. Морозова И. С., Воронова Е. В. Динамика содержательных характеристик компонентов психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе. *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 18. С. 340–344. [Morozova I. S., Voronova E. V. Content dynamics of the psychological readiness of psychology department students to professional activities at various stages of study at the university. *Theory and Practice of Social Development*, 2015, (18): 340–344. (In Russ.)] EDN: UMSFOF
9. Жукова В. Ф. Психолого-педагогический анализ категории «психологическая готовность». *Известия Томского политехнического университета*. 2012. Т. 320. № 6. С. 117–121. [Zhukova V. F. Psychological and pedagogical analysis of the category "psychological readiness". *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, (6): 117–121. (In Russ.)] EDN: OZQTRN
10. Тихомирова Ю. М. Теоретический анализ структурных компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности. *Психологические науки: теория и практика: мат-лы II Междунар. науч. конф. (Москва, 20–23 марта 2014 г.)*. М.: Буки-Веди, 2014. С. 6–9. [Tikhomirova Yu. M. Theoretical analysis of structural components of psychological readiness for professional activity. *Psychological sciences: theory and practice: Proc. II Intern. Sci. Conf., Moscow, 20–23 Mar 2014*. Moscow: Buki-Vedi, 2014, 6–9. (In Russ.)] EDN: SWLKUD
11. Яковлева Ю. В. Критерии и показатели развития эмоциональной устойчивости будущих педагогов. *Ярославский педагогический вестник*. 2014. Т. 2. № 1. С. 220–224. [Yakovleva Yu. V. Criteria and indicators of development of future teachers' emotional stability. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2014, 2(1): 220–224. (In Russ.)] EDN: RZLXNZ
12. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с. [Ilyin E. P. *Emotions and feelings*. St. Petersburg: Piter, 2001, 752. (In Russ.)] EDN: UANZFL
13. Кряжева Н. А. Развитие эмоционального мира детей. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 185 с. [Kryazheva N. L. *Development of the emotional world of children*. Ekaterinburg: U-Faktoriia, 2004, 185. (In Russ.)] EDN: QXIIVD
14. Гараева Е. В. Эмоционально-волевая готовность как интегративный компонент готовности детей к школьному обучению. *Педагогическое образование в России*. 2019. № 6. С. 125–130. [Garaeva E. V. Emotional-volitional readiness as integrative component of readiness children to school training. *Pedagogical Education in Russia*, 2019, (6): 125–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/po19-06-17>
15. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с. [Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 2. Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 504. (In Russ.)]
16. Mayer J. D., Salovey P. What is emotional intelligence? *Emotional development and emotional intelligence: educational implications*, eds. Salovey P., Sluyter D. J. NY: Basic Books, 1997, 3–31.
17. Ковшилова С. Н. Особенности эмоционального интеллекта студентов. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2010. № 11-1. С. 45–48. [Kovshilova S. N. Features of emotional intelligence of students. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*, 2010, (11-1): 45–48. (In Russ.)] EDN: RUPZZR
18. Гордиенко В. Н., Гордиенко Т. И. Уровень эмоционального интеллекта как психологический фактор адаптированности студентов к вузу. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. Т. 7. № 2. [Gordienko V. N., Gordienko T. I. A level of emotional intelligence as a psychological factor of students' adaptability to educational environment. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2019, 7(2). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/23PSMN219.pdf> (accessed 14 Dec 2022). EDN: ANDLPJ
19. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте. *Социальный интеллект: теория, измерение, исследования*, под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2004. С. 29–36. [Lyusin D. V. Modern ideas about emotional intelligence. *Social intelligence: theory, measurement, research*, eds. Lyusin D. V., Ushakov D. V. Moscow: IP RAS, 2004, 29–36. (In Russ.)] EDN: UVGYGB
20. Дзвоник В. П., Ткачева О. Н., Скалон Н. В. Формирование представлений о будущей профессии у студентов-журналистов посредством технологии карнавализации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2022. Т. 6. № 1. С. 1–6. [Dzvonik V. P., Tkacheva O. N., Skalon N. V. Carnivalization as a means of developing ideas about the future profession in students of journalism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(1): 1–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-1-6>
21. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Ин-т Психотерапии, 2002. 490 с. [Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups*. Moscow: Institute of Psychotherapy, 2002, 490. (In Russ.)]

оригинальная статья

Особенности копинг-стратегий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, с различным восприятием временной перспективы

Кольчик Елена Юрьевна

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Россия, Симферополь

<https://orcid.org/0000-0001-6116-6053>

egyptshore@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.07.2022. Принята после рецензирования 10.10.2022. Принята в печать 30.11.2022.

Аннотация: В статье раскрываются понятия временной перспективы и трудной жизненной ситуации, рассматриваются типы копинг-стратегий, используемых в условиях повышенной стрессогенности. Осуществлен анализ понятия *образ будущего* с позиций различных отечественных и зарубежных исследователей; рассмотрена взаимосвязь понятий *образ будущего* и *временная перспектива*. Рассмотрены основные подходы к пониманию и классификации стратегий защитного поведения. Проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление ведущих копинг-стратегий у лиц с различным восприятием временной перспективы. В исследовании приняли участие 84 человека (49 женщин и 35 мужчин) в возрасте от 24 до 54 лет, находящиеся на момент исследования в трудной жизненной ситуации: все респонденты, вследствие возникновения прямой угрозы их жизни и здоровью, вынуждены были покинуть постоянное место своего проживания. Методики диагностики: копинг-стратегия Р. Лазаруса и временная перспектива Ф. Зимбардо. В результате было выявлено соответствие копинг-стратегий различным временным перспективам: ориентация на негативное прошлое – преобладание копинг-стратегий конфронтации, поиска социальной поддержки и бегства-избегания. Ориентация на позитивное прошлое – копинг-стратегия планирования решения проблем. Ориентация на настоящее – поиск социальной поддержки и позитивная переоценка. Ориентация на будущее – принятие ответственности, планирование решения проблемы и позитивная переоценка. Результаты подтверждены статистически при помощи U-критерия Манна-Уитни и указывают на актуальность использования временной перспективы как важного внутриличностного ресурса при психотерапевтической работе с людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию.

Ключевые слова: стрессовая ситуация, копинг-стратегии, временная перспектива, адаптация, образ будущего, переживание

Цитирование: Кольчик Е. Ю. Особенности копинг-стратегий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, с различным восприятием временной перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 778–784. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-778-784>

full article

Copying Strategies in People with Different Time Perspectives

Elena Yu. Kolchik

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Russia, Simferopol

<https://orcid.org/0000-0001-6116-6053>

egyptshore@yandex.ru

Received 27 Jul 2022. Accepted after peer review 10 Oct 2022. Accepted for publication 30 Nov 2022.

Abstract: The article defines the concepts of time perspective and vision of the future, as well as the relationship between them. A review of foreign and domestic publications revealed the main approaches to adversity, copying, and various classifications of protective behavior. The study involved 49 women and 35 men aged 24–54 y.o., who found themselves in a difficult life situation: all respondents had to leave their permanent place of residence because of a direct threat to their life and health. The empirical research used R. Lazarus's methodology for diagnosing the copying strategies and F. Zimbardo's time perspective method. The copying strategies appeared to correspond to different time perspectives. The respondents with a negative past fixation chose confrontation, social support, escape, and avoidance. The respondents with a positive past fixation preferred to plan their problem solutions. The respondents who focused on the present turned to social support and positive reassessment. Those focused on the future accepted their responsibility, planned their solutions, and were prone to positive reassessment. The results were statistically confirmed using the Mann-Whitney U-test. Time perspective proved to be an important intra-personal resource in psychotherapeutic work with disadvantaged patients.

Keywords: stress situation, copying strategies, time perspective, adaptation, vision of the future, experience

Citation: Kolchik E. Yu. Copying Strategies in People with Different Time Perspectives. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 778–784. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-778-784>

Введение

Изменения, закономерно происходящие в политической, экономической и социальной сферах, предъявляют повышенные требования к адаптивным возможностям современного человека. Специфика событий, произошедших в течение последних 10 лет: вооруженные конфликты, пандемия коронавирусной инфекции, – создают прецедент для более детального изучения не только адаптивных возможностей личности, но и особенностей поведения человека в условиях нестабильности социума, а также внутренних и внешних факторов, влияющих на особенности переживания человеком трудной жизненной ситуации.

Цель – изучить особенности копинг-стратегий лиц с различной временной перспективой, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

Понятие копинг-стратегий, или совладающего поведения, является достаточно изученным как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе и в последнее время дополняется новыми исследованиями. Большой вклад в изучение совладающего поведения внесли С. Фолкман, Р. Лазарус, С. К. Нартова-Бочавер, Э. З. Усманова и др. [1–5]. С. Фолкман и Р. Лазарус рассматривали копинг-стратегии как определенные когнитивные, эмоциональные усилия, направленные на устранение внешних противоречий, акцентируя внимание на их динамичности. Им принадлежит условное разделение копинг-стратегий на две группы: проблемно-ориентированный копинг, предполагающий концентрацию на проблемной ситуации с целью ее разрешения, и эмоционально-ориентированный копинг, который предполагает уход от проблемы [1; 2]. С. К. Нартова-Бочавер рассматривала совладающее поведение более широко, понимая под таким поведением все виды взаимодействия субъекта с проблемными ситуациями, возникающими извне [3]. Согласно М. Р. Хачатуровой, основными критериями для дифференциации копинг-стратегий чаще всего являются модальность, лежащая в основе копинг-стратегии, направленность действий личности, интенсивность совладания и степень адаптивности выбираемых копингов [4]. С. А. Станибула предлагает биопсихосоциальную модель совладающего поведения, основными компонентами которой являются не только сами копинг-стратегии, но и ресурсы личности как биологический компонент, а также отношения с окружающими людьми как социальный компонент [6].

Понятие временной перспективы связано с категорией образа будущего, которая рассматривалась в культурологических, философских и психологических науках и определялась как субъективная категория временной организации своего сознания и самосознания, деятельности и поведения в течение всей жизни (И. Кант, Э. Гуссерль, Н. А. Бердяев,

С. Л. Рубинштейн) [7; 8]. Образ будущего взаимосвязан с понятием личностного времени и биологического времени (Е. И. Головаха, А. В. Михальский), что позволяет человеку гармонично воспринимать самого себя в прошлом, настоящем и будущем [9; 10].

Согласно С. Л. Рубинштейну, образ будущего является результатом взаимодействия индивида с окружающим миром и прошлого опыта человека. В рамках понимания образа будущего основное внимание уделяется самопознанию, которое структурно подразделяется на собственно самопознание, саморегуляцию и самоотношение [8]. К. А. Абульхановой-Славской было предложено определение жизненного пути как динамического процесса, в ходе которого происходит дифференциация на различные жизненные события. Понятия *образ жизни* и *жизненный путь* являются близкими по смыслу, но не тождественными. Понятие образа будущего, в свою очередь, тесно связано с понятием временной перспективы и по сути является ее составляющим компонентом [11; 12]. Понятие временной перспективы рассматривалось в работах К. Левина [13], Ф. Зимбардо и Дж. Бойда [14; 15], Е. И. Головахи и А. А. Кроника [9], П. Древета и Дж. Блэкхарда [16] и С. С. Канавиной [17]. С точки зрения философии временная перспектива выступает в качестве комплекса представлений человека одновременно о своем прошлом и будущем с позиции настоящего (А. Франкл) [7; 18]. По Ж. Нюттену, временная перспектива как мотивационное образование зависит от целей в будущем и является ориентиром для коррекции целей в настоящем [19]. Е. И. Головаха и А. А. Кроник писали о будущей временной перспективе как определенном порядке важных будущих событий в жизни человека [9].

Ф. Зимбардо и Дж. Бойд в понимании временной перспективы опирались на теорию К. Левина, в соответствии с которой временная перспектива представляет собой бессознательный процесс, при котором непрерывный поток личностного и социального опыта распределяется по временным категориям. Именно это придает событиям, происходящим с человеком, упорядоченность, смысл и согласованность [14]. Ф. Зимбардо и Дж. Бойд также делили временную перспективу на пять временных ориентиров: негативное прошлое (НП) как отрицательное и пессимистическое отношение к прошлому, сопровождающееся симптомами депрессии, тревогой, иногда – агрессией, низкой самооценкой и неудовлетворенностью обстоятельствами в настоящем. Второй временной ориентир – позитивное прошлое (ПП) как чрезмерно сентиментальное, лирическое отношение к прошлому с выраженным «застреванием» на определенных событиях в прошлом, сопровождающееся

консервативностью, осторожностью и отрицательным отношением к нововведениям. Третий временной ориентир – гедонистическое настоящее (ГН) – ориентация на получение удовольствия в настоящем без учета последствий в будущем. Четвертый временной ориентир – фаталистическое настоящее (ФН) – беспомощное отношение к жизни и к будущему, которое проявляется в отсутствии любого сопротивления стрессу. Пятый временной ориентир – будущее (Б) – ориентация на положительные цели в будущем, успешность в постановке целей. Особенности ориентации на будущее являются низкая тревожность и импульсивность, отсутствие рискованного поведения. Кроме этого, Ф. Зимбардо и Дж. Бойдом был выделен вариант т. н. гибкой временной перспективы, которая проявляется в повышенных показателях позитивного прошлого, гедонистического настоящего и будущего с умеренно пониженными значениями негативного прошлого и фаталистического настоящего [14; 15].

В рамках данной работы нас интересуют особенности временной перспективы и копинг-стратегий тех людей, которые попали в трудную жизненную ситуацию. Под трудной жизненной ситуацией понимается ситуация, характеризующаяся такими условиями, которые являются для человека критичными, а их преодоление находится на пределе его возможностей, предполагая переосмысление своих жизненных ценностей и ориентиров. Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в РФ» дает следующее определение: «Трудная жизненная ситуация – это ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротством; безнадзорность, малообеспеченность, отсутствие определенного места жительства, одиночество и т. д.), которую он не может преодолеть самостоятельно»¹.

В данном случае трудная жизненная ситуация возникла в результате возникновения угрозы жизни и здоровью человека, вынуждая его покинуть привычное место жительства в силу обстоятельств, которые человек не может преодолеть самостоятельно. Г. В. Гатальской и К. Н. Джиганской были выделены особенности адаптации личности, находящейся в трудной жизненной ситуации, обусловленной вооруженным конфликтом [20]. Исследователями были выделены 3 группы людей по критерию отношения к происходящему и по реакции на ситуацию:

- респонденты с тяжелым психическим и эмоциональным состоянием с депрессивными тенденциями и заикленностью на отдельных моментах трудной жизненной ситуации;
- респонденты с психическим и эмоциональным состоянием средней тяжести, которые смогли преодолеть ситуацию, но имеют достаточно выраженные физиологические симптомы стресса;

- респонденты с незначительным нарушением психического и эмоционального состояния, которые характеризуются высоким уровнем социальной активности, способны к планированию будущего и осмыслению жизни [20].

Е. И. Барышева в исследовании, посвященном особенностям переживания трудной жизненной ситуации, обнаружила и описала динамику изменения переживаний и специфику совладания со сложной жизненной ситуацией [21]. Е. А. Белан и В. А. Худик выделили возрастные особенности восприятия и индивидуального переживания трудных жизненных ситуаций: с возрастом жизненные трудности воспринимаются человеком более абстрагированно. Кроме того, накопленный опыт дает возможность более эффективно выстраивать свою линию поведения и использовать более удачные копинг-стратегии [22]. Продолжили тематику возрастного фактора С. Г. Елизаров и др., изучив образ будущего у подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации [23; 24]. Е. А. Трофимова и др. указывают на изменчивость восприятия временной перспективы в зависимости от состояния здоровья, понимая при этом трудную жизненную ситуацию как ситуацию, представляющую прямую угрозу жизни и здоровью человека [25].

Опираясь на определение трудной жизненной ситуации и на понимание копинг-стратегий как динамического процесса, зависящего от ряда факторов, в том числе целей и приоритетов в будущем, мы предполагаем, что действия и поведение человека в создавшейся трудной жизненной ситуации взаимосвязано с особенностями его временной перспективы. В связи с этим нами были выдвинуты следующие предположения:

1. Временная перспектива, выражающаяся в направленности на позитивное прошлое и будущее, способствует выбору адаптивных копинг-стратегий в трудной жизненной ситуации.
2. Временная ориентация на гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее и негативное прошлое способствует выбору контрпродуктивных копинг-стратегий в трудной жизненной ситуации.

Методы и материалы

В эмпирическом исследовании приняли участие 84 человека: 49 женщин и 35 мужчин в возрасте от 24 до 54 лет, которые вынуждены были покинуть свои дома в результате вооруженного конфликта на востоке Украины (беженцы из Харькова и Харьковской области, Донецкой и Луганской народных республик). Все участники на момент проведения исследования находились в трудной жизненной ситуации, которая характеризовалась неопределенностью внешних обстоятельств, отсутствием постоянного места жительства, отсутствием работы, у многих – отсутствием средств к существованию и неопределенностью

¹ Об основах социального обслуживания населения в РФ. ФЗ № 195-ФЗ от 10.12.1995 (ред. от 21.07.2014). Ст. 3. Основные понятия. СПС КонсультантПлюс.

будущего. Исследование проводилось преимущественно онлайн (с использованием социальной сети ВКонтакте), а также непосредственно в процессе оказания психологической помощи. Были использованы методики диагностики копинг-стратегий Р. Лазаруса и временной перспективы Ф. Зимбардо. Статистический анализ результатов проводился с использованием описательной статистики и U-критерия Манна-Уитни. Результаты эмпирического исследования приведены на рисунках 1 и 2 и в таблицах 1 и 2. Примечательно, что статистически значимые различия были обнаружены только между группами 1 и 2, 1 и 3 (табл. 1), между группами 1 и 4, 2 и 4 (табл. 2). Незначимые различия в таблицы вынесены не были.

Результаты

В ходе исследования все испытуемые были условно разделены на 4 группы по результатам методики диагностики временной перспективы Ф. Зимбардо. Выявлено, что временная перспектива 22,62 % респондентов ориентирована на негативное прошлое и характеризуется такими фразами: *Я раньше еле сводил концы с концами и думал, что хуже быть не может, то теперь...; Я три года жила с ребенком на одно пособие, а теперь нет и его...* Временная перспектива 35,74 % респондентов ориентирована на позитивное прошлое: *Раньше была совершенно другая жизнь... Я хочу вернуться в то время, не хочу больше жить; Моя жизнь вне родного дома потеряла смысл...* Респонденты, ориентированные на гедонистическое и фаталистическое настоящее, были объединены нами в одну группу, поскольку показатели по шкалам ориентаций на настоящее у данных респондентов практически не различались. Эта группа испытуемых составила 29 %. Их временная перспектива отражается в следующих фразах: *я не хочу думать о будущем: будь что будет; жизнь показывает, что планирование абсолютно бессмысленно; я понял, что жить нужно только сегодняшним днем.* 34,61 % респондентов показали выраженную ориентацию на будущее. Для этой категории испытуемых характерны такие высказывания: *я – опора для своей семьи,*

поэтому я найду работу в любом случае; нужно жить дальше и перестраиваться под новые реалии; у меня маленькие дети, я должен строить будущее ради них. Я не буду оставаться здесь, нужно двигаться дальше.

Были выделены 4 группы: группа 1 (НП) – респонденты, ориентированные преимущественно на негативное прошлое; группа 2 (ПП) – респонденты, ориентированные на позитивное прошлое; группа 3 (Настоящее) – респонденты, ориентированные на настоящее, как гедонистическое, так и фаталистическое; группа 4 (Будущее) – респонденты, преимущественно ориентированные на будущее.

Результаты диагностики копинг-стратегий, характерных для представителей каждой группы, представлены на рисунках 1 и 2. Различия, обнаруженные в проявлении копинг-стратегий между участниками различных групп, подтверждены статистически и приведены в таблицах 1 и 2.

По стратегии конфронтации участники групп 1 (НП) и 4 (Будущее) практически не имеют различий (рис. 1). Это значит, что респонденты, для которых характерна ориентация на негативное прошлое, а также респонденты, для которых характерна ориентация на будущее, с одинаковой частотой избирают стратегию конфронтации. В то же время эта стратегия менее популярна среди респондентов, которые ориентированы на позитивное прошлое (52 % из всех респондентов) и среди испытуемых, которые ориентированы на гедонистическое настоящее (46 %). Для испытуемых с временной перспективой, ориентированной на будущее, характерна стратегия самоконтроля (64 % испытуемых) и умеренно характерна стратегия поиска социальной поддержки (61 %). Испытуемые, ориентированные на гедонистическое и фаталистическое будущее, склонны пользоваться очень активно стратегией поиска социальной поддержки (78 %) и чуть менее активно стратегией дистанцирования (55 %). Для участников исследования, ориентированных на негативное и позитивное прошлое, стратегия самоконтроля не характерна, тогда как стратегия поиска социальной поддержки пользуется большим успехом (67 % и 69 % соответственно).

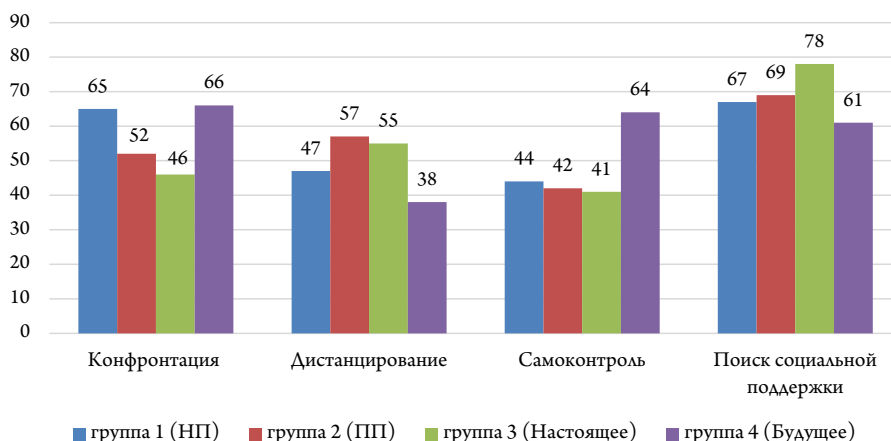

Рис. 1. Особенности копинг-стратегий: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, %
Fig. 1. Coping strategies: confrontation, distance, self-control, and seeking social support, %

Статистически значимые различия были обнаружены между респондентами, ориентированными на негативное прошлое и позитивное прошлое; негативное прошлое и настоящее (гедонистическое и фаталистическое), по таким копинг-стратегиям, как конфронтация, дистанцирование и позитивная переоценка (табл. 1). Результаты статистического анализа показали, что респонденты, ориентированные на негативное прошлое, более склонны использовать конфронтацию в качестве стратегии совладания, но реже используют дистанцирование и позитивную переоценку. Респонденты с выраженной временной ориентацией на настоящее в качестве доминирующей стратегии совладания используют позитивную переоценку. Это можно объяснить тем, что испытуемые с ориентацией на негативное прошлое склонны постоянно сравнивать современные реалии с прошлым и крайне негативно относятся ко всему, что хоть немного схоже с прошлым. Респонденты, ориентированные на настоящее, живут в моменте здесь и сейчас, а поэтому воспринимают все в позитивном ключе, независимо от объективных обстоятельств.

Из рис. 2 видно, что для респондентов с временной направленностью на будущее являются ведущими такие копинг-стратегии, как принятие ответственности (84 % респондентов), планирование решения проблемы (77 %

и позитивная переоценка (74 %). Для респондентов с временной направленностью на позитивное прошлое также является актуальными планирование решения проблемы (68 %). Для испытуемых с направленностью на настоящее – позитивная переоценка (75 %) и бегство-избегание (65 %). Такие различия могут быть объяснены тем, что направленность на будущее обуславливает необходимость построения гармоничных отношений с окружением для реализации будущих целей и планов. Причины выбора стратегии планирования решения проблемы у респондентов с временной ориентацией на позитивное прошлое несколько иные – их целью является построение реальности, максимально похожей на прошлый опыт.

Статистически значимые различия были обнаружены между респондентами групп 1 (НП) и 4 (Будущее); респондентами групп 2 (ПП) и 4 (Будущее) (табл. 2). Респонденты, ориентированные на будущее, предпочитают использовать стратегии самоконтроля, принятия ответственности и планирования решения проблемы, в то время как респонденты, ориентированные как на негативное, так и на позитивное прошлое, часто используют стратегию бегство-избегание. Вместе с тем испытуемые с ориентацией на позитивное прошлое пользуются стратегией планирования решения проблемы.

Табл. 1. Результаты статистического анализа при помощи U-критерия Манна-Уитни по копинг-стратегиям: конфронтация, дистанцирование, позитивная переоценка

Tab. 1. Statistical analysis based on the Mann-Whitney U-test: confrontation, distance, and positive reassessment

Группа	Конфронтация		Дистанцирование		Позитивная переоценка	
	Среднее	U _{эмп}	Среднее	U _{эмп}	Среднее	U _{эмп}
Группа 1 (НП)	65	194,6*	47	175,4*	49	168,8*
Группа 2 (ПП)	52		57		62	
Группа 1 (НП)	65	154**	47	118	49	146,9**
Группа 3 (Настоящее)	46		55		75	

Прим.: * – различия на 5 % уровне значимости; ** – различия на 1 % уровне значимости.

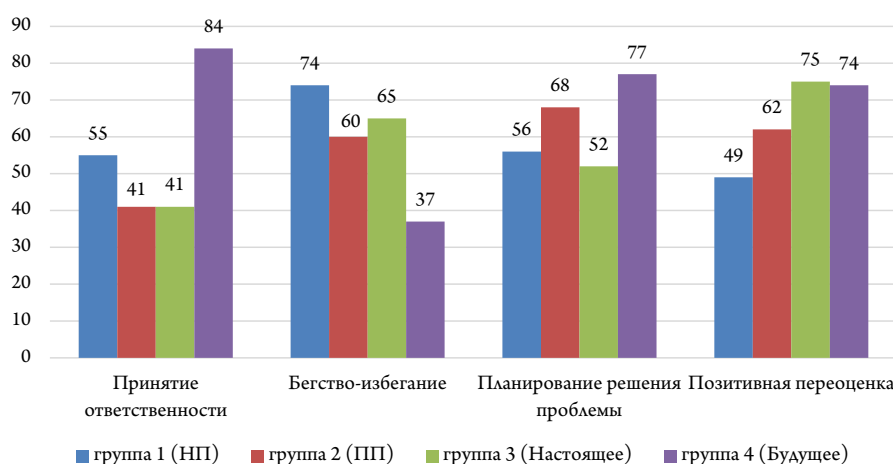

Рис. 2. Особенности копинг-стратегий: принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, позитивная переоценка, %
Fig. 2. Coping strategies: accepting responsibility, escape and avoidance, planning, and positive reassessment, %

Табл. 2. Результаты статистического анализа при помощи U-критерия Манна-Уитни по копинг-стратегиям: самоконтроль, принятие, бегство-избегание, планирование

Tab. 2. Statistical analysis based on the Mann-Whitney U-test: self-control, acceptance, escape and avoidance, planning

Группа	Самоконтроль		Принятие ответственности		Бегство-избегание		Планирование решения проблемы	
	Среднее	U _{эмп}	Среднее	U _{эмп}	Среднее	U _{эмп}	Среднее	U _{эмп}
Группа 1 (НП)	44	186,4*	55	144,7*	74	156,2**	56	143,2*
Группа 4 (Будущее)	64		84		37		77	
Группа 2 (ПП)	42	193**	41	193,3**	60	174,6*	68	132,1
Группа 4 (Будущее)	64		84		37		77	

Прим.: * – различия на 5 % уровне значимости; ** – различия на 1 % уровне значимости.

Заклучение

Трудная жизненная ситуация является обстоятельством, предъявляющим повышенные требования к личности и ее ресурсам. Выбор копинг-стратегий в данном случае зависит от множества факторов, имеющих как социальную, так и биологическую природу. Временная перспектива является сложным интрапсихическим, мотивационным образованием, которое также определяет выбор копинг-стратегий. Результаты эмпирического исследования показали, что временная ориентация на будущее и на позитивное прошлое обуславливают выбор продуктивных копинг-стратегий, среди которых самоконтроль, принятие ответственности, планирование решения проблемы и позитивная переоценка. Временная ориентация на негативное прошлое, на фаталистическое или гедонистическое настоящее связаны с выбором

контрпродуктивных копинг-стратегий, к которым относятся конфронтация, дистанцирование и бегство-избегание. Полученные результаты дают основания предполагать, что целенаправленное формирование временной перспективы, постановка правильных жизненных целей и ориентиров у людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, являются одним из важнейших направлений психологической работы с ними.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Folkman S., Stein N. L. Adaptive goals processes in stressful events. *Memory for everyday and emotional events*, eds. Stein N. L., Ornstein P. A., Tversky B., Brainerd C. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997, vol. 6, 113–137.
- Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, appraisal and coping*. NY: Springer, 1984, 456.
- Нартова-Бочавер С. К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности. *Психологический журнал*. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30. [Nartova-Bochaver S. K. "Copying behavior" in the system of concepts of personality psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1997, 18(5): 20–30. (In Russ.)] EDN: RCTPBB
- Хачатурова М. Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10. № 3. С. 160–169. [Khachaturova M. R. Coping repertoire of personality: a review. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2013, 10(3): 160–169. (In Russ.)] EDN: SHBGAN
- Аскарова Г. Основные подходы к изучению копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях. *Scientific progress*. 2021. Т. 1. № 5. С. 308–316. [Askarova G. Basic approaches to studying coping strategies in hard life situations. *Scientific progress*, 2021, 1(5): 308–316. (In Russ.)]
- Станибула С. А. Биопсихосоциальная модель совладающего поведения. *Развитие личности*. 2018. № 1. С. 204–215. [Stanibula S. A. Bio-psycho-social model of coping behavior. *Development of Personality*, 2018, (1): 204–215. (In Russ.)] EDN: XZRKRF
- Красицки Я. Борьба за правду (Бердяев, Кант и другие). *Соловьёвские исследования*. 2014. № 2. С. 108–125. [Krasicki J. Fighting for truth (Berdyayev, Kant and others). *Solovyov Studies*, 2014, (2): 108–125. (In Russ.)] EDN: SHBUKN
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 713 с. [Rubinshtein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2015, 713. (In Russ.)] EDN: NKSAPK
- Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев: Наук. думка, 1984. 207 с. [Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psychological time of the personality*. Kiev, Nauk. dumka, 1984, 207. (In Russ.)]

10. Михальский А. В. Психология конструирования будущего. М.: МГППУ, 2014. 192 с. [Mihalski A. V. *Psychology of the design of the future*. Moscow: MSUPE, 2014, 192. (In Russ.)] EDN: UJLYTB
11. Абульханова К. А. Время личности и ее жизненного пути. *Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир*. 2017. Т. 1. № 1. С. 165–200. [Abulkhanova K. A. Time of personality and its vital way. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Chelovek i mir*, 2017, 1(1): 165–200. (In Russ.)] EDN: YTEAMP
12. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Питер, 2001. 304 с. [Abulkhanova K. A., Berezina T. N. *Personality time and time of life*. St. Petersburg: Piter, 2001, 304. (In Russ.)] EDN: QXOQGT
13. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Питер, 2000. 365 с. [Levin K. *Field theory in social sciences*. St. Petersburg: Piter, 2000, 365. (In Russ.)]
14. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time into perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 77(6): 1271–1288. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>
15. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 349 с. [Zimbardo P. G., Boyd J. N. *The time paradox: the new psychology of time that will change your life*. St. Petersburg: Rech, 2010, 349. (In Russ.)] EDN: QXZLBN
16. Dreves P. A., Blackhart G. C. Thinking into the future: how a future time perspective improves self-control. *Personality and Individual Differences*. 2019, 149: 141–151. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.05.049>
17. Канавина С. С. Исследование временной перспективы современной молодежи. *Психология в экономике и управлении*. 2017. Т. 9. № 2. С. 74–81. [Kanavina S. S. Motivation and its reflexion in time perspective. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii*, 2017, 9(2): 74–81. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).74-81](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).74-81)
18. Абрамов В. В. Временная ориентация личности как фактор формирования копинг-поведения. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2014. Т. 7. №1. С. 66–72. [Abramov V. V. Personality time orientation as the factor of coping-behavior development. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya*, 2014, 7(1): 66–72. (In Russ.)] EDN: RZLKPV
19. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 607 с. [Nuttin J. *Future time perspective and motivation*. Moscow: Smysl, 2004, 607. (In Russ.)]
20. Гатальская Г. В., Джиганская К. Н. Феноменология переживаний и успешность адаптации вынужденных мигрантов. *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13. № 3. С. 10–25. [Gatalskaia G. V., Dzhiganskaia K. N. The phenomenology of experiences and the success of adaptation of forced migrants. *Russian Psychological Journal*, 2016, 13(3): 10–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.1>
21. Барышева Е. И. Психологические особенности эмоциональных переживаний беженцев из зоны боевых действий. *Пензенский психологический вестник*. 2016. № 1. С. 59–77. [Barysheva E. N. Psychological features of emotional experiencing of refugees from combat zone. *Penzenskii psikhologicheskii vestnik*, 2016, (1): 59–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17689/psy-2016.1.4>
22. Белан Е. А., Худик В. А. Возрастные особенности индивидуального восприятия личностью трудных жизненных ситуаций (на примере исследования взрослых людей). *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2014. Т. 5. № 3. С. 5–14. [Belan E. A., Khudik V. A. Age- features of individual personal perception the difficult vital situations (on an example of research of adult people). *Vestnik gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2014, 5(3): 5–14. (In Russ.)] EDN: TDVAKL
23. Елизаров С. Г. Особенности образа будущего у подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (гендерный аспект). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2021. № 4. С. 634–640. [Elizarov S. G. Peculiarities of the future image of teenagers in hard life situation (gender aspect). *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, (4): 634–640. (In Russ.)] EDN: HPRXHV
24. Елизаров С. Г., Нарыкова И. Н., Орлова О. И. Подросток, находящийся в трудной жизненной ситуации: возможности постреабилитационного сопровождения. *Вестник практической психологии образования*. 2019. № 2. С. 68–74. [Elizarov S. G., Narykova I. N., Orlova O. I. An adolescent in a difficult life situation: opportunities for post-rehabilitation. *Bulletin of Psychological Practice in Education*, 2019, (2): 68–74. (In Russ.)] EDN: WTCJPS
25. Трофимова Е. Л., Геранюшкина Г. П., Малахаева С. К. Особенности временной перспективы подростков с ограниченными возможностями здоровья. *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 4. [Trofimova E. L., Geranyushkina G. P., Malakhaeva S. K. Features of the time perspective in adolescents with health disabilities. *Baikal Research Journal*, 2019, 10(4). (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(4\).6](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(4).6)

оригинальная статья

Интернет-зависимость как способ развоплощенного бытия

Коптева Наталия Васильевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

kopteva@pspu.ru

Поступила в редакцию 08.07.2022. Принята после рецензирования 15.09.2022. Принята в печать 26.09.2022.

Аннотация: Преобладающая в исследованиях клиническая модель зависимости от Интернета, симптоматика которой принципиально не отличается от установленной в отношении ранее известных поведенческих и химических аддикций, существенно депсихологизирует феномен, порождаемый массовым использованием технологий, ассоциируемых с доступом в киберпространство. В статье психологическая специфика интернет-зависимости соотносится с развоплощением пользователя информационных технологий, отсутствием у него физического тела. Утверждается, что технологическое развоплощение, являясь в противоположность анонимности пользователя неизбежным следствием применения Интернета, не уступает ей по своему значению в формировании зависимости и сопутствующих расстройств. Феномен виртуального бессубстанционального Я, представляющий собой манифестацию архетипа духа в реалиях цифрового общества, превосходит анонимность по значимости и масштабам. Основания теоретической модели невоплощенности в Интернете составляют положения концепции шизоидного развоплощения (*disembodiment*), невоплощенности Я (*unembodiment*), принадлежащей британскому экзистенциальному психологу Р. Д. Лэйngu. Усматривается аналогия между уходом шизоида от реальности посредством «выхода» из собственного физического тела и отличным от других аддикций способом эскапизма, характерным для интернет-зависимости. Сопоставляются измерения соответствующих эмпирических конструкторов: адаптированной версии китайской шкалы (С.-Х. Чен) – инструмента, наиболее последовательно реализующего клиническую модель интернет-зависимости, и диагностической методики *Невоплощенности в Интернете* (Н. В. Коптева, А. Ю. Калугин, Л. Я. Дорфман). Полученные результаты указывают на то, что при интернет-зависимости традиционная симптоматика аддикций соотносится со слабостью расколотого Я, а обычный спектр производных от них проблем дополняют проблемы, связанные с развоплощением (виртуализации, дереализации Я пользователя, переживания иллюзорности существования). Зависимость и невоплощенность в Интернете интерпретируются как аспекты особого технологического модуса бытия человека в информационном обществе.

Ключевые слова: невоплощенность в Интернете, технологическое развоплощение, аддикции, симптоматика интернет-зависимости, бегство от реальности, развоплощенное бытие

Цитирование: Коптева Н. В. Интернет-зависимость как способ развоплощенного бытия. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 785–792. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-785-792>

full article

Internet Addiction as a Mode of Disembodied Existence

Natalia V. Kopteva

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

kopteva@pspu.ru

Received 8 Jul 2022. Accepted after peer review 15 Sep 2022. Accepted for publication 26 Sep 2022.

Abstract: According to the prevailing clinical model of Internet addiction disorder, the symptoms of Internet addiction are not substantially different from the ones of other previously known behavioral and chemical addictions. In the present article we argue that this model significantly depychologizes the phenomenon which stems from the mass use of information technologies providing access to cyberspace. We compare psychological characteristics of the Internet addiction to disembodiment, that is, lack of the physical body of an information technology user, first described by the media theorist M. McLuhan. Alongside anonymity, technological disembodiment is the inevitable consequence of the use of the Internet, and it is just as important in the formation of the addiction and accompanying disorders. But the phenomenon of virtual unsubstantial self which represents the manifestation of the Spirit Archetype in the realities of the digital society obviously exceeds anonymity in terms of importance and scope. Our theoretical model of the disembodiment on the Internet is based on the conceptions

of 'schizoid disembodiment' and 'unembodied self' by the British existential psychologist R. D. Laing. In particular, there is evidence to suggest likeness between the withdrawal from reality of a schizoid by way of 'exit' from their own physical body and the form of escapism specific to the Internet addiction in contrast to other addictions. Respective empirical constructs were measured and compared. We used the adapted version of the *Chinese Scale* by S.-H. Chen, which implements the clinical model of Internet addiction most consistently, and *Disembodiment on the Internet Diagnostic Technique* by N. V. Kopteva, A. Yu. Kalugin and L. Ya. Dorfman. The results indicate that with Internet addiction traditional symptoms of addictions correlate to the weakness of the divided self. This causes a range of problems aggravated by the ones caused by disembodiment, namely virtualization, de-realization of the self of a user and experience of illusiveness of existence. The data shows that dependence and disembodiment on the Internet may refer to a specific technological modus of a person's existence within the information society.

Keywords: disembodiment on the Internet, technological disembodiment, addictions, symptoms of Internet addiction, escape from reality, disembodied existence

Citation: Kopteva N. V. Internet Addiction as a Mode of Disembodied Existence. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 785–792. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-785-792>

Введение

Вопрос о расширении (в более радикальной постановке – пересмотре) психологического понимания аддикций [1, с. 47; 2] не утрачивает актуальности. В условиях информатизации практически всех сфер жизни общества, дополнительный импульс которой придала пандемия COVID-19, это в первую очередь относится к интернет-зависимости, приобретающей характер не менее масштабной эпидемии.

Между тем критерии новой формы зависимости существенно не изменились с начала ее изучения, о чем свидетельствует используемый в исследованиях инструментарий. Соответствующий тренд был задан К. С. Янг, создавшей тест интернет-зависимости (*Internet Addiction Test, IAT*) [3], признаки которой устанавливались по аналогии с игроманией. Спустя почти двадцать лет С. Лакони и др. в обзоре, включающем 45 обнаруженных в электронных базах шкал, предназначенных для диагностики интернет-зависимости, констатируют, что основание 29 из них составляет игромания и / или зависимость от психоактивных веществ [4, р. 192–194]. Обратной стороной универсальности модели компьютерной наркомании, симптомы которой в основном совпадают с симптомами ранее известных аддикций, является определенная депсихологизация интернет-зависимости. Тем не менее К. С. Янг одной из первых признала анонимность пользователя в качестве специфического главного фактора широкого распространения разных типов зависимости от Интернета (киберсексуальной, пристрастия к виртуальным знакомствам в Сети, навязчивого web-серфинга, зависимости от онлайн-игр и т. д.). К. С. Янг увязывала анонимность с наиболее значительными расстройствами, сопровождающими интернет-зависимость: отклонениями от нормы в поведении, угрозой успешности в жизни за пределами Интернета, негативным влиянием на внутрисемейные отношения, использованием альтернативных онлайн-персонажей.

Общепринятое представление об интернет-зависимости как проявлении эскапизма, подобно клинической симптоматике, объединяет ее с другими аддикциями. З. Фрейд утверждал, что алкоголь и наркотики обеспечивают потребителям высокую степень независимости от внешнего мира, шанс «в любой момент уклониться от гнета реальности и найти убежище во внутреннем мире» [5, с. 306]. Следуя психоаналитическому подходу к аддикциям, К. С. Янг соотнесла анонимность пользователя с уходом в фантастический виртуальный мир Интернета [6]. В разработанной модели ACE К. С. Янг среди свойств Интернета как аддиктивного агента находит место и для анонимности. Модель объясняет приверженность людей к Сети и превращение в ее пленников доступностью желанного контента и действий (*Accessibility*), возможностью контроля и анонимным характером коммуникации (*Control*), а также перспективой творить в Сети более комфортный мир, гарантирующий достижение необходимых эмоций, экзальтации и возбуждения (*Excitement*) [6].

Представляется, что анонимность имеет отношение к другому психологическому эффекту информационных технологий – отсутствию у их потребителя физического тела, на что первым указал выдающийся теоретик медиа М. Маклюэн¹, имея в виду современные ему обычный проводной телефон, радио и телевидение. С появлением персональных компьютеров, позволивших пользователям «созерцать собственную умственную жизнь, существующую отдельно от тела» [7, р. 22], факт технологического развоплощения привлек к себе интерес исследователей киберкультуры, но не стал предметом самостоятельного изучения.

Дематериализация пользователя «в эфире» – феномен более важный и масштабный, чем анонимность. В отличие от анонимного статуса она не предполагает личного выбора. Если анонимность виртуальной идентичности сегодня

¹ Выступление Маршалла Маклюэна на семинаре профессора Форсдейла (Тичерс-Колледж, Университет Колумбии, Нью-Йорк, 17 июля 1978 г.). *Marshall McLuhan*. URL: <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> (дата обращения: 21.05.2022).

можно оспаривать, учитывая особенности интернет-коммуникации конца 1990-х – начала 2000-х гг. [8, с. 33], то вынужденный онлайн-режим последних лет, отмеченных пандемией, убеждает в том, что «осуществление индивидуальной жизни преимущественно в виртуальном пространстве на данном этапе развития технологий исключает и замещает телесную жизнь личности» [9, с. 493].

Вопрос о преодолении телесности соотносится с самой сущностью человека, одновременно природной и надприродной. Мечта об освобождении души от бремени тела, подобно могильной плите, скрывающего погребенную под ней в этой жизни душу [10, с. 634], сопровождает человечество на протяжении всей истории, возрождаясь в разных культурных контекстах, в том числе порожденных информационным обществом. М. Маклюэн формулирует ее следующим образом: «Когда у тебя... нет тела, то ты не соотносишься с естественным правом и законами природы. При скорости света ты неподконтролен гравитации. Ты внезапно оказываешься вне естественного хода вещей. Ты супермен. Вот это и влияет на человеческую психологию. Полностью изменяет людей. <...> Эта трансформация, абсолютная трансформация пользователя никогда не упоминается»². Безоценочность этого суждения не предполагает стигматизации информационных технологий и подразумевает как колоссальное расширение возможностей человека, лишенного физического тела, так и угрозу порабощения ими.

Отделенное от физического тела ментальное Я подпадает под имеющий множество значений и нюансов архетип духа, который К. Г. Юнг определяет как тонкую, окрыленную, летучую, активную, подвижную сущность и соотносит с динамическим принципом [11, с. 294–295]. Таким образом, в феноменологию искусственного технологического развоплощения вписываются расширение и размывание психологических границ при нормативном использовании информационных технологий [12]. К выгодам развоплощения, которые определяют его потенциал как фактора формирования зависимости от технологий, ассоциирующихся с Интернетом, помимо изменения психологических границ можно также отнести скорость перемещения в киберпространстве и в меньшей мере анонимность, не связанную однозначно с бестелесным состоянием.

Идея психоанализа об уходе невротика и аддикта от реальной жизни в своем классическом варианте не подразумевает ограничений телесности. При неврозе этот уход нередко осуществляется посредством симптомов, внешне неотличимых от органических. Аналогичным образом тело человека задействовано в большинстве форм отклоняющегося поведения (пищевого, сексуального), в kleptomании, дромоании и зависимости от игр, в которой

усматривают прообраз интернет-зависимости. В случае химических аддикций ограничения подобного рода имеют место, но они относятся в первую очередь к разрушению физического здоровья, достигая, впрочем, при наркомании уровня соматопсихической деперсонализации, проявляющейся в том, что тело перестает казаться больному живым и принадлежащим именно ему [13, с. 316]. Однако именно меньшая значимость органической симптоматики является отличительным признаком интернет-зависимости. Ее особенность составляет способ бегства аддикта от актуальной действительности через уход из собственного тела с помощью менее травматичной технологии.

Подобный способ эскапизма отображен в концепции невоплощенности (*unembodiment*), разработанной известным британским психологом Р. Д. Лэйнгом [14]. Более известна она как концепция онтологической неуверенности – глобального переживания, являющегося истоком разнообразных манифестаций неуверенности человека. Оправданность избранного названия можно подтвердить ссылкой на статью Критического словаря психоанализа Ч. Ф. Райкрофта, коллеги и личного психоаналитика Р. Д. Лэйнга. В ней термины телесный (*embodied*) и внетелесный (*unembodied*) определяются как служащие Р. Д. Лэйngu для описания двух состояний бытия. Телесное состояние свойственно «людям с первичной онтологической безопасностью», которые идентифицируют себя с собственным физическим телом и не мыслят своей жизни независимо от него. Внетелесные состояния характеризуют «индивидов, лишенных первичной онтологической безопасности и имеющих чувство отделенности от своих тел»³. Эти последние состояния свойственны шизоидам, которых Р. Д. Лэйнг считает здоровыми, но глубоко несчастными людьми. Способ их бегства от реальности посредством «психического ухода в собственное "я" и выхода из тела» [14, с. 74], сопутствующие психологические трансформации, раскол Я, характеристики его фрагментов (истинного ментального и ложного воплощенного Я), структурирование бытия при развоплощенном способе существования, обусловленные им переживания и тревоги были положены в основание модели *Невоплощенность в Интернете* (НВИ), охватывающей как нормативное, так и выходящее за границы нормы использование технологии. Данная модель вместе с одноименным диагностическим инструментарием более полно представлена в ряде наших предшествующих публикаций [15–17].

Изложенные аргументы являются основанием общей гипотезы исследования о том, что выраженность традиционной симптоматики зависимости от Интернета и ухода пользователя от реальности соответствует мере его технологического развоплощения.

² Там же.

³ Телесный и внетелесный. Райкрофт Ч. Ф. *Критический словарь психоанализа*. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995. URL: https://995.slovaronline.com/402-телесный_внетелесный (дата обращения: 21.05.2022).

Методы и материалы

Выборку исследования составили 413 студентов гуманитарных факультетов вузов г. Пермь (возраст от 18 до 22 лет).

В эмпирическом исследовании использовался опросник «Невоплощенность в Интернете» [17]. Он состоит из трех шкал, две из которых представляют невоплощенную и воплощенную части Я пользователя (*невоплощенность как виртуализация и витальность воплощенного Я*), а третья (*предпочтение Интернета*) – указывает на возможную меру развоплощения. Путем вычитания из суммы показателей шкал *невоплощенность как виртуализация* и *предпочтение Интернета* показателя *витальность воплощенного Я* вычисляется общий показатель НВИ.

- Шкала *невоплощенность как виртуализация* (6 пунктов) отражает сомнение пользователя в реальности собственного Я, отстраненного от тела, поведения, поступков в действительной жизни. Дерезализация Я находит свое продолжение в суждениях, свидетельствующих о переживаниях эфемерности, иллюзорности существования, онтологической неуверенности.
- Шкала *предпочтение Интернета* (5 пунктов) раскрывает привлекающие пользователя стороны виртуализации Я, бестелесного статуса, связанные с возможностями самовыражения, общения в киберпространстве (безопасностью, относительным комфортом, анонимностью).
- Шкала *витальность воплощенного Я* (7 пунктов) отображает состояние Я, «подлинно основанного на собственном теле» [14, с. 63], от удовлетворенности телом (здоровьем, внешностью, качеством сна) до сохранности психических функций (памяти как фундамента психического) и способности брать на себя самоуправление и управление собственной жизнью. Некоторые из них по смыслу противоположны симптомам интернет-зависимости, несовместимы с обычными для нее психологическими проблемами.
- Общая шкала НВИ характеризует меру, в которой пользователь физически и экзистенциально ощущает себя нереальным и которая соответствует выраженности ориентации Я на суррогаты жизни внутри компьютеров и сетей. Низкие показатели могут указывать на приоритетность для него воплощенного Я и бытия за пределами Интернета.

Подтверждены конструктивная, внутренняя и внешняя, конвергентная и дискриминантная валидности методики, а также надежность составляющих ее шкал [17].

Интернет-зависимость изучалась посредством шкалы С.-Х. Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) [18; 19], адаптированной для русскоязычной выборки [20], которую можно считать доведенным до совершенства инструментом диагностики интернет-зависимости в ее традиционном клиническом понимании. Эта компактная шкала по-отдельности и суммарно с помощью надшкальных показателей диагностирует *ключевые симптомы зависимости*

(компульсивные, отмены, толерантности), а также связанные с зависимостью *психологические проблемы* (внутриличностные, со здоровьем и способностью распоряжаться временем).

Общий CIAS балл позволяет установить как отсутствие или наличие интернет-зависимого поведения, так и его градации: склонность к возникновению интернет-зависимого поведения (доаддитивный этап) и наличие зависимого поведения с компонентом злоупотребления Интернетом.

Методика в настоящее время широко применяется в России. В обзоре, на который мы уже ссылались, отмечаются ее положительные психометрические свойства и высокая диагностическая точность по сравнению с другими аналогичными инструментами [4, р. 196].

Между конструктами используемых диагностических инструментов имеются существенные различия. Шкала С.-Х. Чена основана на клиническом подходе: ее ограничения в плане раскрытия феномена связаны также со стигматизацией Интернета, установлением нормы через отсутствие зависимости. Методика НВИ предполагает выявление важнейшего специфического механизма, который превращает Интернет в психотехнологию, подход к патологии как искажению процесса нормативного использования Интернета.

Конкретные гипотезы исследования с учетом диагностических инструментов заключаются в следующих предположениях:

- измерения конструктов НВИ и интернет-зависимости являются самостоятельными, при этом тесно взаимосвязаны и образуют общую компоненту;
- имеет место значительное частотное наложение общих показателей НВИ и интернет-зависимости в выборке.

Результаты

Взаимосвязи НВИ как нормативного последствия использования Интернета с интернет-зависимостью

По данным корреляционного анализа (табл.) *предпочтение Интернета* несколько теснее связано с ключевыми симптомами интернет-зависимости ($r = 0,48$; $p < 0,001$), чем с производными от нее проблемами ($r = 0,43$; $p < 0,001$). Корреляция *предпочтения Интернета* с симптомами толерантности ($r = 0,43$; $p < 0,001$), компульсивными ($r = 0,41$; $p < 0,001$), отмены ($r = 0,41,7$; $p < 0,001$) вполне закономерна, т. к. соответствующие шкалы подразумевают особую ценность Интернета для пользователя.

Э. Фромм понимает зависимость как отчуждение себя, порабощение целостного человека одной страстью: «Им управляет частичное желание, на которое он переносит все утраченное им; и чем он слабее, тем оно сильнее. Он отчужден от самого себя как раз потому, что превратился в раба одной из частей самого себя» [21, с. 72]. Предпочтение Интернета человеком, который становится рабом технологически развоплощенной части Я,

предполагает зависимость от киберпространства. Симптомы интернет-зависимости, таким образом, приобретают новый смысл очарованности пользователя возможностью отделаться от скованности физическим телом, преимуществами существования в качестве свободного духа. Киберпространство – «территория, одновременно являющаяся и частью Я, и частью Других, которая предоставляет место для самовыражения, межличностных открытий, игры, творчества и, к сожалению, психопатологий»⁴. Подобная неоднозначность может быть распространена и на развоплощение пользователя, потенциал которого нивелирует мера «заколюченности»⁵ в компьютерной виртуальной реальности.

Шкала *невоплощенность как виртуализация*, напротив, несколько слабее коррелирует с симптомами интернет-зависимости ($r = 0,41$; $p < 0,001$) и теснее – с проблемами, производными от нее ($r = 0,45$; $p < 0,001$): внутриличностными и со здоровьем ($r = 0,45$; $p < 0,001$), с управлением временем ($r = 0,36$; $p < 0,001$). Полученные данные позволяют включить в число традиционно обозначаемых проблем, сопровождающих большинство аддикций, специфические

для зависимого пользователя Интернета проблематизацию собственного Я, его реальности и ощущение иллюзорности существования, соответствующие онтологической неуверенности.

Обсуждаемые связи позволяют дополнить представление об интернет-зависимости наличием у пользователя амбивалентных переживаний, отражающих, с одной стороны, предпочтение Интернета как прибежища развоплощенного Я, а с другой – прогрессирующую виртуализацию, утрату ощущения достоверности, надежности бытия.

Шкала *витальность воплощенного Я* слабо отрицательно связана как с симптомами интернет-зависимости ($r = -0,09$; $p < 0,051$), так и с сопутствующими ей проблемами ($r = -0,16$; $p < 0,001$). Незначительное снижение измерений интернет-зависимости может указывать на ограничения витальности Я, не отличающейся в этом плане от других проявлений психологического здоровья «обычных» людей. Возможно, полученные результаты имеют отношение к тому, что зависимость от Интернета в определенной мере свидетельствует о причастности к нему, необходимой для жизни в информационном обществе.

Коэффициент корреляции между общим показателем НВИ и итоговым CIAS баллом ($r = 0,54$; $p < 0,001$), а также уровень значимости связи между ними могут подтверждать, что речь идет о конструктах, соответствующих сторонам единой реальности, но при этом различных.

Если следовать мнению о том, что патологические процессы формирования зависимости связаны с искажением процессов, обуславливающих использование технологий в норме [22], интернет-зависимости соответствует технологическое развоплощение, оборачивающееся расколом Я, указывающим на слабость Эго – одну из основных форм психологического неблагополучия. В отличие от корреляционного анализа, линейно представляющего соотношение измерений интернет-зависимости и НВИ, картина распределения частотности соответствующих показателей может обнаружить особенности этого соотношения на разных уровнях выраженности феноменов.

Распределение частотности НВИ и интернет-зависимости

Кривые частотности распределения общих показателей интернет-зависимости (красная заливка) и НВИ (зеленая заливка) в Т-баллах свидетельствуют об их значительном наложении (рис.). Некоторое опережение показателей интернет-зависимости показателей НВИ при низкой выраженности тех и других можно объяснить меньшей доступностью невоплощенности для рефлексии по сравнению с проявлениями интернет-зависимости. Относительно большая «шапка» средних значений НВИ, накрывающая

Табл. Взаимосвязи НВИ с интернет-зависимостью

Tab. Correlations between Disembodiment on the Internet and Internet addiction

Показатели	Невоплощенность как виртуализация	Предпочтение Интернета	Витальность воплощенного Я	НВИ
Com (компульсивные симптомы)	0,39***	0,41***	-0,14**	0,45***
Wit (симптомы отмены)	0,31***	0,41***	-0,05	0,37***
Tol (симптомы толерантности)	0,38***	0,43***	-0,05	0,43***
IN (внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем)	0,45***	0,38***	-0,18***	0,50***
TM (проблемы с управлением временем)	0,36***	0,40***	-0,11*	0,42***
IA-Sym (ключевые симптомы зависимости)	0,41***	0,48***	-0,09*	0,48***
IA-RP (проблемы, связанные с зависимостью)	0,45***	0,43***	-0,16***	0,51***
Общий CIAS балл	0,46***	0,49***	-0,14**	0,54***

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

⁴ Сулер Дж. Психоаналитическая киберпсихология. *Cyberpsy*. 13.09.2017. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/suler-cyberpsychology> (дата обращения: 21.05.2022).

⁵ Слово заимствовано Р. Лэйном у С. Кьеркегора для обозначения экзистенциального положения шизоида [14, с. 69].

показатели частотности интернет-зависимости среднего диапазона, показывает, что более очевидным и / или значимым бестелесный статус является для склонных к интернет-зависимости пользователей. Попеременное опережение роста выраженности самых высоких показателей интернет-зависимости и НВИ может свидетельствовать о чередовании различающихся переживаний. Гедонистическая составляющая, скорее, свойственна интернет-зависимости, предполагающей определенное удовольствие от симптомов. В отличие от них невроз, с которым сближаются слабость Я и развоплощенный способ бытия, больше ассоциируется со страданием.

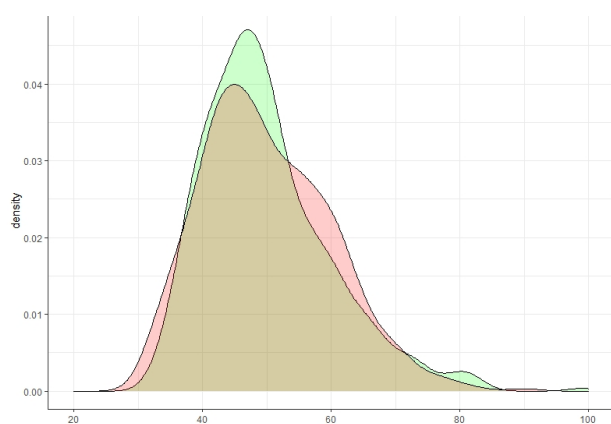

Рис. Плотности распределения общих показателей НВИ и интернет-зависимости

Fig. Density distributions of Disembodiment on the Internet and Internet addiction general indicators

Однако описанные здесь особенности распределений, отличающие их друг от друга, могут быть случайными. Результаты критерия Колмогорова-Смирнова ($D = 0,06$; $p = 0,297$), позволившего статистически сравнить два распределения, свидетельствуют об отсутствии значимых различий между ними.

Если руководствоваться нормами адаптированной методики [20], то почти половину нашей общей выборки составляют группы интернет-независимых пользователей ($n = 117$) и зависимых пользователей ($n = 78$). Другую половину общей выборки составляют пользователи со склонностью к возникновению интернет-зависимого поведения ($n = 218$).

Отсутствие значимых различий обоих распределений кроме отмеченной связи конструктов соотносится с их зеркальным характером. Зависимость с компонентом злоупотребления Интернетом через склонность к интернет-зависимости перетекает в нашу «обычную» зависимость от гаджетов, без которых мы уже не можем жить в современном мире. Нормативная невоплощенность через некоторый промежуточный уровень ее выраженности трансформируется в технологическое развоплощение, сближающееся с патологией. Мера выраженности

обоих феноменов может быть обусловлена характером активности пользователя, предпочтения им реальных и мнимых преимуществ Интернета и бестелесного статуса. За традиционной симптоматикой интернет-зависимости и проблемами поведенческого порядка, объединяющими ее с другими аддикциями, просматривается симптоматика ослабления разделенного Я и психологические проблемы, порождаемые его виртуализацией.

Структура НВИ и интернет-зависимости

Факторный анализ методом главных компонент выявил единую компоненту (71,4 % ДОД без вращения, собственное число = 2,14), составленную надшкальными показателями ключевых симптомов интернет-зависимости ($IA-Sym = 0,876$) и соответствующих ей проблем ($IA-RP = 0,888$) с общим показателем ($НВИ = 0,766$).

Предположительно, фактор описывает некоторую реальность, порожденную взаимодействием человека с технологией. Ею может быть технологический способ бытия-в-мире, который, с одной стороны, обладает набором общих с другими зависимостями клинических признаков (компульсивность, толерантность, отмена), а с другой – отличается от них ограниченностью воплощенного присутствия пользователя в мире. Новый способ существования, помимо обычных для аддикций проблем дезадаптации, отягощают проблемы, связанные с технологическим развоплощением.

Заключение

Представлены теоретический и эмпирический конструкты невоплощенности в Интернете. Их основание составляет клинический потенциал концепции невоплощенности (онтологической неуверенности) экзистенциального психиатра Р. Д. Лэйнга, позволяющий прояснить особенности феномена, порожденного современными информационными технологиями, при нормативном и выходящем за границы нормы использовании Интернета.

Изложены результаты предпринятого посредством одноименной авторской методики исследования невоплощенности в Интернете и русскоязычной адаптации шкалы интернет-зависимости С.-Х. Чена. Тесная взаимосвязь измерений методик, значительное частотное наложение интегральных показателей позволяют дополнить традиционный взгляд на интернет-зависимость (с точки зрения эскапизма, обычной симптоматики аддикций и проблем с адаптацией) новым представлением, предполагающим особую форму ухода от реальности путем технологического развоплощения, специфические симптомы раскола, слабости Я и соответствующие проблемы (виртуализации, дереализации).

Образованная надшкальными показателями методик мощная общая компонента может указывать на то, что интернет-зависимость как одна из форм отклоняющегося поведения и невоплощенность, бестелесный статус

пользователя в зависимости от степени выраженности составляют аспекты комплексной психологической реальности – нового технологического модуса / довлеющего способа бытия-в-мире.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046 «Потенциал индивидуальности человека и роль креативности, интеллекта и успеха в его реализации в высшем образовании (на материале исследования студентов гуманитарного профиля)».

Funding: The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-29-07046 "The potential of human individuality and creativity, intelligence and success in its fulfillment in higher education (based on the research of students of humanitarian profile)".

Литература / References

1. Лэнгле А. А. Согласие в зависимости. Экзистенциально-аналитический подход. *Национальный психологический журнал*. 2019. Т. 3. № 3. С. 47–59. [Länge A. A. Consent to addiction. *Existential analytical approach. National Psychological Journal*, 2019, 3(3): 47–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0306>
2. Плокк С. дю. Некоторые размышления по поводу экзистенциально-аналитического подхода к работе с зависимостями. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*. 2004. № 4. [Plock S. du. Some reflections on an existential-phenomenological approach to working with addiction. *Ekzistentsialnaia traditsiia: filosofiiia, psikhologiiia, psikhoterapiia*, 2004, (4). (In Russ.)] URL: http://journal.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=70:2009-09-26-19-36-19&catid=40:-4&Itemid=59 (accessed 14 Dec 2022).
3. Young K. S. Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology & Behavior*, 1998, 1(3): 237–244. <https://doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237>
4. Laconi S., Rodgers R. F., Chabrol H. The measurement of Internet addiction: a critical review of existing scales and their psychometric properties. *Computers in Human Behavior*, 2014, 41: 190–202. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.09.026>
5. Фрейд З. Неудобства культуры. *Художник и фантазирование*. М.: Республика, 1995. С. 299–336. [Freud S. Inconveniences of culture. *Artist and fantasizing*. Moscow: Respublika, 1995, 299–336. (In Russ.)]
6. Янг К. С. Диагноз – Интернет-зависимость. *Mir Internet*. 2000. № 2. С. 24–29. [Yang K. S. Diagnosis – Internet addiction. *Mir Internet*, 2000, (2): 24–29. (In Russ.)]
7. Turkle Sh. *Life on the screen: identity in the age of the Internet*. NY: Simon & Schuster, 1995, 347.
8. Белинская Е. П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей. *Образование личности*. 2016. № 2. С. 31–39. [Belinskaya E. P. The relationship between real and virtual identities of social networks users. *Obrazovanie lichnosti*, 2016, (2): 31–39. (In Russ.)] EDN: WTHTZH
9. Исаева А. Н. «Бестелесность» личности в условиях виртуальной культуры. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18. № 3. С. 491–505. [Isaeva A. N. The "disembodiment" of the personality in the context of virtual culture. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, 18(3): 491–505. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-491-505>
10. Платон. Собрание сочинений. М.: Мысль, 1990. Т. I. 860 с. [Platon. *The collected works*. Vol. I. Moscow: Mysl, 1990, 860. (In Russ.)]
11. Юнг К. Г. Божественный ребенок: аналитическая психология и воспитание. СПб.-М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1997. 400 с. [Jung C. G. *The divine child: analytical psychology and upbringing*. St. Petersburg-Moscow: Olimp; AST-LTD, 1997, 400. (In Russ.)]
12. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Психологические последствия развития информационных технологий. *Национальный психологический журнал*. 2012. № 1. С. 81–87. [Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. The psychological affects of information technologies. *National Psychological Journal*, 2012, (1): 81–87. (In Russ.)] EDN: OPPFWX
13. Власова О. А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. 640 с. [Vlasova O. A. *Fenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers and problems*. Moscow: Territoria budushchego, 2010, 640. (In Russ.)] EDN: RAYWFB
14. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я»: экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка. 2-е изд. М.: ИОИ, 2017. 350 с. [Laing R. D. *The divided self: an existential study in sanity and madness. The politics of experience and the bird of paradise*, 2nd ed. Moscow: IOI, 2017, 350. (In Russ.)]
15. Коптева Н. В. Три образа невоплощенного Я. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2020. Т. 9. № 2-1. С. 118–126. [Kopteva N. V. Three images of the unembodied self. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2020, 9(2-1): 118–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2020.60.24.013>

16. Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 1: теоретические основания и конструкт. *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т. 10. № 3. С. 31–48. [Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Unembodiment on the Internet. Part 1: theoretical basis and construct. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, 10(3): 31–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100303>
17. Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 2. Психометрическая проверка инструментария. *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т. 10. № 4. С. 205–233. [Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Unembodiment on the Internet. Part 2. Psychometric verification of the questionnaire. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, 10(4): 205–233. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100410>
18. Chen Y.-F., Peng S. S. University students' Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation. *CyberPsychology & Behavior*, 2008, 11(4): 467–469. <https://doi.org/10.1089/cpb.2007.0128>
19. Yen J.-Y., Yen C.-F., Chen C.-S., Tang T.-C., Ko C.-H. The association between adult ADHD symptoms and Internet addiction among college students: the gender difference. *CyberPsychology & Behavior*, 2009, 12(2): 187–191. <https://doi.org/10.1089/cpb.2008.0113>
20. Малыгин В. Л., Феклисов К. А., Искандирова А. С., Антоненко А. А., Смирнова Е. А., Хомерики Н. С. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М.: МГМСУ, 2011. 32 с. [Malygin V. L., Feklisov K. A., Iskandirova A. S., Antonenko A. A., Smirnova E. A., Khomeriki N. S. *Internet-dependent behaviour. Criteria and methods of diagnosis*. Moscow: MSUMD, 2011, 32. (In Russ.)] EDN: ZUVFLR
21. Фромм Э. Из плена иллюзий. М.: АСТ, 2017. 224 с. [Fromm E. *Beyond the chains of illusions*. Moscow: AST, 2017, 224. (In Russ.)]
22. Емелин В. А., Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологические факторы развития и хронификации технологических зависимостей. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2013. № 1. С. 171–180. [Emelin V. A., Thostov A. Sh., Rasskazova E. I. Psychological factors of development and chronicity of technological addictions. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie www.psyedu.ru*, 2013, (1): 171–180. (In Russ.)] EDN: PZRNGN

оригинальная статья

Контролируемое будущее как фактор интенциональности человеческого поведения

Репин Михаил Вячеславович
практикующий психолог, Россия, Белово
<https://orcid.org/0000-0003-0691-8018>

Долганов Дмитрий Николаевич
Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень
<https://orcid.org/0000-0003-2389-4978>
dodn-b@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.09.2022. Принята после рецензирования 29.11.2022. Принята в печать 30.11.2022.

Аннотация: Описано теоретическое и эмпирическое исследование, в котором проверяется гипотеза о том, что стремление к контролируемому будущему является значимым фактором поведения субъекта. Контролируемое будущее рассматривается как феномен, складывающийся на пересечении уровня интернальности личности и характера эмоционального реагирования на ситуацию. Проведены измерение и анализ связи уровня интернальности и эмоциональных реакций на двух уровнях. Первый уровень – как устойчивые личностные особенности, выявляемые с использованием стандартизированных личностных опросников: опросник УСК (модификация Е. Г. Ксенофонтовой) и тест Шкала дифференциальных эмоций, DES К. Изарда (адаптация А. В. Леоновой, М. С. Капицы). Второй уровень – как ситуативно личностная характеристика, проявляющаяся в конкретном типе ситуаций и выражающаяся обобщенным состоянием эмоционального комфорта / дискомфорта. Для этих целей был разработан опросник из шести типов ситуаций, в каждой из которых предлагалось по три варианта поведения. Первый вариант предполагал пассивную (экстернальную) позицию, ожидание помощи от других, второй – наиболее активную (интернальную) позицию, третий вариант был промежуточным и предлагал решение примерно 50 / 50. Для каждого варианта поведения мы просили дать оценку степени эмоционального комфорта. На уровне субъектно-личностных черт мы можем утверждать, что общий уровень интернальности личности определяет готовность к действиям и преодолению трудностей, с чем связано переживание отрицательных эмоциональных переживаний. Чем ниже готовность к действиям и преобразованиям, тем сильнее проявляются отрицательные эмоции. На уровне ситуативного поведения мы видим похожую тенденцию: чем ниже уровень контроля над ситуацией, тем более высокий уровень эмоционального дискомфорта у испытуемых. Однако связь контролируемости событий и эмоционального комфорта нелинейна. При повышении уровня контроля над ситуацией мы видим повышение уровня эмоционального дискомфорта.

Ключевые слова: контролируемое будущее, преадаптация, интернальность, эмоциональный комфорт, эмоциональный дискомфорт

Цитирование: Репин М. В., Долганов Д. Н. Контролируемое будущее как фактор интенциональности человеческого поведения. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 793–801. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-793-801>

full article

Controlled Future as a Factor of Human Behavior Intentionality

Mikhail V. Repin
Practicing psychologist, Russia, Belovo
<https://orcid.org/0000-0003-0691-8018>

Dmitry N. Dolganov
Tyumen State University, Russia, Tyumen
<https://orcid.org/0000-0003-2389-4978>
dodn-b@yandex.ru

Received 15 Sep 2022. Accepted after peer review 29 Nov 2022. Accepted for publication 30 Nov 2022.

Abstract: This theoretical and empirical study verifies the hypothesis that the desire to control one's own future is a significant behavioral factor. A controlled future is a phenomenon at the intersection of internality and emotional response. The relationship between the level of internality and emotional response was analyzed at two levels. The first level featured stable personality traits. They were identified using standard personality questionnaires, namely the Standard Personality Traits Questionnaire modified by E. G. Ksenofontov and C. Izard's Differential Emotions Scale adapted by A. V. Leonov and M. S. Kapitsa. The second level featured situational personal traits manifested in particular situations as a general state of emotional comfort or discomfort. The authors developed a questionnaire that included six types of situations, each of which had three response options. The first

option presupposed a passive (external) position, i.e., waiting for help from others. The second option described an active (internal) position. The third option was intermediate (50/50). Each behavioral option required an assessment of emotional comfort. At the level of subjective-personal traits, the general level of personal internality determined the readiness for action and overcoming difficulties, often associated with negative emotional experiences. A lower readiness for action and transformation triggered stronger negative emotions. The level of situational behavior demonstrated a similar trend: a lower control over the situation was associated with a greater emotional discomfort. However, the relationship between control and emotional comfort was not linear. The level of emotional discomfort increased following the rise in the control level.

Keywords: controlled future, preadaptation, internality, emotional comfort, emotional discomfort

Citation: Repin M. V., Dolganov D. N. Controlled Future as a Factor of Human Behavior Intentionality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 793–801. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-793-801>

Введение

В основе любого выбора, который осуществляется человеком, лежит интенция мотивированного действия. Энциклопедический словарь понятие интенции определяет как направленность воли, сознания на какой-либо объект. В более узком смысле – направленность на цель¹. Направленность нашего сознания на некий предмет задает структуру и придает смысл нашим переживаниям. С. Ю. Гончарова, анализируя концепцию интенциональности Дж. Сёрла, указывает, что всякое интенциональное состояние имеет интенциональное содержание и психологический модус. Содержание определяет направленность на психологический модус, указывающий на степень соответствия между положением дел и условиями выполнимости, определяет функциональные проявления интенциональности. По степени несоответствия сознания и мира выделяется два модуса: утверждение и желание. В модусе *утверждение* мы имеем несоответствие утверждений реальному положению дел в мире, следовательно требуется устранение противоречий на уровне содержания. В модусе *желание* необходимо менять положение дел, чтобы привести в соответствие содержание сознания реальному миру [1–3].

Интенциональность есть проявление не только индивидуальное. Я. К. Смирнова в дополнение к индивидуальной интенциональности выделяет коллективную интенциональность – как проявление совместного намерения. В данном контексте интенциональность определяет стратегию взаимодействия, в том числе при наличии моральной дилеммы [4]. В общем смысле групповая интенциональность также отражает готовность субъекта приводить в соответствие собственные субъективные ожидания с ожиданиями других людей и на этом основании выстраивать взаимодействие.

Интенциональность реализуется через ряд аспектов, которые позволяют принять решение в ситуации здесь и сейчас. Решения, принимаемые субъектом в течение жизни, могут характеризоваться разной степенью риска. Принимая решения, которые сопряжены с высокой степенью риска,

человек всегда выходит за рамки комфорта как на физиологическом уровне, так и на эмоциональном. Первые эмоциональные реакции на необходимость покинуть зону комфорта – отторжение и неприятие. Данный факт отражен в теории ожидаемой полезности Дж. Неймана и О. Моргенштерна. Авторы показали, что в ситуации принятия решения, сопровождаемого риском, принимающий решения субъект будет стремиться к максимизации выгоды и минимизации потери [5; 6].

Согласно теории перспектив Д. Канемана и др., среда, в которой мы принимаем решения, оказывает влияние на выбор. Так как человек является социальным животным, то на его поведение непосредственно влияют такие факторы, как конформизм, социальный строй системы, социальные нормы, религиозная мораль и т. п., которые проводят демаркацию поведения и мышления, за которые сложно выйти. XXI век пополняет этот список технологической сингулярностью. Д. Канеман и др. эмпирически доказали, что человеку свойственно не максимизировать выгоды, а минимизировать потери [7; 8]. Эволюционная психология вводит понятие *феномен точки отсчета*. Данный феномен означает, что любое принимаемое нами решение является в определенной степени иррациональным. Это обстоятельство возникает в силу того, что, принимая решение, мы всегда находимся в некотором контексте и совершаем сравнение объектов в контексте со всеми иными объектами.

Если рассмотреть процесс принятия решения не только на уровне психологическом, но и чуть шире, то можно этот процесс сопоставить с физиологическими механизмами гомеостаза и аллостаза. Гомеостаз – состояние равновесия. Любое отклонение от стандартных средних значений воспринимается организмом как нарушение равновесия и, следовательно, запускает механизмы восстановления утраченного равновесия. Аллостаз – механизм, дающий возможность развития и изменения. Как об этом пишут А. Г. Асмолов и др., задача рождает орган [9–11]. Эти два базовых механизма являются условием эволюционного развития и обеспечения стабильности поведения.

¹ Энциклопедический психологический словарь-справочник. 1000 понятий, определений, терминов, ред. С. А. Кандыбович, А. Д. Король, Т. В. Разина. 6-е изд., перераб. и доп. Мн.: Харвест, 2021. 865 с.

В рамках данной работы мы придерживаемся положения о том, что стремление субъекта к заданию понятного и контролируемого образа ситуации является одним из основных аспектов интенциональности поведения. Совершая акт поведения, субъект принимает решение об изменении содержания сознания (модус утверждения) или об изменении положения дел (модус желания), исходит из представлений о текущей ситуации и будущей, которые бы позволили субъекту установить и осуществить их контроль, что мы лаконично выражаем в понятии *контролируемое будущее*.

Идея контролируемого будущего прослеживается и в работах К. Хорни. Контролируемое будущее берет свое начало от чувства базальной тревоги перед резко меняющимися условиями среды цивилизации и потерей контроля над изменяющимися условиями [12; 13]. В. Франкл делает вывод, что каждая эпоха порождает свой невроз. Современная цивилизация стремительными темпами развивает не только технологию, но и трансформирует сознание как социума в целом, так и отдельного индивидуума из невроза в пограничные расстройства, где преимущественно проявляются аномалии эмоций и волевой сферы [14; 15]. В XXI в. можно предположить, что ведущим является ананкастное расстройство личности. Основа данного расстройства сводится к поддержанию определенного порядка и полному контролю над ним в сочетании с ригидностью, неуверенностью и чрезвычайной осторожностью. Когнитивная ригидность дает возможность опираться на стремления человека в предсказаниях и прогнозах, что с ним произойдет, в отличие от преадаптации, где ключевой функцией является готовность к изменениям и поддержание дизруптивных инноваций. Получается, что человек физически здоров, но личностно болен [16; 17]. По мнению А. В. Шувалова, диссонанс современного бытия можно охарактеризовать как рассогласование намеченных планов и устремлений с количеством времени, которое постоянно ускользает. То есть субъект испытывает постоянный дефицит времени и постепенно становится заложником естественного развития событий [18; 19].

Современный мир предъявляет человеку достаточно большой набор вызовов неопределенности и неупорядоченности. В данных условиях высокой изменчивости и нестабильности жизни часто возникают тенденции к упрощению, архаизации, появлению страхов к неопределенности. В таких ситуациях попытки управления собственной жизнью основываются на тех образах понятного и контролируемого будущего, которые способствуют устранению неопределенности и повышению уровня эмоционального комфорта.

Мы определяем контролируемое будущее как антиципационный процесс для достижения субъективного спокойствия посредством интенциональности к упорядочению. Мы руководствуемся определением Э. М. Галимова, согласно которому термин *упорядочивание* заключается в соответствии актов поведения и ограничений взаимодействий [20]. Контролируемое будущее – это есть акт,

в котором индивид и социум в целом стремятся сохранить зону комфорта посредством адаптации к среде. В данном процессе преадаптационный механизм используется как возможность избежать страдания перед неопределенным будущим, но не как возможность для трансформации сформировавшихся психологических структур и улучшения качества жизнедеятельности посредством творческого подхода. Зону комфорта мы обозначаем как привычные условия жизни человека, устоявшийся темп и образ жизни, отработанные личностью стереотипы поведения в социуме и личного прореживания Я-концепции.

Рассматривая поведение через призму понятия *интенциональность* и пытаюсь ввести конструкт контролируемого будущего, мы обращаемся к тезису Г. А. Балла о том, что мотив является интенциональной, т. е. предметно отнесенной, психической причиной действий [21]. Мы солидарны с М. И. Яновским, что интенция в общем смысле подразумевает образ предмета, представленный в сознании субъекта, а не сам реальный предмет. Далее автор, ссылаясь на работы Р. Мэя, пишет, что интенциональность проявляется в самом действии [22]. И это очень важно, поскольку показывает, что именно наше восприятие реальности является причиной нашего поведения, а не сами предметы и явления в физическом воплощении. Затем автор высказывает еще одну очень важную мысль о том, что интенция как безадресное действие позволяет субъекту осуществить манипуляцию с уровнем ответственности за действие и снизить ее за счет понижения цены и ценности действия. Вслед за М. С. Яницким, А. В. Серым, К. Муздыбаевым мы будем понимать ответственность как отражение степени субъективного контроля над ситуацией, которая описывается термином *интернальность* и проявляется как на уровне социальной атрибуции, так и на уровне ценностной атрибуции [23; 24]. Итак, если интенциональность поведения отражается в возможности варьирования ответственности (уровня интернальности) за само поведение (действие), то можно предположить, что варьирование ответственности идет по градиенту эмоциональной оценки ситуации, т. к. эмоциональная оценка и уровень эмоционального комфорта отражают степень значимости (ценности) ситуации для субъекта.

Таким образом, на операциональном уровне контролируемое будущее проявляется в соотношении уровня эмоционального реагирования и уровня интернальности в отношении событий жизни. Контролируемое будущее будет представлять баланс эмоционального комфорта и степени личного участия / личной ответственности в управлении событиями жизни. Фиксируя данную тему как противоречие между потребностью в понимании характера принятия решений в процессе жизнедеятельности и недостаточностью имеющихся средств описания данного процесса, мы поставили перед собой цель исследовать соотношение уровня интернальности и эмоциональных реакций как элементов, образующих феномен контролируемого будущего.

Методы и материалы

Для проверки предположения о наличии интенции к контролируемому будущему было организовано и проведено эмпирическое исследование. В данном исследовании приняли участие 116 студентов Беловского института (филиала) Кемеровского государственного университета, обучающихся по направлениям Педагогическое образование, Юриспруденция, Психология. Выборка по половому составу неравномерна: 15 мужчин и 101 женщина. Средний возраст испытуемых – 29,1. Оценка степени вариативности по признаку пола с использованием дисперсионного анализа показывает отсутствие значимых вариаций по фактору пол, что позволяет нам проводить дальнейший анализ без разделения результатов на подгруппы.

Проверка выдвинутых предположений проводилась в двух аспектах. 1. Анализ связи уровня интернальности и особенностей эмоционального реагирования посредством диагностических процедур: тест УСК (модификация Е. Г. Ксенофонтовой) и тест Шкала дифференциальных эмоций, DES К. Изарда (адаптация А. В. Леоновой, М. С. Капицы). 2. Анализ связи уровня эмоционального комфорта и предпочитаемой стратегии поведения в заданных ситуациях. Для этих целей нами был разработан опросник, включающий шесть типов ситуаций, в каждой из которых предлагалось по три варианта поведения. Первый вариант предполагал пассивную (экстернальную) позицию, ожидание помощи от других, второй – наиболее активную (интернальную) позицию, третий вариант был промежуточным и предлагал решение примерно 50 / 50. Для каждого

варианта поведения мы просили дать оценку степени эмоционального комфорта. Оценка ставилась по 10-балльной шкале, где 1 – уровень наивысшего комфорта, а 10 – наиболее высокий уровень дискомфорта. В рабочем бланке нами использовался отрезок длиной 10 см, который являлся оценочной шкалой, и испытуемые должны были указать свой уровень эмоционального комфорта не в цифровом варианте. Затем при помощи линейки мы определяли расстояние от начала отрезка до метки, сделанной испытуемым, и значение в миллиметрах являлось количественной оценкой степени эмоционального комфорта. Поскольку в процессе тиражирования бланков в зависимости от копировальной техники реальная длина отрезка варьировалась и не была равна 10 см, то итоговая количественная оценка нами была переведена в процентные величины от реальной длины отрезка.

Результаты

В ходе корреляционного анализа шкал двух опросников выявлен ряд статистически значимых корреляций ($p \leq 0,01$). В табл. 1 приведены только значимые коэффициенты корреляции. При повышении общего уровня интернальности наблюдается снижение уровня проявления негативных эмоций (горе, страх). При повышении уровня интернальности в сфере описания достижений, что рассматривается как результат собственных усилий, происходит повышение уровня эмоции радости. По шкале самообвинения могут быть как положительные, так и отрицательные значения. Отрицательные значения свидетельствуют

Табл. 1. Матрица интеркорреляций шкал опросника УСК и опросника DES

Tab. 1. Matrix of intercorrelations: Personality Traits Questionnaire vs. Differential Emotions Scale

Шкала	Радость	Горе	Гнев	Отражение	Презрение	Страх	Стыд	Вина	Индекс позитивных эмоций	Индекс негативных эмоций	Индекс тревожных эмоций
Интернальность при описании личного опыта	–	–0,28	–	–	–	–0,25	–	–	–	–	–
Интернальность в сфере достижений	0,30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Предрасположенность к самообвинениям	–0,31	–	–	–	–	–	–	–	–0,25	–	–
Компетентность в сфере межличностных отношений	–	–0,24	–	–0,26	–	–0,27	–0,30	–0,26	–	–	–0,29
Ответственность в сфере межличностных отношений	–	–	–	0,28	0,30	–	–	0,29	–	0,25	–
Интернальность в сфере здоровья	–	–0,30	–0,26	–0,24	–	–0,27	–0,30	–	–	–0,28	–0,25
Отрицание активности	–	0,26	–	–	–	0,35	0,32	0,28	–	–	0,32
Готовность к преодолению трудностей	–	–0,26	–	–0,27	–	–0,39	–0,33	–0,33	–	–0,27	–0,35

о снижении склонности к самообвинениям. И чем ниже значения по данной шкале, тем сильнее выражена эмоция радости и общий индекс позитивных эмоций. Чем выше уровень компетентности в сфере межличностных отношений, тем ниже проявление негативных эмоций: горе, отвращение, страх, стыд, вина – и общего индекса тревожных эмоций. Шкала опросника *склонность принимать на себя ответственность в сфере межличностных отношений* положительно коррелирует с уровнем отвращения, презрения, вины и индексом негативных эмоций. Особенностью принятия ответственности в сфере межличностных отношений является принятие ответственности не только за положительные исходы, но и за негативные сценарии межличностных отношений. Данное обстоятельство, на наш взгляд, и объясняет такую «необычную» корреляцию. То есть при принятии ответственности за все многообразие отношений у субъекта наблюдается аккумуляция и отрицательных эмоций. При высоких показателях интернальности в области здоровья наблюдается снижение уровня всех негативных эмоций и индексов негативных эмоций. Шкала отрицания активности является обратной шкалой, и более высокие значения определяют преобладание экстернальности и отказа от активности. Поэтому при повышении показателей по данной шкале отмечается повышение уровня горя, страха, стыда, вины и индекса тревожных эмоций. А при повышении показателей шкалы ориентации на преодоление трудностей отмечается снижение всех основных отрицательных эмоций и индексов отрицательных эмоций.

Учитывая, что в числовом выражении выявленные коэффициенты корреляции являются не очень высокими, мы дополнительно произвели интервальную оценку мощности коэффициентов (табл. 2). В ходе данного анализа все наблюдаемые коэффициенты корреляции являются достоверными. Доверительный уровень составил 0,95.

На основе корреляционных связей между шкалами тестов и связей внутри тестов мы выделили корреляционную плеяду связанных признаков, которая может дать некоторое понимание связи уровня интернальности и особенностей эмоционального реагирования. Для проверки данной модели мы использовали метод моделирования структурными уравнениями и проверили значимость предполагаемых путей связей. Данный метод представляет собой объединение множественного регрессионного анализа и факторного анализа, что является весьма мощной процедурой проверки наличия причинных связей между переменными [25]. Приведены проверяемая модель (рис. 1) и параметры проверки путей (табл. 3). На рис. 1 визуальное отражение пути (последовательности) связей между переменными, а в табл. 3 приведены статистические коэффициенты, подтверждающие значимость и неслучайность данных связей.

С учетом приведенных результатов расчетов можно обозначить следующую логику причинных связей интернальности и эмоциональных проявлений. Уровень общей интернальности влияет на снижение уровня отрицания

Табл. 2. Результаты интервальной оценки мощности коэффициентов корреляции

Tab. 2. Interval estimation of correlation ratio

Доверительный пределы (Z Фишера точный)		Наблюдаемая корреляция R
Нижний	Верхний	
0,0706	0,4119	0,25
0,0812	0,4207	0,26
0,1025	0,4382	0,28
0,1132	0,4470	0,29
0,1240	0,4557	0,30
0,1456	0,4729	0,32
0,1784	0,4987	0,35
-0,4031	-0,0601	-0,24
-0,4119	-0,0706	-0,25
-0,4207	-0,0812	-0,26
-0,4295	-0,0918	-0,27
-0,4382	-0,1025	-0,28
-0,4470	-0,1132	-0,29
-0,4557	-0,1240	-0,30
-0,4643	-0,1348	-0,31
-0,4815	-0,1565	-0,33
-0,4987	-0,1784	-0,35
-0,5326	-0,2227	-0,39

активности, что соответствует общей готовности совершать активные действия, и на повышение интернальности в сфере межличностных отношений. Готовность к совершению действий определяет повышение уровня готовности к преодолению трудностей. Чем выше готовность к преодолению трудностей, тем ниже уровни проявления тревожных и негативных эмоций. А чем ниже уровень проявления отрицательной эмоции гнева, тем сильнее выражена эмоция радости и общего индекса позитивных эмоций. Таким образом, для исследуемой нами группы испытуемых характерным элементом связи является не просто проявление интернальности, но выраженная готовность к совершению действий.

На данном уровне анализа не представляется возможным выделить особенности связи готовности к совершению конкретного действия с уровнем испытываемых эмоций, поэтому перейдем к анализу результатов, полученных нами во второй части исследования. Имея три типа ситуаций, предлагаемых для оценки испытуемым, мы можем посчитать средние значения уровня эмоционального комфорта по каждому уровню контроля над ситуацией (рис. 2).

Напомним, что снижение оценок по данной шкале свидетельствует о более комфортном состоянии, а повышение оценок отражает повышение уровня дискомфорта.

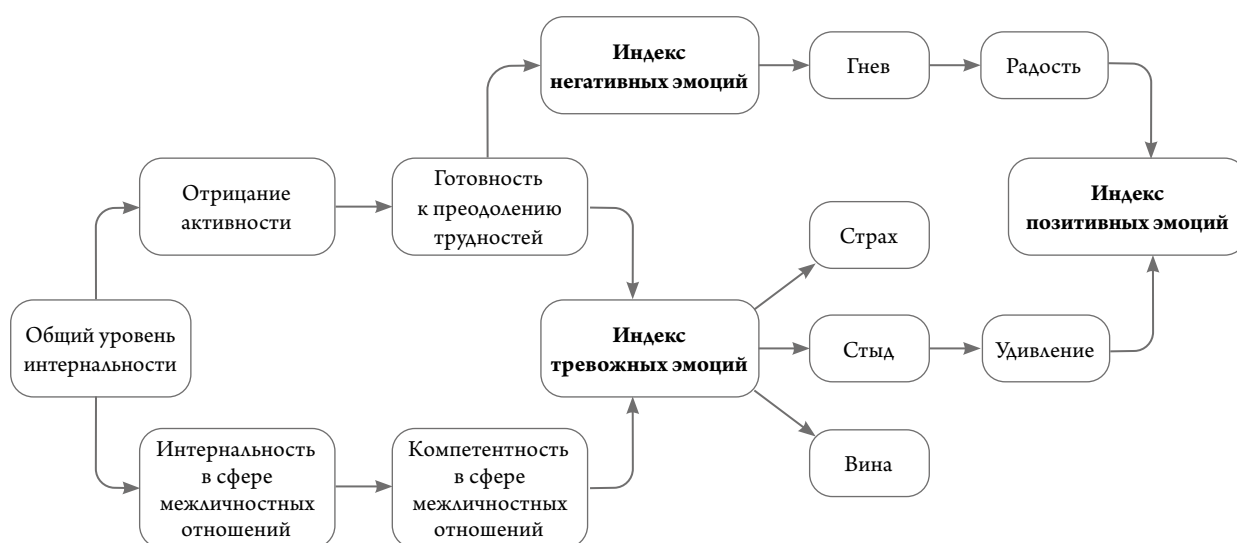

Рис. 1. Проверяемая модель путей
Fig. 1. Verifiable path model

Табл. 3. Результаты моделирования структурными уравнениями
Tab. 3. Structural equation model

Взаимосвязь	Оценка	T	p
Функция несогласия: 0,159; Граничные условия: 0; Статистика Хи-квадрат: 17,9178; p-уровень Хи-квадрат: 0,000457; RMS Станд. остатки: 0,0338			
Общая интернальность => Отрицание активности	-2,087	-9,201	0,001
Общая интернальность => Интернальность в сфере межличностных отношений	2,258	8,750	0,001
Отрицание активности => Готовность к преодолению трудностей	-0,818	-12,606	0,001
Интернальность в сфере межличностных отношений=> Компетентность в области межличностных отношений	0,800	10,361	0,001
Функция несогласия: 4,09; Граничные условия: 3; Статистика Хи-квадрат: 461,981; p-уровень Хи-квадрат: 0,001; RMS Станд. остатки: 0,311			
Индекс тревожных эмоций => Страх	2,369	7,787	0,001
Индекс тревожных эмоций => Стыд	1,418	6,411	0,001
Индекс тревожных эмоций => Вина	3,286	12,884	0,001
Индекс негативных эмоций => Гнев	3,784	7,008	0,001
Гнев => Радость	-0,370	-4,769	0,001
Страх => Удивление	-0,699	-	-
Стыд => Удивление	0,557	0,350	0,727
Вина => Удивление	0,584	0,858	0,391
Функция несогласия: 0,968; Граничные условия: 0; Статистика Хи-квадрат: 109,39; p-уровень Хи-квадрат: 0,001; RMS Станд. остатки: 0,273			
Готовность к преодолению трудностей => Индекс тревожных эмоций	-7,649	-5,129	0,001
Готовность к преодолению трудностей => Индекс негативных эмоций	-8,325	-4,955	0,001
Компетентность в сфере межличностных Отношений => Индекс тревожных эмоций	-0,684	-0,557	0,578

Прим.: Полужирным шрифтом выделены значимые связи между переменными.

Как видно из приведенного рис. 2, в ситуациях с низким уровнем контроля испытуемые в среднем указывают на более высокие значения дискомфорта. В табл. 4 приведены результаты статистического сравнения средних значений в подгруппах вопросов с разным уровнем контроля над ситуацией с использованием t-критерия Стюдента.

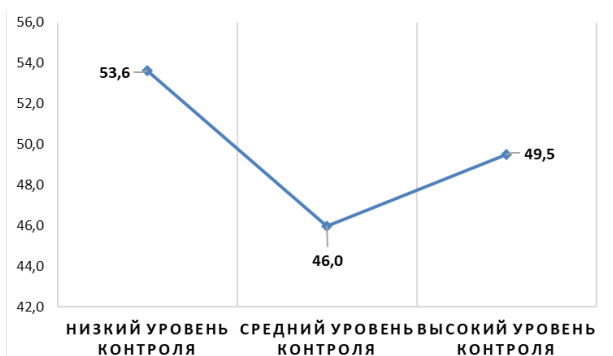

Рис. 2. Средние значения уровня эмоционального комфорта при разных уровнях контроля над ситуацией
Fig. 2. Mean values of emotional comfort at different levels of control

Табл. 4. Результаты сравнения средних значений уровня эмоционального комфорта (t-критерий)

Tab. 4. Comparative analysis of mean values: emotional comfort (t-criterion)

Уровень контроля	Среднее	Станд. откл	t	p
Низкий	53,63830	14,06772	6,31210	0,001
Средний	45,99795	11,67600		
Низкий	53,63830	14,06772	2,70237	0,007
Высокий	49,49400	12,60219		
Средний	45,99795	11,67600	-3,33705	0,001
Высокий	49,49400	12,60219		

Таким образом, средний уровень эмоционального комфорта при различных уровнях контроля над ситуацией достоверно отличается. Наиболее выраженный дискомфорт отмечается в случае попадания в ситуации, где сам субъект может в очень малой степени влиять на события и исход, и ему предстоит полагаться на действия других людей. Ситуации, где примерно половина исхода зависит от собственных действий, сопровождаются повышением уровня эмоционального комфорта. А в ситуациях с высокой степенью контроля отмечается повышение уровня дискомфорта, но при этом данные показатели ниже, чем в ситуациях с низким уровнем контроля.

Дополнительный анализ с разделением испытуемых на экстерналистов и интерналистов (по результатам опросника УСК) показывает наличие аналогичной тенденции

изменения уровня эмоционального комфорта. В ситуациях с низким уровнем контроля над ситуацией отмечается наиболее высокий уровень дискомфорта, а в ситуациях со средним уровнем – наиболее комфортное состояние. И в данном месте возникает вопрос, существуют ли какие-либо отличия в уровне эмоций у лиц с разным уровнем интернальности? Статистическое сравнение испытуемых с выраженным уровнем экстернальности и интернальности показывает отличия по уровню эмоции страха. Среднее значение при экстернальности – 9,6; среднее значение при интернальности – 7,9 ($t = 2,14$; $p \leq 0,03$).

Заключение

Понятие контролируемого будущего отражает интенцию субъекта на упорядоченность и объяснимость (интерпретируемость) событий собственной жизни. Степень интерпретируемости проявляется в осмыслении своей роли в развитии и управлении ситуацией, что можно выразить общепринятым термином *интернальность*. Уровень интернальности связан с особенностями эмоционального реагирования на жизненные ситуации.

Мы провели измерение и анализ связи уровня интернальности и эмоциональных реакций на двух уровнях: 1) как устойчивые личностные особенности, выявляемые с использованием стандартизированных личностных опросников; 2) как ситуативно личностная характеристика, проявляющаяся в конкретном типе ситуаций и выражающаяся, обобщенным состоянием эмоционального комфорта-дискомфорта.

На уровне субъектно-личностных черт мы можем утверждать, что общий уровень интернальности личности определяет готовность к действиям и преодолению трудностей, с чем связано переживание отрицательных эмоциональных переживаний. Чем ниже готовность к действиям и преобразованиям, тем сильнее проявляются отрицательные эмоции.

На уровне ситуативного поведения мы видим похожую тенденцию: чем ниже уровень контроля над ситуацией, тем более высокий уровень эмоционального дискомфорта у испытуемых. Однако связь контролируемости событий и эмоционального комфорта нелинейна. При повышении уровня контроля над ситуацией мы видим повышение уровня эмоционального дискомфорта. Конечно, данный подъем уровня дискомфорта не достигает уровня при низкой степени контроля над ситуацией, и с точки зрения внутреннего содержания этот эмоциональный комплекс должен характеризоваться другим сочетанием конкретных эмоций. Но в рамках данного исследования мы не ставили подобной задачи и не имеем сколько-нибудь подходящих свидетельств предполагаемых отличий.

Попытка связать результаты первого и второго уровней измерения не дает никаких достоверных корреляций или статистических отличий по уровню личностной интернальности. Это обстоятельство мы интерпретируем с позиции

различия методологий процедур измерения. На первом уровне мы измеряем личностные, достаточно устойчивые и интегративные проявления на основе самоотчетов испытуемых (имеются в виду самостоятельные ответы на пункты опросников). На втором уровне мы подходим к измерению деятельностно, поместив испытуемых в некоторый ситуативный контекст, где оценивается обобщенная эмоциональная реакция.

Однако в обоих вариантах измерения мы увидели, что именно деятельностный аспект является более значимым. Так, на личностном уровне измерения различные варианты интернальности (в области отношений, профессиональной сферы, здоровья, семьи) не обнаружили связи с эмоциональными проявлениями. Следовательно, имея в виду ситуативную интернальность как операциональный компонент контролируемого будущего, можно заключить, что изменение уровня ситуативной атрибуции идет по сценарию установления личностно приемлемого контроля над текущей ситуацией. Смещение по оси от почти неконтролируемого до практически полностью контролируемого определяется степенью эмоционального комфорта как способ поддержания баланса и равновесия. В связи с этим возникает очень интересный и важный вопрос – каким образом и в каких пределах определяется эмоциональный

оптимум контролируемого будущего. Кроме того, важно ответить на вопрос о внутренней структуре эмоциональных комплексов, формирующихся при различном уровне контроля над ситуацией.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. В. Репин – формулировка замысла работы, постановка задач, подбор методик, теоретический обзор научных работ, обработка и анализ полученных эмпирических данных. Д. Н. Долганов – формулирование общих целей исследования, обзор и описание, корректировка теоретического материала исследования, анализ и изложение полученных эмпирических данных.

Contribution: M. V. Repin developed the research concept, planned the tasks, selected the methods, reviewed scientific publications, and analyzed the empirical data. D. N. Dolganov defined the general research goals, reviewed the theoretical material, analyzed and presented the empirical data.

Литература / References

1. Гончарова С. Ю. О Джоне Сёрле и его философской деятельности. *Философия и культура*. 2012. № 12. С. 78–84. [Goncharova S. Yu. John Searle and his philosophy. *Philosophy and Culture*, 2012, (12): 78–84. (In Russ.)] EDN: PZPZDV
2. Гончарова С. Ю. «Биологический натурализм» Сёрла как альтернатива материализму и дуализму в решении трудной проблемы. *ВВ: Философские исследования*. 2013. № 1. С. 141–174. [Goncharova S. Yu. Searle's biological naturalism as an alternative to materialism and dualism in solving a difficult problem. *ВВ: Filosofskie issledovaniia*, 2013, (1): 141–174. (In Russ.)] EDN: RWBKEF
3. Гончарова С. Ю. Интенциональность сознания как биологическое свойство мозга. *Психология и Психотехника*. 2014. № 3. С. 295–303. [Goncharova S. Yu. Intentionality of consciousness as a biological property of the brain. *Psychology and Psychotechnics*, 2014, (3): 295–303. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2014.3.10612>
4. Смирнова Я. К. Модель психического и способность придерживаться коллективной интенциональности у дошкольников. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2019. Т. 7. № 2. С. 402–413. [Smirnova Ya. K. Mental model and ability to attend collective intentionality in preschool children. *Personality in a changing world: health, adaptation, development*, 7(2): 402–413. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23888/humJ20192402-413>
5. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 707 с. [Neumann J. von, Morgenstern O. *Theory of game and economic behavior*. Moscow: Nauka, 1970, 707. (In Russ.)]
6. Шумейкер П. Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможного. *Thesis*. 1994. № 5. С. 29–80. [Schoemaker P. Expected utility model: variations, approaches, outcomes, and limits. *Thesis*, 1994, (5): 29–80. (In Russ.)]
7. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный Центр, 2005. 632 с. [Kahneman D., Slovic P., Tversky A. *Judgment under uncertainty: Heuristics and bias*. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentr, 2005, 632. (In Russ.)]
8. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ, 2018. 653 с. [Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. Moscow: AST, 2018, 653. (In Russ.)]
9. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. От организма как целого к персонифицированному сообществу: трансформация самоорганизации в социобиологии. *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 48. [Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. From organism as a whole to personalized community: transformation of self-organization in sociobiology. *Psychological Studies*, 2016, 9(48). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v9i48.438>

10. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с. [Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. *Preadaptation to uncertainty: unpredictable paths of evolution*. Moscow: Akropol, 2018, 212. (In Russ.)]
11. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Парадокс сосуществования адаптации и преадаптации в историко-эволюционном процессе. *Вопросы психологии*. 2021. Т. 67. № 4. С. 3–20. [Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. The paradox of the adaptation and preadaptation coexistence of in the historical and evolutionary process. *Voprosy Psikhologii*, 2021, 67(4): 3–20. (In Russ.)] EDN: VQJMDP
12. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс, 1993. 478 с. [Horney K. *The neurotic personality of our time*. Moscow: Progress, 1993, 478. (In Russ.)] EDN: SZFXIZ
13. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория неврозов. М.: Прогресс книга, 2019. 240 с. [Horney K. *Our inner conflicts: A constructive theory of neurosis*. Moscow: Progress kniga, 2019, 240. (In Russ.)]
14. Франк В. Психотерапия и экзистенциализм. Избранные работы по логотерапии. М.: ИОИ, 2015. 192 с. [Frankl V. *Psychotherapy and existentialism. Selected papers on logotherapy*. Moscow: IOI, 2015, 192. (In Russ.)]
15. Франк В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 344 с. [Frankl V. *Logotherapy and existential analysis: articles and lectures*. Moscow: Alpina non-fikshn, 2016, 344. (In Russ.)]
16. Брюн Е. А., Михайлов М. А., Цветков А. В. Норма и патология смыслообразования. М.: ИСК, 2017. 144 с. [Bryun E. A., Mikhailov M. A., Tsvetkov A. V. *Norm and pathology of meaning formation*. Moscow: ISK, 2017. 144. (In Russ.)] EDN: XSGNOX
17. Цветкова Л. С., Цветков А. В. Нейропсихологическое консультирование в практике психолога образования. 2-е изд. М.: Издание книг ком, 2021. 120 с. [Tsvetkova L. S., Tsvetkov A. V. *Neuropsychological counseling in the practice of an educational psychologist*. 2nd ed. Moscow: Izdanie knig kom, 2021, 120. (In Russ.)]
18. Шувалов А. В. Антропологические аспекты психологии здоровья. *Национальный психологический журнал*. 2015. № 4. С. 23–36. [Shuvalov A. V. Anthropological aspects of health psycholog. *National Psychological Journal*, 2015, (4): 23–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0403>
19. Шувалов А. В. Духовная безопасность как фундаментальная основа психологической безопасности личности. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология»*. 2020. № 1. С. 65–73. [Shuvalov A. V. Spiritual security as a fundamental basis of psychological security of a person. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 2020, (1): 65–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2020.51.1.05>
20. Галимов Э. М. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью, происхождение и принципы эволюции. 3-е изд. М.: URSS, 2008. 253 с. [Galimov E. M. *The phenomenon of life: between equilibrium and nonlinearity, origins, and principles of evolution*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2008, 253. (In Russ.)]
21. Балл Г. А. «Мотив»: уточнение понятия. *Психологический журнал*. 2004. Т. 25. № 4. С. 56–65. [Ball G. A. An attempt to explicate the concept of motive. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2004, 25(4): 56–65. (In Russ.)] EDN: OXHXFH
22. Яновский М. И. «Интенциональный» подход к трактовке феноменов в психологии. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2011. Т. 4. № 4. С. 82–91. [Yanovsky M. I. "Intentional" approach to the interpretation of phenomena in psychology. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya*, 2011, 4(4): 82–91. (In Russ.)] EDN: OXZIDL
23. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 19-1. С. 82–97. [Yanitskiy M. S., Seryy A. V. The basic methodological approaches to the study of the personal value-semantic sphere. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2012, (19-1): 82–97. (In Russ.)] EDN: OXSMUH
24. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983. 240 с. [Muzdybaev K. *Psychology of responsibility*. Leningrad: Nauka, 1983, 240. (In Russ.)] EDN: ZBIFNJ
25. Митина О. В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений. *Экспериментальная психология*. 2008. Т. 1. № 1. С. 131–148. [Mitina O. V. Structural equations for latent curve modeling. *Experimental Psychology (Russia)*, 2008, 1(1): 131–148. (In Russ.)] EDN: KYXPJX

оригинальная статья

Изучение сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов трудным жизненным ситуациям

Сорокоумова Светлана Николаевна
Российский государственный социальный университет,
Россия, Москва
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск
национальной гвардии РФ, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

Дунаева Наталья Ивановна
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск
национальной гвардии РФ, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0002-4310-5115>
nataliadunaeva468@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.09.2022. Принята после рецензирования 11.10.2022. Принята в печать 31.10.2022.

Аннотация: Проведен анализ теоретических и практических подходов к изучению сопротивляемости личности трудным жизненным ситуациям, показано, что сопротивляемость является важнейшим свойством личности и определяет стратегию поведения и деятельности в различных ситуациях. Изучение сопротивляемости личности предполагает многомерную оценку, включающую в себя изучение личностных характеристик, возрастных особенностей, оценку стратегий выхода из трудной жизненной ситуации. Цель – провести сравнительный анализ результатов особенностей развития основных личностных образований и выявить тенденции развития сопротивляемости личности в трех возрастных группах (подростки, старшеклассники, студенты). Разработан диагностический комплекс для определения компонентной структуры сопротивляемости личности. Представлен сравнительный анализ результатов, обоснованы тенденции развития сопротивляемости в этих возрастных группах в типичных условиях обучения. Выявлены особенности способов поведения в различных жизненных ситуациях, особенности социально-психологической адаптации, ценностные ориентации личности и смысложизненные установки, особенности проявлений субъектности. Представленные результаты личностных образований психологической структуры сопротивляемости позволяют разработать программу по созданию условий развития сопротивляемости в образовательной среде.

Ключевые слова: сопротивляемость личности, трудные жизненные ситуации, подростки, старшеклассники, студенты, психологические особенности проявления сопротивляемости

Цитирование: Сорокоумова С. Н., Дунаева Н. И. Изучение сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов трудным жизненным ситуациям. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 802–808. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-802-808>

full article

Resistance to Adversities in Teenagers, High School Students, and University Students

Svetlana N. Sorokoumova
Russian State Social University, Russia, Moscow
St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National
Guard Troops of the Russian Federation, Russia, St. Petersburg
<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

Natalia I. Dunaeva
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia,
Nizhny Novgorod
St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National
Guard Troops of the Russian Federation, Russia, St. Petersburg
<https://orcid.org/0000-0002-4310-5115>
nataliadunaeva468@yandex.ru

Received 20 Sep 2022. Accepted after peer review 11 Oct 2022. Accepted for publication 31 Oct 2022.

Abstract: This research featured theoretical and practical approaches to resistance. Resistance to adversities is an important personality trait because it determines the strategy of behavior in various situations. Personal resilience requires a multidimensional assessment of personality traits, age profile, and solution strategies. The research objective was to identify and compare the trends in resistance in three age groups: teenagers, high school students, and university students. The authors developed a diagnostic complex to determine its component structure. The article describes behavioral patterns, socio-psychological

adaptation, personal value orientations, life-meaning attitudes, and manifestations of subjectivity. The authors plan to design a program for the development of resistance in academic environment.

Keywords: personality resistance, adversity, adolescents, high school students, students, psychology of resistance

Citation: Sorokoumova S. N., Dunaeva N. I. Resistance to Adversities in Teenagers, High School Students, and University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 802–808. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-802-808>

Введение

Проблема сопротивляемости личности различным жизненным трудностям привлекает внимание отечественных исследователей [1; 2]. И это не случайно, поскольку на протяжении всего жизненного пути человек сталкивается с различными вызовами окружающей действительности, с ситуациями, связанными с неопределенностью. При этом каждый человек по-разному воспринимает, реагирует и преодолевает жизненные трудности, исходя из возрастных, личностных особенностей. Следует отметить, что каждая трудная ситуация характеризуется разной степенью сложности, интенсивности, глубины, длительности. В нашем исследовании мы придерживаемся трактовки трудных жизненных ситуаций в широком смысле этого слова [3–7]. Трудная жизненная ситуация нарушает привычный образ жизни, активизирует человека к ее преобразованию и включает в себя весь спектр различных ситуаций: от повседневных трудностей, встречающихся в быту, проблем в личной жизни, в учебной деятельности, до ситуаций, вызванных объективными причинами (инвалидность, потеря близких).

Проблема изучения сопротивляемости личности трудным жизненным ситуациям и выявление психологических детерминант актуальны на современном этапе [8–14]. Мы считаем, что сопротивляемость является важнейшим свойством личности подростков, старшеклассников и студентов, определяющим стратегию их поведения и деятельности в различных ситуациях. Проведя анализ научной литературы, посвященной проблеме становления и развития сопротивляемости, мы столкнулись с дефицитом исследований по ней. В работе Л. Ю. Гороховатского изучена специфика проявления сопротивляемости, а также выявлены психологические детерминанты сопротивляемости личности будущего специалиста [15]. Большой интерес для нас представляет исследование О. В. Ануфриевой, в котором были определены психологические особенности проявления сопротивляемости у подростков асоциальным влияниям [16].

Исходя из анализа теоретических и практических работ, очевидно, что изучение сопротивляемости личности предполагает многомерную оценку, включающую в себя изучение личностных характеристик, возрастных особенностей, оценку стратегий совладания с трудной жизненной ситуацией. Цель нашего исследования заключается в проведении сравнительного анализа результатов особенностей развития основных личностных образований и выявлении тенденций развития сопротивляемости личности в трех возрастных группах (подростки, старшеклассники, студенты).

Методы и материалы

Исследование носило поисковый характер с целью изучить особенности психологической структуры сопротивляемости личности у разных возрастных групп в образовательном пространстве школы и вуза. Исследование проводилось на базе факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и средних образовательных учреждений г. Нижний Новгород: Школа № 187 с углубленным изучением отдельных предметов; Средняя общеобразовательная школа № 54. Выборку составили подростки (6–7 классы), старшеклассники, студенты 1–2 курсов, обучающиеся по направлению подготовки Психология (бакалавриат), социальная работа, управление персоналом. Всего в исследовании приняли участие 219 респондентов: 124 подростка, 47 старшеклассников, 48 студентов.

На основе авторской концепции психологической структуры сопротивляемости был разработан диагностический комплекс [17], позволяющий определить компонентную структуру: опросники – Способы преодоления негативных ситуаций (С. С. Гончарова), Социально-психологическая адаптация (Р. Даймонд, К. Роджерс); методики – Ценностные ориентации (М. Рокич), Смыслжизненные ориентации (А. А. Леонтьев), Изучение субъектности (Е. Н. Волкова).

Интерпретация результатов по данным методикам осуществлялась согласно авторской модели психологической структуры сопротивляемости личности. Количественные данные по шкалам используемых методик в соответствии с имеющимися нормами оценивались как низкие, средние или высокие, на основании чего устанавливалась доля респондентов, демонстрирующих высокие значения по рассматриваемому параметру. При использовании теста М. Рокича в качестве таких количественных данных принимались значения реализованности терминальных и инструментальных ценностей.

Результаты и обсуждение

Данные о возможных стратегиях, определяющих поведение личности в различных трудных жизненных ситуациях, в широком смысле исследовались с помощью методики С. С. Гончаровой [18]. Рассмотрим полученные данные о способах преодоления негативных ситуаций (табл. 1). В группе подростков наибольший результат – по шкале *поиск поддержки* (37,1 %). Для данной стратегии характерно перекалывание ответственности за разрешение ситуаций

на других. Ее можно охарактеризовать как пассивное сотрудничество, проявляющееся не в поиске поддержки, а в ее принятии. Данные по шкале *поиск виновных* (28,3 %) позволяют утверждать, что испытуемые ищут причину случившегося не в себе, а во внешних обстоятельствах. Эмоциональное состояние испытуемых можно охарактеризовать как дискомфортное с преобладанием потребностей эмоциональной разрядки, а также жалости к себе. Кроме выше отмеченных, к неэффективным можно отнести и показатель по шкале *самообвинение* (19 %). Испытуемые склонны уходить от проблемы, отказываются от попыток исправить ситуацию, преобладают лишь рассуждения о том, что произошло, с акцентом на обвинение себя и восприятие себя и ситуации в негативном ключе. Самый небольшой показатель отмечен по шкале *анализ проблемы* (7,6 %), который можно считать конструктивным и адаптивным.

Табл. 1. Особенности способов поведения в различных жизненных ситуациях, %

Tab. 1. Behavioral patterns in various life situations, %

Шкалы	Подростки (n = 124)	Старше- классники (n = 47)	Студенты (n = 48)
Поиск поддержки	37,1	14,8	27,0
Повышение самооценки	8,0	10,2	10,9
Самообвинение	19,0	42,6	8,0
Анализ проблемы	7,6	9,0	33,3
Поиск виновных	28,3	23,4	20,8

Возможные поведенческие стратегии поведения старшеклассников в системе выделенных шкал выглядят следующим образом: максимальный показатель представлен по шкале *самообвинение* (42,6 %), что свидетельствует о том, что большинство испытуемых склонны к неэффективным способам поведения. Такая стратегия поведения связана со стратегией *поиск виновных* (23,4 %), что характеризует эмоциональную стратегию преодоления, имеющую равную направленность на себя и на других с целью выявления определения виновного, при этом данная стратегия является поиском ответа на вопрос *Кто виноват?* Обвинение себя, основанное на жалости к себе, связывается с обвинением других. По шкале *поиск поддержки* (14,8 %) данные свидетельствуют о том, что еще не отлажен механизм способа поиска поддержки, что может привести к ощущению безысходности, беспомощности и растерянности. Важно отметить, что у старшеклассников продуктивные и конструктивные стратегии (*анализ проблемы*, *повышение самооценки*) также представлены незначительно.

У старшеклассников, по сравнению с подростками, более низкий показатель по социальной поддержке, возможно, это связано с ситуацией подготовки к ЕГЭ, с чрезмерной ориентацией на дух соревновательности, надежду только на себя. В сознании ребят закрепились завышенная степень

персональной ответственности, в случаях даже незначительных промахов и неудач приводящая к растерянности. Неслучайно, у старшеклассников повышается показатель по шкале *самообвинение* (42,6 %) при низком показателе шкалы *анализ проблем* (9 %), возможно, это связано со стереотипностью мышления, с негативными установками.

У студентов максимальный показатель обозначился по шкале *анализ проблемы* (33,3 %). Они демонстрируют тенденцию к обдумыванию возникшей проблемной ситуации и в поиске выхода из нее. Наличие высокого показателя по шкалам *поиск поддержки* (27 %) и *поиск виновных* (20,8 %) позволяет утверждать, что студенты, признавая значимость стратегии поведения *анализ проблемы*, в целом не всегда считают возможным ее использовать.

Похожие результаты были представлены и в исследовании Н. А. Сироты и В. М. Ялтонского, где отмечается высокий показатель стратегии поиска социальной поддержки [19]. Следует отметить, что в формировании этой стратегии существенную роль сыграли условия, в которых воспитывались молодые люди. Так, ребята из условно неблагополучной социальной среды пассивно принимают помощь от значимых других, друзей, а их сверстники, воспитывающиеся в благополучной среде, больше нацелены на активный, самостоятельный поиск социальной поддержки.

Исследование, проведенное с помощью методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация А. К. Осницкого), позволило получить результаты, в анализе которых мы использовали систему показателей, выделенных авторами методики (табл. 2).

По параметру *адаптивность – дезадаптивность* у подростков наблюдается перевес в сторону дезадаптации, что свидетельствует об определенной разбалансированности поведения испытуемых, а данные по показателю *принятие – неприятие* позволяют утверждать, что подростки исходят из собственной позиции при выборе стратегии поведения: 76,6 % – принятие себя, 51,6 % не принимают опыт других. Внутренний конфликт личности подростка зафиксирован в высоких показателях по параметру *эмоциональный дискомфорт* (59,7 %). Неустойчивое личностное состояние подростка подтверждается также высокими показателями по параметрам *внешний контроль* (63 %) и *доминирование* (60,5 %), причем последнее позволяет утверждать, что небольшой запас знаний о стратегиях поведения на фоне эмоционального дискомфорта вынуждает подростка усиливать позицию Я.

У старшеклассников преобладают следующие параметры: *адаптивность* (63,8 %), по сравнению с *дезадаптивностью* (36,2 %); значительно уменьшился *внешний контроль*, а внутренний увеличился почти вдвое (65,9 %), что свидетельствует о появлении устойчивости в плане собственного опыта поведения, однако по параметру *эскапизм* современные старшеклассники показывают очень высокий результат (70,2 %); испытуемые предпочитают не брать на себя ответственность и «плыть по течению» ситуации.

Эмоциональный комфорт и дискомфорт имеют приблизительно сходные показатели (46,9 % и 53,1 % соответственно), т. е. неуверенность все-таки присутствует.

Изменения в результатах у студентов, по сравнению со старшеклассниками: высокие показатели по параметрам *эмоциональный комфорт* (64,6 %), *внешний контроль* (62,5 %), *доминирование* (62,5 %) и *принятие себя* (62,2 %). Студенты уже доверяют себе, при выборе стратегии проявляют некоторую самостоятельность поведения, но склонность к внешнему контролю все еще свидетельствует о неустойчивости собственного мнения.

Исследование ценностных ориентаций личности испытуемых проводилось с помощью методики М. Рокича (табл. 3). Инструментальные ценности преобладают у подростков и старшеклассников, по сравнению с терминальными.

Испытуемые считают, что определенные действия или система действий являются предпочтительными в любой ситуации. У студентов терминальные и инструментальные ценности находятся в равной позиции. Наиболее популярными у подростков являются конкретные ценности (цели) (59,6 %), в отличие от абстрактных (40,4 %). Что касается старшеклассников и студентов, то у них преобладают абстрактные ценности (цели), что свидетельствует о перспективности планирования целеполагания в деятельности.

Изучение смысловых установок проводилось по методике Д. А. Леонтьева [20; 21]. Для удобства качественного анализа данные расположены в соответствии с пятью шкалами (табл. 4). В группе подростков преобладающей является *интерес и эмоциональная насыщенная жизнь* (40,3 %).

Табл. 2. Особенности социально-психологической адаптации

Tab. 2. Socio-psychological adaptation

Параметры	Подростки (n = 124)		Старшеклассники (n = 47)		Студенты (n = 48)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Адаптивность	53	48,3	30	63,8	21	43,7
Дезадаптивность	42	51,7	17	36,2	27	56,3
Принятие себя	95	76,6	28	59,5	30	62,2
Непринятие себя	29	23,4	19	40,5	18	37,5
Принятие других	60	48,4	20	42,7	25	52,1
Непринятие других	64	51,6	27	57,3	23	47,9
Эмоциональный комфорт	50	40,3	22	46,9	31	64,6
Эмоциональный дискомфорт	74	59,7	25	53,1	17	35,4
Внутренний контроль	46	37,0	31	65,9	18	37,5
Внешний контроль	78	63,0	16	34,1	30	62,5
Доминирование	75	60,5	14	29,8	30	62,5
Эскапизм	49	39,5	33	70,2	18	37,5

Табл. 3. Результаты исследования ценностных ориентаций

Tab. 3. Value orientations

Блоки содержательных характеристик	Подростки (n = 124)		Старшеклассники (n = 47)		Студенты (n = 48)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Инструментальные ценности	78	72,6	27	57,3	24	50,0
• Этические ценности	–	–	8	17,0	7	14,7
• Ценности общения	27	21,7	11	23,4	8	16,6
• Ценности дела	11	9,0	10	21,2	10	20,8
• Индивидуалистические ценности	8	6,4	3	6,0	–	–
• Конформистские ценности	21	16,8	5	10,6	–	–
• Альтруистические ценности	5	3,0	–	–	7	14,7
• Ценности самоутверждения	33	26,4	8	17,0	10	20,8
• Ценности принятия других	20	16,7	2	4,8	6	12,4
Терминальные ценности	36	27,4	20	42,7	24	50,0
• Конкретные ценности – цели	74	59,6	20	42,7	19	39,5
• Абстрактные ценности – цели	50	40,4	27	57,3	29	60,5

Табл. 4. Результаты изучения особенностей смысловых установок
Tab. 4. Life-meaning attitudes

Характеристика шкал	Подростки (n = 124)		Старшеклассники (n = 47)		Студенты (n = 48)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Цели в жизни	26	20,9	12	25,5	12	25,0
Интерес и эмоциональная насыщенная жизнь	50	40,3	3	6,3	5	10,4
Результативность жизни	7	5,6	20	42,5	22	45,8
Локус контроля (Я – хозяин жизни)	30	24,2	9	19,1	7	14,7
Локус-контроля – управляемость жизни	11	9,0	3	6,6	2	4,1

Среди мотивов соподчинения преобладает удовольствие и эмоциональная насыщенность. В группе старшеклассников преобладающими являются показатели *результативность жизни* (42,5 %) и *цели в жизни* (25,5 %), что позволяет им принять решение для перспективной организации жизни. Та же тенденция наблюдается в группе студентов.

Для изучения волевых позиций испытуемых применена методика «Диагностика субъектности» Е. Н. Волковой [22]. Результаты расположены в соответствии с выделенными автором критериями (табл. 5). Осознание собственной уникальности наблюдается у 33,3 % подростков, показатель их активности также является достаточно высоким (26,6 %). Такое осознание не отличается, к сожалению, полноценностью, основанной на осмыслении Я-концепции, а является следствием удовлетворения потребности стать взрослым. С позиции нашего исследования чрезвычайно важным показателем является *способность к рефлексии*, который у подростков представлен весьма средними величинами (16,1 %). В группах старшеклассников и студентов этот показатель является преобладающим (21,2 % и 20,8 % соответственно).

Интересным является тот факт, что у старшеклассников показатель *способность к рефлексии* коррелирует с показателем *саморазвитие* (21,2 %), а у студентов – с показателями *понимание и принятие других* и *саморазвитие* (20,8 %). Результаты по показателю *осознание собственной уникальности* у старшеклассников (12,7 %) и студентов (8,4 %) свидетельствуют о постепенном усилении адекватности Я-концепции.

Заключение

Сравнительный анализ результатов у трех групп испытуемых позволил выявить тенденции особенностей развития основных личностных образований сопротивляемости личности в трудных жизненных ситуациях.

Подросткам сложно принимать самим решения в силу ограниченности жизненного опыта, они охотно принимают помощь, но сами не проявляют при этом активности. При разрешении проблемных ситуаций из-за отсутствия навыка анализа ситуации подростки склонны чаще искать причину случившегося вовне. Отмечается внутренний конфликт, неустойчивое личностное состояние, эмоциональный дискомфорт, который вынуждает подростка усиливать позицию Я. У старшеклассников максимальный показатель представлен по шкале *самообвинение*, что свидетельствует о том, что большинство испытуемых склонны к неэффективным способам поведения. Данные по шкале *поиск поддержки* свидетельствуют о чрезмерном и неуместном поиске поддержки, что может привести к потере чувства контроля и беспомощности и перекладыванию ответственности за разрешение ситуации на других. Продуктивные и конструктивные стратегии (шкалы *анализ проблемы* и *повышение самооценки*) представлены также незначительно. У студентов увеличивается, по сравнению с группами подростков и старшеклассников, стратегия *анализ проблемы*, но в то же время, по сравнению со старшеклассниками вновь возрастает необходимость в социальной поддержке. Возможно, это связано с вступлением в новый студенческий коллектив, стремлением на новом

Табл. 5. Особенности проявлений субъектности
Tab. 5. Manifestations of subjectivity

Показатели субъектности	Подростки (n = 124)		Старшеклассники (n = 47)		Студенты (n = 48)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Активность	32	26,6	10	21,2	10	20,8
Способность к рефлексии	20	16,1	10	21,2	10	20,8
Свобода выбора и ответственность за него	11	8,8	6	12,7	4	8,4
Осознание собственной уникальности	42	33,3	42	89,3	4	8,4
Понимание и принятие других	17	13,6	5	10,6	10	20,8
Саморазвитие	2	1,6	10	21,2	10	20,8

жизненном этапе найти единомышленников. Студенты более склонны к обдумыванию ситуации, внутреннему анализу, но важным является не только внутренний диалог, но и возможность поделиться своими мыслями, переживаниями, найти отклик, рассмотреть ситуацию с разных сторон и прийти к решению проблемы. За счет общения, взаимодействия с другими у студентов более низкий показатель по шкале *самообвинение*, чем у старшеклассников.

Для подростков характерно неустойчивое личностное состояние, которое подтверждается высокими показателями по параметрам *внешний контроль* и *доминирование*, это свидетельствует о небольшом запасе знаний о стратегиях поведения на фоне эмоционального дискомфорта, что вынуждает подростка усиливать позицию Я. Старшеклассники демонстрируют более высокий показатель адаптивности, чем подростки, у них в два раза увеличивается внутренний контроль, который свидетельствует о появлении устойчивости в плане собственного опыта поведения, но им все еще сложно брать на себя ответственность, присутствует некоторая неуверенность. Студенты уже доверяют себе, при выборе стратегии проявляют некоторую самостоятельность поведения, однако склонность к внешнему контролю все еще свидетельствует о неустойчивости собственного мнения.

Инструментальные ценности преобладают у подростков и старшеклассников, которые считают, что определенные действия или система действий являются предпочтительными в любой ситуации. У студентов терминальные и инструментальные ценности находятся в равной позиции. Подростки предпочитают конкретные ценности (цели) в отличие от абстрактных ценностей (целей). У старшеклассников и студентов преобладают абстрактные ценности (цели), что говорит о перспективности планирования целеполагания в деятельности.

У подростков среди смысловых установок преобладают *интерес* и *эмоциональная насыщенная жизнь*. У старшеклассников и студентов наблюдаются одинаковые тенденции в преобладании таких показателей, как *результативность жизни* и *цели в жизни*, что позволяет им принимать решения для перспективной организации жизни.

У старшеклассников и студентов показатель *способность к рефлексии* является преобладающим. Преобладание показателей *осознание собственной уникальности* и *активность* у подростков не основано на осмыслении Я-концепции, а является следствием удовлетворения потребности стать взрослым. Средние величины показателя *осознание собственной уникальности* у старшеклассников и студентов свидетельствуют о постепенном усилении адекватности Я-концепции испытуемых.

Данная проблема представляет интерес для дальнейшего исследования, полученные результаты психологической структуры сопротивляемости позволяют разработать программу по созданию условий развития сопротивляемости в образовательной среде.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 271 с. [Baeva I. A. *Psychological safety in education*. St. Petersburg: Soiuz, 2002, 271. (In Russ.)] EDN: RXYNVL
2. Баева И. А., Волкова Е. Н., Гаязова Л. А., Ибрагимова А. Г., Лактионова Е. Б., Юдин Н. В. Психология безопасности как основа гуманитарных технологий в социальном взаимодействии. СПб.: Книжный Дом, 2008. 288 с. [Baeva I. A., Volkova E. N., Gayazova L. A., Ibragimova A. G., Laktionova E. B., Yudin N. V. *Psychology of security as the basis of humanitarian technologies in social interaction*. St. Petersburg: Knizhnyi Dom, 2008, 288. (In Russ.)] EDN: SGEZGP
3. Битюцкая Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями. *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*. 2011. № 1. С. 100–101. [Bityutskaya E. V. Modern approaches to the research of coping with the difficult life situations. *Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 14. Psikhologiya*, 2011, (1): 100–101. (In Russ.)] EDN: MNJQMV
4. Знаков В. В. Экзистенциальный опыт и постижение как методологические проблемы психологии понимания. *Человек. Сообщество. Управление*. 2014. № 3. С. 67–82. [Znakov V. V. Existential experience and comprehension as methodological problems of understanding psychology. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2014, (3): 67–82. (In Russ.)] EDN: SXMFBF
5. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 296 с. [Kryukova T. L. *Psychology of coping behavior in different periods of life*. Kostroma: Kostroma SU, 2005, 296. (In Russ.)] EDN: YNPZMZ
6. Юдин Н. В. Личностные ресурсы психологической защищенности студентов вуза в трудных жизненных ситуациях. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 98. С. 317–320. [Yudin N. V. Personal resources of students' psychological self-protection in adverse reality situations. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, (98): 317–320. (In Russ.)] EDN: KBYAMR

7. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 43. [Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Semantic aspects of the experience of the social identity crisis in the forced change of life situation. *Psychological Studies*, 2015, 8(43). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.523>
8. Ионеску Ш. Сопротивляемость и родственные понятия. *Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: Первый Междунар. форум*. (Санкт-Петербург, 5–7 июня 2006 г.) СПб.: Книжный Дом, 2006. С. 17–20. [Ionescu Sh. Resistance and related concepts. *Psychological safety, stability, and psychological trauma: First Intern. Forum*, St. Petersburg, 5–7 Jun 2006. St. Petersburg: Knizhnyi Dom, 2006, 17–20. (In Russ.)] EDN: QXQCKR
9. Нарушевич А. А. О феномене сопротивляемости в современной зарубежной психологии. *Вестник Новгородского государственного университета*. 2007. № 42. С. 7–9. [Narushevich A. A. The phenomenon of resistance in modern foreign psychology. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, (42): 7–9. (In Russ.)] EDN: MUNYNR
10. Дунаева Н. И. К определению понятия сопротивляемости человека негативным воздействиям среды. *Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гум. науки*. 2010. № 2. С. 162–166. [Dunaeva N. I. To the definition of the concept of the human resistibility to negative influences of environment. *Vestn. Tamb. Un-ta. Ser.: gum. nauki*, 2010, (2): 162–166. (In Russ.)] EDN: MBDGBB
11. Дунаева Н. И., Серебровская Н. Е., Егорова П. А. Проблема сопротивляемости личности трудным жизненным ситуациям в условиях образовательной среды в российских и зарубежных исследованиях. *Вестник Мининского университета*. 2019. Т. 7. № 1. С. 12–24. [Dunaeva N. I., Serebrovskaya N. E., Egorova P. A. The problem of resilience of the personality to difficult life situations in the educational environment in the Russian and foreign research. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2019, 7(1): 12–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-1-11>
12. Дунаева Н. И. Ресурсы сопротивляемости негативным жизненным ситуациям в онтогенезе. *Инициативы XXI века*. 2012. № 3. С. 88–91. [Dunaeva N. I. To the consideration problem of internal and external resistance resources against negative life situation in ontogeny. *Initiativy XXI veka*, 2012, (3): 88–91. (In Russ.)] EDN: PLBCKF
13. Дунаева Н. И., Егорова П. А. Феномен сопротивляемости личности трудным жизненным ситуациям в трудах отечественных исследователей. *Психолого-педагогический поиск*. 2019. № 4. С. 205–211. [Dunaeva N. I., Egorova P. A. The phenomenon of personality resistance to difficult life situations in the works of Russian researchers. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk*, 2019, (4): 203–210. (In Russ.)] EDN: NRFXOM
14. Sorokoumova S. N., Suvorova O. V., Sorokoumova S. N., Puchkova E. B., Kurnosova M. G. Psychological and pedagogical support to primary school children in conflict relations. *International Journal of Applied Exercise Physiology*, 2019, 8(2.1): 398–407. EDN: BYTCРК
15. Гороховатский А. Ю. Формирование психологической сопротивляемости личности будущего специалиста таможенных органов профессиональным трудностям: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2013. 26 с. [Gorokhovatsky L. Yu. *Formation of psychological resistance of the personality of the future specialist of customs authorities to professional difficulties*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Samara, 2013, 26. (In Russ.)] EDN: ZOVFMH
16. Ануфриева О. В. Психологические детерминанты сопротивляемости подростков асоциальным влияниям: дис. ... канд. психол. наук, Бишкек, 2018. 181 с. [Anufrieva O. V. *Psychological determinants of adolescents' resistance to antisocial influences*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Bishkek, 2018, 181. (In Russ.)] EDN: OEYSLY
17. Дунаева Н. И. Модель исследования сопротивляемости как личностного свойства негативным жизненным ситуациям. *Мир науки. Культуры. Образования*. 2011. № 6-1. С. 136–139. [Dunaeva N. I. Model of research of resistibility as personal property to negative reality situations. *The world of science, culture and education*, 2011, (6-1): 136–139. (In Russ.)] EDN: PFPCDJ
18. Гончарова С. С. Опросник «Способы преодоления негативных ситуаций» – метод диагностики психологического преодоления в раннем юношеском возрасте. *Журнал практического психолога*. 2006. № 6. С. 132–147. [Goncharova S. S. Questionnaire "Ways to overcome negative situations": A method for diagnosing psychological overcoming in early adolescence. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2006, (6): 132–147. (In Russ.)]
19. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Профилактика наркомании и алкоголизма. 3-е изд. М.: Академия, 2008. 176 с. [Sirota N. A., Yaltonsky V. M. *Prevention of drug addiction and alcoholism*. Moscow: Academy, 2008, 176. (In Russ.)] EDN: QXRZQR
20. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 19-1. С. 82–97. [Yanitskiy M. S., Seryy A. V. The basic methodological approaches to the study of the personal value-semantic sphere. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2012, (19-1): 82–97. (In Russ.)] EDN: OXSMUH
21. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2008. 18 с. [Leontiev D. A. *Test the mining of life orientations*. Moscow: Smysl, 2008, 18. (In Russ.)]
22. Психология субъектности педагога, ред. Е. Н. Волкова. Н. Новгород: Нижегородский гум. центр, 2001. 48 с. [Psychology of subjectivity of the teacher, ed. Volkova E. N. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 2001, 48. (In Russ.)]

Указатель статей, изданных за 2022 г. в журнале «Вестник КемГУ»

	Стр.	№
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ		
Бармин В. А. Противодействие СССР британской экспансии в Синьцзяне в период национального движения коренных народов провинции 1931–1934 гг.	1	1
Бобров Д. С. Корпус служилых людей Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в.: состав, численность и направления служебной деятельности в зеркале региональных административных процессов	567	5
Высокова В. В. Деньги, финансовые аферы и коррупция в Англии на рубеже XVII–XVIII вв.	283	3
Гончарова Е. В., Павлова М. М. Социальная структура провинциального общества Псковщины по архивным материалам 1760-х гг.	576	5
Жаронкина Е. А., Гольцева А. А. Стратегия Европейского союза в области использования возобновляемых источников энергии	299	3
Игумнова Л. О. Европейская дипломатия в период кризиса: подход Верховного представителя ЕС Жозепа Борреля в отношении России	341	3
Кирчанов М. В. Политика памяти в Республике Саха (Якутия) в XXI в.	593	5
Костюкевич А. В. Опыт стабилизации и консервации археологических находок из железа из собрания Института истории НАН Беларуси	541	5
Куренков А. В. Революционные комитеты Сибири периода Гражданской войны в отечественной историографии	602	5
Менщикова Ю. В. Брекзит в оценках Джона Мейджора: перспективы для Великобритании	10	1
Миронов В. В. Европейские интересы и европейские ценности: общие перспективы анализа или ложная дихотомия?	309	3
Мирошников С. Н. Процесс адаптации восточноевропейских стран к <i>acquis communautaire</i> ЕС на примере Польши и Венгрии (2004–2021 гг.)	320	3
Михайленко В. И. Европейская (ЕС) критическая аналитика в поисках ответов на новые вызовы	326	3
Михайлов Ю. И. Сейминско-турбинская металлообработка и микротехника: игра масштабов	549	5
Пакулин В. С. Проблемы и перспективы участия ЕС, ЕАЭС и Китая в БЕП	391	3
Погорельская А. М. Повестка ЕС в области миграции и развития в отношении стран АКТ: вызовы пандемии	18	1
Почеревин Е. В. Планирование расходов губернского бюджета на оказание агрономической помощи населению Томской губернии в конце XIX – начале XX в.	585	5
Савельева А. С. Об элементном составе металла медно-бронзовых серповидных орудий тагарской культуры	558	5
Селезнев Р. С., Дементьев Д. В. Санкции ЕС в отношении РФ в сфере экспортного контроля и оборота товаров двойного назначения (2014–2022)	349	3
Семенов О. Ю. Генезис гражданского компонента кризисного реагирования ЕС: параметры, проблемы, взаимодействие с РФ	359	3
Терехов О. Э. Российско-германские политические отношения 1991–2021 гг. в современной российской историографии	292	3
Терецук А. А. Сравнительный анализ двух версий труда барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V»	662	5
Тетерин В. И. Восстановление и деятельность земельных комитетов Пермской губернии в условиях режима А. В. Колчака (ноябрь 1918 – июль 1919 г.)	617	5

	Стр.	№
Торопчин Г. В. Индо-Тихоокеанские стратегии ЕС и европейских стран: безопасность и ядерный фактор	398	3
Хайруллин Э. Р. Ценностные основы европейской интеграции и их проявления в отношениях Россия – ЕС на современном этапе	368	3
Хахалкина Е. В. Идентичность ЕС в условиях пандемии коронавируса	333	3
Цымбалова А. Е. Тематика отношений Российской Федерации и Европейского союза в испанской прессе за 2021 год	375	3
Черкашина Т. Н. Отношения России и ЕС в условиях пандемии COVID-19	383	3
Эламирян Р. Г. Россия и ЕС на постсоветском пространстве: в поиске сотрудничества (на примере Армении)	405	3
Юматов К. В. Политика Европейского союза на Южном Кавказе после карабахской войны 2020 г.	26	1
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
Аксенова А. А., Синегубова К. В. Шутка и ужас в самоидентификации лирического героя произведения В. Ф. Ходасевича «Ряженные»	35	1
Жиличев П. Е. Драма абсурда: этапы литературоведческого осмысления в отечественной и зарубежной науке	626	5
Кузнецов И. В. Мифология мифа как фундамент культуры постмодерна	42	1
Муратова Н. А., Жиличева Г. А. Семиотика поезда в русской литературе: интермедиаальный и метапоэтический аспекты	50	1
Налегач Н. В. Вагнерианский слой в поэзии И. Анненского	60	1
Поселенова Е. Ю. Конфликт повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: нравственно-религиозный аспект	66	1
Проскурина А. В. О феномене поста в раннехристианской англосаксонской традиции	635	5
Рудакова С. В., Петров А. В. Трудное счастье героев М. Ю. Лермонтова (погоня за счастьем истинно несчастного человека)	73	1
Синегубова К. В. Иносказательные изображения в романе Мариам Петросян «Дом, в котором ...»	654	5
ПСИХОЛОГИЯ		
Баланев Д. Ю., Тютюнников П. Р., Кох Д. А. Сенсомоторная активность человека как фактор развития когнитивного ресурса	752	6
Белашева И. В., Олексюк М. Е. Алекситимия и удовлетворенность потребности в безопасности у студенческой молодежи в доковидный период и период пандемии	413	4
Белинская Е. П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды	760	6
Бредун Е. В., Щеглова Э. А. Психологические особенности темпомира человека как предикторы процесса решения когнитивной задачи	430	4
Булкина Н. А. Особенности представлений о счастье в детском и пожилом возрасте	440	4
Буткевич А. Ю. Гендерные различия в соблюдении принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии	482	4
Вихман А. А., Галюк Н. А., Горбунова И. В., Катков В. А., Чарный Б. М. Разработка и психометрический анализ опросника социально-эмоциональной компетентности личности (QSECP)	493	4
Дзвоник В. П. Эмоциональная готовность студентов-журналистов к профессиональной деятельности на разных этапах обучения в вузе	772	6
Иванов М. С. Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения	83	1

	Стр.	№
Ким К. А., Кадыров Р. В. Групповая схема-терапия в снижении стресса родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ	517	4
Кольчик Е. Ю. Особенности копинг-стратегий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, с различным восприятием временной перспективы	778	6
Коптева Н. В. Интернет-зависимость как способ развоплощенного бытия	785	6
Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете как следствие использования современных информационных технологий и убеждения в самоэффективности (на примере студенчества)	504	4
Кулик А. А., Мазуркевич А. В. Темпоральные аспекты образа жизни жителей Камчатского края	446	4
Микляева А. В., Кайипбекова И. У. Особенности проявления виктимности подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья	525	4
Ретин М. В., Долганов Д. Н. Контролируемое будущее как фактор интенциональности человеческого поведения	793	6
Романова Е. А., Брель Е. Ю. К проблеме исследования социализации обучающихся и педагогов в цифровой образовательной среде в разрезе теории поколений	92	1
Санжаева Р. Д., Миронова Т. А., Шапкин Н. С., Гунзунова Б. А., Галсанова Д. Р. Особенности понятийного мышления как фактор психологической готовности младших школьников к переходу в среднее образовательное звено	533	4
Серова Е. А., Ключева Н. В. Межпоколенческие различия в ценностях и выборе видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров	454	4
Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю. Применение техник когнитивно-поведенческой психотерапии для восстановления когнитивной сферы у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): возможности и перспективы	420	4
Сорокоумова С. Н., Дунаева Н. И. Изучение сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов трудным жизненным ситуациям	802	6
Федотова В. А. Ценности как предиктор политического доверия и готовности к политическому поведению у российской молодежи	99	1
Фоминых Е. С. Психологические индикаторы жизненной позиции студентов	462	4
Хмелевская О. Е., Дмитриева О. Б. Взаимосвязь Я-концепции с типами привязанности у молодежи	472	4
Цехмейструк Е. А., Шалина Н. К., Козлова Н. В., Левицкая Т. Е. Динамика баланса стресс-восстановления спортсменов-фигуристок в условиях реализации индивидуальных программ психологического сопровождения	106	1
Эльзесер А. С., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Психологические характеристики пациентов с инфарктом миокарда: от группы риска до реабилитации	113	1
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Архипова И. В. Итеративно-таксисное межкатегориальное взаимодействие (на материале немецкого и русского языков)	194	2
Багдасаров А. Р., Быченко А. А. Некоторые аспекты корреляции сходств и различий в хорватском и сербском языках	706	6
Бакшаева А. А. Маргиналии Христинопольского Апостола XII века: состав, палеографические и орфографические особенности	211	2
Бочкарев А. И. К особенностям актуализации сложного антиценностного концепта <i>insincerity</i> в комическом дискурсе английской лингвокультуры	239	2
Бушугева Л. А. Языковая экспликация фрейма поступка <i>измена в любви</i> в лексико-семантической системе русского языка	669	6

	Стр.	№
Вайрах Ю. В. Образно-метафорический слой макроконцепта <i>род</i> (на материале паремий тематической группы <i>род – племя</i>)	678	6
Вайрах Ю. В., Ибраимова Г. О. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов <i>Род</i> и <i>Макошь</i>	686	6
Голев Н. Д. Словообразовательный тип как функциональная единица лексической системы русского языка (в аспекте квантитативной дериватологии)	153	2
Голев Н. Д. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода	717	6
Журавлев А. П. Разработка универсального метода построения модели состава и структуры терминологических полей	220	2
Закирова А. А., Андреева М. И. Дополнительные смыслы в значениях идиом с компонентом <i>тело человека</i> : контекст, семантика	121	1
Ибраимова Б. М., Машанло С. А. Доместическая когнитивная модель в аспекте образных признаков концептов <i>луна</i> и <i>небо</i>	247	2
Колмогорова А. В., Маликова А. В. Субъективные и объективные факторы билингвизма в эмоциональном восприятии текста (на материале тувинско-русского билингвизма)	735	6
Корогодина И. В. Языковые средства выражения эмоции <i>отвращение</i> в современном немецком языке	203	2
Лебедева Н. Б., Лебедева А. С. Типы авторов во фронтовом эпистолярии	266	2
Леонтьева Т. В., Мокиенко В. М. Концепты <i>дружба</i> и <i>друг</i> в лексикографической парадигме (проект паремиологического словаря)	165	2
Резанова З. И., Рыжова О. В. Лексическая интерференция как речевое явление: обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингвов)	177	2
Румянцева М. В. Концепт <i>мысль</i> сквозь призму культурных кодов (на материале казахской художественной литературы)	696	6
Салтанова Н. Ю. Актуальное членение предложения как средство текстовой организации	231	2
Смирнова А. Г., Климова Г. С. Сравнительный анализ ассоциативных полей <i>безопасность</i> и <i>Sicherheit</i> в репрезентации носителей русского и немецкого языков	744	6
Тагаев М. Д. Когнитивно-дискурсивное моделирование процессов языковой номинации	186	2
Тихонова И. Б. Green technology: метафора цвета в профессиональном дискурсе	129	1
Токмашев Д. М. О статусе интервокальных [k:] и [t:] в фонологической системе телеутского языка	138	1
Фельде О. В., Бирюлина Е. А. Универсалия <i>гуманность</i> в русской лингвокультуре	255	2
Энгель Е. А., Петрова В. А. Новые форматы интеракции между автором и читателем как параметр лингвокреативности (на материале комиксов «Человек-паук», «Невероятный Халк» и «Сорвиголовы»)	273	2

Index of articles published in 2022 in the journal "Bulletin of Kemerovo State University"

	Pages	No
HISTORY & ARCHEOLOGY		
Barmin V. A. Soviet Opposition to British Expansion in Xinjiang Province during the Period of National Movement of Indigenous Peoples in 1931–1934	1	1
Bobrov D. S. Military Corps of the Kuznetsk District in the First Half of the XVIII Century: Staff, Manpower, and Occupation in the Context of Regional Administrative Processes	567	5
Cherkashina T. N. Relations between Russia and the European Union in the Context of the COVID-19 Pandemic	383	3
Elamiryan R. G. Russia and the European Union in Post-Soviet Space: In Search of Cooperative Co-Existence (the Case of Armenia)	405	3
Goncharova E. V., Pavlova M. M. The Social Structure of the Pskov Province in Archival Materials from the 1760s	576	5
Igunnova L. O. European Diplomacy in Times of Crisis: the Approach of the EU High Representative Josep Borrell to Engagement with Russia	341	3
Khakhalkina E. V. Pan-European Identity during the COVID-19 Pandemic	333	3
Khayrullin E. R. Value Foundations of the European Integration and their Exercises in the Current Relations between Russia and the European Union	368	3
Kirchanov M. V. Memory Policy in the Republic of Sakha (Yakutia) in the XXI Century	593	5
Kostyukevich A. V. Stabilization and Conservation of Iron Objects in the Collections of the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus	541	5
Kurenkov A. V. Revolutionary Committees in Siberia during the Civil War: National Historiography	602	5
Menshchikova Yu. V. John Major's Assessments of Brexit: Prospects for the UK	10	1
Mikhailov Yu. I. Seyma-Turbino Metalworking and Microtechnics: A Game of Scale	549	5
Mikhaylenko V. I. European Critical Analytics in Search of Answers to New Challenges	326	3
Mironov V. V. European Interests and European Values: General Perspectives of Analysis or False Dichotomy?	309	3
Miroshnikov S. N. Adaptation of Eastern Europe to the EU's Acquis Communautaire: Poland and Hungary in 2004–2021	320	3
Pakulin V. S. The European Union, the Eurasian Economic Union, and China: Problems and Prospects for Participation in the Greater Eurasian Partnership	391	3
Pocherevin E. V. Provincial Budget and Agronomic Assistance in the Tomsk Province in the Late XIX – Early XX Centuries	585	5
Pogorelskaya A. M. The EU Agenda on Migration and Development towards ACP countries: Challenges of the Pandemic	18	1
Savel'eva A. S. Elemental Composition of Tagar Copper-Bronze Sickle-Shaped Tools	558	5
Selezenov R. S., Dementiev D. V. EU Anti-Russian Sanctions in the Sphere of Export Control and Dual-Use Goods Circulation in 2014–2022	349	3
Semenov O. Yu. Genesis of the Crisis Response Civil Component in the European Union: Parameters, Problems, and Interaction with Russia	359	3
Terekhov O. E. Russian-German Political Relations in 1991–2021 in Modern Russian Historiography	292	3
Tereshchuk A. A. Comparative Analysis of Two Versions of A Chapter from the History of Charles V by Baron de los Valles	662	5

	Pages	No
Teterin V. I. Restoration and Activity of the Land Committees in the Perm Province under the Government of A. V. Kolchak: November 1918 – July 1919	617	5
Toropchin G. V. The EU and European Countries' Indo-Pacific Strategies: Security and Nuclear Factor	398	3
Tsymbalova A. E. Relations between the Russian Federation and the European Union as Reflected by the Spanish Press in 2021	375	3
Vysokova V. V. Money, Stock-Jobbing, and Corruption in England at the Turn of the XVII–XVIII Centuries	283	3
Yumatov K. V. European Union Policy in the South Caucasus after the Karabakh War of 2020	26	1
Zharonkina E. A., Goltseva A. A. European Union Renewable Energy Strategy	299	3
LINGUISTICS		
Arkhipova I. V. Iterative-Taxis Intercategorical Interaction in German and Russian	194	2
Bagdasarov A. R., Bychenko A. A. Correlation of Similarities and Differences in the Croatian and Serbian Languages	706	6
Bakshaeva A. A. Marginalia of the Apostolus Christinopolitanus of the XII Century: Composition, Paleography, and Orthography	211	2
Bochkarev A. I. Actualizing the Complex Anti-Value Concept of Insincerity in Comic Discourse of English Linguistic Culture	239	2
Bushueva L. A. The Frame of Love Affair and Its Representation in the Lexico-Semantic System of the Russian Language	669	6
Engel E. A., Petrova V. A. New Formats of Interaction Between the Author and the Reader as a Parameter of Linguistic Creativity in Spider-Man, The Incredible Hulk, and Daredevil Comic Books	273	2
Felde O. V., Biryulina E. A. Humanity as a Universal of Russian Linguistic Culture	255	2
Golev N. D. Translative Linguistics: an Aspectualized Review of Initial Provisions. Part 1. Gnoseology of Translation	717	6
Golev N. D. Word-Building Type as a Functional Unit of the Lexical System of the Russian Language in the Aspect of Quantitative Derivatology	153	2
Ibraimova B. M., Mashanlo S. A. Domestic Cognitive Model: Figurative Signs of the <i>Moon</i> and the <i>Sky</i> Concepts	247	2
Kolmogorova A. V., Malikova A. V. Subjective and Objective Factors of Bilingualism in the Emotional Text Comprehension in Tuvan-Russian Bilinguals	735	6
Korogodina I. V. Linguistic Representations of Disgust in the Modern German Language	203	2
Lebedeva N. B., Lebedeva A. S. Front Lines Correspondence: Typology of Letter-Writers	266	2
Leontyeva T. V., Mokienko V. M. Concepts <i>Friendship</i> and <i>Friend</i> in the Lexicographic Paradigm: a Paroemiological Dictionary Project	165	2
Rezanova Z. I., Ryzhova O. V. Lexical Interference in Oral Speech of Shor-Russian Bilinguals	177	2
Rumyantseva M. V. The Concept of <i>Thought</i> from the Perspective of Cultural Codes in Kazakh Fiction	696	6
Saltanova N. Yu. Topic-Comment Relation as a Means of Textual Organization	231	2
Smirnova A. G., Klimova G. S. Comparative Analysis of Associative Fields <i>Safety</i> and <i>Sicherheit</i> in the Representation of Russian and German Speakers	744	6
Tagaev M. Dz. Cognitive-Discursive Modeling of Language Nomination	186	2
Tikhonova I. B. Green Technology: Color Metaphor in Professional Discourse	129	2
Tokmashev D. M. Status of Intervocalic [k:] and [t:] in the Phonological System of the Teleut Language	138	2
Vayrakh Yu. V. Macro-Concept of <i>Kin</i> in Proverbs about <i>Kin</i> and <i>Tribe</i> : Figurative-Metaphorical Layer	678	6

	Pages	No
Vayrakh Yu. V., Ibraimova G. O. Macro-Concepts of <i>Rod</i> and <i>Makosh</i> : A Comparative Analysis of Motivating Signs	687	6
Zakirova A. A., Andreeva M. I. Additional Meanings of Human Body-related Idioms: Context, Semantics	121	2
Zhuravlev A. P. Versatile Method of Modeling Content and Structure of a Terminological Field	220	2
LITERARY STUDIES		
Aksenova A. A., Sinigubova K. V. Joke and Horror in the Self-Identity of the Lyrical Hero in The Mummies by V. F. Khodasevich	35	1
Kuznetsov I. V. Mythology of Myth as the Foundation of Postmodern Culture	42	1
Muratova N. A., Zhilicheva G. A. Semiotics of the Train in Russian Literature: Intermedial and Metapoetical Aspects	50	1
Nalegach N. V. The Wagnerian Layer in I. Annensky's Poetry	60	1
Poselenova E. Yu. The Moral and Religious Conflict in N. M. Karamzin's Poor Lisa	66	1
Proskurina A. V. Phenomenon of Fasting in the Early Christian Anglo-Saxon Tradition	635	5
Rudakova S. V., Petrov A. V. Difficult Happiness of Mikhail Lermontov's Heroes: The Pursuit of Happiness by a Truly Unhappy Man	73	1
Sinigubova K. V. Allegorical Images in The Gray House by Mariam Petrosyan	654	5
Zhilichev P. E. Absurdist Drama and Its Academical Reception in Russian and Western Literary Criticism	626	5
PSYCHOLOGY		
Balanev D. Yu., Tyutyunnikov P. R., Kokh D. A. Human Sensorimotor Activity as a Factor of Cognitive Resource Development	752	6
Belasheva I. V., Oleksyuk M. E. Alexithymia and Security Need Satisfaction in University Student Youth in the Pre-Covid Period and during the Pandemic	413	4
Belinskaya E. P. Coping in Times of Uncertainty and Global Risks: The Main Research Trends	760	6
Bredun E. V., Shcheglova E. A. Psychological Features of the Human Tempoworld as Predictors of Solving a Cognitive Task	430	4
Bulkina N. A. Concept of Happiness in Children and Older Adults	440	4
Butkevich A. Yu. Gender Differences in the Principles of Mediation Relations	482	4
Dzvonik V. P. Professional Emotional Readiness in Future Journalists at Different Stages of University Education	772	6
Elzesser A. S., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Psychological Profile of Patients with Myocardial Infarction: from Risk Group to Rehabilitation	113	1
Fedotova V. A. Values as a Predictor of Political Trust and Readiness for Political Behavior among Russian Youth	99	1
Fominykh E. S. Psychological Indicators of Attitudes in University Students	462	4
Ivanov M. S. Attitude to Personal Security during Identity Formation in University Students	83	1
Khmelevskaya O. E., Dmitrieva O. B. Self-Concept of Young People with Different Types of Attachment	472	4
Kim K. A., Kadyrov R. V. Group Schema Therapy for Reducing Parenting Stress in Families with Children with Disabilities	517	4
Kolchik E. Yu. Copying Strategies in People with Different Time Perspectives	778	6
Kopteva N. V. Internet Addiction as a Mode of Disembodied Existence	785	6
Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Disembodiment of Internet Users as a Consequence of Modern Information Technologies and Self-Efficacy Beliefs in Students	504	4
Kulik A. A., Mazurkevich A. V. Temporal Aspects of Lifestyle in the Kamchatka Territory	446	4

	Pages	No
Miklyaeva A. V., Kaiipbekova I. U. Victimization in Young Migrants from Central Asia and Transcaucasia	525	4
Repin M. V., Dolganov D. N. Controlled Future as a Factor of Human Behavior Intentionality	793	6
Romanova E. A., Brel E. Yu. Socialization of Students and Teachers in the Digital Educational Environment in the Context of the Theory of Generations	92	1
Sanzhaeva R. D., Mironova T. L., Shapkin N. S., Gunzunova B. A., Galsanova D. R. Conceptual Thinking as Part of Psychological Readiness of Younger Schoolchildren for Secondary School	533	4
Serova E. A., Klyueva N. V. Intergenerational Differences in Values and Volunteer Activity in Young and Senior Volunteers	454	4
Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A., Bryukhanov Y. I., Zhikharev A. Yu. Cognitive Behavioral Psychotherapy after COVID-19: Opportunities and Prospects	420	4
Sorokoumova S. N., Dunaeva N. I. Resistance to Adversities in Teenagers, High School Students, and University Students	802	6
Tsehmeistruk E. A., Shalina N. K., Kozlova N. V., Levickaya T. E. Dynamics of the Stress-Recovery Balance of Figure Skaters in the Context of Individual Psychological Support Programmes	106	1
Vikhman A. A., Galyuk N. A., Gorbunova I. V., Katkov V. L., Charny B. M. Development and Psychometric Analysis of a Questionnaire of Social-Emotional Competence of the Personality (QSECP)	493	4

Подписано к печати 20.12.2022.

Дата выхода в свет 27.12.2022.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 19,9. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.